

12035.

12035

✓

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ СИСТЕМЪ.

12035

929

966.

966.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ

СИСТЕМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

БРУНО ГИЛЬДЕБРАНДТА.

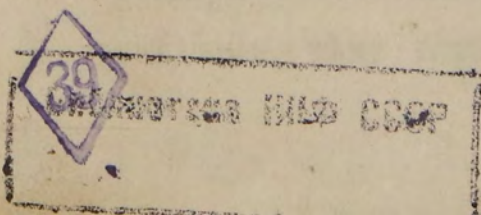
ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. БЕЗОБРАЗОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

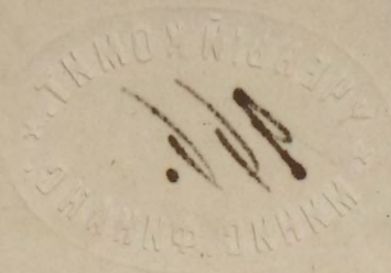
Изданіе типографіи В. Безобразова и Комп.

1861.

К

др.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

76668

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 4 Апрѣля 1861 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

Издавая на русскомъ языкѣ первый и единственный томъ извѣстнаго сочиненія марбургскаго профессора Бруно Гильдебрандта «Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft» (народная экономія настоящаго и будущаго), мы сочли полезнымъ дать русскому переводу иное заглавіе, нежели то, подь которымъ изданъ подлинникъ. Наше заглавіе ближе обозначаетъ содержаніе сочиненія, которое до сихъ поръ осталось не оконченнымъ, т. е., именно ограничилось изложеніемъ различныхъ экономическихъ системъ настоящаго и отчасти прошедшаго времени. Впрочемъ, первый томъ и на нѣмецкомъ языкѣ имѣетъ, кромѣ общаго, еще и свое особенное заглавіе «Die systeme der Nationalökonomie» (системы народной экономіи). Авторъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остановился на критикѣ существующихъ ученій экономической науки, остановился на тѣхъ отрицательныхъ матерьялахъ для пересозданія всей системы науки, для политической экономіи будущаго, къ числу которыхъ принадлежитъ его трудъ. Какъ ни желательно для всѣхъ служителей экономической науки дальнѣйшее продолженіе сочиненія Бруно Гильдебрандта, но причина такого продолжительнаго перерыва (первый томъ изданъ въ 1848 г.) весьма понятна. Чѣмъ обширнѣе и многостороннѣе его историческія и экономическія свѣдѣнія, чѣмъ глубже взглядъ на науку, чѣмъ вѣрнѣе пони-

маніе недостатковъ всѣхъ существующихъ экономическихъ системъ, тѣмъ осторожнѣе и воздержнѣе долженъ онъ быть приступая къ положительной части своего труда, къ построению новой системы, къ политической экономіи будущаго. Пусть эта воздержность послужитъ добрымъ примѣромъ и для русскихъ читателей его книги, слишкомъ часто бывающихъ свидѣтелями самаго легкомысленнаго обращенія съ наукою. Мы сочли нашею обязанностью сдѣлать нѣсколько примѣчаній къ нѣкоторымъ мѣстамъ предлагаемой книги; дѣлая эти примѣчанія, мы, безъ всякаго сомнѣнія, были далеки отъ мысли поправлять взгляды автора, не всегда сходные съ нашими взглядами. Мы сочли только не бесполезнымъ противопоставить воззрѣніямъ автора нѣсколько нашихъ мыслей, въ томъ убѣжденіи, что взаимное соприкосновеніе различныхъ понятій передъ умомъ читателя и собственное его сужденіе о тѣхъ и другихъ не бесполезно для успѣха и развитія экономическихъ свѣдѣній.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ послѣднее время наука политической экономіи вступила въ Германіи въ весьма важный періодъ своего развитія. Она перестала быть собственностію ученыхъ и дѣлается у насъ, какъ въ Англіи, достояніемъ народнаго знанія. Подобно тому, какъ во времена реформаціи, богословіе освободилось изъ запертыхъ жилищъ духовныхъ сословій, — точно также, въ настоящее время, политическая экономія перешла изъ кабинетовъ ученыхъ и съ академическихъ кафедръ на поприще публичной жизни; вопросы ея приводятъ въ движеніе народныя массы и она уже заявляетъ свои права на всѣ практическіе интересы народной жизни.

Это новое направленіе науки не должно насъ удивлять, потому что оно тѣсно связано съ развитіемъ политической жизни Германіи. Возрастаніе матерьяльнаго благосостоянія, въ теченіи болѣе чѣмъ тридцатилѣтняго періода мира, успѣхи умственнаго развитія въ средѣ ремесленнаго класса, также увеличившееся участіе его въ политическихъ и общественныхъ дѣлахъ, сверхъ того сближеніе разнородныхъ государствъ германской территоріи, послѣдовавшее за таможеннымъ союзомъ, наконецъ постепенно укрѣпляющееся во всѣхъ населеніяхъ народное самосознаніе, — все это внесло обсужденіе вопросовъ о общественномъ благосостояніи въ самую среду народной жизни и возбудило всеобщее стремленіе къ ихъ уясненію и разрѣшенію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ наши промышленныя обстоятельства находятся сами въ весьма знаменательномъ переходномъ состояніи. Рядомъ съ земледѣліемъ, наша фабричная дѣятельность сдѣлалась великою силою въ обществѣ. Ко всеобщему желанію достигнуть коммерческой независимости отъ иностранцевъ и установить болѣе однообразныя формы внутреннихъ торговыхъ отношеній, присоединилось множество другихъ практическихъ вопросовъ. Вопросы о введеніи общаго германскаго вексельнаго права и общаго почтоваго управленія уже сдѣлались въ административной сферѣ предметомъ обсужденія.

Споры о свободѣ торговли, о покровительственной системѣ, о таможенныхъ пошлинахъ, о навигаціонныхъ правахъ и т. д. сосредоточили на себѣ вниманіе всей нашей періодической литературы и ведутся съ одинаковою живостію, какъ между различными промышленными сословіями, такъ и между правительственными лицами различныхъ германскихъ государствъ. Недавній денежный кризисъ принуждаетъ къ усовершенствованію кредитной системы.

Всѣ стараются осуществить, одинъ послѣ другаго, проекты банковыхъ и кредитныхъ учрежденій; сверхъ того, давнишніе спорные вопросы, относительно необходимости ограниченій для свободы банковъ или относительно преимуществъ казенныхъ и частныхъ банковъ, ожидаютъ для себя разрѣшенія въ будущемъ.

Нищета рабочихъ классовъ преимущественно привлекла къ себѣ вниманіе всѣхъ образованныхъ людей. Беспорядки, бывшіе между ткачами Силезіи и Богеміи, подали поводъ не только къ частнымъ совѣщаніямъ въ различныхъ странахъ Германіи, съ цѣлію изысканія мѣръ для прекращенія этого зла, но и былъ предложенъ важный, всеобщій вопросъ, дѣлающійся болѣе и болѣе настоятельнымъ: именно, вопросъ о томъ, — „какой общественной реформы требуетъ постепенно раздвигающаяся пропасть между богатыми и бѣдными и какія обязанности налагаетъ на первыхъ право собственности?“ Болѣе всего поражаетъ насъ то, что люди, которые обыкновенно считались прежде за руководителей науки народнаго хозяйства, люди, подобные Герману, Рау, Небеніусу, молчатъ по всѣмъ этимъ спорнымъ вопросамъ, и что напротивъ того, люди исключительно практическіе и стоящіе въ средѣ жизненной дѣятельности, т. е. новое поколѣніе политическихъ литераторовъ совершенно овладѣло театромъ этой новой борьбы.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при подобныхъ обстоятельствахъ, когда множество умовъ вдругъ вступили въ область науки имъ неизвѣстной и сilyтся разрѣшить непривычныя для себя вопросы, самыя противоположныя возрѣнія перемѣшиваются между собой, и что понятія

зрѣлыя и незрѣлыя, правильныя и ложныя производятъ всеобщее замѣшательство въ мысляхъ и всеобщее броженіе экономическихъ началъ, которое едва ли можетъ въ скоромъ времени прекратиться.

Совершенно понятно, что этотъ процессъ броженія имѣлъ своимъ послѣдствіемъ внутренній процессъ броженія въ наукѣ. Множество положеній, считавшихся непреложными въ аудиторіяхъ, оказались неустойчивыми, выйдя на вольный воздухъ. Факты дѣйствительной жизни стали противорѣчить наукѣ. Статистическія данныя, употреблявшіяся какъ доказательства для научныхъ выводовъ, оказались неудовлетворительными и поверхностно составленными, или наконецъ изувѣченными для ложныхъ выводовъ. Если въ какой-нибудь области знанія оказывается необходимость въ новыхъ доказательствахъ для подтвержденія старыхъ положеній и началъ, то это особенно замѣтно въ наукѣ народнаго хозяйства.

Ко всему вышесказанному нужно присовокупить вліяніе одновременнаго экономического движенія въ другихъ странахъ Европы. Въ то время, какъ въ Англии, въ отчизнѣ нашей науки, вслѣдствіе сильной борьбы партій, правительство покинуло запретительную систему, подъ покровительствомъ которой возрасла вся англійская промышленность; въ то время, какъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ людей, сэръ Робертъ Пиль, публично призналъ заблужденіемъ всѣ существовавшія и имъ самимъ признававшіяся экономическія начала, и наконецъ въ то время, когда англійскій проповѣдникъ свободы торговли, Кобденъ, распространялъ Смитовскую теорію торговой политики во Франціи, въ Испаніи, въ Италіи и въ другихъ странахъ континента; въ это самое время, новое поколѣніе писателей Франціи, Бельгіи, Швейцаріи и Германіи нападаетъ на ту же самую старую школу Адама Смита и создаетъ для будущности человѣческаго общества новую систему народнаго хозяйства, какъ будто бы всемірная исторія должна снова начаться.

Намъ кажется, что девятнадцатое столѣтіе съ такою же бурною стремительностію желаетъ разрѣшить соціальныя и экономическія задачи, какъ семнадцатое столѣтіе занималось политическими вопросами. Это обстоятельство должно служить достаточнымъ для насъ основаніемъ, чтобы тѣмъ съ большею серъезностію приступить къ изслѣдованію нашей науки и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ предостеречь себя какъ отъ неподвижнаго застоя, такъ и отъ легкомысленнаго уничтоженія всего прежде насъ сдѣланнаго въ этой области знанія.

Въ предстоящемъ сочиненіи нашемъ мы дѣлаемъ попытку осуществить вышесказанную задачу; также отыскать, среди анархіи господ-

ствующи́хъ ми́ръ въ экономической наукѣ, путь для будущности; вслѣдствіе чего мы должны прежде всего подвергнуть критическому разбору всѣ существующія и частію уже окрѣпнувшія, частію же только въ недавнее время возникнувшія начала и системы политической экономіи.

Въ настоящее время экономическая наука находится въ состоянии глубокаго кризиса. Старыя системы, которыя были господствующими въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, теперь уже не удовлетворяютъ потребностямъ современнаго общества. Мы должны обратиться къ новымъ источникамъ истины и къ новымъ методамъ исследования. Только такъ можно надеяться на то, что экономическая наука достигнетъ той степени совершенства, которая необходима для того, чтобы служить истинно полезнымъ средствомъ для улучшения участи человѣчества.

Въ настоящее время экономическая наука находится въ состоянии глубокаго кризиса. Старыя системы, которыя были господствующими въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, теперь уже не удовлетворяютъ потребностямъ современнаго общества. Мы должны обратиться къ новымъ источникамъ истины и къ новымъ методамъ исследования. Только такъ можно надеяться на то, что экономическая наука достигнетъ той степени совершенства, которая необходима для того, чтобы служить истинно полезнымъ средствомъ для улучшения участи человѣчества.

Въ настоящее время экономическая наука находится въ состоянии глубокаго кризиса. Старыя системы, которыя были господствующими въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, теперь уже не удовлетворяютъ потребностямъ современнаго общества. Мы должны обратиться къ новымъ источникамъ истины и къ новымъ методамъ исследования. Только такъ можно надеяться на то, что экономическая наука достигнетъ той степени совершенства, которая необходима для того, чтобы служить истинно полезнымъ средствомъ для улучшения участи человѣчества.

Въ настоящее время экономическая наука находится въ состоянии глубокаго кризиса. Старыя системы, которыя были господствующими въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, теперь уже не удовлетворяютъ потребностямъ современнаго общества. Мы должны обратиться къ новымъ источникамъ истины и къ новымъ методамъ исследования. Только такъ можно надеяться на то, что экономическая наука достигнетъ той степени совершенства, которая необходима для того, чтобы служить истинно полезнымъ средствомъ для улучшения участи человѣчества.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

АДАМЪ СМИТЪ И ЕГО ШКОЛА.

§ 1.

Очеркъ ученія меркантилистовъ и фізіократовъ.

Для лучшаго уразумѣнія экономическихъ системъ, какъ общепринятыхъ въ настоящее время, такъ и стремящихся еще къ приобрѣтенію правъ гражданства, необходимо взять за точку отправленія — шотландскаго экономиста Адама Смита. Писатель этотъ есть, собственно говоря, основатель экономической науки; онъ принадлежитъ къ тѣмъ великимъ мыслителямъ, къ которымъ можно примѣнить изрѣченіе поэта: „Когда цари строятъ, тогда на долю и простыхъ работниковъ приходится много дѣла“. Правда, что уже до Адама Смита борьба естественнаго хозяйства, завѣщаннаго средними вѣками, съ денежнымъ хозяйствомъ, внезапно и могущественно распространившимся, выработала экономическое сознаніе, которое и высказалось въ теоріяхъ меркантилистовъ и фізіократовъ. Но эти ученія занялись только практическими вопросами, поставленными политикою времени, и не могли поэтому глубоко проникнуть въ смыслъ экономическихъ явленій.

Меркантилисты, увлеченные излишнимъ превознесеніемъ новыхъ орудій мѣны, смотрѣли на государства какъ на искусственныя теплицы городскихъ промысловъ, въ которыхъ правительства должны воспитывать, помощью монополій, привозныхъ и вывозныхъ пошлинъ, премій и другихъ искусственныхъ мѣръ, всѣ отрасли фабричной промышленности и торговли, съ цѣлію приобрѣсть для народа и для казны возможно болѣе денегъ.

Фізіократы, напротивъ того, хотѣли превратить государства въ искусственныя поля, отъ которыхъ должны быть отстранены не только

всѣ растенія человѣческаго искусства, но и всякая помощь промышленности отъ правительства и воспитаніе ея (*).

Обѣ теоріи соотвѣтствовали исключительнымъ интересамъ извѣстныхъ классовъ производителей и извѣстнымъ политическимъ системамъ. Первая была экономическая теорія деспотизма, вызванная открытіемъ сокровищъ Новаго Свѣта и основанная на римской государственной практикѣ Юстиніановой эпохи ⁽¹⁾; вторая была теоріей революціи.

(*) Авторъ слишкомъ сурово отзывается о фізіократахъ, тѣмъ болѣе, что ставитъ ихъ какъ будто на одну доску съ меркантилистами; заслуги первыхъ и передъ наукою и передъ практическою жизнію далеко превосходятъ заслуги послѣднихъ. Во всякомъ случаѣ, если фізіократы, вслѣдствіе крайностей промышленныхъ и финансовыхъ системъ предъидущаго времени, вдалились въ слишкомъ исключительную заботливость о земледѣльческихъ интересахъ (заботливость, невыходившую однако изъ предѣловъ естественнаго развитія), то совершенно несправедливо обвинять ихъ въ желаніи устранить всѣ прочіе промышленные интересы и произведенія, болѣе искусственной человѣческой дѣятельности, какъ напр. мануфактуры. — В. Б.

⁽¹⁾ Вліяніе римскаго права на европейскую государственную экономію XVI и XVII столѣтій заслуживаетъ основательнаго и подробнаго изслѣдованія. Хотя взглядъ меркантилистовъ на деньги и былъ чуждъ Римлянамъ, но тѣмъ не менѣе римское право способствовало существеннымъ образомъ, въ эпоху реформации, побѣдѣ денежнаго хозяйства надъ естественнымъ; хотя уже въ средніе вѣка являлись учрежденія въ духѣ меркантильной системы, однако тѣмъ не менѣе большая часть постановленій ремесленной полиціи и финансоваго управленія того времени заимствованы изъ римскаго права. Мы подразумѣваемъ здѣсь: утвержденныя правительствомъ таксы на предметы продовольствія и на задѣльную плату, запрещеніе вывоза, монопольную систему, казенныя фабрики, правильное прямое обложеніе налогомъ поземельной собственности, въ связи съ новымъ ученіемъ о фискѣ, отдачу на откупъ сбора пошлинъ и наконецъ тѣ личныя подати, которыми исключительно были обложены нѣкоторые классы жителей, и т. д.

Примѣчаніе. Отдѣльно разсѣянные положенія меркантильной системы встрѣчаются въ XVI столѣтіи уже у многихъ политическихъ писателей (какъ напр. у *Бекона Веруламскаго*, Sermon fidel. 15; de seditionibus et turbis. 30, de usura sive foenore, и т. п.); но совершенно полная система меркантилизма сложилась въ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ, послѣ того, какъ ей уже предшествовала государственная практика. Итальянецъ *Гаспаръ Скаруффи* (Discorso sopra le monete e della vera proporzione fra l'oro e l'argento, 1582) и *Бернардъ Даванцати* (Lezione sulle monete, Firenze 1588) несправедливо причислены къ меркантилистамъ. Эти сочиненія заключаютъ въ себѣ предположенія относительно улучшенія монетной системы. Менѣе же всего можно видѣть во французскомъ ученомъ *Ю. Боденъ* (six livres de la république, Paris 1576) представителя меркантильной системы въ наукѣ общественной экономіи. Писатель этотъ начинаетъ главу о деньгахъ поговоркой: „сила республики заключается въ деньгахъ“, что приводится, обыкновенно, какъ доказательство его меркантильныхъ экономическихъ убѣжденій; но онъ дѣлаетъ это для того только, чтобы обратить болѣе вниманіе на важность главы о деньгахъ;

Первая имѣла своею цѣлію искусственное производство на счетъ государства и для государства; вторая только естественное, совершенно независимое отъ государства, производство на счетъ народа и для на-

въ дальнѣйшемъ же развитіи своего взгляда на предметъ онъ именно является противникомъ меркантильной системы. Такъ какъ упомянутое заблужденіе насчетъ Бодена перешло и въ новѣйшіе экономическіе учебники, то мы приведемъ главныя основанія его экономическихъ убѣжденій, которыя писатель этотъ частію повторилъ позже, въ особой своей диссертациі (adversus Paradoxa Malastreti, Paris 1586), подкрѣпивъ ихъ подробными доводами. Онъ говоритъ о деньгахъ въ одной главѣ, по поводу своего спора съ тѣми, которые хотѣли въ его время понизить налоги до тѣхъ размѣровъ, въ которыхъ они взимались при Лудовикѣ XII. Боденъ говоритъ, (на страницѣ 1028-й и слѣдующихъ латинскаго октавнаго изданія), и приводитъ множество примѣровъ изъ древняго міра и изъ XVI столѣтія:

1) Чѣмъ болѣе увеличивается предложеніе какого нибудь произведенія, тѣмъ болѣе уменьшается его цѣнность; что относится какъ къ благороднымъ металламъ, такъ и къ деньгамъ.

2) Чѣмъ болѣе уменьшается цѣнность денегъ, тѣмъ болѣе увеличивается цѣна произведеній; послѣднее положеніе было уже достаточно доказано привозомъ денегъ изъ Вестъ-Индіи, увеличившимъ въ десять разъ цѣнность всѣхъ произведеній.

3) Съ уменьшеніемъ цѣнности денегъ, увеличивается цѣна на всѣ недвижимыя имущества, также сумма всякой платы и всякаго денежнаго вознагражденія; процентъ же на капиталъ понижается.

4) Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, избытокъ благородныхъ металловъ не составляетъ еще народнаго богатства; запрещеніе же на вывозъ золота и серебра тѣмъ болѣе бесполезно, что потребность торговли повсемѣстно дѣйствуетъ такъ, что внѣ ея сферы монета не имѣетъ значенія (сравни стран. 1076). Въ другомъ мѣстѣ (на стран. 1016 и слѣд.), гдѣ говорится о пошлинахъ, онъ требуетъ высокаго тарифа на вывозъ предметовъ продовольствія, низкихъ пошлинъ на привозъ предметовъ продовольствія и сырыхъ продуктовъ, и высокаго тарифа на привозъ фабричныхъ произведеній; послѣднее предлагается имъ не въ видахъ увеличенія денежнаго богатства страны, но для поддержанія ея промышленной производительности и для обезпеченія необходимыхъ средствъ продовольствія народа.

Первые теоретическіе меркантилисты суть: въ Италіи, Неаполитанецъ *Антоній Серра* (Breve trattato delle cause che possono far abbondare li regni d'oro e d'argento, dove non sono miniere. Roma, 1613; и въ I томѣ *Scrittori classici italiani di economia politica*, Milano 1803); въ Англіи *Томасъ Муно* (a discourse of trade from England into the East-Indies, London 1609, и *Englands treasure by foreign trade*, London 1664); во Франціи, *Ж. Ф. Мелонъ* (Essai politique sur le commerce, Amsterdam, 1734 и въ первомъ томѣ *Economistes financiers du XVIII siècle*, ed. par M. Eugène Daire. Paris 1843); въ Германіи, *И. Клокія* de contributionibus (1634 in Fol.) и de aerarie (Norimb. 1651 in Fol.) и статья *Горнека* объ Австріи, 1654. Остальную литературу, по этому предмету, см. въ руководствѣ *Штейнлейнса*, т. I Мюнхенъ 1831, стран. 19 и слѣд.

Первыя начала ученія физиократовъ о народномъ хозяйствѣ развились въ Англіи во времена революціи. *Льюисъ Робертсъ* писалъ противъ запрещенія ввоза золота и

рода. Первая была теоріей для привилегированныхъ фабрикантовъ и купцовъ; вторая была теоріей для сельскаго хозяйства и крестьянскаго сословія, дотолѣ поработеннаго и долженствовавшаго получить освобожденіе отъ оковъ феодальной зависимости.

§ 2.

Система Смита.

Послѣ того, какъ въ Европѣ окончилась борьба между естественнымъ хозяйствомъ и денежнымъ, и послѣднее приближалось гигантскими шагами къ своей окончательной побѣдѣ, Смитъ создалъ первую полную теорію народнаго хозяйства. Въ ученіи Смита впервые поставлены были на видъ, подлѣ интересовъ производителей, интересы потребителей (*) и

серебра (the treasure of traffick, 1641); о полной же свободѣ торговли писалъ *Дудлей Нортъ* (discourses upon trade, 1691). Преимущественно же, философъ *Джонъ Локке* старался доказать, что деньги имѣютъ только цѣнность воображаемую, единственно основанную на взаимномъ согласіи людей, но что, главнымъ образомъ, все заключается въ трудѣ, употребленномъ на земледѣліе и на воспроизведеніе сырыхъ продуктовъ; вслѣдствіе чего только недвижимая собственность и должна быть обложена налогомъ. Смотри: Two treatises of Government: in the former the false Principles and Foundation of Sir Robert Filmer are detected and overthrown. The latter is an Essay concerning the true original Extent, and End of Civil Government, London 1689;—именно во второмъ сочиненіи въ главѣ 5-й; далѣ Some considerations of the consequences of the lowering of Interest and raising the value of money. In a letter sent to a member of Parliament, ibid. 1691.—Short Observations on a printed Paper, intituled, For incouraging the Coining silver Money in England, and after for keeping it here, ibid. 1695. Farther Observations concerning raising the Value of money, ibid. 1696.

Изъ Англіи взглядъ этотъ распространился и на Францію, вмѣстѣ съ политическими теоріями о революціи. Въ этой странѣ ученіе это высказалось, впервые, въ сочиненіи знаменитаго маршала *Вобана*, De la Dime royale (1707 Qu. и въ 1-й части Economistes financiers), позже въ извѣстномъ сочиненіи старшаго *Мирабо* (Pami des hommes, ou traité de la population, Avignon 1756. Théorie de l'impôt, Paris 1760. La philosophie rurale, Paris 1763) и у *Ф. Кене* (Tableau économique avec son explication, Versailles 1758. Maximes générales de gouvernement économique et d'un royaume agricol, Versailles 1758. La physiocratie, ou constitution naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humain. Recueil des traites du Dr. Quesnay, publié par S. Dupont, Paris 1768), которые разработали его до крайнихъ выводовъ. Въ Германіи, ученіе физиократовъ изложено самымъ яркимъ образомъ *Шмальцемъ*, въ его наукѣ государственной экономіи, сочиненной въ письмахъ, обращенныхъ къ одному нѣмецкому наслѣдному принцу, въ 1818 году.

(*) Физиократы или французскіе экономисты XVIII столѣтія старались во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ постоянно обращать вниманіе на интересы потребителей, и имъ вполне принадлежитъ честь идеи о гармоніи и единствѣ экономическихъ интересовъ въ обществѣ. — В. Б.

изслѣдованы были условія, способствующія матерьяльному богатству народовъ. Онъ показалъ, что народъ можетъ удовлетворять своимъ потребностямъ, единственно, произведеніями своего труда и потому можетъ увеличить запасъ средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія своихъ потребностей, т. е. своихъ экономическихъ благъ, частію ограниченіемъ своихъ потребностей, частію же усиленіемъ и усовершенствованіемъ своего труда. По его убѣжденію, средствомъ для достиженія первой цѣли, служить уменьшеніе въ странѣ массы производительнаго народонаселенія; для второй цѣли приложеніе къ производству раздѣленія занятій. Последнее хотя встрѣчаетъ въ величинѣ рынка естественныя для себя границы, но тѣмъ не менѣе всегда подлежитъ большому развитію. Раздѣленіе занятій предполагаетъ капиталъ, т. е. накопленный запасъ произведеній труда и удобное орудіе мѣны (т. е. деньги), и придаетъ каждому произведенію, кромѣ его потребительной цѣнности (*value in use*), цѣнность мѣновую (*value in change*), которая исключительно и рассматривается въ общественной экономіи. Трудъ, употребленный на изготовленіе какого нибудь товара, есть та первоначальная цѣна, за которую каждый уступаетъ свой товаръ; съ раздѣленіемъ же занятій, каждый можетъ удовлетворить только весьма незначительной части своихъ потребностей, своимъ собственнымъ трудомъ; большую часть вещей для своихъ нуждъ онъ долженъ пріобрѣсть чрезъ трудъ другихъ людей. Потому мѣновая цѣнность произведеній состоитъ уже изъ того количества труда, которое производитель можетъ на нихъ вымѣнять. При каждой мѣнѣ обмѣниваются лишь извѣстныя количества труда, и трудъ есть настоящее мѣрило мѣновой цѣнности и единственная первоначальная цѣна всякаго предмета.

При дальнѣйшемъ развитіи цивилизаціи, послѣ водворенія поземельной собственности и накопленія капиталовъ, цѣнность всякаго произведенія состоитъ не только изъ заработной платы, но и изъ процента на капиталъ и изъ поземельной ренты. Работникъ долженъ уступить часть произведенной имъ цѣнности собственнику земли, давшему ему матерьяль, и часть—капиталисту, давшему ему средства къ работѣ.

Величина заработной платы соразмѣряется тогда частію съ цѣною необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ, частію же съ отношеніемъ числа рукъ, предлагающихъ свой трудъ, къ числу рукъ, требующихъ труда; или другими словами: заработная плата зависитъ отъ отношенія количества людей, ищущихъ труда, къ количеству капиталовъ, ищущихъ работниковъ. Отношеніе это опредѣляетъ также величину прибылей капитала; прибыль съ капитала и заработная плата находятся другъ къ другу въ обратной пропорціи. Чѣмъ меньше капиталовъ и чѣмъ больше

рабочихъ рукъ, ищущихъ себѣ занятія, тѣмъ меньше заработная плата и выше доходъ съ капитала. Напротивъ того, чѣмъ больше запасъ капиталовъ, по отношенію къ наличному числу рабочихъ рукъ, тѣмъ выше заработная плата и ниже доходъ съ капитала. Потому успѣхи общественнаго благосостоянія, возвышая заработки работниковъ, уменьшаютъ доходъ капиталистовъ. Наконецъ поземельная рента, т. е. плата собственнику за пользованіе его землею, есть излишекъ дохода отъ земли противъ издержекъ на ея обработку и также противъ процента на капиталъ, затраченнаго на земледѣліе. Рента эта зависитъ частію отъ количества, частію отъ цѣны произведеній земли.

Такимъ способомъ раскрываетъ Адамъ Смитъ экономическіе законы, обуславливающіе величину и взаимное отношеніе трехъ составныхъ частей цѣны всѣхъ произведеній народа; на основаніи этихъ законовъ, при посредствѣ торговли, общій годовой народный доходъ распределяется между тремя классами производителей: работниками, землевладѣльцами и капиталистами, соразмѣрно участию каждаго въ народномъ производствѣ. Высокая задѣльная плата, высокая поземельная рента и низкій процентъ на капиталъ составляютъ наивыгоднѣйшія экономическія условія для всей совокупности общества.

Успѣхи какъ производства богатства, такъ и его распредѣленія, требуютъ свободы мѣны; послѣдняя есть ничто иное, какъ естественная необходимость публичнаго обращенія цѣнностей и доставляетъ каждой отдѣльной производительной силѣ возможность дѣйствовать и имѣть вліяніе на самомъ выгодномъ для себя мѣстѣ. Правительство обязано только обезпечить обществу охрану закона и имѣть учрежденія, превышающія частныя средства отдѣльныхъ лицъ.

§ 3.

Мѣсто, принадлежащее системѣ Смита въ исторіи народнаго хозяйства.

Адамъ Смитъ, въ отдѣльныхъ частяхъ своей теоріи, имѣлъ предшественниковъ. *Гоббесъ* ⁽¹⁾, въ прошедшемъ столѣтіи, считалъ трудъ и бережливость главными основаніями народнаго богатства. *У Локке* ⁽²⁾

(1) *Elementa philosophica de cive*, Amst. 1646, Cap. XIII, § 14. Ad locupletandos cives necessaria duo sunt, labor et parsimonia; conducit etiam tertium, nempe terrae aquaeque proventus naturalis; — priora duo sola necessaria sunt.

(2) Въ сочиненіи: *two treatises of Government*, II. Cap. 5, въ которомъ *Локке* изслѣдуетъ происхожденіе собственности; онъ доказываетъ, что только трудъ

и у *Петти* (3) можно найти зародышъ его теоріи цѣнности; у *Мандвилля* (4), 1714, не говоря уже о писателяхъ древняго міра (5), его начало раздѣленія занятій. Юмъ былъ непосредственнымъ его учителемъ, и удивительныя, по ясности и остротѣ, воззрѣнія и политическіе опыты (6) этого писателя, главнымъ образомъ, возбудили дѣятельность Адама Смита. Впрочемъ, о какомъ геніи науки нельзя сказать того же самага?

Въ исторіи науки народнаго хозяйства, Смитъ занимаетъ такое же мѣсто, какое Кантъ въ исторіи философіи. До Канта источникомъ познанія истины признавали то природу, или опытъ, то внутренняго человѣка, или разумъ; и такимъ образомъ создавали то эмпиризмъ, то догматизмъ. Кантъ, въ своей *критикѣ чистаго разума*, въ первый разъ, изслѣдовалъ способности человѣка къ познанію истины.

Такъ до Адама Смита сперва признавали исключительнымъ источникомъ общественнаго богатства человѣка и его искусство, а потомъ природу. Смитъ первый изслѣдовалъ экономическія свойства человѣческаго общества. Что особенно отличаетъ его произведенія, это ясная, пластическая метода изложенія. Подобно *Юстусу Мозеру*, въ его патріотическихъ фантазіяхъ, Адамъ Смитъ строитъ общія положенія своего ученія на удачно подобранныхъ фактахъ; онъ постоянно возводитъ читателя,

человѣческой дѣлаетъ годными къ употребленію дары природы; отъ чего и приводитъ къ собственности и сообщаетъ произведеніямъ цѣнность. Въ § 40 онъ говоритъ: „только одинъ трудъ и производитъ разницу въ цѣнности произведеній, и всякій, кто обратитъ вниманіе на разницу между пространствомъ земли, засѣянною табакомъ или сахаромъ, пшеницею или рожью, и пространствомъ такой же земли невоздѣланной, найдетъ, что усовершенствованіе почвы, посредствомъ труда, и составляетъ главную ея цѣнность. Я думаю, что расчетъ мой будетъ очень умѣренъ, если я скажу, что $\frac{9}{10}$ въ произведеніяхъ земли, нужныхъ для жизни, суть послѣдствія труда. Если мы будемъ оцѣнивать всѣ вещи въ томъ видѣ, какъ онѣ нами употребляются, и исчислимъ то, что въ издержкахъ на производство ихъ принадлежитъ природѣ и что труду, то найдемъ, что $\frac{99}{100}$ непременно принадлежатъ труду“.

(3) William Petty, *Treatise of taxes and contributions*, 1679.

(4) *Fable of the bees, or private vice publick benefit*. London 1714.

(5) Извѣстно, что у древнихъ принципъ раздѣленія занятій былъ очень ясно высказанъ многими писателями, именно: Платономъ, *De re publica* II, 370, и Ксенофонтомъ: *Cyropaed.* VIII, 2, 5. Сравни мою статью: *Xenophontis et Aristotelis de oeconomica publica doctrinae*, P. I. Marburgi 1845, стр. 13.

(6) David Hume: *Essays, moral, political and literary*, Edinburgh 1742; также въ его сочиненіи, обработанномъ и дополненномъ новыми выводами, подъ заглавіемъ: *Essays and treatises on several subjects*, London 1753. 4 vol. Сочиненія, относящіяся къ народному хозяйству, помѣщены въ нѣмецкомъ переводѣ *Иакова Крауса* (*Vermischte Schriften*, Königsberg 1813, B. 7).

изъ глубины дѣйствительной жизни, на высоту отвлеченныхъ истинъ, потомъ снова приводитъ къ дѣйствительности жизни, и наконецъ ко всему этому присоединяетъ самыя поучительныя историческія изысканія.

§ 4.

Послѣдователи Смита.

Твореніе Адама Смита, появившееся въ 1776 году ⁽¹⁾, пятью годами ранѣ Кантовой критики чистаго разума, было переведено почти на всѣ европейскіе языки, и къ концу прошлаго столѣтія выдержало десять оригинальныхъ изданій. Первые двадцать лѣтъ послѣ своего появленія, оно было только предметомъ всеобщаго восхищенія современниковъ, или непониманія со стороны стараго поколѣнія. Въ то время появлялись только объяснительные комментаріи на него, общепонятныя извлеченія, систематическія изложенія и тому подобныя сочиненія ⁽²⁾, имѣвшія цѣлю распространеніе новаго ученія. Лишь въ нынѣшнемъ столѣтіи критика ⁽³⁾ осмѣлилась прикоснуться къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ его воззрѣніямъ и стала пополнять пробѣлы, оставленные великимъ учителемъ, или исправлять нѣкоторыя положенія, опровергнутыя опытами жизни.

Каждый народъ исполнилъ это дѣло по своему; такъ что въ

(1) An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations, by Adam Smith. 2 vol. London 1776.

(2) Замѣчательнѣйшія, сюда относящіяся, сочиненія: въ Англіи *Іеремія Жойсе*, a complete analysis of Adam Smith's inquiry etc. London 1797; — Во Франціи комментаріи *Кондорсе* къ французскому переводу сочиненія Смита, изданнаго *Руше-роль*, Парижъ 1790; объясненія *Гарнье* къ собственному своему переводу, Парижъ 1802, и 1822 *Сей*, traité d'économie politique, ou simple exposition de la manière dont se forment, se distribuent, et se consomment les richesses. Paris 1803. 2 vol. и позже въ другихъ новыхъ изданіяхъ; въ Германіи, *Ж. Сарториуса*, Handbuch der Staatswirthschaft, Berlin 1796; — Von den Elementen des National-Reichthums und von der Staatswirthschaft, nach Adam Smith, Gött. 1806; — Die Elemente des Nationalreichthums und die Staatswirthschaft betreffend. I Theil, Göttingen 1806; — *А. Ф. Людера*: Ueber National-Industrie und Staatswirthschaft, nach Adam Smith bearbeitet. Berlin 1800—1804. 3 Th. — Die National-Industrie und ihre Wirkungen. Braunschweig 1808. — *Е. Х. Иакоба*: Grundsätze der National-Oeconomie, oder National-Wirthschaftslehre, Halle 1805. — *И. Крауса*: Nationalwirthschaft, послѣ его кончины изданное *Х. Ауерсвальдомъ*, Königsberg 1808 — 1811. 5 Th. Aufsätze über staatswirthschaftliche Gegenstände. Königsberg 1808. 2 Th.

(3) Первая серьезная критика принадлежитъ Графу *Лаудерделю*: an Inquiry into the nature and origin of public wealth and into the means and causes of its increase. Edinb. 1804. Нѣмецкій переводъ *Х. Шена*. Berlin 1808.

послѣдователяхъ Смита видѣнъ отгѣнокъ разныхъ національностей. Французы дали самыя ясныя и талантливыя изложенія всей системы въ поученіе всѣхъ образованныхъ людей Европы; сверхъ того улучшили и пополнили многое новыми отдѣльными взглядами (4). Англичане обратили свое вниманіе преимущественно на практику и на практическую потребность предмета и изслѣдовали, на основаніи многочисленныхъ опытовъ, отдѣльныя стороны ученія (5). Нѣмцы преимущественно улучшили философскія начала экономической науки (6); она составила бѣольшую часть университетскихъ курсовъ и систематическихъ учебниковъ (7). Тѣмъ не менѣе и у Нѣмцевъ, въ послѣднее время, не было недостатка въ самостоятельныхъ и хорошихъ спеціальныхъ трудахъ. Именно *Небеніусъ* (8) и *Баумштаркъ* (9) посвятили свои основательныя изслѣдованія ученію о кредитѣ; *Германнъ* (10) — теоріи цѣнъ и капитала, *фонъ-Тюненъ* (11) отношенію между разными системами земледѣлія и

(4) Замѣчательнѣйшіе: *И. Б. Сей*, который, въ новыхъ изданіяхъ своего сочиненія (выше названнаго), включилъ въ понятіе о богатствѣ невещественныя цѣнности и природныя или пріобрѣтенныя способности человѣка, также рядомъ съ производительностію человѣческаго труда поставилъ больше на видъ производительность силъ природы. *Sismondi de la richesse commerciale ou principes de l'économie politique appliqués à la législation du commerce*. Genève 1803, 2 vol.; также *Nouveaux principes d'économie politique*. Paris 1819. 2 T.; писатель этотъ указалъ на отношеніе вещественнаго богатства къ общественному благосостоянію и присвоилъ государству болѣе положительное вліяніе на народное хотѣйство, въ особенности же на возможно-равномѣрное распредѣленіе богатства. Въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ, онъ приблизился гораздо болѣе къ направленію социалистовъ.

(5) Сюда принадлежатъ особенно *Роб. Мальтусъ*, *An essay on the principle of population*. London 1806. На нѣмецкій перевелъ *Гегелинъ*, Альтона 1807. Статьи *Рикардо*, смотр. § 5 и многочисленныя, бѣглыя и на разные случаи писанныя статьи *Р. Торренса*.

(6) Такъ *Г. Губеландъ*, *Neue Grundlegung der Nationalwirthschaftskunst durch Prüfung und Berichtigung ihrer Hauptbegriffe*. 1 B. Giessen und Wetzlar 1807. *Лотцъ*, *Revision der Grundbegriffe der Nationalwirthschaftslehre*. Kob. u. Leipzig 1811—14. 4 Bd., и *К. Томасъ*: *Die Theorie des Verkehrs*. Первая часть: *die Grundbegriffe der Güterlehre*. Berlin 1841.

(7) Лучшіе *Лотцъ*: *Handbuch der Staatswirthschaftslehre*. 2-го изд. Erlangen 1837—38. 3 Bd., и *Рай*: *Lehrbuch der Politischen Oeconomie*, 5 изд., Heidelberg 1841, 3 Bd. Первое сочиненіе отличается ясностью изложенія; второе — богатствомъ хорошо подобранныхъ статистическихъ матерьяловъ.

(8) *Der öffentliche Credit*, 2 из. Karlsruhe u. Baden 1829.

(9) *Staatswissenschaftliche Versuche über Staatskredit, Staatsschulden und Staatspapiere*. Heidelberg 1833.

(10) *Staatwirthschaftliche Untersuchungen*. München 1832.

(11) *Der isolirte Staat, in Beziehung auf Landwirthschaft und Nationaloekonomie*. Hamburg 1826. 2 изд. 1842.

цѣнами его произведеній. Съ практической точки зрѣнія, *І. Г. Гоффманъ* создалъ для ученія о монетѣ, о налогахъ и о ремесленномъ правѣ вполнѣ образцовыя монографіи.

§ 5.

Давидъ Рикардо.

Болѣе всѣхъ замѣчательный и болѣе выступающій изъ ряда исправителей ученія *А. Смита*, былъ Англичанинъ *Рикардо*, человекъ, обладавшій, вмѣстѣ съ необыкновенною врожденною тонкостью ума, обширною опытностью, пріобрѣтенною на всемірныхъ торговыхъ рынкахъ. Подобно большей части политическихъ писателей Англии, *Рикардо* приложилъ всю ученую дѣятельность къ разработкѣ важнѣйшихъ современныхъ политико-экономическихъ вопросовъ своего отечества и въ особенности объ англійскихъ банкахъ ⁽¹⁾, и не только разработалъ эти предметы съ огромнымъ умственнымъ превосходствомъ надъ своими противниками, но вмѣстѣ съ тѣмъ привелъ къ открытію новыхъ основныхъ законовъ общественной экономіи. Въ 1817 году онъ издалъ большое сочиненіе, заключающее въ себѣ всѣ тѣ положенія науки, въ которыхъ онъ отступилъ отъ ученія *Смита*. Сочиненіе это, извѣстное подъ заглавіемъ: *On the principles of political economy and taxation* ⁽²⁾, особенно отличается, отъ сочиненій *Смита* своимъ отвлеченнымъ, почти математическимъ изложеніемъ. Особенный взглядъ *Рикардо* на мѣновую цѣнность произведеній и на поземельную ренту составляютъ тѣ основныя начала, отъ которыхъ исходитъ его ученіе и къ которымъ онъ постоянно возвращается. *А. Смитъ* полагалъ, что мѣновая цѣнность произведеній зависитъ отъ количества труда, которое можетъ быть получено на рынкѣ въ обмѣнѣ на произведенія. Напротивъ того, утверждалъ *Рикардо*, кромѣ рѣдкости товара, мѣновая цѣнность его опредѣляется тѣмъ количествомъ труда, которое необходимо для производства его самого.

Смитъ видитъ въ поземельной рентѣ необходимую часть цѣны произ-

⁽¹⁾ Его сочиненія суть слѣдующія: *The high price of Bullion, a proof of the depreciation of Bank notes.* London 1809. *Reply to Mr. Bosanquet's Practical observations on the Report of Bullion Committee.* London 1811. *An Essay on the Influence of a low Price of Corn on the profits of Stock, shewing the Inconveniency of Restrictions on Importation, with remarks on Mr. Malthus's two last publications.* London 1815. *Proposals for an economical and secure Currency; with observations on the Profits of the Bank of England.* London 1816. *Protection to Agriculture,* London 1822).

⁽²⁾ Съ англійскаго переведено и объяснено *Е. Бауштаркомъ* d. *Ricardo's Grundsätze der Volkswirtschaft und der Besteuerung.* Leipzig 1837—38, 2 Bb.

веденій земли; онъ признавалъ за каждою почвою ренту и считалъ, что она зависитъ частію отъ количества, частію отъ цѣнности урожая. Напротивъ того, по мнѣнію Рикардо, поземельная рента не падаетъ на счетъ цѣны произведеній земли, рента не можетъ быть извлечена изъ каждаго пространства земли и не зависитъ отъ количества и цѣнности урожая. Поземельная рента возникаетъ, послѣ водворенія поземельной собственности, только тогда, когда земля не можетъ уже быть занимаема и обрабатываема по произволу каждаго. Возрастаніе народонаселенія и съ тѣмъ вмѣстѣ возрастаніе потребности въ произведеніяхъ земли при- нуждаютъ: или воздѣлывать эти произведенія на почвахъ болѣе и болѣе худшаго качества, или все болѣе и болѣе усиливать обработку той же самой почвы и прилагать къ ней больше труда и капитала. Такъ какъ поземельная рента состоитъ изъ излишка дохода, остающагося отъ расходовъ производства и процентовъ на затраченный капиталъ, то она и соразмѣряется съ тѣмъ разрядомъ самыхъ худшихъ земель, на кото- рыхъ распространилась обработка, послѣ земель лучшихъ разрядовъ, или соразмѣряется съ прибыльностью послѣднихъ, приложенныхъ къ землѣ: труда и капитала.

Этотъ послѣдній разрядъ обработанныхъ земель или послѣднее приложеніе труда и капитала не приносятъ ренты: доходъ отъ нихъ покрываетъ только расходы производства и проценты на капиталъ. Напротивъ того, лучшая, или лучше обработанная, земля даетъ тѣмъ бѣольшую ренту, чѣмъ болѣе доходъ съ нея превышаетъ доходъ съ разряда земель хуже всѣхъ обработаннаго, или самаго худшаго качества.

Вслѣдствіе сего поземельная рента каждаго участка земли равна разницѣ между доходомъ съ него и доходомъ самаго дурнаго, или всѣхъ хуже обработаннаго, разряда земель. Исходя отъ этихъ двухъ основныхъ положеній, Рикардо приходитъ къ иному (нежели А. Смитъ) взгляду на составныя части цѣны товаровъ и на заработную плату, также на процентъ съ капитала и на бумажныя деньги, и наконецъ прилагаетъ результаты своихъ изслѣдованій, подобно А. Смиуту, къ теоріи налоговъ ⁽³⁾. Изъ всего вышеизложеннаго можно видѣть, что отступленія Рикардо и его школы ⁽⁴⁾ отъ системы Смита, хотя и весьма существенныя, не относятся ни къ точкѣ его воззрѣнія, ни къ основ-

⁽³⁾ Сравненіе между А. Смитомъ и Рикардо сдѣлано очень удачно *Баумстаркомъ* въ его объясненіяхъ къ Рикардо, стр. 263 и слѣд.

⁽⁴⁾ Къ послѣдователямъ Рикардо принадлежатъ *Джемсъ Миль*, *Elements of political economy*. London 1821.—*Маккьюлокъ*, *Principles of political economy*. Edinb. 1825 и *Т. Кунсей*, *The Logik of political economy*. Edinb. and London 1844.

нымъ его началамъ; отступленія эти составляютъ только болѣе глубокия и тщательныя изслѣдованія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросовъ; и великія заслуги А. Смита, какъ творца науки общественной экономіи, остаются нисколько отъ того не умаленными.

То же самое можно сказать, даже и въ бѣльшей степени, относительно остальныхъ исправителей А. Смита. Всѣ они строили на томъ же фундаментѣ, заложенномъ произведеніемъ А. Смита.

§ 6.

Односторонность школы Смита.

Не смотря на указанные нами заслуги и на истинно всемірно-историческое значеніе ученія Адама Смита, писатель этотъ, также какъ и вся его школа, имѣютъ то общее съ ихъ предшественниками—меркантилистами и фізіократами, что всѣ они стремились создать такую экономическую теорію, законы которой имѣли бы безусловную дѣйствительность для всѣхъ временъ и народовъ.

Подобно тому, какъ Руссо и Кантъ, породили школу политической науки и государственнаго права, которая стремилась, при совершенно различныхъ ступеняхъ развитія и наклонностяхъ народа, создать одно абсолютное государство, не взирая ни на какія разнообразія въ челоуѣчествѣ, данныя отъ природы; точно также А. Смитъ, съ своими послѣдователями до Росси (1) и Кинсея (2), старались вывести изъ особенностей дѣйствительной жизни отдѣльныхъ народовъ и нѣкоторыхъ моментовъ ихъ развитія общія непреложныя положенія. Такимъ образомъ они думали воспроизвести нѣчто въ родѣ міровой и общечелоуѣческой экономіи (3), которая совершенно соотвѣтствовала требованіямъ отвлеченнаго разума того времени.

(1) Cours d'économie politique, 2 Tom. Paris 1838 и Bruxelles 1840.

(2) Смотри § 5, выноску 4.

(3) *Pau* старается опровергнуть этотъ взглядъ (въ Архивѣ 1843 года, стр. 264), говоря: „уже самое нѣмецкое названіе науки народнаго хозяйства Volkswirtschaftslehre) доказываетъ, что при обработкѣ ея имѣется въ виду изслѣдовать явленія въ удовлетвореніи потребностей не столько цѣлаго челоуѣчества, сколько въ границахъ одного какого-нибудь отдѣльнаго государства. Безъ сомнѣнія, многіе экономическіе законы, не имѣя никакого отношенія къ границамъ государства, имѣютъ, по этому самому, всеобщее приложеніе, такъ напр. законъ о цѣнѣ товаровъ. Но не смотря на это, большая часть предметовъ экономической теоріи и собственно народнаго хозяйства имѣютъ совершенно иной характеръ; они относятся къ экономической жизни и ея послѣдствіямъ внутри отдѣльной страны или государства, хотя не именно такой-то страны и государства. Иначе, возможно ли говорить (не опи-

Послѣдователи ученія Смита отправляются отъ того начала, что всѣ экономическіе законы, выведенные изъ отношеній человѣка къ вещественному міру, всегда остаются непреложными, т. е. не измѣняются ни во времени, ни въ пространствѣ. Они забываютъ, что человѣкъ, какъ существо общественное, есть дитя цивилизаціи и продуктъ исторіи; такъ что ни его потребности, ни его воспитаніе, ни его отношенія, какъ къ вещественному міру, такъ и къ людямъ, никогда не остаются неизмѣнными, а, напротивъ, измѣняются не только отъ условій географическихъ, но и отъ причинъ историческихъ, и совершенствуются, соотвѣтственно общему ходу просвѣщенія человѣчества.

Экономическая школа Смита отличается, существеннымъ образомъ, отъ школы Руссо и Канта въ томъ, что она не исходитъ отъ философскихъ началъ, подобно фізіократамъ, и не выводитъ частное изъ общаго; напротивъ того, ученіе ея основано на наблюденіяхъ и на фактахъ, взятыхъ изъ практической жизни. Но различіе это происходило, единственно, изъ свойствъ самой экономической науки, недопускающей исключительнаго философскаго построенія, а въ способъ разрѣшенія задачи и въ результатахъ разрѣшенія, экономическая школа впала въ ту же ошибку отвлеченнаго космополитизма, какъ и политическая школа. Школа Смита выдавала себя за всеобщее ученіе о человѣческомъ хозяйствѣ, а сама была только выраженіемъ собственно денежнаго хозяйства, въ то время водворившагося въ жизни европейскихъ народовъ. Сюда также принадлежитъ другая особенность ученія Смита, особенность

раась на подобную точку воззрѣнія) о богатыхъ и бѣдныхъ народахъ, о привозѣ и вывозѣ товаровъ, о количествѣ денегъ, объ оцѣнкѣ богатства и дохода народа, и тому подобное? Не трудно доказать, на основаніи множества сочиненій, что писатели, обрабатывающіе науку народнаго хозяйства, преимущественно обращали свое вниманіе на состояніе богатства одного какого-нибудь народа, въ смыслѣ государственнаго права, т. е. въ смыслѣ совокупности гражданъ одного государства. Этотъ взглядъ находитъ свое подтвержденіе также и въ томъ, что большинство прежнихъ писателей (въ томъ числѣ и Смитъ) включали въ область экономической теоріи практическія изысканія изъ области промышленной политики, съ цѣлю, разумѣется способствованія благосостоянію какого нибудь одного извѣстнаго государства. Потому возможность существованія общечеловѣческой, экономической системы вмѣсто науки о *народномъ хозяйствѣ* (Volkswirtschaftslehre) должна быть, рѣшительно, не признаваема. Всѣ эти доводы однако нисколько не устраняютъ сдѣланнаго экономистамъ упрека: ибо космополитическаго характера ученія Смита нужно искать не въ томъ, что школа его не принимаетъ въ уваженіе существованія государства; напротивъ того, скорѣе въ томъ, что оно прилагаетъ свое ученіе, равномѣрно, ко всѣмъ государствамъ и ко всѣмъ народамъ, понимая государство, единственно, въ смыслѣ его вѣдшихъ границъ, т. е. какъ извѣстную долю всего человѣчества, и потому приписывая своимъ законамъ повсемѣстную приложимость

которую оно раздѣляло наукою государственнаго права и всею литературою того времени. Особенность эта происходила изъ *атомистическаго* воззрѣнія на человѣческое и на гражданское общество; на основаніи этого воззрѣнія, отдѣльный человѣкъ или личность разсматривается какъ единственная цѣль гражданского общежитія. Такой политическій раціонализмъ представляетъ себѣ государство юридическимъ учрежденіемъ, созданнымъ для обезпеченія свободы всѣхъ личностей; экономическій раціонализмъ видитъ въ обществѣ систему отдѣльныхъ хозяйствъ, связанныхъ между собой лишь для болѣе удобнаго и легкаго удовлетворенія потребностей каждаго единичнаго хозяйства. На основаніи перваго взгляда, общество держится силою юридическаго договора; второй же взглядъ видитъ въ обществѣ союзъ, основанный на договорѣ мѣны произведеній отдѣльныхъ лицъ. Въ обоихъ случаяхъ частный интересъ каждой единицы составляетъ основаніе и связь общества (⁴). Обѣ системы эти смотрятъ на налогъ какъ на уплату, дѣлаемую частными лицами государству, за оказанную имъ услугу; вслѣдствіе сего признается необходимымъ такое распредѣленіе налоговъ, которое соотвѣтствовало бы выгодамъ, получаемымъ каждымъ гражданиномъ отъ покровительства, оказываемаго ему со стороны государства (⁵).

(⁴) „Каждый народъ, говоритъ *Германнз* въ своихъ государственно-экономическихъ изслѣдованіяхъ (*Staatswirthschaftliche Untersuchungen*), стр. 8, заключаетъ въ себѣ такое количество хозяйствъ, сколько имѣется въ немъ личныхъ единицъ, самостоятельно удовлетворяющихъ своимъ потребностямъ. Вслѣдствіе сего происходятъ хозяйства: отдѣльнаго чедовѣка или семейства; также корпорацій, сословій, учреждений, товариществъ, и наконецъ государства, въ тѣсномъ значеніи слова, т. е. правительства. Всѣ эти хозяйства имѣютъ между собою общее то, что заботятся о производствѣ богатства и о распредѣленіи его для удовлетворенія собственныхъ своихъ потребностей. Хозяйство правительства, т. е. его финансы, имѣетъ тотъ же характеръ частнаго хозяйства“. *Ray* (*Lehrbuch* 1, § 7. 8) сравниваетъ систему экономической дѣятельности государства съ организмомъ; онъ объясняетъ общественный союзъ эгоистическимъ стремленіемъ каждаго лица удовлетворять своимъ личнымъ потребностямъ, съ наименьшею тратою принадлежащей ему части общественнаго богатства, т. е. посредствомъ раздѣленія занятій. Онъ думаетъ, что общественный союзъ потому именно и проченъ, что имѣетъ въ своемъ основаніи неумолкаемое побужденіе эгоизма.

(⁵) *Гоббесз* (*Elem. phil. de cive*, XIII. 10) смотритъ на налогъ какъ на *emtae pacis pretium*; и *Монтескье* (*de l'esprit des lois* XIII, 1) опредѣленъ налогъ *comme une portion, que chaque citoyen donne de son bien, pour avoir la sûreté de l'autre, ou pour en jouir agréablement* (какъ часть имущества, которую каждый гражданинъ вноситъ въ казну, чтобъ обезпечить безопасность остальной части и имѣть возможность ею наслаждаться). *Смитз* сравниваетъ (V, 2. 2) гражданъ въ государствѣ съ общинниками какого нибудь большаго имущества, и полагаетъ, что

Возведеніе частнаго интереса на степень высшаго экономическаго начала необходимо влечетъ къ той ошибкѣ, что не допускаетъ никакой связи между экономической наукою и нравственною задачею человѣческаго рода. Вслѣдствіе сего, не безъ основанія, обвиняли теорію Смита въ матеріализмъ. Если бóльшая часть германскихъ послѣдователей ученія Смита, — далеко не признавая въ вещественномъ удовлетвореніи нуждъ человѣка послѣднюю цѣль его бытія, — силилась, въ примѣненіи общихъ началъ къ практической жизни или въ стдѣлѣ промышленной политики (*Volkswirtschaftspflege*), примирить богатство частныхъ лицъ какъ средство къ нравственному совершенствованію человѣка, съ высокими, нравственными интересами и съ благоденствіемъ государства, то тамъ этотъ отдѣлъ науки не имѣлъ у нихъ ни малѣйшаго вліянія на сущность самыхъ основныхъ началъ науки. Потому они и сооружали, подобно А. Смиуту, все зданіе экономической науки на всемогуществѣ личнаго эгоизма (6). Вся разница между англійскими и германскими послѣдователями ученія Смита заключается въ томъ, что первые отправляются исключительно отъ того начала, что личный эгоизмъ самъ собою и необходимъ, и ведетъ къ общему благу (7), а послѣдніе не признаютъ общепримѣнимости этого начала и дополняютъ общія начала на-

какъ въ этомъ случаѣ, каждый членъ долженъ участвовать въ расходѣ по управленію, соотвѣтственно получаемой выгодѣ, то и каждый гражданинъ долженъ подлежать повинности уплаты податей соразмѣрно съ тѣми выгодами, которыя онъ получаетъ, находясь подъ покровительствомъ государства. Такой же взглядъ на этотъ предметъ встрѣчается позже, у большей части финансовыхъ писателей; также какъ и въ Германіи, напримѣръ у *Крѣнке*, *Крела*, *Крелера* и прочихъ (срав. Шѣна: *Grundsätze der Finanz*. Breslau 1832 p. 61).

(6) Вслѣдствіе чего, *К. Н. Захарія* и другіе называютъ общую, народную экономію систематическимъ ученіемъ корыстолюбія и скряжничества.

(7) Взглядъ этотъ зародился, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, въ англійской нравственной философіи, и въ своемъ крайнемъ проявленіи (какъ напр. въ томъ взглядѣ, что добродѣтель разстроиваетъ общественное благосостояніе) былъ защищаемъ *Мандевиллемъ*, въ его объясненіяхъ къ знаменитой баснѣ о пчелѣ (смотри § 3 выноски 4). Извѣстно, что на томъ же самомъ фундаментѣ было основано все ученіе Смита; онъ прямо говоритъ (IV, 2): „Человѣкъ постоянно стремится къ тому, чтобы отыскать самое выгодное употребленіе своего капитала. Каждый имѣетъ передъ собой свою личную выгоду, а не общественную; хотя естественнымъ или, правильнѣе говоря, необходимымъ образомъ, какъ сознаніе человѣка, такъ и его личный интересъ, приводятъ его къ тому, что онъ долженъ предпочесть такое употребленіе капитала, которое наиболѣе выгодно для всего общества“. Далѣе: „Если каждое отдѣльное лице преслѣдуетъ свои личные интересы, то оно споспѣшествуетъ невольно и интересамъ общества, и гораздо болѣе, нежели тогда, когда бы оно дѣйствительно заботилось только объ общественномъ дѣлѣ“.

роднаго хозяйства, основанныя на личномъ эгоизмѣ, цѣлями промышленной политики или попечительства, стремящагося къ общественному благу (8).

Ученіе о народномъ хозяйствѣ принималось школою Адама Смита, за ученіе о естественныхъ законахъ мѣны, въ которой человекъ является чисто эгоистической силой. Послѣдняя, будучи силой естественной, всегда дѣйствуетъ неизмѣнно, и, при одинаковыхъ условіяхъ, влечетъ за собою постоянно одинаковыя послѣдствія. На этомъ основаніи, какъ въ Германіи, такъ и въ Англіи, начала и выводы ученія школы Смита признавались за естественныя экономическіе законы, и имъ приписывали, подобно силамъ природы, вѣчную непреложность.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

АДАМЪ МЮЛЛЕРЪ И ЭКОНОМИЧЕСКІЙ РОМАНТИЗМЪ.

§ 7.

Отношенія Адама Мюллера къ его эпохѣ.

Извѣстно, что за эпохою умственнаго движенія XVIII столѣтія очень скоро послѣдовало совершенно противоположное ей направленіе идей.

(8) Многіе писатели Германіи противорѣчатъ сами себѣ въ томъ, что они, съ одной стороны, полагаютъ, вмѣстѣ съ англійскими экономистами, что удовлетвореніе всей совокупности народныхъ потребностей зависитъ отъ удовлетворенія эгоистическихъ стремленій каждаго отдѣльнаго человека; съ другой же стороны, они считаютъ необходимымъ, для народнаго хозяйства, покровительство правительственной власти. *Германн* думалъ примирить это противорѣчіе тѣмъ, что смотрѣлъ на условія проявленія эгоизма какъ на теорическую часть науки, а къ практической части науки относилъ условія опеки народнаго хозяйства и проявленія въ людяхъ духа общности, необходимаго для цѣлаго государства. Этимъ однако не изглаживается противорѣчіе, а только уничтожается значеніе теорической части науки. Если допустить, въ экономической жизни народа, владычество эгоизма, совмѣстно съ духомъ общности, и если послѣднее ограничиваетъ и подчиняетъ себѣ первое, во имя нравственнаго начала, то тогда нельзя отвергать справедливости всѣхъ тѣхъ законовъ, которые вводятся для противодѣйствія исключительному владычеству эгоизма. Эгоизмъ и духъ общности не могутъ дѣйствовать какъ двѣ различныя силы, въ двухъ различныхъ сферахъ; напротивъ того, они должны имѣть совмѣстное другъ на друга вліяніе, хотя въ различной степени, смотря по нравственному развитію и просвѣщенію народа.

Подобно тому, какъ въ практической жизни, отдѣльныя народности Европы, — охваченныя общимъ стремленіемъ къ охраненію своей естественной личности и политической самостоятельности, — вступили въ борьбу съ французскою всемірною монархіею; также точно и въ области умственного движенія, дѣйствительность жизни, полная разнообразія, предъявила свои права предъ господствомъ отвлеченныхъ понятій и исключительныхъ личныхъ убѣжденій. Она противопоставила требованія чувства и души критическому разуму, творчеству единичной воли подчиненіе личныхъ стремленій, даннымъ и весьма разнообразнымъ общественнымъ формамъ. То, что приписывалось сперва дѣйствию человѣческаго предвидѣнія и личнаго искусства, было отнесено теперь къ проявленіямъ высшей міровой силы; многое, что казалось сперва яснымъ и естественнымъ, сдѣлалось теперь чудеснымъ и неестественнымъ. Передъ философскимъ началомъ выдвинулось теперь впередъ историческое развитіе; передъ настоящимъ получило значеніе прошедшее, а передъ общечеловѣческимъ — народное.

Такимъ образомъ, въ Германіи, за бурною и разрушающею эпохою критики, послѣдовалъ романтизмъ, за эпохою религіознаго раціонализма, возникшаго изъ Кантовой философіи, — періодъ положительно-христіанскихъ, по большей части мистическихъ, религіозныхъ возрѣній. То же самое произошло и въ политикѣ: общечеловѣческія теоріи гражданскаго договора и конституціонализма уступили мѣсто началамъ монархической реставраціи Галлера (*); въ области же философіи, новое направленіе сосредоточилось въ философіи природы Шеллинга.

Особенность экономической науки состоитъ въ томъ, что въ этой области знанія не такъ скоро и не такъ рѣшительно высказалась реакція противъ идей XVIII столѣтія. Напротивъ того, среди перерожденія общественнаго духа, школа Смита неослабно заявляла свои права какъ въ возрѣніяхъ государственныхъ людей, такъ и на кафедрахъ. Если мы не примемъ во вниманіе совершенно уединенно стоящей философской системы *Иакова Вагнера* (1), то одинъ только человѣкъ, и именно *Адамъ Мюллеръ*, другъ и ученикъ Фридриха Гентца, стремился

(*) Галлеръ (родился въ 1768 г., умеръ въ 1854, уроженецъ Швейцаріи, находился на службѣ во Франціи до Іюльской революціи) былъ въ литературѣ однимъ изъ самыхъ блестящихъ и страстныхъ представителей крайней реакціи противъ революціонныхъ идей XVIII столѣтія. Основныя начала его политической системы могутъ быть сведены къ столь извѣстнымъ понятіямъ о вотчинной или *патримоніальной* власти, и о божескомъ происхожденіи власти. — В. Б.

(1) Вагнеръ касается политической экономіи въ своемъ сочиненіи: „*der Staat*“, Вюрцбургъ 1815 г., и именно во главѣ о сословіяхъ, стр. 156 и слѣд. По его

построить и экономическую науку на началахъ реставраціи. Попытка эта тѣмъ болѣе достойна уваженія, что она не только представляетъ собой, въ исторіи экономической науки, первое самостоятельное произведеніе германскаго ума, но что здоровая часть его началъ сдѣлалась источникомъ позднѣйшей реакціи противъ ученія Смита.

§ 8.

Критика Мюллера противъ теоріи Смита.

Подобно тому, какъ въ кругу политическихъ вопросовъ, Мюллеръ ⁽¹⁾, не соглашаясь ни съ ученіемъ деспотизма, ни съ ученіемъ революціи послѣдняго столѣтія, видѣлъ свой идеаль въ среднихъ вѣкахъ и въ

убѣжденію начало сословіи заключается въ трудѣ и раздѣленіе сословіи происходитъ отъ раздѣленія занятій. Трудъ же состоитъ изъ слѣдующихъ категорій:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТРУДЪ.**ТОРГОВЛЯ.****РЕМЕСЛА.****ЗЕМЛЕВОЗДѢЛЫВАНІЕ.**

Для земледѣлыванія неизбѣжны слѣдующія подраздѣленія:

ГОРНОЕ ДѢЛО.**ЛѢСОВОДСТВО.****ЗЕМЛЕДѢЛІЕ.****СКОВОДСТВО.**

Ремесла основаны на слѣдующихъ дѣленіяхъ:

ПИТАНІЕ.**ОДЕЖДА.****ЖИЛИЩЕ.****ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ.**

Оба послѣднія суть низшія сословія, *производящія* оба же первыя высшія, *организующія* и образующія изъ хозяйства отдѣльныхъ лицъ хозяйство цѣлаго общества.

Торговля состоитъ изъ слѣдующихъ элементовъ:

РЫНКИ.**ТОВАРЫ.****ДЕНЬГИ.****КОНТОРЫ.**

Государственная работа, подраздѣленная, въ свою очередь, на четыре категоріи имѣетъ особенною своею задачею образовать изъ совокупности сословіи самостоятельную, замкнутую систему народнаго продовольствія; вслѣдствіе чего она стремится уравнивать въ народѣ господство счастья, такимъ образомъ, чтобы не было ни богатства, ни бѣдности, и чтобы возможное для частной жизни сдѣлалось бы удѣломъ цѣлой націи. Потомъ социалистическое начало Вагнера состоитъ въ томъ, что распредѣленіе имуществъ между гражданами должно быть повторяемо весьма часто и такъ производимо, чтобы оно исправляло общественные недостатки, и чтобы въ народѣ не оставалось ни одного бѣдняка.

⁽¹⁾ Самое замѣчательное произведеніе Мюллера, которое онъ самъ, въ одномъ письмѣ своемъ, называетъ наиболѣе удавшимся трудомъ своей жизни, *Vorlesungen über die Elemente der Staatskunst (Ученіе объ элементахъ государственнаго искусства)*, прочитанное имъ въ Дрезденѣ въ 1808 г. предъ веймарскимъ принцемъ и предъ многочисленнымъ собраніемъ государственныхъ людей и дипломатовъ, и напечатанное въ 1809 г. въ Берлинѣ въ 3-хъ томахъ. Все, что написалъ онъ позже

обоюдообязательномъ ленномъ союзѣ осуществленіе истинной свободы; такъ же точно, въ народномъ хозяйствѣ, онъ не признаетъ системы современнаго, денежнаго хозяйства, и объявляетъ, при всемъ своемъ уваженіи къ Адаму Смиту, что экономическія теоріи, начиная отъ меркантилистовъ и включительно до школы Смита, суть ни что иное, какъ одностороннія теоріи денегъ и частной собственности; ученія о вещественной экономіи, разстроивающей благосостояніе человѣческаго общества. Имъ приписываетъ онъ столь же вредное дѣйствіе, какъ и введенію римскаго права. И то и другое, со своими односторонними выводами, изгнали изъ нашихъ государствъ всякое чувство, всякую личность и всякую религію, и способствовали къ разрыву кровныхъ нашихъ связей. Они расторгли духъ любви и довѣрія, также всякое чувство общности; сверхъ того, разорвали нравственный союзъ людей, образовавшійся вслѣдствіе средневѣковыхъ корпорацій, а неотчуждаемости поземельнаго имущества отрѣзали для каждаго единичнаго члена общества ариѳметически опредѣленную часть общественныхъ благъ и сдѣлали изъ торговли и ремесла невѣрную лотерейную игру. Понятіе о безусловной, частной собственности, составляющее основаніе римскаго права, и такъ обоготворяемое въ новѣйшее время, находится въ вѣчной борьбѣ съ идеею общаго права; сверхъ того, начала частной собственности и промышленной прибыли, лежащія въ основаніи экономическихъ теорій, находятся въ постоянной борьбѣ съ общею идеею о народномъ хозяйствѣ.

Основаніе критическаго разбора, сдѣланнаго Мюллеромъ, ученіе Ад. Смита опирается ⁽²⁾ на слѣдующихъ доказательствахъ.

Вся теорія Смита вращается, главнымъ образомъ, около одного вопроса, и именно: какой трудъ въ государствѣ наиболѣе обогащаетъ? На это теорія отвѣчаетъ, что она считаетъ тотъ трудъ производительнымъ, который производитъ предметы, имѣющіе мѣновую цѣнность. Но этимъ самымъ ученіе Смита исключаетъ два одинаково-важные

по экономической наукѣ, и именно его *Denkschrift*, предназначенная собранію прусскаго дворянства, сообщенная графу Гарденбергу и направленная, для оспариванія новаго Прусскаго уложенія; его *Агрономическія письма*, опубликованныя въ Шлегельскомъ германскомъ музеумѣ, вскорѣ послѣ того, какъ онъ послѣдовалъ въ Вѣну за своимъ другомъ Гентцомъ; также его опытъ *Новой теоріи денегъ* 1816 г., его статья о ремесленной полиціи по отношенію къ земледѣлію, 1824 г.; и наконецъ различныя его статьи, сообщенныя имъ въ нѣмецкомъ указателѣ; все это заключаетъ въ себѣ или повтореніе или дальнѣйшее развитіе его взглядовъ, изложенныхъ въ вышеозначенной его книгѣ.

⁽²⁾ Главныя мѣста его *Elementen der Staatskunst* слѣдующія: часть I, стр. 49 и слѣд.; часть II, стр. 201—228 и слѣд.; часть III, стр. 3—26 и слѣд.

вопроса, и именно: какая сила и дѣятельность въ государствѣ представляются наиболѣе охранительными? и какой трудъ примиряетъ собой прочность цѣлаго производства съ его отдѣльными, подвижными произведеніями? Теорія занимается только моментальнымъ производствомъ и преходящимъ существованіемъ отдѣльныхъ личностей, но не заботится о прочности и долговѣчности всей совокупности производства для будущихъ поколѣній. Потому она обнимаетъ собой только одно производство грубыхъ и осязаемыхъ предметовъ, и исключаетъ всѣ духовныя наслажденія и произведенія, все облагораживающее потребности народа, дающее всякому произведенію настоящую цѣнность, а самому производству высшее значеніе. Смитъ не можетъ представить себѣ, чтобы сама личность могла быть предметомъ хозяйственной дѣятельности, продуктомъ продуктовъ; чтобы человѣкъ, съ своею народностью и съ своими стремленіями, могъ быть единственною причиною, опредѣляющею всякую цѣнность.

Отсюда происходитъ существующее, громадное противурѣчіе между теоріею и практическимъ, государственнымъ хозяйствомъ. Первая имѣетъ своимъ предметомъ одну, простую механическую дѣятельность отдѣльныхъ лицъ; государственный же хозяинъ, напротивъ того, долженъ заботиться о будущности народа, долженъ придать всѣмъ отдѣльнымъ отраслямъ его дѣятельности стремленія національныя и высшее гражданское значеніе. Государственный хозяинъ долженъ надѣлить домашнія хозяйства условіями долговѣчности, также долженъ сокупить ихъ въ одно общее народное хозяйство въ одно, живое единство; потому онъ и долженъ употреблять въ дѣло ограниченія торговли, также запрещенія привоза и вывоза товаровъ, непризнаваемые ученіемъ Смита.

Далѣе, Смитъ не даетъ полнаго развитія началъ раздѣленія занятій. Начало это выводитъ онъ изъ природной склонности человѣка къ мѣнѣ, въ то время какъ оно гораздо болѣе обусловливается капиталомъ, т. е. запасомъ, который накопленъ въ прошедшемъ, и обезпечиваетъ всякаго работника отъ голодной смерти, если онъ предается какому нибудь исключительному ремеслу. Капиталь есть въ то же время сила, которая связываетъ между собой, далеко другъ отъ друга отстоящія, (вслѣдствіе раздѣленія занятій), операціи; капиталъ постоянно производитъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уравниваетъ раздѣленіе занятій. Въ ученіи Смита нѣтъ необходимаго дополненія къ раздѣленію занятій, т. е. соединенію занятій, безъ котораго самое раздѣленіе уничтожаетъ послѣдніе остатки національнаго капитала.

Наконецъ, Смитъ признаетъ только одинъ родъ капитала, т. е. веще-

ственный капиталъ; хотъ одновременно съ послѣдними есть еще другой, по крайней мѣрѣ столько же важный, если только не важнѣйшій, и именно нравственный капиталъ. Первый изъ нихъ выражается и развивается въ деньгахъ; второй—въ языкѣ. Въ формѣ языка, переходящаго отъ одного поколѣнія къ другому, растетъ капиталъ народной мудрости, опытности и нравственности; капиталъ этотъ есть наисильнѣйшій двигатель народнаго хозяйства, тѣмъ не менѣе онъ былъ совершенно оставленъ безъ вниманія въ послѣднемъ столѣтїи. Въ то время, какъ, въ среднїе вѣка, умственный капиталъ народа, находясь въ рукахъ духовенства, приносилъ плоды для цѣлаго общества; въ нынѣшней Германїи литература, столько же какъ и экономическая наука, находясь подъ исключительнымъ вліяніемъ односторонняго начала раздѣленія занятій, сдѣлалась чуждою народной жизни. Мы не имѣемъ такого одного, общаго основанія для народной опытности и для народной исторїи, которое, собравъ разсѣянные научные труды, привело бы ихъ въ живое взаимодѣйствїе съ общою народною жизнью. Потому, вслѣдствїе недостатка общности, вся громадная дѣятельность настоящаго времени пропадаетъ даромъ.

§ 9.

Взглядъ Мюллера на относительное достоинство теорїи Смита для Англичанъ, и на ея непримѣнимость для континента.

По убѣжденію Мюллера, все ученїе Смита состоитъ въ одностороннемъ изученїи британской промышленности и ея денежнаго хозяйства, которыя не дѣлаютъ ущерба Англіи лишь потому, что духъ леннаго права и личной, взаимной связи цѣлаго общества сохранилъ тамъ до сихъ поръ полную свою силу, и обезпеченъ неподражаемымъ, британскимъ политическимъ устройствомъ, и наконецъ также потому, что законы о частной собственности, въ томъ видѣ, какъ они существуютъ нынѣ въ Англіи, не вторгнулись въ нее внѣшнимъ образомъ, а напротивъ того, исключительно возрасли на туземной почвѣ. Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, Англія имѣетъ свой особенный характеръ въ томъ смыслѣ, что обладаетъ разнообразнымъ, неизмѣримымъ капиталомъ, и именно капиталомъ законовъ, нравовъ, народной славы, кредита и т. д. Капиталъ этотъ, ограждаемый со всѣхъ сторонъ моремъ, даетъ возможность развиться неограниченному раздѣленію труда; также, незамѣтнымъ образомъ, поддерживаетъ взаимную связь въ цѣломъ организмѣ, и наконецъ потому постоянно возбуждаетъ сочувствїе каждаго Англичанина къ одностороннему ученію своего отечественнаго эконо-

миста. Сверхъ всего этого, Англія есть, какъ будто бы городъ, принадлежащій цѣлой Европѣ; онъ снабжаетъ весь континентъ своими мануфактурными произведеніями, вслѣдствіе чего здѣсь не только возможно, но и необходимо обширное раздѣленіе занятій.

Всѣ вышеприведенныя обстоятельства дѣйствуютъ такимъ образомъ, что континентъ не можетъ принять за образецъ ни теоріи Смита, ни англійскаго положенія дѣль. Великобританія осуществляетъ собою городское, а континентъ, напротивъ того, сельское *опредѣленіе* народной жизни. Смитовское раздѣленіе занятій столь же мало примѣнимо къ сельскому хозяйству, сколько къ ученымъ или художественнымъ трудамъ. Въ деревнѣ трудъ служитъ для обработки почвы, и потому хотя и раздѣляется на различныя другъ отъ друга операціи, но исключительно во времени, а не въ пространствѣ. Въ деревнѣ господствуетъ не скоропреходящій и подвижной, а напротивъ того прочный и неподвижный элементъ хозяйства, вовсе неизвѣстный Адаму Смигу.

По этой причинѣ, материкъ Европы нуждается въ совершенно другой, т. е. гораздо болѣе широкой, экономической системѣ. Въ ученіи континента должны быть сглажены и пополнены всѣ односторонности; вмѣсто мѣнливой цѣнности товаровъ здѣсь должны выступить впередъ: ихъ гражданскій и національный характеръ; вмѣсто односторонняго приумноженія производства — стройное усовершенствованіе національныхъ произведеній и национальныхъ потребностей; и наконецъ вмѣсто всѣхъ отдѣльныхъ, частныхъ имуществъ и частной производительности — дѣйствительное народное богатство и производительность общей національной силы. Экономическое ученіе материка должно обнимать собою не только раздѣленіе труда, но и народное сосредоточеніе занятій; не только физическій, но и нравственный капиталъ.

§ 10.

Взглядъ Мюллера на государство.

Критика Мюллера показываетъ намъ, что собственная, экономическая теорія его основана не на дѣятельности отдѣльной личности, а всего государства и на національной общности. Потому мы и должны ближе ознакомиться съ взглядомъ Мюллера на государство.

Ученіе Мюллера есть талантливое сочетаніе государственныхъ началъ классической древности и среднихъ вѣковъ, возникшее подъ вліяніемъ философіи Шеллинга и юридическихъ воззрѣній Бёрке. Отъ перваго онъ заимствовалъ понятіе и задачу государства, отъ втораго же содержаніе государства.

Подобно Аристотелю, писатель этотъ смотритъ на людей, какъ на *ζῶον πολιτικόν*, которые не могутъ быть мыслимы внѣ государства. По мнѣнію Мюллера, гражданское и человѣческое призваніе личности есть одно и то же. Государство не есть просто юридическое учрежденіе, не особенная форма человѣческаго развитія; напротивъ того, оно обнимаетъ собой всю совокупность человѣческихъ интересовъ и заключаетъ въ самомъ себѣ свою конечную цѣль. Въ немъ должны быть посѣяны и должны возрасти сѣмена семейной жизни, науки и всѣхъ произведеній человѣческаго духа. Мюллеръ говоритъ, „что человѣкъ начинаетъ нуждаться во всемъ, какъ скоро перестаетъ быть подъ вліяніемъ общественныхъ или государственныхъ узъ. Государство есть первая и главная необходимость среди всѣхъ потребностей сердца, разума и плоти; человѣкъ не можетъ ни слышать, ни видѣть, ни думать, ни чувствовать, ни любить безъ государства; короче сказать, нельзя иначе мыслить человѣка, какъ въ государствѣ“.

Мюллеръ полагаетъ, что корень государства, совмѣщающаго въ себѣ, по понятіямъ древнихъ временъ, всѣ цѣли человѣческаго существованія, лежитъ въ Германіи. Онъ производитъ государство изъ духа германской свободы, и смотритъ на него какъ на органически-естественный продуктъ, возродившійся, подобно „мировому союзу“ среднихъ вѣковъ, изъ постоянной борьбы разнообразныхъ личныхъ вольностей. Такое рожденіе государства совершилось однако не непосредственно, напротивъ того, оно прошло множество посредствующихъ звѣньевъ или членовъ, т. е. цѣлый рядъ корпорацій и сословій, которыми отличалось феодальное государство среднихъ вѣковъ. На каждой ступени общества, и до государства, постоянно образовывалось, изъ борьбы предъидущихъ противоположностей, одно общее третье, которое примиряло въ себѣ всѣ противоположности, осуществляло общественный миръ и дѣйствительную свободу.

Каждое, подобнымъ образомъ возникавшее, государство естественнымъ образомъ отличалось отъ всѣхъ прочихъ государствъ и отдѣлялось отъ нихъ живыми урочищами, всегда нося внутри себя свое собственное жизненное начало; ибо природа никогда не повторяется въ своихъ созданіяхъ, а напротивъ того идеи ея постоянно осуществляются въ самыхъ разнообразныхъ произведеніяхъ. Подобное, разнообразіе служитъ къ сохраненію между всѣми государствами взаимнаго тренія и движенія, дабы каждое изъ нихъ постоянно могло заявлять себя какъ живое существо, и не только невредимо сохранять свои особенности, но, напротивъ того, развивать ихъ во всѣ стороны. Такимъ образомъ, вслѣдствіе подобнаго взаимодѣйствія и противодѣйствія происходитъ правильный ростъ всѣхъ государствъ.

Всѣ государства, не смотря на свое разнообразіе, имѣютъ однако одну общую черту, состоящую въ томъ, что сущность ихъ заключается въ ихъ постоянномъ возрожденіи (Werden) и ростѣ. Государство не есть только простое соединеніе людей, живущихъ въ одномъ періодѣ времени, но, напротивъ того, людей, принадлежащихъ одной странѣ, и всѣхъ другъ за другомъ слѣдующихъ поколѣній; такимъ образомъ каждое государство, отъ самаго начала и до конца своего бытія, образуетъ собою одно цѣлое. Государство можетъ быть мыслимо только въ движеніи и въ развитіи; оно не есть отвлеченное представленіе, а живая идея, которая сама по себѣ имѣетъ движеніе, и которую нельзя изучить, а надо прожить. На основаніи всего вышесказаннаго, практическая жизнь должна разрѣшать вопросы не частной пользы отдѣльныхъ лицъ, и также не временной пользы, хотя бы и цѣлаго общества, а вопросы общественной пользы, въ ихъ вѣчномъ, непреходящемъ значеніи. Каждое современное поколѣніе, каждый политическій дѣятель постоянно долженъ связывать прошедшее съ будущимъ; и эта задача должна постоянно быть въ виду всѣхъ ихъ предпріятій. Наконецъ, каждое государство обладаетъ условіемъ прочной долговѣчности только въ томъ случаѣ, если сохраняетъ въ себѣ подвижной, прогрессивный элементъ, т. е. элементъ производства и элементъ сбереженія; оба элемента эти проявляются у всѣхъ народовъ въ общинной организаціи семейства. Подобно тому, какъ молодость соотвѣтствуетъ элементу поступательному, старость — охранительному, мужскій полъ — производству, а женскій — сбереженію; такъ же точно, въ каждомъ здоровомъ государствѣ, эти четыре элемента имѣютъ своихъ представителей въ различныхъ сословіяхъ, которыми обладали средніе вѣка, т. е. сословіями ученыхъ, военныхъ, работниковъ и купцовъ; или, другими словами: духовенства, дворянства, мѣщанства и купечества. Всѣ сословія эти, взятая отдѣльно, преслѣдуютъ разнообразныя свои призванія; тѣмъ не менѣе противоположность ихъ должна возродить гармонию цѣлаго и общій миръ.

§ 11.

Основныя начала народнаго хозяйства по системѣ Мюллера.

По убѣжденію Мюллера, въ государствѣ, выше очерченномъ нами, хозяйство и право должны составлять существенную и основную часть содержанія. Подобно тому, какъ въ борьбѣ одного рода свободы съ другою враждебною, или въ борьбѣ стремленій независимости, возрождается живой законъ; такъ же точно, вслѣдствіе обоюдныхъ потребностей, и борьба одной нужды съ другою, ей противоположною, происходитъ

усиленная дѣятельность и трудъ, которые и составляютъ предметъ народнаго хозяйства. Въ каждомъ частномъ трудѣ можно видѣть дѣйствіе отдѣльнаго органа государства; въ государствѣ же народный трудъ удовлетворяетъ національнымъ потребностямъ и національному производству.

Національное богатство не состоитъ изъ суммы всѣхъ произведенныхъ, вещественныхъ предметовъ, а изъ совокупности всѣхъ лицъ и вещей, въ той степени, въ какой они заключаютъ въ себѣ, подлѣ своихъ качествъ особенныхъ и единичныхъ, качества политическія и гражданскія; подлѣ своей особенной, единичной цѣнности, цѣнность гражданскую; только такимъ образомъ богатство можетъ сдѣлаться предметомъ національныхъ стремленій. Народное производство стремится къ разнообразію гражданского характера общества, къ воспроизведенію продукта всѣхъ продуктовъ, и должно укрѣпить внутреннюю связь въ обществѣ, которая только и обезпечиваетъ каждому отдѣльному произведенію его долговѣчность. При одинакомъ чистомъ доходѣ національное производство и народное богатство могутъ возрастать и уменьшаться.

Свойство, чрезъ которое всѣ члены общества, какъ лица, такъ и вещи получаютъ цѣнность для гражданской общности интересовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ возможность вступать съ другими членами въ общеніе, называетъ Мюллеръ *деньги*. На основаніи такого опредѣленія денегъ не только благородные металлы, и другіе товары обладаютъ характеромъ денегъ, въ той мѣрѣ, въ какой они обладаютъ вышеуказаннымъ свойствомъ; но и самъ человѣкъ получаетъ тѣмъ большее значеніе денегъ, чѣмъ онъ болѣе расширяетъ и совершенствуетъ свои техническія и умственные способности, необходимыя для достиженія общественнаго благосостоянія и для удовлетворенія потребностей. На этомъ основаніи, Мюллеръ дѣлаетъ опредѣленіе *дѣйствительной* (или *потребительной*) и *мъновой цѣнности*, одинаково относящихся и къ лицамъ и къ предметамъ, совершенно отличное отъ опредѣленія Смита. Первая изъ нихъ есть *индивидуальная* (обособленная), вторая же напротивъ того *общественная*, или политическая цѣнность. Мѣриломъ для всѣхъ цѣнностей служатъ деньги, въ вышепоясненномъ значеніи этого слова.

Въ основаніи cadaго производства лежатъ четыре элемента: земля, трудъ, вещественный капиталъ и нравственный капиталъ. Поземельное имущество, вслѣдствіе своей связи съ законами природы, составляетъ элементъ устойчивости, долговѣчности; трудъ составляетъ элементъ подвижности, а капиталъ, въ которомъ выражается все прошедшее народа, совмѣщаетъ въ себѣ оба вышесказанные свойства, т. е. онъ частію ускоряетъ, частію задерживаетъ движеніе. Эти четыре элемента въ свою очередь соотвѣтствуютъ элемен-

тамъ семейства и приводятъ къ четыремъ основнымъ, необходимымъ занятіямъ, на которыя распадается экономическая нормальная жизнь каждой націи, и наконецъ къ четыремъ вышеназваннымъ сословіямъ. Воспроизводительная природа (земля) соотвѣтствуетъ женскому началу и производитъ дворянство; трудъ же соотвѣтствуетъ мужскому началу и производитъ среднее сословіе. Завѣдываніе вещественнымъ капиталомъ, чрезъ посредство торговаго сословія, представляетъ собою элементъ юности; завѣдываніе же нравственнымъ капиталомъ, чрезъ посредство духовенства, соотвѣтствуетъ элементу старости. Разнообразіе всѣхъ элементовъ экономической, народной жизни, и составляетъ собой національное раздѣленіе занятій, въ которомъ должны находиться полная соразмѣрность частей и живое взаимодѣйствіе, для того, чтобы раздѣленный трудъ былъ бы постоянно связанъ въ одно органическое цѣлое.

Къ несчастію, съ наступленіемъ новѣйшей эпохи, т. е. послѣ того, „какъ Индія поднялась со дна моря, а Римъ и Греція вышли изъ развалинъ; также послѣ того, какъ компасъ, порохъ и книгопечатаніе дали средства къ пріумноженію вещественнаго капитала“, въ обществѣ утратилась вышеуказанная, необходимая гармонія и внутренняя пропорціональность частей общественной экономіи. Размельченіе, другъ подлѣ друга стоящихъ, отправленій труда сдѣлалось основаніемъ каждаго дѣла. Господство вещественнаго капитала унизило значеніе труда до степени механическаго отправленія. Земля, которая должна бы была по своей натурѣ переходить наслѣдственно и въ совокупности, отъ одного семейства къ другому, стала дробиться и употребляться какъ простой капиталъ. Такимъ образомъ, весь міръ выскочилъ изъ колеи древней необходимости. Короче говоря: „это состояніе общества и соотвѣтствуетъ одностороннему положенію вещей, сущность котораго описана А. Смитомъ, и которое послѣдователи этого писателя, современные, модные экономисты хотятъ выдать за нормальное экономическое положеніе общества“.

„Господство вещественнаго капитала надъ всѣми прочими элементами не осталось, впрочемъ, безъ пользы; оно открыло для человѣческой дѣятельности новое, нескончаемое поприще; оно уничтожило границы, стѣснявшія горизонтъ древней, христіанской Европы, и исторически разлучившія христіанство съ греческою древностію. Тѣмъ не менѣе, потеря единства національнаго чувства и временной упадокъ всей политической жизни общества были дорогою цѣною, за которую куплено благосостояніе отдаленнаго будущаго. Современная, народно-хозяйственная задача состоитъ теперь въ томъ, чтобы возстановить есте-

ственное равновѣсіе вышеуказанныхъ элементовъ и сословіи и каждому изъ нихъ возратить его старыя, естественныя права. Главнымъ же образомъ, она должна, возстановленіемъ нравственной всеобщей силы Европы, возвести нравственный ея капиталъ къ новому неограниченному величію“, чтобы такимъ образомъ осуществить новыя, самосознательныя средніе вѣка, хотя и въ болѣе совершенной формѣ, чѣмъ прежніе средніе вѣка.

§ 12.

Критическій разборъ основныхъ началъ Мюллера.

Экономическое ученіе Мюллера, изложенное съ существенныхъ своихъ сторонъ, имѣетъ безспорно то достоинство, что, въ противоположность механическому и матерьяльному воззрѣнію на гражданское общество, составляющему исходную точку ученія А. Смита, — оно энергически указываетъ намъ на значеніе и на необходимость политическаго и нравственнаго духа общности, также на силу умственнаго просвѣщенія въ хозяйствѣ народовъ. Затѣмъ, ученіе это, удаляясь отъ теоретической отвлеченности, указываетъ на исторію, также на необходимость въ области народнаго хозяйства прочности и обезпеченности общественнаго быта, какъ основнаго условія для каждаго частнаго хозяйства. Поэтому Мюллеръ правъ въ томъ, что отыскиваетъ тѣсную связь между вещественнымъ всемірнымъ богатствомъ и частными имуществами и нравственною идеею государства; также въ томъ, что старается ввести понятіе объ общественной и государственной цѣнности въ область народнаго хозяйства. Тѣмъ не менѣе, нельзя ни за основными началами ученія Мюллера, ни за содержаніемъ его, признать научной состоятельности. Въ первыхъ та же самая, хотя и противоположная, односторонность, какъ и въ ученіи Смитовской школы. Подобно классической древности, Мюллеръ представляетъ себѣ человека не иначе, какъ членомъ государства, какъ сосудомъ общихъ идей; сверхъ того, онъ видитъ въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ, живущемъ въ государственной средѣ, сознательнаго представителя особаго самостоятельнаго міра. Въ то время, какъ Смитъ разрываетъ связь личности съ нравственною идеею общности, и видитъ въ цѣломъ обществѣ только сумму отдѣльныхъ личностей, Мюллеръ различаетъ цѣлое отъ богатаго содержанія творческой личности и признаетъ значеніе отдѣльнаго лица на столько, на сколько послѣднее обладаетъ цѣнностію для государства.

Сюда нужно присовокупить великое противорѣчіе между его идеею о государствѣ и указаннымъ имъ содержаніемъ государства. Мюллеръ,

принявъ за свой идеаль древній образецъ, хотя и требуетъ, чтобы личность возвышалась въ государствѣ, но тѣмъ не менѣе наполняетъ свое государство всѣми неподвижными, феодальными элементами, при которыхъ совершенно невозможны ни нравственная, политическая сила, ни политическое сознание общества, связывающее всѣхъ членовъ въ одно цѣлое, т. е. такими элементами, которые по своей природѣ противодействуютъ силѣ, поддерживающей гармонию частей въ цѣломъ. Изъ германской свободы личности, Мюллеръ хочетъ создать что-то невозможное, потому собственно, что онъ совокупляетъ всѣ единичныя вольности въ замкнутыя эгоистическія братства, постоянно противодействующія единству и неподдерживающіяся въ связи никакою третьею силою. Какъ бы много ни цѣнили мы политическія преимущества среднихъ вѣковъ и какъ бы ни были согласны съ Мюллеромъ, что со введеніемъ римскаго права, всякая самодѣятельность и всякій политическій интересъ погасли въ германскомъ народѣ, — тѣмъ не менѣе нельзя найти въ среднихъ вѣкахъ такого идеальнаго государства, какое рисуетъ Мюллеръ. Германскія государства въ эту эпоху представляютъ собой рѣзкую противоположность съ древнимъ, политическимъ міромъ въ томъ отношеніи, что на основаніи господствовавшаго въ нихъ начала высшей, личной свободы, эти государства вовсе не были знакомы съ публичнымъ правомъ, а заключали въ себѣ только права частныхъ лицъ. Государства эти имѣли множество вотчинъ, общинъ, корпорацій и орденовъ, стоящихъ одни подлѣ другихъ, и одни надъ другими и несвязанныхъ между собою никакимъ общимъ политическимъ средоточіемъ, но напротивъ того разъединенныхъ разными частными юридическими изложеніями и договорами. Здѣсь царствовала та же самая борьба и то же неограниченное соперничество мелкихъ, государственныхъ элементовъ и силъ, какъ въ настоящее время въ промышленномъ мірѣ. Владычество сильныхъ надъ слабыми и безпредѣльная власть побѣдителя нигдѣ не были ограничены никакою устроенною и прочною государственною силою; напротивъ того, все прозябало подъ покровительствомъ немощныхъ мѣстныхъ учрежденій, подобно деревьямъ въ лѣсу. Все, что обладало природною силой, дѣлалось великимъ и сильнымъ; слабый же организмъ тотчасъ, и даже въ зародышѣ, былъ подавляемъ и умерщвляемъ сильнымъ организмомъ.

Мюллеръ совершенно не распознаетъ огромной и рѣшительной разницы между естественнымъ и денежнымъ хозяйствомъ, также не видитъ внутренней, взаимной связи первой изъ нихъ со всѣмъ леннымъ или феодальнымъ бытомъ. Вообще писатель этотъ не обладаетъ глубокими историческими свѣдѣніями, и не смотря на чрезвычайно богатые даро-

ванія, въ немъ недостаетъ ни остроты, ни ясности ума. По этому самому, рядомъ со многими неточностями и неясностями (¹), у него встрѣчается множество противорѣчій, хотя скрытыхъ въ общемъ ходѣ его мысли, подъ блестящею формою изложенія. Онъ протестуетъ, во имя исторіи, противъ мертваго понятія о государствѣ и рациональнаго его настроенія, и въ то же время, своимъ собственнымъ взглядомъ, уничтожаетъ всю исторію трехъ послѣднихъ столѣтій. Онъ требуетъ отъ каждаго политическаго дѣятеля пониманія общественной жизни въ ея движеніи и ростѣ, требуетъ, чтобы дѣятель лично вжился въ данную народную жизнь, а самъ отбрасываетъ весь періодъ народнаго развитія, въ которомъ онъ воспитанъ. Онъ хочетъ уничтожить противорѣчіе между теоріею и практикою; самъ же идетъ на переборъ практики всего современнаго политическаго быта. Онъ ратоборствуетъ противъ нерадѣнія политической экономіи къ нравственному народному капиталу и къ наукѣ; самъ же ничего не хочетъ знать о тѣхъ гигантскихъ шагахъ, которые сдѣлала Европа въ умственномъ своемъ развитіи со временъ Бекона. Онъ требуетъ народности отъ науки и живаго взаимодѣйствія ея съ народною жизнью; самъ же находитъ это направленіе науки въ духовенствѣ среднихъ вѣковъ, которое даже никогда не употребляло народнаго языка. Онъ признаетъ необходимымъ установить тѣсную связь и національное совокупное дѣйствіе всѣхъ экономическихъ производительныхъ силъ; самъ же видитъ осуществленіе своего идеала въ такую эпоху, въ которую всякаго рода привилегіи и запрещенія въ торговлѣ дѣлали невозможнымъ всякое живое взаимное и совокупное дѣйствіе производительныхъ силъ.

Ученіе Мюллера есть произвольная и чрезвычайно неисторическая идеализація извѣстнаго періода времени, который былъ вырванъ имъ изъ цѣлаго хода историческаго развитія, и который, въ своихъ экономическихъ условіяхъ, совершенно вымеръ. Такъ какъ писатель этотъ примѣняетъ теорію свою ко всѣмъ народамъ и ко всѣмъ временамъ, то по этому самому онъ тоже не можетъ быть изъятъ отъ упрека въ космополитизмъ, какъ и система Адама Смита. Теперь намъ не удивительно, почему не удалось ему открыть своему ученію доступъ

(¹) Сюда принадлежитъ напр. дѣлаемое имъ различіе между понятіемъ (Begriff) и идею (Idee), повторяющееся нестерпимо часто, но нигдѣ рѣзко не опредѣленное имъ. Если въ своей полемикѣ противъ слова „понятіе“, онъ разумѣетъ подъ словомъ „идея“ разумъ, присущій явленіямъ дѣйствительности, и въ нихъ развивающійся, то во всякомъ случаѣ нельзя понять, почему же человѣкъ не можетъ имѣть понятія о подобной идеѣ, а долженъ имѣть только идею.

къ массѣ публики (²), въ особенности же вслѣдствіе того, что всѣ его взгляды на практическую форму политическихъ вопросовъ, какъ напр. возстановленіе вотчинной власти, барщины, замкнутого общиннаго быта и т. д., появились въ такую именно эпоху, когда сама практическая нужда убѣдила Германію въ пользѣ совершенно противоположныхъ условій общественнаго быта. Уничтоженіемъ экономическихъ обломковъ среднихъ вѣковъ, освобожденіемъ крестьянъ отъ ихъ прежней службы и тягостей, введеніемъ свободы ремесль и наслѣдственности въ поземельномъ имуществѣ, наконецъ признаніемъ могущества денегъ (или денежной системы государственнаго хозяйства) Пруссія, какъ бы магическимъ жезломъ, создала у себя источникъ новыхъ силъ и спасла самобытность какъ свою, такъ и всей Германіи. Наконецъ, все финансовое управленіе большей части европейскихъ государствъ уже давно основано на денежномъ хозяйствѣ. Какимъ же образомъ, иначе какъ развѣ посредствомъ крутаго переворота, возможно возвратиться къ средневѣковому положенію общественныхъ дѣлъ.

(²) Мюллеръ имѣлъ очень немного послѣдователей между современниками. Кромѣ Александра Марвитца, выхваляемаго, какъ намъ извѣстно, однимъ только Фр. Листомъ, за Мюллера заступился только одинъ современный ультрамонтанскій писатель, очень дѣятельный человекъ—*фонъ-Шютцъ*. Онъ напечаталъ, въ Шлегелевскомъ Музеумѣ, посланіе къ Мюллеру, гдѣ не только объявляетъ всю землю общинною собственностію человѣчества, т. е. не могущею никогда составлять собственности частныхъ лицъ, а могущей быть только въ ленномъ ихъ владѣніи, но онъ даже выводитъ трехпольное хозяйство изъ тройственности лица Божьяго. По правдѣ сказать, *Гентцъ* тоже высказывалъ полное свое сочувствіе оригинальной теоріи Мюллера. Не смотря на это, напечатанныя письма этого писателя и оставленные имъ отрывки (смотри Готское нѣмецкое четвертое изданіе 1840 г. тетр. III, стр. 73 и слѣд.); главнымъ же образомъ его статьи объ англійскихъ денежныхъ и кредитныхъ установленіяхъ, помѣщенные въ Историческомъ журналѣ 1799 года—доказываютъ, что Гентцъ обладалъ весьма основательнымъ пониманіемъ современнаго денежнаго хозяйства; сверхъ того, онъ былъ слишкомъ практиченъ, чтобы согласиться съ цѣлымъ образомъ мыслей Мюллера относительно вопросовъ экономической народной жизни. Въ недавнее еще время *К. Х. Брюгеманъ*, въ критическомъ сочиненіи своемъ противъ Листовой національной системы (смотри § 14, примѣч. 2), снова указываетъ намъ на Мюллеровскую народно-экономическую теорію, для которой онъ требуетъ мѣста въ экономической наукѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ФРИДРИХЪ ЛИСТЪ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМІИ.

§ 13.

Александръ Гамильтонъ, предшественникъ Листа.

Рассмотрѣвъ ученіе Мюллера, вступившаго, вслѣдствіе своего пристрастія къ вымершему народному хозяйству среднихъ вѣковъ и вслѣдствіе ненависти своей къ современному денежному хозяйству, въ борьбу съ ученіемъ Смита,—мы должны перейти теперь къ иной реакціи, возбужденной огромными успѣхами денежнаго хозяйства, къ реакціи, сдѣлавшей нападеніе на то же ученіе и съ тѣмъ же самымъ оружіемъ въ рукахъ. Мы приступаемъ къ изложенію національной системы политической экономіи, представителемъ которой былъ Фридрихъ Листъ. Въ національно-экономическихъ убѣжденіяхъ своихъ, писатель этотъ уже имѣлъ, въ предъидущемъ столѣтіи, знаменитаго предшественника въ лицѣ Американца Александра Гамильтона. Законодательное собраніе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ потребовало отъ этого честнаго политическаго дѣятеля, бывшаго секретаремъ въ министерствѣ финансовъ, записку о тѣхъ мѣрахъ, которыя могутъ возвысить положеніе внутренней мануфактурной дѣятельности страны. Отчетъ его въ отвѣтъ на этотъ запросъ былъ представленъ въ 1791 году (на 58 страницахъ изданія въ листъ) ⁽¹⁾. Гамильтонъ начинаеть съ критики экономической теоріи своего предмета; потомъ объявляетъ, что ученіе Смита о свободѣ торговли удобоисполнимо только въ томъ случаѣ, если оно будетъ принято одновременно всѣми государствами; далѣе онъ приписываетъ фабрикамъ гораздо бѣольшую производительность, чѣмъ земледѣлію, и наконецъ опровергаетъ доводы, приводимые противъ возможности успѣха фабрикъ въ Америкѣ, доводы, основанные на недостаткѣ капитала, на высокой задѣльной платѣ и на малой цѣнности земли. Въ заключеніе своего отчета, Гамильтонъ доходитъ до того вывода, что считаетъ необ-

⁽¹⁾ *A. Гамильтонъ Reports etc., presented to the house of representatives of the United-States. См. Сарториуса: Предисловіе къ учебнику политической экономіи, 1796.*

ходимымъ возвысить американскія фабрики, посредствомъ установленія соразмѣрной покровительственной пошлинной системы, которую и излагаетъ въ подробности.

§ 14.

Критика Листа противъ ученія Адама Смита, и отношенія его къ Мюллеру.

Требованія, сдѣланныя Гамильтономъ для Америки, были повторены Листомъ ⁽¹⁾ для Германіи; но послѣдній идетъ гораздо далѣе Гамильтона, т. е., для упроченія своихъ практическихъ требованій, онъ создаетъ цѣлую экономическую теорію, противоположную ученію Смита. Исходя изъ критики этого ученія, онъ изображаетъ послѣднее въ трехъ словахъ: космополитизмъ, матерьялизмъ и партикуляризмъ (обособленность). Критика Листа сходна во всѣхъ отношеніяхъ съ критикою Мюллера. Оба писателя возводятъ народное хозяйство на степень естественнаго и необходимаго единства въ противоположность частнымъ хозяйствамъ отдѣльныхъ лицъ. Оба они даютъ большое значеніе тому разнообразію, которое раздѣляетъ между собою различные народы, въ противоположность космополитическому однообразію, проповѣданному экономической наукою. Оба они видятъ въ совокупной силѣ нравственныхъ и политическихъ народныхъ силъ частію двигателя, частію и самую цѣль народнаго хозяйства въ противоположность къ суммѣ разрозненныхъ матерьяльныхъ силъ и мѣновыхъ цѣнностей. Но все это противорѣчіе Листа съ ученіемъ Смита имѣетъ совершенно другой смыслъ, чѣмъ противорѣчіе Мюллера ⁽²⁾.

Въ ученіи Мюллера, личность поглощается въ народности, и нравственное государственное общежитіе составляетъ задачу и цѣль каждаго отдѣльнаго лица. Въ ученіи же Листа народность и государство составляютъ лишь средства для достиженія цѣлей личности; счастье и благоденствіе каждаго отдѣльнаго лица составляютъ у него задачу всякаго человѣческаго существованія. Мюллеръ полагаетъ, что взаимное треніе народовъ, даже самая война, суть необходимыя условія для того, чтобы сохранить каждому народу его самостоятельныя, жизненные силы.

⁽¹⁾ «Die Nationaloekonomie aus dem historischen Gesichtspunkt betrachtet» въ нѣмецкомъ готскомъ четверть-годовомъ изданіи 1839, I. — Ueber das Wesen und den Werth einer nationalen Gewerbsproduktivkraft, 1840, 1 ч. — Das nationale System der politischen Oekonomie, 1 ч. — Das Zollvereinsblatt, съ 1843 г.

⁽²⁾ Сравни *К. Х. Брюнеманна*. List's nationales System der politischen Oekonomie. Берлинъ 1842.

Напротивъ того, Листъ думаетъ, что всѣ политическія и экономическія соприкосновенія народовъ суть временныя только средства для окончательнаго утвержденія вѣчнаго мира и общаго, экономического равенства всѣхъ народовъ. Мюллеръ усматриваетъ въ понятіи народной силы (Nationalkraft) живое взаимодѣйствіе и національное экономическое общеніе всѣхъ силъ и цѣнностей; Листъ же, напротивъ того, видитъ въ этомъ понятіи только совокупность отдѣльныхъ производительныхъ народныхъ силъ, въ противоположность ихъ мѣновой цѣнности. Оба они, въ одно и то же время, отрицаютъ Смитовское начало экономической свободы и также бюрократизмъ современнаго полицейскаго государственнаго устройства; но Мюллеръ дѣлаетъ это, имѣя въ виду возстановленіе поземельной собственности въ ея старыхъ правахъ, Листъ же дѣйствуетъ ради интересовъ и успѣховъ денежной и фабричной промышленности. Оба они выставляютъ высшее значеніе полнаго развитія народа и долговѣчныхъ его пользъ передъ минутными промышленными прибылями; но первый дѣлаетъ это для того, чтобы снова вызвать старое экономическое устройство среднихъ вѣковъ, уничтоженное денежнымъ хозяйствомъ, Листъ же, напротивъ, для того, чтобы усовершенствовать и упрочить современное хозяйство на вѣчныя времена. Оба они равномѣрно протестуютъ противъ отвлеченнаго начала свободы, господствовавшаго въ прошломъ столѣтіи: только Мюллеръ во имя минувшихъ и вымершихъ, а Листъ во имя современныхъ и живыхъ народностей. Мюллеръ считаетъ себя противникомъ Смита въ томъ смыслѣ, что смотритъ на городскую промышленность какъ на исключительно свойственную Англіи, гдѣ она можетъ быть уравновѣшена самою жизнью этой страны и продолжающимся въ ней духомъ среднихъ вѣковъ; Листъ же напротивъ—потому, что система Смита монополизируетъ для Англіи городскую, фабричную промышленность. Не смотря на одинаковое противорѣчіе свое съ ученіемъ Смита, оба писателя эти тѣмъ не менѣе совершенно противоположны между собою въ своихъ взглядахъ, т. е. Листъ именно желаетъ того, что отвергаетъ Мюллеръ. Первый изъ нихъ нападаетъ на Германію за то, что страна эта держится старины и недовольно энергически движется по пути промышленности; второй же, напротивъ того, за то, что она уничтожаетъ свое старое и спѣшитъ догнать англійскую промышленность.

§ 15.

Народно-хозяйственная теорія Листа.

Въ основаніи теоріи Листа лежитъ, какъ мы уже указали, понятіе его о народѣ и о народности. Между лицомъ и человѣчествомъ, гово-

ритель онъ, стоитъ народъ съ своимъ особеннымъ языкомъ и литературою; съ своимъ особеннымъ происхожденіемъ и исторіею; со своими особенными нравами и обычаями, законами и учрежденіями; со своими требованіями на существованіе, самостоятельность и усовершенствованіе, въ смыслѣ организма, соединеннаго въ одно самостоятельное и одушевленное цѣлое тысячу узъ духа и интересовъ. Лице можетъ достигнуть умственной развитія, производительности, обеспеченности своего быта и благосостоянія лишь посредствомъ народа и въ средѣ народа; поэтому національная связь и составляетъ могущественное средство для осуществленія счастья отдѣльнаго лица. Цивилизація всего человѣческаго рода мыслима только при цивилизаціи и развитіи народностей, которыя, также точно какъ и лица въ государствѣ, должны, на основаніи общаго всѣмъ юридическаго права, постепенно болѣе и болѣе связываться между собою въ одинъ всемірный союзъ, заповѣданный намъ разумомъ и религіею и указываемый самою природою.

Самосохраненіе, развитіе и усовершенствованіе народности должны быть главною задачею всѣхъ человѣческихъ стремленій. Вся экономическая жизнь народа и всѣ экономическіе, частные интересы его должны быть подчинены государственной-народной цѣли.

Для достиженія этой цѣли требуется, прежде всего, вѣчная гармонія и взаимодѣйствіе хозяйства съ политическимъ и умственнымъ просвѣщеніемъ. Чѣмъ болѣе развивается и совершенствуется хозяйство какого нибудь народа, тѣмъ болѣе образованъ и могущественъ этотъ народъ, и чѣмъ болѣе возрастаетъ образованность и могущество народа, тѣмъ выше можетъ подняться уровень его экономическаго развитія.

Далѣе, Листъ требуетъ народнаго раздѣленія занятій и народной конфедераціи производительныхъ силъ; всѣ силы должны связаться между собой въ одно народное цѣлое и гармонически развиваться въ будущемъ. Но все это возможно въ томъ только случаѣ, если различныя поколѣнія будутъ стремиться, одно за другимъ, къ одной и той же цѣли, и если законъ соединенія силъ, оказывающій благотѣльные послѣдствія на отдѣльныхъ фабрикахъ, будетъ навсегда примѣненъ къ промышленности цѣлой націи. Не отдѣльно взятое лице должно заботиться о потребностяхъ будущихъ столѣтій, а цѣлая нація и государство.

На основаніи предъидущаго, народное богатство состоитъ не только въ массѣ мѣновыхъ цѣнностей, но и въ разнообразіи, крѣпости и равновѣсіи производительныхъ силъ, и созданіе производительныхъ силъ гораздо важнѣе для народныхъ цѣлей, нежели самое производство мѣновыхъ цѣнностей. Подобно тому, какъ отдѣльное лице должно жертвовать частными интересами для общественной пользы, такъ же

точно и современное поколѣніе должно часто жертвовать своими мѣновыми цѣнностями для увеличенія своихъ производительныхъ силъ въ будущемъ. Поэтому наука народнаго хозяйства должна имѣть такую самостоятельную теорію производительныхъ силъ, которая могла бы пополнить собой донинѣ существующую одностороннюю теорію мѣновыхъ цѣнностей.

Въ каждой, нормально развитой націи, существуютъ три главныя производительныя силы, которыя и должны быть усовершенствованы въ одинаковой степени, и именно: земледѣліе, промышленность и торговля. Между ними промышленность имѣетъ наибольшее вліяніе на все развитіе народа. Она не только возвышаетъ собой всѣ прочія экономическія силы, т. е. земледѣліе и торговлю, и также лежація въ ихъ основаніи силы природы, труда и капитала (или, какъ называетъ ихъ Листъ, естественныя, личныя и инструментальныя силы), но содѣйствуетъ, самымъ могущественнымъ образомъ, успѣхамъ науки свободы и воспитанія, также даетъ экономическую и политическую независимость каждому отдѣльному государству. Исключительно земледѣльческое государство не въ состояніи сдѣлать значительныхъ успѣховъ ни въ нравственномъ, ни въ умственномъ развитіи; оно будетъ во всегдашней зависимости отъ другихъ странъ, и никогда не будетъ въ состояніи опредѣлить сколько оно хочетъ производить, а должно ждать сколько другіе народы захотятъ пріобрѣсти у него.

Только страны, расположенныя въ умѣренномъ климатѣ, призваны къ развитію мануфактурныхъ силъ. Страны же жаркихъ климатовъ имѣютъ естественную монополію въ дѣлѣ воспитанія извѣстныхъ общепотребительныхъ, земледѣльческихъ произведеній, и именно колоніальныхъ товаровъ; такимъ образомъ, между умѣренной и жаркою климатическою полосой можетъ быть общечеловѣческое раздѣленіе занятій и конфедерация силъ. Но страны жаркой полосы, вслѣдствіе недостатка въ промышленномъ развитіи, попадаютъ всегда въ зависимость отъ странъ умѣренной полосы. Зависимость эта дѣлается впрочемъ безвредною, потому собственно, что въ средѣ умѣренной полосы является много такихъ націй, между которыми устанавливается взаимное равновѣсіе промышленности, торговли, мореходства и политическаго могущества всѣхъ ихъ, что въ свою очередь препятствуетъ имъ употреблять во зло личныя свои преимущества относительно менѣ сильныхъ странъ жаркой полосы.

§ 16.

Продолженіе.

Всѣ народы умѣренной полосы, прежде достиженія экономически-нормальнаго состоянія, проходятъ четыре ступени развитія:

1) Періодъ пастушества, или кочеваго быта, непосредственно слѣдующій за первобытнымъ состояніемъ дикости.

2) Періодъ земледѣльчана.

3) Періодъ земледѣлія и мануфактуръ.

4) Періодъ земледѣлія, мануфактуръ и торговли.

Земледѣліе улучшается первоначально вслѣдствіе ввоза чужеземныхъ мануфактурныхъ товаровъ, и вслѣдствіе вывоза туземныхъ земледѣльческихъ произведеній и сырыхъ продуктовъ. Позже, внутренніе рынки снабжаются туземными фабриками; въ четвертомъ же періодѣ начинается вывозъ огромнаго количества туземныхъ фабричныхъ издѣлій, и ввозъ чужеземныхъ земледѣльческихъ произведеній и сырыхъ продуктовъ.

Каждый шагъ народа, съ одной ступени на другую, связанъ всегда съ извѣстными условіями и предъидущими его обстоятельствами; потомъ задача каждаго государства состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть этихъ необходимыхъ условій и обстоятельствъ, и такимъ образомъ довести экономическое воспитаніе народа до наивысшей степени, т. е. ввести въ среду будущаго всемірнаго общества. Чѣмъ болѣе развивается хозяйство народа, тѣмъ болѣе должны быть усовершенствованы законодательство и администрація этого хозяйства. Наука народнаго хозяйства должна указывать на средства для воспитанія народа въ этомъ смыслѣ; или другими словами: экономическая наука должна быть народно-хозяйственною педагогикою. Наука эта, основанная на данныхъ исторіи и чистаго разума, между прочимъ научить насъ, что, независимо отъ иныхъ условій и средствъ, необходимыхъ для перехода народа съ одной ступени на другую, каждый народъ долженъ начать свое историческое поприще водвореніемъ у себя свободы торговли, а потомъ продолжать его посредствомъ сношеній съ богатыми и просвѣщенными народами, до тѣхъ поръ, пока въ собственномъ отечествѣ этого народа не утвердится мануфактурная сила. Когда, вслѣдствіе свободы торговли, нравственное и умственное воспитаніе народа разовьется до того, что онъ уже будетъ имѣть свою самостоятельную мануфактурную промышленность, тогда народъ долженъ будетъ ввести у себя покровительственную систему, подъ вліяніемъ которой промышленныя силы страны достигнутъ полнаго своего развитія. Наконецъ, если промышленныя силы развились уже до той степени, что превзошли силы другихъ націй, то необходимо будетъ снова вернуться къ свободѣ торговли.

Конечно покровительственныя таможенныя пошлины увеличиваютъ, на нѣкоторое время, цѣнность туземныхъ мануфактурныхъ произведеній; но за то въ будущемъ времени пошлины, вслѣдствіе усилившагося

внутреннего соперничества, удешевятъ цѣнность мануфактурныхъ товаровъ. Вполнѣ развившаяся національная промышленность можетъ постоянно понижать цѣну на свои фабричныя издѣлія, въ сравненіи съ иностранными странами, соразмѣрно расходамъ провоза и величинѣ коммерческой прибыли по пріобрѣтенію сырыхъ матерьяловъ и жизненныхъ продуктовъ, и по вывозу фабричныхъ издѣлій. Что народъ теряетъ на цѣнѣ, вслѣдствіе покровительственныхъ пошлинъ, то онъ выиграетъ на производительныхъ своихъ силахъ, которыя и дадутъ ему возможность непрерывно производить неограниченное количество цѣнностей. Потеря на цѣнности товаровъ здѣсь ни что иное, какъ расходъ на промышленное воспитаніе народа. Покровительственныя пошлины не должны сразу уединить одну націю отъ всѣхъ прочихъ, чѣмъ устранилось бы всякое иностранное соперничество; напротивъ того, онѣ должны быть вводимы съ умѣренностью, а потомъ уже, съ увеличеніемъ въ народѣ нравственныхъ и вещественныхъ капиталовъ, также технического искусства и духа предприимчивости, постепенно возвышаться.

Исключительно земледѣльческія страны, въ настоящее время, суть: Испанія, Португалія и Неаполь; на ступени промышленнаго развитія находятся Германія и Сѣверная Америка; нѣсколько за границами послѣдней ступени — Франція; и наконецъ высшей ступени промышленнаго развитія достигла пока одна только Великобританія.

Главный выводъ изъ цѣлой теоріи Листа заключается въ томъ, что, для возстановленія въ настоящее время нормальнаго экономическаго положенія Германіи, необходимы для нея обширная и округленная государственная территория, и также мануфактурное и коммерческое могущество. Для достиженія этой цѣли, Листъ предлагаетъ введеніе послѣдовательной, покровительственной таможенной системы, для всѣхъ отраслей туземной мануфактурной промышленности; сверхъ того расширенія таможеннаго союза до морскихъ береговъ сѣвера и юга, и наконецъ сооруженія германскаго флота и изданія навигаціоннаго акта. Онъ думаетъ, что созданная имъ система, „какъ бы ни казалась она ошибочною въ настоящее время, тѣмъ не менѣе основана не на шаткомъ космополитизмѣ, а на законахъ природы, на исторіи и на дѣйствительныхъ національныхъ потребностяхъ. Листъ полагаетъ возможнымъ посредствомъ этой системы согласить теорію съ практикою и сдѣлать доступною для каждаго образованнаго человѣка науку политической экономіи, которая отуманивала до сихъ поръ человѣческую разсудокъ, вслѣдствіе своей схоластической напыщенности, противорѣчій и ложной терминологіи“.

§ 17.

Заслуги Листа.

Листа сравнивали съ Бёрке (*); его называли даже Лютеромъ въ политической экономіи. Съ другой же стороны, его считали невѣжественнымъ шарлатаномъ, заимствовавшимъ немного хорошаго у Мюллера, но тѣмъ не менѣе исказившимъ и послѣдняго безъ всякаго пониманія дѣла. Всѣ эти сужденія преувеличены и указываютъ только на односторонность взглядовъ тѣхъ партій, которыя образовались какъ въ самой жизни, такъ и въ литературѣ, да и противъ ученія Листа. Но не смотря на то, существованіе этихъ партій и должно быть именно признано за большую заслугу Листа. Онъ былъ первый германскій экономистъ, сдѣлавшій свою науку достояніемъ народа; онъ изобразилъ въ области экономіи движеніе своего времени, стремящееся къ національной независимости; онъ создалъ народные экономическіе интересы и истинно-народныя партіи, и наконецъ онъ далъ германской промышленности общее направленіе къ одной, великой, народной цѣли. Это былъ первый промышленный агитаторъ и народный ораторъ, хотя односторонній, неосновательный, все преувеличивавшій, и собственно говоря, всегда повторяющій, на тысячу варьяцій, одну и ту же современную мысль; тѣмъ не менѣе Листа можно назвать благодѣтелемъ германскаго народа. Всѣ публичныя пренія относительно общественныхъ вопросовъ, хотя и порождаютъ первоначально много бессмыслицы и заблужденій, однако тѣмъ не менѣе приносятъ неисчислимую пользу тѣмъ, что пробуждаютъ дремлящія, нравственныя силы, выводятъ людей изъ ихъ эгоистической, ограниченной сферы, и наконецъ понуждаютъ ихъ самостоятельно размышлять о положеніи общественныхъ дѣлъ; сверхъ того пренія эти мало по малу воспитываютъ въ обществѣ, вмѣстѣ съ общественными житейскими убѣжденіями, и публичную нравственность.

Ко всему предъидущему мы должны присовокупить вторую заслугу, оказанную Листомъ. Писатель этотъ принудилъ германскихъ экономистовъ заняться историческими изысканіями; большая часть приведен-

(*) Бёрке—знаменитый англійскій ораторъ XVIII столѣтія (род. 1730, ум. 1797). Онъ былъ одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ защитниковъ свободы, упроченной англійскою революціей XVII столѣтія и являлся не разъ строгимъ, даже радикальнымъ критикомъ политическихъ учрежденій и законовъ своего времени; съ разливомъ французской революціи, онъ сталъ въ ряды ея противниковъ, и потому былъ обвиняемъ въ непослѣдовательности. Это обвиненіе совершенно несправедливо, ибо Бёрке во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ и рѣчахъ былъ защитникомъ политической свободы, основанной на конституціонныхъ началахъ.—В. Б.

ныхъ имъ доказательствъ, въ необходимости таможенной системы и историческаго воспитанія хозяйства, почерпнуты имъ; онъ хотѣлъ доказать, что если Италия, Франція, Англія и другія европейскія государства, стоящія, въ новѣйшее время, въ главѣ цивилизаціи, имѣютъ развитую промышленность, то они именно обязаны тѣмъ средствамъ, которыя онъ предлагаетъ; напротивъ того отдѣльныя итальянскія государства: Амальфи, Пиза, Генуя, Венеція, пали вслѣдствіе недостатка національнаго единства, а морское владычество Ганзейскихъ городовъ пало вслѣдствіе недостатка національнаго равновѣсія и полнаго развитія всѣхъ внутреннихъ, производительныхъ силъ ихъ. Листъ принудилъ своихъ противниковъ покинуть сферу отвлеченностей, вступить на историческую почву и заняться изслѣдованіемъ дѣйствительнаго развитія народовъ. Главная причина видимаго успѣха, который имѣла теорія Листа, и лежитъ именно въ непривычкѣ большей части экономистовъ работать въ области исторіи.

Еще одна заслуга Листа состоитъ въ томъ, что онъ навсегда сдѣлалъ невозможными, въ вопросѣ покровительственныхъ пошлинъ, тѣ доводы, которые приводилъ Смитъ. Три основныя положенія, на которыхъ А. Смитъ построилъ свои доказательства ⁽¹⁾, относительно свободы торговли, суть слѣдующія:

(1) Доказательства А. Смита, изложенныя имъ во 2-й главѣ 4-й книги, состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Каждое лице, побуждаемое неизбѣжнымъ личнымъ интересомъ, силится употребить свой капиталъ и свой трудъ такимъ образомъ, чтобы произведенія его имѣли, по возможности, наибольшую мѣновую цѣнность, на томъ основаніи, что чѣмъ будетъ больше цѣнность, тѣмъ больше будетъ и барышъ.

2) Ежегодный доходъ, получаемый обществомъ, всегда равенъ мѣновымъ цѣностямъ всѣхъ отдѣльныхъ произведеній года.

3) Годовой доходъ общества будетъ увеличиваться въ томъ случаѣ, если каждое отдѣльное лице будетъ слѣдовать естественному побужденію личнаго интереса въ приложеніи своего труда и капитала.

4) Каждая покровительственная пошлина обезпечиваетъ промыслу внутреннюю монополію на туземномъ рынкѣ; вслѣдствіе чего, капиталъ и трудъ уклоняются, искусственнымъ образомъ, отъ своего естественнаго пути, привлекаемые къ покровительствуемому промыслу.

5) Каждая покровительствующая пошлина препятствуетъ такому примѣненію капитала и труда, которое можетъ принести націи наибольшій чистый доходъ. Въ этомъ случаѣ, чистый барышъ уменьшается на столько, на сколько страна могла бы дешевле получить изъ-за границы производимые у ней товары, по сравненію съ тѣмъ, чего стоитъ ей собственное производство.

6) Такъ какъ всякая промышленность увеличивается только при условіи большаго объема, т. е. когда увеличивается капиталъ, и такъ какъ всякое уменьшеніе чистаго

1) Каждый человекъ, стремящійся достигъ въ своемъ хозяйствѣ, т. е. въ приложеніи къ дѣлу своего труда и капитала, возможно бѣльшаго, чистаго дохода, тѣмъ самымъ желаетъ уже наибольшаго общественнаго благосостоянія.

2) Чистый доходъ націи состоитъ изъ суммы мѣновыхъ цѣнностей частныхъ производствъ, и

3) Каждое уменьшеніе чистаго дохода есть вмѣстѣ съ тѣмъ чистый убытокъ для націи.

Предъидущія положенія самымъ рѣзкимъ образомъ указываютъ намъ на односторонность ученія Смита. Если несостоятельность этихъ положеній и была уже указана Лаудердалемъ ⁽²⁾ и Адамомъ Мюллеромъ ⁽³⁾, то это сдѣлано безсвязно и безъ послѣдовательнаго примѣненія къ практическимъ вопросамъ.

§ 18.

Критика теоретической части ученія Листа.

Собственно на экономическую систему Листа имѣемъ мы взглядъ совершенно противоположный тому, что сказано нами о практическихъ его заслугахъ. Въ теоретической части его ученія обозначились, особенно выпукло, три пункта, и именно: опредѣленіе національности, теорія четырехъ ступеней развитія и теорія производительныхъ силъ, въ противоположность къ теоріи мѣновой цѣнности.

1. *Посредствомъ своего понятія о національности*, Листъ возвращается къ тому атомистическому представленію государственнаго общежитія, которое мы разбирали какъ въ ученіи Смита, такъ и въ теоріи рациональнаго естественнаго права. Онъ смотритъ на общественную жизнь, какъ на средство къ достиженію личнаго благосостоянія; это воззрѣніе его только тѣмъ отличается отъ предшествовавшихъ подобныхъ воззрѣній, что онъ видитъ въ государствѣ, основанномъ на національности, не только юридическій институтъ (учрежденіе), но и не-

дохода мѣшаетъ увеличенію капитала, то каждая покровительственная пошлина должна вредить успѣхамъ промышленности, т. е. оказывать дѣйствіе противоположное тому, какое она должна бы была имѣть.

⁽²⁾ *Лаудердаль* „О народномъ благосостояніи“ глава 2, доказываетъ, что на основаніи экономическаго закона, частное богатство увеличивается въ той степени, на сколько уменьшается народное богатство, и обратно, ибо мѣновая цѣнность отдѣльныхъ произведеній, напр. жизненныхъ продуктовъ, будетъ тѣмъ бѣльшая, чѣмъ будетъ меньше произведеній, и тѣмъ меньшая, чѣмъ обильнѣе будутъ эти произведенія.

⁽³⁾ *Elemente der Staatskunst, Vorlesung 18—20 стр.* Сравни § 12.

обходимое экономическое воспитательное учреждение. Черезъ это однако исчезаетъ преимущество взгляда Листа, которое мы должны были признать относительно учения Мюллера, и именно нравственное содержание общежитія (*). Подчиненіе всякой частной выгоды цѣлямъ общественнымъ является требованіемъ только благоразумія и хорошо понятаго личнаго интереса, но не нравственною обязанностью, которая бы исходила изъ природы общежитія.

II. Изъ сочиненій Листа легко можно видѣть, что ученіе о *четырехъ періодахъ развитія* народовъ умѣренной полосы, выведенное имъ изъ исторіи Великобританіи, создано имъ чисто съ практической цѣлю, т. е. это ученіе должно было доказать, что промышленная сила и самостоятельность Германіи требуютъ обширнаго развитія таможенной системы. Доказательство этому можно найдти даже въ изложенной самимъ Листомъ ⁽¹⁾ исторіи происхожденія его и національной системы. „Ученіе Листа противорѣчитъ однако всѣмъ историческимъ даннымъ; такъ что простое сравненіе развитія хозяйства въ Великобританіи и въ Германіи, даже согласно имъ самимъ представленнымъ даннымъ, должны были бы убѣдить Листа въ несостоятельности его теоріи. Нельзя согласиться въ томъ, чтобы путь, по которому шла Великобританія, начинался съ земледѣлія, и потомъ чрезъ промышленность, привелъ ее къ торговлѣ. Англійское коммерческое могущество и морское владычество упрочились въ періодъ отъ королевы Елизаветы и до середины XVIII столѣтія совершенно независимо отъ фабричной промышленности Англій, а напротивъ лишь вслѣдствіе развитія торговли и приобрѣтенія колоній, возросла въ послѣднія 70 лѣтъ, фабричная промышленность Англій. Англійскій торговый флотъ, вышедшій въ 1663 году изъ англійскихъ пристаней, состоялъ изъ 95,266 тоннъ; съ 1700 по 1702 годъ включительно онъ былъ 273,693; съ 1749 по 1751 годъ включительно 609,798; въ 1800 году 1,445,271, и наконецъ съ 1830 по 1840 годъ включительно 2,302,903 ⁽²⁾. На основаніи этого разсчета, объемъ англійскаго торговаго флота увеличился, въ первой половинѣ періода времени отъ 1663 по 1840 годъ, почти въ шесть съ половиною разъ; а во второй половинѣ, т. е. когда не было уже столь значительнаго (какъ въ первомъ періодѣ) *возрастанія англійской промышленной дѣя-*

(*). Для устраненія нѣкоторыхъ недоразумѣній, нельзя не замѣтить здѣсь, что большинство германскихъ ученыхъ, въ томъ числѣ и Гильдебрантъ, постоянно смѣшиваютъ понятія *государство* и *общество* (или общежитіе). Различеніе этихъ двухъ понятій сдѣлано въ Германіи лишь въ весьма недавнее время.—В. Б.

⁽¹⁾ Именно въ предисловіи къ его „National System“.

⁽²⁾ Смотри Маккюлока: Dictionary.

тельности, увеличение флота не достигло и четвертой части. Листъ обращаетъ свое вниманіе исключительно на непосредственную торговлю фабричными издѣліями и колоніальными товарами между двумя поясами, жаркимъ и умѣреннымъ. Онъ совершенно забываетъ важное историческое значеніе комиссіонной или транзитной торговли, которая составляла главную дѣятельность коммерческихъ республикъ Италіи, въ средніе вѣка, также Ганзейскихъ городовъ и Голландіи; сверхъ того онъ вездѣ придаетъ слишкомъ большое значеніе вліянію мануфактуръ. Онъ приписываетъ фабричной промышленности не только всѣ плоды земледѣлія и торговли, но и всѣ успѣхи знанія и искусства; но онъ забываетъ, что ни умственное развитіе древняго міра, ни искусства среднихъ вѣковъ, наконецъ ни англійская литература, начиная отъ Бекона и Шекспира и до Юма, вовсе не обязаны своимъ происхожденіемъ мануфактурной силѣ, — этому дѣтищу совершенно новѣйшихъ временъ. Всѣ сильныя вліянія, приписываемыя Листомъ фабричной промышленности, гораздо болѣе принадлежать собственно торговлѣ⁽³⁾. Вся исторія просвѣщенія, начиная отъ Индійцевъ и Финикіянъ до нынѣшнихъ Сѣверо-Американцевъ, показываетъ намъ, что тѣ именно пункты Земнаго Шара, на которыхъ люди и народы приходятъ между собой въ соприкосновеніе и на которыхъ они сталкиваются въ борьбѣ своихъ нравственныхъ и физическихъ силъ, и также страны, обладающія судоходными рѣками и морскими берегами, — вездѣ и постоянно бывали зародышами нравственнаго и матерьяльнаго развитія. Если мы и должны будемъ согласиться съ Листомъ въ томъ, что, въ настоящую эпоху, никакая нація не можетъ иначе упрочить своего участія во всемірной торговлѣ, какъ посредствомъ успѣховъ фабричной дѣятельности, то тѣмъ не менѣе условіе это не было необходимымъ въ прошедшія времена, когда техника имѣла совершенно второстепенное значеніе въ удовлетвореніи человѣческихъ потребностей. Всемірная торговля имѣетъ также свои періоды развитія, какъ въ отношеніи къ пространству, такъ и къ характеру своего развитія.

Каждая нація имѣетъ свой особенный путь въ дѣлѣ экономическаго развитія; одна начинается земледѣліемъ, другая — скотоводствомъ, третья — мореходствомъ. Первый толчекъ на этомъ пути дается самою природою страны; разнообразіе почвы и климата, подъ вліяніемъ которыхъ всѣ народы начинаютъ свое историческое поприще, всегда производитъ разнообразіе въ промышленномъ развитіи, а также и послѣдователь-

(3) Сравни К. Х. Брюеманна: *Der deutsche Zollverein und das Schutzsystem*. Берлинъ 1845, стр. 68 и слѣд.

ность во времена различныхъ отраслей промышленности. Тотъ, кто считаетъ, подобно Листу, возможнымъ примѣнить послѣдовательность степеней технического развитія одного народа ко всѣмъ остальнымъ народамъ; тотъ, кто утверждаетъ, что всѣ страны умѣренной полосы должны постоянно стремиться къ достиженію промышленнаго положенія, занимаемаго нынѣ Англіей, и наконецъ тотъ, кто судить о средневѣковой Италіи, о Германіи въ эпоху морскаго владычества Ганзы, о Голландіи, о Франціи и т. д. по одной и той же мѣркѣ, тотъ не только мыслить *не исторически*, но даже столько же *космополитически*, какъ вся Смитовская школа.

III. Неясная и ложная мысль пополнить теорію мѣнновой цѣнности самостоятельнымъ ученіемъ о производительныхъ силахъ, очевидно обязана своимъ происхожденіемъ стремленію къ *покровительственнымъ пошлинамъ*. Именно на томъ основаніи, что покровительственныя пошлины требуютъ жертвованій на счетъ суммъ мѣнновыхъ цѣнностей и что причины, производящія мѣнновую цѣнность, по мнѣнію самого же Листа, увеличиваютъ собой и производительныя силы, онъ требуетъ особенной теоріи причинъ, оторванныхъ отъ ихъ послѣдствій. Невозможно однако допустить въ наукѣ такого раздѣленія причинъ отъ послѣдствій. Тѣ и другія тѣсно между собой связаны и могутъ быть вполне поняты только при изслѣдованіи ихъ взаимодѣйствія. Подобно тому, какъ естественныя, рабочія силы могутъ быть узнаны только по послѣдствіямъ; также точно мы можемъ уразумѣть продуктъ производительныхъ силъ только по изслѣдованіи причины этихъ силъ. На основаніи этихъ умозаключеній, школа Смита и разлагаетъ всѣ цѣнности на элементы производительныхъ силъ, употребленныхъ для созданія цѣнностей.

Съ другой точки зрѣнія оказывается также весьма неумѣстнымъ разлучать между собою производительныя силы и цѣнности. Причины и ихъ дѣйствія не составляютъ различныхъ величинъ въ области экономіи; напротивъ того, каждое дѣйствіе причины само въ свою очередь дѣлается причиною новаго экономическаго процесса. Рабочая сила людей производитъ способы продовольствія, которые въ свою очередь также производятъ рабочія силы. Нравственныя силы націи производятъ знаніе и образованность, которыя увеличиваютъ экономическія силы, а послѣднія создаютъ матерьяльное благосостояніе, снова воспроизводящее нравственныя силы. Такимъ образомъ, процессъ производительности, какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ объемѣ, состоитъ въ вѣчномъ взаимодѣйствіи производительныхъ цѣнностей; каждая дѣйствительная цѣнность дѣлается производительной силой, а каждая производительная сила — цѣнностью.

На основаніи всего вышесказаннаго, дѣйствительное народное богатство создается не противопоставленіемъ, а на оборотъ соединеніемъ цѣнностей и производительныхъ силъ, по той причинѣ, что каждое потребленіе цѣнностей тотчасъ же дѣлается производительнымъ, а каждое производство тотчасъ же удовлетворяетъ общественнымъ потребностямъ. Тамъ же, гдѣ прекращается подобное взаимодѣйствіе и уничтожается естественный круговой путь производительнаго процесса,—тамъ, гдѣ цѣнности остаются непроизводительными, а производительныя силы не имѣютъ цѣнности,—наконецъ тамъ, гдѣ напримѣръ способы продовольствія, вмѣсто того, чтобы увеличивать тѣлесныя силы, уменьшаютъ ихъ, или расточаются непроизводительнымъ образомъ, — тамъ является полный экономическій и нравственный упадокъ.

Итакъ очевидно, что вся теорія Листа лишена прочности и не могла быть способною произвести какой нибудь истинный переворотъ въ экономической наукѣ.

§ 19.

Критическій разборъ практической части ученія Листа.

Приступая къ изслѣдованію практической части ученія Листа, т. е. ея теоріи покровительственныхъ пошлинъ,—нужно различать цѣль пошлинъ отъ самихъ пошлинъ, служащихъ средствомъ къ достиженію цѣли.

Извѣстно, что А. Смитъ примѣнилъ свой законъ раздѣленія занятій и къ хозяйству различныхъ народовъ. „Каждый благоразумный хозяинъ дома, говоритъ онъ ⁽¹⁾, считаетъ за правило благоразумія никогда не дѣлать ничего такого въ своемъ домѣ, что можетъ быть дешевле приобрѣтено покупкою. Портному невыгодно шить для себя сапоги, которые онъ покупаетъ у сапожника; сапожнику не приходится шить для себя платье, которое онъ покупаетъ у портнаго; земледѣлецъ тоже не дѣлаетъ для себя ни платья, ни сапоговъ, а онъ производитъ только пищу для ремесленниковъ, трудящихся въ этихъ мастерствахъ. Всѣ эти лица находятъ для себя болѣе выгоднымъ прилагать свой трудъ такимъ образомъ, чтобы производить излишекъ продуктовъ для своихъ сосѣдей, а платить потомъ за чужіе продукты для своихъ потребностей излишкомъ своихъ, собственныхъ продуктовъ. То, что составляетъ благоразуміе въ семействѣ, не можетъ быть нелѣпостью въ примѣненіи къ цѣлому государству“. На основаніи вышесказаннаго, каждая нація должна

(¹) IV часть, 2-я глава.

усовершенствовать только одну какую нибудь отрасль промышленности; одна нація должна, на примѣръ, заниматься земледѣліемъ, другая горнымъ дѣломъ, третья фабричною дѣятельностію и т. д.; свобода же торговли должна способствовать въ этомъ случаѣ къ уравниванію недостатковъ и излишковъ въ разнообразныхъ произведеніяхъ труда во всемъ человѣчествѣ. Международное раздѣленіе занятій приноситъ каждому народу тѣ же самыя выгоды, какъ раздѣленіе занятій внутри одного общества приноситъ выгоду каждому отдѣльному рабочему члену общества. Портной, — купившій себѣ за 2 р. или за два рабочіе дня, пару сапогъ, изготовленіе которыхъ собственнымъ трудомъ стоило бы для него четыре рабочіе дня, — выигрываетъ два рабочіе дня; сапожникъ, — имѣя 2 р., можетъ располагать издѣліемъ портнаго или другаго ремесленника, или даже услугою купца, — собственное же личное производство такого издѣлія или услуги стоило бы для сапожника вдвое бѣльшихъ расходовъ на трудъ и время, — и потому сапожникъ выигрываетъ два рабочихъ дня, покупая нужную для себя вещь. Точно также въ международной торговлѣ выигрываютъ какъ покупатели, такъ и продавцы, и торговый барышъ ихъ обоюдень. Свобода торговли, дозволяющая каждому народу, также какъ и каждому отдѣльному лицу, безпрепятственно удовлетворять своимъ желаніямъ, покупать по возможности дешево и продавать по возможности дорого (2), — составляетъ, по убѣжденію А. Смита, также какъ и свобода ремесль, необходимое послѣдствіе начала раздѣленія занятій. Свобода торговли является здѣсь также средствомъ для организаціи раздѣленія занятій всего человѣчества, соотвѣтственно законамъ физической природы.

Напротивъ того, Листъ считаетъ необходимымъ только раздѣленіе занятій внутри каждой страны, и потому требуетъ, для каждой націи умѣреннаго пояса, самага разносторонняго, промышленнаго производства. Каждая нація, не смотря на свое положеніе, на естественныя произведенія своей почвы и на свои способности, должна усовершенствовать

(2) Эгоистическій принципъ торговли совершенно откровенно высказывается А. Смитомъ въ той же главѣ, и именно въ слѣдующихъ словахъ: „Интересъ каждаго народа, въ торговыхъ его сношеніяхъ съ другими, подобенъ интересу купца, въ отношеніи его къ различнымъ лицамъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло; этотъ интересъ состоитъ въ томъ: *чтобы покупать по возможно дешевой цѣнѣ, а продавать по возможно дорогой.* Та нація, которая будетъ ноощрять свободу торговли и привозъ всѣхъ нужныхъ товаровъ, будетъ тѣмъ самымъ имѣть возможность покупать дешево; но, вслѣдствіе этой же причины, она будетъ имѣть возможность продавать дорого свои собственные товары, потому что на рынкѣ ея появится бѣльшее число покупателей“.

не только земледѣліе, фабрики и торговлю, но и всѣ безъ изъятія отрасли фабричной дѣятельности, служащія для удовлетворенія національных ея потребностей. Она должна быть доведена своимъ правительствомъ до полнаго, само по себѣ удовлетворяющаго, промышленнаго цѣлаго; и покровительственныя пошлины на извѣстной ступени народнаго развитія составляютъ общеупотребительное средство, чрезъ которое развиваются всѣ фабричныя отрасли, народы достигаютъ послѣдней ступени своего экономическаго совершенства, и наконецъ вступаютъ во всемірный союзъ.

Смитъ видитъ въ каждой націи отдѣльный рабочій членъ всего человѣческаго рода, для котораго и предназначается, въ видахъ личнаго интереса, специальная отрасль человѣческаго труда; Листъ же, напротивъ того, имѣя впрочемъ въ виду ту же самую цѣль, хочетъ совмѣстить всѣ отрасли человѣческаго труда въ каждомъ, отдѣльномъ народѣ умѣреннаго пояса. Смитъ желаетъ существованія во всѣхъ народахъ непрерывной нужды другъ въ другъ и соединенія всѣхъ въ одно всемірное, промышленное общество; Листъ же, напротивъ того, желаетъ раздѣленія человечества на обособленныя, небольшія всемірно-промышленныя общества, и также освобожденія cadaго народа отъ необходимости сношеній съ прочими народами. Оба писателя одинаково имѣютъ своею цѣлю наибольшую, матерьяльную выгоду для cadaго народа и братство всѣхъ народовъ въ одномъ, великомъ цѣломъ, но каждый стремится къ этой цѣли по-своему; первый на основаніи космополитическаго раздѣленія занятій и промышленнаго совершенства, отличнаго для каждой страны; второй на основаніи народнаго раздѣленія занятій (т. е. внутри каждой страны) и тождества въ промышленномъ совершенствѣ всѣхъ народовъ.

Оба писателя одинаково односторонни. Какъ исключительно народное раздѣленіе занятій, недопускающее космополитическаго или общенароднаго, такъ и исключительно космополитическое, недопускающее народнаго, противоестественны и противоположны высокимъ, нравственнымъ цѣлямъ просвѣщенія человечества.

Понятно, что выгоды отъ раздѣленія занятій и отъ торговыхъ оборотовъ постоянно могутъ быть обоюдны, хотя онѣ и могутъ быть весьма неравномѣрны для двухъ сторонъ, ведущихъ между собою торговлю. Остановимся на вышеприведенномъ примѣрѣ и предположимъ, что портной въ то же время и капиталистъ. Въ этомъ случаѣ, онъ можетъ не только примѣнить къ дѣлу раздѣленіе занятій въ той степени, на сколько это возможно для технической стороны его ремесла, но онъ будетъ, сверхъ того, въ состояніи покупать *оптомъ* какъ

сырые матерьялы для обработки, такъ и припасы для своего продовольствія. Онъ будетъ, значитъ, имѣть возможность покупать цѣною одного своего рабочаго дня произведеніе сапожника, стоившее послѣднему двухъ рабочихъ дней (³).

Выходитъ, что портной выигрываетъ, независимо отъ процента на свой оборотный капиталъ, еще три рабочіе дня, сапожникъ же только два. Предположимъ, что портной будетъ одинъ заниматься въ извѣстной мѣстности своимъ ремесломъ, или что онъ будетъ кредиторомъ сапожника, или наконецъ, что онъ будетъ обладать какимъ нибудь средствомъ для того, чтобы принудить сапожника къ покупкѣ его издѣлій, то въ такомъ случаѣ, сверхъ вышеуказанныхъ преимуществъ, этотъ портной можетъ еще возвысить цѣну своихъ товаровъ, и при каждой мѣнѣ

(³) Ежедневный опытъ неисчислимыми примѣрами научаетъ насъ, какъ стоимость (расходы) производства, а затѣмъ и чистая прибыль въ ремеслахъ соразмѣряются всегда съ величиною капитала. Марбургскій горшечникъ обрабатываетъ, съ четырьмя подмастерьями, каждую недѣлю двух-конную телѣгу глины, которая въ томъ случаѣ, если крестьяне, владѣльцы глинянаго слоя земли, не заняты земледѣльческими работами, обойдется горшечнику:

Въ дешевое время года.	Въ дорогое время года.
1 руб. 36 коп. сер.	3 руб. 68 коп. сер.

Далѣе расходы производства горшечника составляютъ:

Расходы на задѣльную плату.	7	”	36	”	”	7	”	36	”	”
” на глазировку	5	”	52	”	”	5	”	52	”	”
” на окраску	—	”	22	”	”	—	”	22	”	”
” на дрова	2	”	76	”	”	3	”	68	”	”

Итого общаго расхода 17 руб. 22 коп. сер. 20 руб. 46 коп. сер.

Мѣновая цѣнность или продажная цѣна произведенія горшечника на мѣстѣ производства положимъ 17 р. 22 к. с. Если горшечникъ обладает капиталомъ въ 229 р. и можетъ сдѣлать закупку глины и дровъ въ дешевое время, и на цѣлый годъ, тогда прибыль его отъ продажи горшковъ простирается до 9 р. 4 к. с., въ которыхъ 22 к. с. составляютъ еженедѣльный процентъ на капиталъ, считая по 5⁰/₀; а 8 р. 82 к. с. вознагражденіе за его трудъ и процентъ на прочіе расходы или затраты капитала. Въ противоположномъ случаѣ (т. е., если у горшечника нѣтъ капитала для закупокъ въ дешевое время года) горшечникъ приобрѣтаетъ 5 р. 74 к. с., значитъ, цѣлою третью менѣе. Выходитъ, что тотъ горшечникъ, который располагаетъ капиталомъ, можетъ, сравнительно съ другимъ своимъ собратомъ, располагать (продавая свои 6 рабочихъ дней) тѣмъ самымъ количествомъ произведеній другихъ людей, какое будетъ стоить другому горшечнику (необладающему капиталомъ) 9 рабочихъ дней. Я привелъ этотъ примѣръ потому, что экономическій законъ обоюдной выгоды раздѣленія занятій имѣетъ еще до сихъ поръ большое значеніе между доводами, приводимыми представителями неограниченной свободы торговли.

получать чистаго барыша на три рабочіе дня болѣе, оставляя на долю сапожника только прибыль въ одинъ рабочій день. Разумѣется, оба они будутъ имѣть чистую прибыль, но неравенство прибыли можетъ возрасти до того, что первый изъ нихъ, т. е. владѣлецъ капитала, можетъ увеличивать свою прибыль до *избытка*, а второй, необладающій капиталомъ, не смотря на постоянный свой барышъ, можетъ едва только зарабатывать насущный хлѣбъ.

Что справедливо для частныхъ лицъ, то въ гораздо еще болѣе-шей степени примѣнимо къ народамъ. Количество накопленнаго капитала и особенности той отрасли дѣятельности, которую взялъ на себя каждый народъ, обусловливаютъ собой различіе чистой его прибыли. Такимъ образомъ, фабричное производство, независящее отъ переменчивыхъ вліяній атмосферы, повсемѣстно дозволяетъ неограниченное примѣненіе раздѣленія занятій и машинъ, влечетъ за собою сосредоточеніе великихъ массъ капитала, и наконецъ передаетъ торговлѣ такіе товары, которые, вслѣдствіе значительной и относительной прочности, представляютъ гораздо менѣе опасности и также менѣе расходовъ провоза, чѣмъ болѣе большая часть сырыхъ товаровъ. Нація, занимающаяся фабричнымъ производствомъ, постоянно имѣетъ перевѣсъ предъ исключительно земледѣльческимъ народомъ; въ особенности, если принять за правило положеніе А. Смыслъ о стремленіи покупать по возможности дешево, и продавать по возможности дорого, т. е. если принять чистѣйшій эгоизмъ за единственно господствующее въ торговлѣ начало.

Призваніе каждаго народа состоитъ въ извѣстномъ родѣ промышленной всесторонности и народнаго раздѣленія занятій. Производство льна и горный промыселъ будутъ всюду невыгодными, если они не будутъ пополнены введеніемъ прядильныхъ, ткацкихъ и металлургическихъ заведеній. Сферы противоположныхъ потребностей, деревня и городъ, должны уравниваться и взаимно пополнять другъ друга; сверхъ того каждая нація, по мѣрѣ природныхъ своихъ силъ и своего положенія, должна стремиться къ постепенному развитію всѣхъ отраслей промышленности, также и къ соединенію ихъ въ одно цѣлое, одушевленное общимъ, народнымъ призваніемъ и нравственною государственною цѣлію.

Исключительное космополитическое (т. е. международное) раздѣленіе занятій (*) необходимо приводитъ къ противоестественному

(*) Здѣсь должно сдѣлать замѣчаніе, относящееся и ко многимъ предъидущимъ разсужденіямъ автора. Защитники свободы торговли вовсе не требуютъ такого раздѣленія занятій между народами, которое бы заключалось въ раздѣленіи на

неравенству матерьяльнаго и нравственнаго благосостоянія государствъ. Оно не въ состояніи осуществить братскій союзъ народовъ, какъ равноправныхъ членовъ общества; напротивъ того, оно образуетъ экономически-всемірную монархію, къ которой богатый и находящійся въ благопріятныхъ условіяхъ, народъ дѣлается законодателемъ всѣхъ прочихъ.

Но и исключительное народное (т. е. въ средѣ одного народа) раздѣленіе занятій также мало соотвѣтствуетъ природнымъ свойствамъ народовъ и нравственной задачѣ человѣчества. Призваніе каждаго народа къ фабричной дѣятельности распространяется только на тѣ матерьялы, которые или легко пріобрѣтаются на туземной почвѣ, или же обработка которыхъ находится подъ особенными благопріятными условіями природы. Природными расположеніями почвы и народа ⁽⁴⁾ опредѣляется различіе искусственной тепличной фабрикаціи каждой страны и естественной. Переступленіе природныхъ границъ, назначенныхъ для промышленной дѣятельности, угрожаетъ тою же самою, если не большею, опасностію, какъ и одностороннее ограниченіе народной дѣятельности. Производительныя силы лишаются, въ этомъ случаѣ, возможности быть примѣненными соотвѣтственно своей природы, что производитъ ущербъ капиталу и труду, и необходимо поражаетъ нищету. Такимъ образомъ, вслѣдствіе условій климата и почвы, облегчающихъ воспитаніе шелко-

земледѣльческіе, фабричныя и коммерческіе народы. Такое раздѣленіе, очевидно противно общимъ началамъ исторіи и цивилизаціи; можетъ быть оно и представлялось экономистамъ прежняго времени, и даже отчасти самому Смигу, но нынѣ признается невозможнымъ, и еслибъ оно было возможно, то было бы весьма вредно для цивилизаціи. Между тѣмъ рѣшительное, коренное экономическое превосходство или преобладаніе одного народа надъ другимъ, именно имѣло бы мѣсто только при подобномъ раздѣленіи занятій.—В. Б.

(4) Я съ намѣреніемъ говорю о природныхъ расположеніяхъ (Anlagen), потому что историческія отношенія, нравы, вкусы и образъ жизни народа обусловливаютъ собой его фабричныя производства. Двѣ націи, на основаніи преимуществъ національныхъ своихъ особенностей, могутъ взаимно пополнять другъ друга въ одной и той же фабричной отрасли. Физическая способность къ работѣ различается количественно у различныхъ націй. До сего дня напр. ни одинъ англійскій фабричный работникъ не будетъ работать въ совершенно закрытыхъ, сильно натопленныхъ и никогда неосвѣжаемыхъ новымъ воздухомъ помѣщеніяхъ; и хотя онъ и переноситъ сильный жаръ на фабрикахъ стеклянныхъ, зеркальныхъ, соляныхъ и тому подобныхъ, но считаетъ для себя невыносимымъ гораздо умѣреннѣйшую температуру другихъ фабричныхъ отраслей, производящихся въ замкнутыхъ помѣщеніяхъ. Въ прядильняхъ и ткацкихъ Англій работаютъ исключительно ирландское и валійское населеніе, и владѣльцы лондонскихъ сахарныхъ заводовъ тщетно пробовали замѣнить работающихъ у нихъ нѣмецкихъ работниковъ англійскими. Послѣдніе покидали фабрики чрезъ нѣсколько недѣль, на томъ основаніи, „что температура ихъ была невыносима.“

вичныхъ червей во Франціи, она предназначена природою къ шелковой фабрикаціи. Германія же имѣетъ естественное призваніе къ льняному и шерстяному промысламъ, также къ фабрикаціи хрустальныхъ, фарфоровыхъ и древесныхъ товаровъ. Но ни Франція, ни Германія не могутъ сами удовлетворять своимъ потребностямъ; напротивъ того, онѣ нуждаются въ произведеніяхъ другихъ народовъ.

Листъ требуетъ тщетной и вредной борьбы противъ условій, положенныхъ природою, и онъ несправедливо предполагаетъ, что весь умѣренный климатическій поясъ повсемѣстно имѣетъ одинаковыя природныя и народныя условія для развитія всѣхъ родовъ фабричныхъ отраслей.

Предположивъ, по смыслу ученія Листа, что всѣ народы разовьютъ у себя всестороннее раздѣленіе занятій, и послѣ того образуютъ всемірную конфедерацію, въ которой господствовало бы начало свободы торговли,—посмотримъ на необходимыя послѣдствія подобнаго положенія дѣлъ. Тогда, очевидно, явилась бы взаимная борьба отдѣльныхъ націй, съ цѣлію пріобрѣсти монополію торговли на рынкѣ жаркаго пояса; сверхъ того возродилась бы та же борьба и на внутреннихъ рынкахъ, и въ обоихъ случаяхъ побѣда была бы рѣшена силою естественныхъ условій каждой изъ отдѣльныхъ отраслей промышленности и силою капитала (*). Всѣ нездоровыя, съ трудомъ и съ большими пожертвованіями воспитанныя промышленности снова уничтожились бы.

Рядомъ съ народнымъ раздѣленіемъ занятій необходимо и всемірное, которое дѣйствовало бы рука объ руку съ первымъ; то и другое раздѣленіе занятій будутъ постоянно стремиться установить и на долго сохранить экономическое здоровье всѣхъ членовъ человѣчества, какъ главное условіе нравственнаго и умственнаго ихъ просвѣщенія.

§ 20.

Продолженіе.

Все, что сказано нами о цѣли, относится также и къ средствамъ; въ этомъ отношеніи Листъ, также точно какъ и Смитъ ⁽¹⁾, оба заслу-

(*) Другими словами, исходомъ борьбы былъ бы тотъ путь экономического развитія, на который указываетъ школа Смита.—В. Б.

(1) Самъ А. Смитъ не проповѣдывалъ пользы свободы торговли столь рѣзкимъ и исключительнымъ образомъ, какъ его послѣдователи: Маккюлохъ, Росси, Лотцъ и т. д., отвергавшіе даже всякое исключеніе изъ общаго начала. Напротивъ того, Смитъ допускаетъ четыре исключенія:

1) Если успѣхи извѣстной промышленной отрасли необходимы для спокойствія страны.

живають порицанія. Послѣдній изъ нихъ ошибается въ томъ, что даетъ всеобщее примѣненіе началу свободы торговли, а Листъ—въ томъ, что даетъ такое же примѣненіе покровительственнымъ пошлинамъ, годнымъ только въ опредѣленный періодъ развитія народовъ.

Свобода торговли, отстраняя препятствія въ сношеніяхъ, способствуетъ къ естественному уравнию недостатковъ и излишковъ, также къ болѣе легкому удовлетворенію человѣческихъ потребностей. Подобно свободѣ ремесль, она расширяетъ поприще соперничества, и этимъ пробуждаетъ и увеличиваетъ дѣятельность экономическихъ силъ, наконецъ даетъ капиталу и труду наивыгоднѣйшее употребленіе. Но такое вліяніе въ международныхъ сношеніяхъ свобода торговли можетъ въ дѣйствительности имѣть только въ томъ случаѣ, если она будетъ признана и обезпечена съ обѣихъ сторонъ, ибо вообще свобода, которую представляетъ себѣ одна сторона и которая встрѣчаетъ ограниченіе съ другой стороны, не есть еще свобода (*); сверхъ этого свобода торговли будетъ мало по малу готовить между народами промышленную борьбу, которая, также какъ и неограниченная свобода ремесль, влечетъ за собою владычество капитала и разстройство производительныхъ силъ, и дѣлаетъ одинъ народъ богатымъ капиталистомъ, а другой зависимымъ отъ него работникомъ (**). Черезъ это она будетъ

2) Если туземное производство извѣстной отрасли промышленности обложено налогомъ.

3) Если можно надѣяться принудить своего противника къ скорому установленію свободы торговли.

4) Если дѣйствіе пошлинъ успѣло уже воспитать какую нибудь отрасль промышленности, которая можетъ уничтожиться, при введеніи свободы торговли.

Смитъ не только защищаетъ англійскій навигаціонный актъ, съ точки зрѣнія политическаго самоохраненія, какъ самое мудрое торговое распоряженіе Англій; но еще, напротивъ того, полагаетъ, что ожиданіе осуществленія полной свободы торговли въ Великобританіи есть такое же безуміе, какъ и надежда на возникновеніе въ этой странѣ Океаніи, или Утопіи.

(*) Это еще не доводъ противъ самаго начала свободы торговли, ибо есть много началъ безусловно хорошихъ въ политической и общественной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ вредныхъ при одностороннемъ или неполномъ ихъ примѣненіи.—В. Б.

(**) Преимущество или такъ называемаго владычества капитала надъ трудомъ никто изъ экономистовъ не отрицаетъ, но весь вопросъ заключается здѣсь въ томъ: когда эти преимущества болѣе сильны и когда есть надежда на постепенное ихъ уравниеніе, при свободѣ ремесль и торговли или въ противоположныхъ обстоятельствахъ? Защитники свободы торговли полагаютъ, что въ первомъ случаѣ, и они имѣютъ за себя, съ одной стороны, успѣхи всеобщаго благосостоянія при уничтоженіи всякихъ запрещеній и съ другой стороны владычество капитала, нисколько не уменьшающееся при системѣ запрещеній и ограниченій.—В. Б.

препятствовать наивыгоднѣйшему употребленію капитала и труда, и отдасть бѣднѣйшую націю на произволь богатѣйшей. Если справедливо, что зависимость покупающей и продающей націи совершенно обоюдна, тѣмъ не менѣе степень этой зависимости, также какъ и величина торговой прибыли, могутъ быть очень различны для обѣихъ сторонъ (*).

Съ другой же стороны, покровительственная система дѣлаетъ возможнымъ естественное приложеніе капитала, воспрепятствованное иностраннымъ соперничествомъ (**); обеспечиваетъ самостоятельное развитіе народнаго хозяйства, и обезпечить государству извѣстнаго рода самодовлетвореніе и независимость на случай войны. Тѣмъ не менѣе, система эта легко можетъ вынудить противоестественное приложеніе капитала и труда, также причинить искусственное неравенство имуществъ, сдѣлать народъ болѣе и болѣе бѣднымъ, и затѣмъ уничтожить всякую его самостоятельность (***)).

Обѣ системы могутъ, съ одной стороны, служить естественнымъ средствомъ для воспитанія народа и спасеніемъ для его здоровья; съ другой же стороны, онѣ могутъ дѣйствовать какъ ядъ, т. е. уничтожить здоровое положеніе народа. Обѣ могутъ имѣть совершенно противоположное дѣйствіе, такъ что главный вопросъ заключается въ данныхъ обстоятельствахъ и предъидущемъ положеніи каждой страны (****).

Главная ошибка большей части одностороннихъ сочиненій, разсматривающихъ вопросъ о покровительственныхъ пошлинахъ, съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, состоитъ въ томъ, что они дѣлаютъ изъ покровительственной пошлины, или изъ свободы торговли непреложную, повсемѣстно примѣнимую, систему, и соглашаются развѣ только на нѣкоторыя исключенія. Сочиненія эти не обнимаютъ собой обоихъ воззрѣній на этотъ предметъ, въ смыслѣ *ихъ относительнаго достоинства*, необходимаго частію для полнаго развитія народностей, частію для обра-

(*) Этого невозможно отрицать, какъ и многихъ иныхъ естественныхъ неравенствъ, которыя вовсе не исчезаютъ при системѣ запрещеній и регламентаціи.—В. Б.

(**) Если естественное приложеніе капитала воспрепятствовало одному народу соперничать съ другимъ, значитъ такое приложеніе нашло менѣе естественныхъ условій у перваго народа, чѣмъ у втораго. Потому слово *естественное* употреблено авторомъ некстати.—В. Б.

(***) Кажется, эти слова совершенно ослабляютъ все прежнее, сказанное авторомъ въ пользу покровительственной системы. Практическій вопросъ заключается въ выборѣ между двумя противоположными системами, имѣющими, разумѣется, какъ все сущее, свои полезныя и вредныя послѣдствія.—В. Б.

(****) А это предъидущее положеніе, требующее постепенности въ примѣненіи начала свободы торговли, есть именно запретительная и покровительственная системы, ослабляющія народную самодѣятельность.—В. Б.

зованія одного общаго, и основаннаго на нравственномъ началѣ, порядка человѣческихъ отношеній. Только при соблюденіи этого послѣдняго условія, каждая изъ двухъ системъ можетъ быть примѣнима и быть спасительнымъ средствомъ для достиженія указанной цѣли.

Каждая покровительственная пошлина есть пожертвованіе, дѣлаемое потребителями въ пользу извѣстнаго класса производителей, пожертвованіе настоящаго въ пользу будущаго; значить, она противоположна нѣкоторымъ образомъ сущности государственнаго займа. Нація, покровительствующая пошлинами какую нибудь фабричную отрасль, жертвуетъ извѣстную сумму цѣнностей: или для того, чтобы поддержать въ общественномъ своемъ организмѣ существующій уже членъ, который иначе могъ бы погибнуть; или для того, чтобы воспитать новый членъ, который своею послѣдующею работою, или своимъ вліяніемъ на будущее матерьяльное и политическое благосостояніе цѣлаго организма возвратитъ націи всѣ понесенныя потери съ большимъ процентомъ. Отношеніе потерь настоящаго къ выгодамъ будущаго и должно рѣшать, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, степень примѣнимости покровительственной системы. Первыя (потери) зависятъ отъ разницы между расходомъ на производство туземныхъ и расходомъ на производство чужихъ фабричныхъ издѣлій, обложенныхъ покровительственною пошлиною, также и отъ степени народной потребности въ этихъ издѣліяхъ. Вторыя (выгоды) зависятъ отъ запаса и качества существующихъ уже туземныхъ элементовъ для данной фабрикаціи; потомъ отъ силъ природы, чело-вѣка и капитала, по отношенію ихъ къ однороднымъ элементамъ чужихъ странъ; сверхъ того, выгоды зависятъ отъ общественной и политической важности данныхъ отраслей фабричной промышленности. Своевременность и необходимость всякой покровительственной пошлины могутъ быть рѣшены лишь на основаніи такого тщательнаго и подробнаго изслѣдованія дѣла, которое не удовлетворялось бы простыми статистическими данными привоза и вывоза; напротивъ того, здѣсь должно быть обращено вниманіе ⁽²⁾ на всѣ тѣ элементы и силы, на кото-

⁽²⁾ Для того, чтобы убѣдиться въ необходимости покровительства для отдѣльныхъ фабрикацій Германіи, т. е. для того, чтобы опредѣлить степень такой необходимости, нужно ввести порядокъ обширныхъ административныхъ изысканій (enquêtes), по примѣру Англіи, Франціи и Бельгіи, выводы которыхъ и передавать всякій разъ на судъ общественнаго мнѣнія. Печатные органы, обсуживая этотъ вопросъ, могутъ освѣтить его со всѣхъ сторонъ, и дѣйствительные народные интересы всего лучше обнаружатся, какъ результатъ публичныхъ изысканій. До тѣхъ же поръ, пока Германія будетъ бороться съ одними отвлеченными выводами, до тѣхъ поръ, пока никто не будетъ обладать полнымъ статистическимъ матерьяломъ, и до тѣхъ поръ, пока

рыхъ держатся, или могутъ держаться, отдѣльныя фабричныя отрасли, въ сравненіи съ подобными обстоятельствами чужихъ странъ и по отношенію къ нравственнымъ цѣлямъ общественнаго благосостоянія. Если новый членъ, выросшій въ общественномъ организмѣ, помощью покровительственныхъ пошлинъ, не имѣеть здоровыхъ корней на почвѣ народной жизни; также, если нѣтъ въ обществѣ техническаго образованія или собственной силы капитала, чтобы дать этому члену необходимое питаніе, то, въ предполагаемомъ случаѣ, покровительственная система будетъ премією въ пользу неспособности и столько же неизбежно породитъ общественныя недуги, какъ при противоположныхъ условіяхъ дастъ цѣленіе недугамъ.

Здѣсь не мѣсто вступать въ подробное изложеніе практическаго вопроса пошлинъ для Германіи, въ особенности же послѣ высказаннаго нами взгляда, что одни только подробныя статистическія изысканія могутъ повести къ вѣрнымъ выводамъ; тѣмъ не менѣе мы должны сдѣлать общее замѣчаніе относительно этого вопроса. Приписывать развитіе англійской промышленности единственно покровительственной системѣ, и ожидать отъ этого средства и для Германіи тѣхъ же плодовъ фабричной дѣятельности, есть величайшее заблужденіе.

Независимо отъ благопріятнаго, географическаго положенія Великобританіи, какъ острова, также ея колоніальныхъ владѣній и ея всемірной торговли, фабричная промышленность зиждется въ этой странѣ на такихъ основаніяхъ, какія Германія или не имѣеть, или если и можетъ пріобрѣсти, то на совершенно иномъ пути.

Тамъ, гдѣ природа расположила каменной уголь, желѣзную руду, глину и песчаникъ пластами, тѣсно лежащими одни подлѣ другихъ и одни надъ другими; тамъ, гдѣ она почти избавила человѣка отъ необходимости изученія естественныхъ наукъ, для отысканія богатыхъ источниковъ главныхъ фабричныхъ матерьяловъ, какъ напр. угля, желѣза, соли и т. д. (расходъ на добываніе соли въ Пруссіи доходитъ напр. до 92 к. с. за 3 пуда, т. е. въ шесть разъ дороже, чѣмъ въ Англій); тамъ, гдѣ равномерный, умѣренный климатъ позволяетъ человѣку продолжать, какъ во время лѣта, такъ и зимой, одни и тѣ же занятія, на открытомъ воздухѣ, не подвергая его силы ни оцѣпенѣнію посреди морозовъ, ни усыпленію посреди жаровъ; тамъ, гдѣ рѣки и каналы

каждый будетъ приводить только такія цифры, какія ему нужны и выгодны; до тѣхъ поръ мы не будемъ имѣть прочной почвы для основательнаго спора, и каждому одностороннему интересу легко будетъ становиться на ходули интереса цѣлой націи.

круглый годъ безостановочно переносятъ суда и снабжаютъ всѣмъ необходимымъ фабрики и рынки; тамъ, соперничество германскихъ производителей съ великобританскими было бы ничѣмъ инымъ, какъ тщетной борьбой противъ всемогущества природы.

Къ этому превосходству природы нужно присоединить еще обиліе капиталовъ въ Великобританіи. Сравнительно съ цѣлой Европой, она наслаждалась миромъ болѣе чѣмъ двѣсти лѣтъ, и потому понятно, что страна эта должна была столько же нести на себѣ всѣ невыгоды мира, какъ и воспользоваться всѣми его выгодами. Поля ея обрабатывались, безъ всякаго перерыва, съ эпохи англійской революціи, и капиталы ея, затраченные въ промышленности, нигдѣ не были уничтожаемы, ибо всѣ ея войны велись или на чужеземной почвѣ, или на морѣ; наконецъ военные ея расходы тяготѣли надъ ней только въ видѣ государственнаго долга. Вслѣдствіе всего этого, процентъ нарасталъ на процентъ, капиталъ на капиталъ, сила на силу, такимъ образомъ, что вся сумма богатства и труда прошедшихъ вѣковъ была унаслѣдована новыми поколѣніями безъ всякаго ущерба и сдѣлалась основаніемъ громадной промышленности этой страны.

Главнымъ же образомъ содѣйствуетъ успѣхамъ великобританской промышленности самъ человѣкъ, т. е. Британецъ, обладатель промышленныхъ способностей и качествъ, и подданный такого государства, которое развило въ немъ всѣ эти свойства. Мы не подразумеваемъ здѣсь ни научнаго образованія, ни техническихъ познаній Британца; въ этомъ отношеніи онъ гораздо ниже Нѣмца; давно уже было замѣчено, что даже сами мастера большихъ англійскихъ фабрикъ часто незнакомы съ первыми основаніями естественныхъ наукъ. Но главное личное превосходство Британца состоитъ въ его нравственно-политическихъ и административныхъ качествахъ и дарованіяхъ. Публичность всей политической жизни Великобританіи, наслѣдованная отъ древнихъ временъ, также ея политическая свобода воспитали въ каждомъ жителѣ этой страны, начиная отъ важнаго государственнаго мужа и до самаго ничтожнаго поденщика, сильное чувство національности и непоколебимую любовь къ своему общественному устройству. Эта любовь, не смотря на всю противоположность частныхъ интересовъ, не смотря на политическую борьбу партій, не смотря на стачки работниковъ и т. д., невидимо соединяетъ всѣ сердца, какъ будто сверхъестественною силой, и постоянно одушевляетъ всю англійскую промышленность. Подобно тому, какъ воинъ, одушевленный какою нибудь идеею, охотно переноситъ тягости похода, голодь, жажду, холодъ и жаръ, содѣйствуя этими жертвами торжеству своей идеѣ; такъ же точно и работникъ дѣлается

другимъ человѣкомъ, если только носить въ своемъ сердцѣ идею общественнаго быта и государства; подобно всякому Англичанину, гордющемуся землей, на которой онъ родился, и учрежденіями, которыя его воспитали, и работникъ чувствуетъ себя членомъ громадной, свободной націи, и проникнуть желаніемъ лично содѣйствовать торжеству своей народной промышленности. Прилежаніе, терпѣніе, духъ предприимчивости, сосредоточеніе силъ, честность, взаимное довѣріе, — вотъ тѣ качества, которыхъ будетъ всегда недоставать бездушнѣйшей техники, не могущей понимать высшихъ государственныхъ цѣлей своего бытія. Въ то время, какъ на многихъ англійскихъ фабрикахъ можно встрѣтить мастеровъ Нѣмцевъ, которые отдали Англій, на всю свою жизнь, свой умъ и трудъ; въ то время, какъ въ Лондонскомъ Сити и въ Манчестерѣ водворившіеся Нѣмцы принадлежатъ къ самымъ уважаемымъ купцамъ и, живя въ свободной Англій, смотрятъ съ презрѣніемъ на свое прежнее отечество, — сами Британцы какъ будто бы внесли античный, римскій характеръ въ свое народное хозяйство, и постоянно трудятся для славы своей народной промышленности.

Намъ необходимо упомянуть здѣсь о громадномъ вліяніи политическаго начала самоуправленія. Подобно тому, какъ каждый Англичанинъ, а не одно только правительство содѣйствуетъ дѣлу управленія своей страны, такъ же точно каждый здѣшній фабричный работникъ есть представитель своей отрасли труда; управленіе же сверху здѣсь какъ будто чувствуется. Каждая англійская фабрика отражаетъ въ себѣ цѣлое великобританское государство. Ни одинъ изъ ея членовъ не требуетъ ни особеннаго надъ собою контроля, ни особеннаго, вишняго побужденія къ дѣятельности. Каждый знаетъ, что другой, подлѣ него стоящій, исполняетъ свою обязанность, вслѣдствіе собственнаго внутренняго побужденія, и что все идетъ дружно само собою и потому каждый считаетъ своимъ долгомъ оправдать довѣріе другихъ. Вотъ причина, почему англійскія фабрики, сравнительно съ нѣмецкими, имѣютъ незначительное число должностныхъ лицъ и простоту въ управленіи. Въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ видно это наслажденіе своимъ трудомъ, этотъ административный талантъ и это стремленіе усовершенствоваться, по мѣрѣ своихъ силъ, самостоятельный кругъ своихъ занятій; вслѣдствіе всего этого, не смотря на недостатокъ научныхъ познаній въ Англій, здѣсь является множество новыхъ открытій и улучшеній въ области промышленности, чѣмъ она обязана, также какъ всѣмъ успѣхомъ, своей политической жизни, не теоріи, а исключительно практикѣ и непосредственной необходимости. Хозяева и управляющіе англійскихъ фабрикъ суть, собственно говоря, только финансовыя должностныя лица

ихъ. Они заботятся о приобрѣтеніи и распредѣленіи сырыхъ матерьяловъ; о продажѣ и снаряженіи въ путь фабричныхъ издѣлій; о выдачѣ задѣльной платы; о веденіи книгъ и т. д. Они обладаютъ такими качествами, которыхъ не имѣетъ большая часть германскихъ фабрикантовъ, а именно народно-экономическимъ воспитаніемъ и обширными познаніями по торговлѣ, перевозкѣ товаровъ и коммерческимъ рынкамъ.

Таможенная система можетъ помочь нашей ремесленной промышленности, на туземномъ рынкѣ, только противъ громадной силы британскаго капитала. Что же касается до другихъ преимуществъ англійской фабричной промышленности, то мы можемъ достигнуть ихъ, на сколько это вообще возможно, только посредствомъ тѣсной связи и живаго взаимодѣйствія науки съ промышленностью, также посредствомъ бѣльшаго распространенія политико-экономическихъ свѣдѣній, разработки отечественной статистики, наконецъ, и прежде всего, посредствомъ всесторонняго развитія нашей политической народной жизни (*).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

СОЦІАЛЬНЫЯ ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ.

§ 21.

Взглядъ на историческое развитіе соціальныхъ экономическихъ теорій.

Разсмотрѣнная нами реакція, возбужденная ученіемъ Смита, совершенно отличается отъ соціальныхъ и коммунистическихъ современныхъ ученій, которыя мы совмѣщаемъ здѣсь подъ общимъ названіемъ соціальныхъ экономическихъ теорій. Ученія эти столь же стары, какъ и самое размышленіе челоука, относительно его земнаго существованія и условій его благоденствія; такъ что каждая историческая эпоха, со

(*) Не мѣшаетъ замѣтить здѣсь, что всѣ превосходныя свойства англійскаго промышленнаго класса въ особенности окрѣпли подъ вліяніемъ новѣйшей системы свободы торговли, преобладающей въ Англии, въ послѣднее время, и также подъ вліяніемъ всѣхъ льготъ по внутренней торговлѣ, льготъ, тѣсно связанныхъ съ началомъ свободы во внѣшней торговлѣ.—В. Б.

временъ Платона и до Кабета, можетъ указать намъ на своихъ коммунистическихъ теоретиковъ.

Политическій коммунизмъ древняго міра состоялъ въ томъ, что обладаніе землею исключительно принадлежало государству ⁽¹⁾; сверхъ того нераздѣльность собственности между гражданами считалась основнымъ условіемъ, для достиженія государственнаго идеала.

Сквозь всѣ средніе вѣка, начиная отъ первыхъ вѣковъ христіанства, проходитъ извѣстный *религіозный, аскетическій коммунизмъ*, отвергавшій всякую частную собственность, на томъ основаніи, что она мѣшаетъ людямъ быть въ полномъ общеніи съ Богомъ, и препятствуетъ имъ достигать духовныхъ благъ будущей жизни ⁽²⁾. Въ эпоху кресть-

⁽¹⁾ Ученіе, считавшее, что право обладанія землею принадлежитъ государству, не только составляетъ основаніе политическаго идеала Платона, въ которомъ и отразилась вся общественная жизнь Дорійцевъ, но проникаетъ собою весь республиканскій древній міръ. Аристотель въ своей *Polit. Lib. III, C. 7, 7*, не смотря на полемику противъ теории общей собственности Платона, Фалеса и Гипподамуса, признаетъ въ Ионическомъ государствѣ источникомъ всѣхъ частныхъ имуществъ первоначальную нераздѣльную собственность; сверхъ того онъ утверждаетъ, что отдѣльнымъ гражданамъ должно принадлежать, по праву, только одно завѣдываніе частями общественнаго имущества, для того, чтобы не было споровъ о пользованіи, и для того, чтобы каждый могъ увеличивать свою часть имущества, сообразно своимъ силамъ. Въ Римскомъ государствѣ, во все время республики, сохранялось историческое воспоминаніе о томъ, что право владѣнія землею было перенесено съ государства на первыхъ ея гражданъ, такимъ образомъ, что каждый изъ нихъ удерживалъ свою часть, какъ неотчуждаемую часть въ общемъ наслѣдствѣ (*heredium*). (*Varro de re rust. 1, 10. Festus v. Centuriatus ager. Plinius hist. nat. XVIII, 2, 3. Dionys. Halic. II, 7, 76. IV, 9*).

Намъ извѣстно, что право собственности народа, *populus romanus*, на *ager publicus*, произошло изъ первоначальнаго права господства государства надъ всею государственною территоріей, но есть не мало указаній и на то, что, не смотря на строго опредѣленный характеръ частной собственности, постепенно образовавшейся въ Римскомъ правѣ, идея о верховномъ правѣ собственности государства на *ager romanus* оставалась постоянно въ понятіяхъ у Римлянъ. *Populus, penes quem potestas omnium rerum est*, говоритъ *Liv. VIII, 33* и *Сенека de beneficiis L. VII. C. 4.—Jure civili omnia regis sunt: et tamen illa, quorum ad regem pertinet universa possessio, in singulos dominos sunt, et unaquaeque res habet possessorem suum. Ad reges potestas omnium pertinet; ad singulos proprietatis.*

⁽²⁾ Полной исторіи коммунистическихъ идей въ эпоху среднихъ вѣковъ не существуетъ; единственный трудъ, предпринятый въ этомъ родѣ, указывающій на вопросъ нашего времени и совершенный съ большимъ талантомъ, принадлежитъ *С. Б. Гундесчигену*, *der Communismus und die ascetische Socialreform im Laufe der christlichen Jahrhunderte* въ богословскихъ изслѣдованіяхъ Ульмана и Умбрейта, 1845, стр. 535 и 821. То же самое содержитъ въ себѣ: *Ф. Виллегарделле*, *Geschichte der socialen Ideen vor der französischen Revolution*, переведенная на нѣмецкій *С. Кёппеномъ* (Берлинъ, 1846).

янскихъ войнъ, въ первый разъ появился *экономическій коммунизмъ*; сущность его заключалась въ понятіи о необходимости общаго владѣнія землею, для водворенія на землѣ благосостоянія, въ противоположность гнетущему неравенству, дѣйствительной жизни. Ученіе это развивалось постепенно, съ различными видоизмѣненіями, до настоящаго времени ⁽³⁾.

Во главѣ этого направленія въ шестнадцатомъ столѣтіи стоятъ знаменитый канцлеръ *Томасъ Морусъ* ⁽⁴⁾ въ Англіи и извѣстный народный писатель реформаціи *Себастьянъ Франкъ* въ Германіи ⁽⁵⁾. Оба они, соотвѣтственно стремленіямъ, проявившимся въ крестьянскихъ войнахъ, и исходя изъ критическаго взгляда на преступленія своего времени, видятъ ⁽⁶⁾ въ земледѣльческомъ государствѣ, неимѣющемъ ни техническихъ ремеслъ, ни торговли, и живущемъ безъ денегъ и безъ частной собственности ⁽⁷⁾, идеаль челоѣческаго, общественнаго устрой-

⁽³⁾ Сравни *Р. Моля*: die Staats-Romane (въ его литературѣ и исторіи государственныхъ началъ).

⁽⁴⁾ Въ извѣстномъ, и въ свое время признававшемся за *libellus vere aureus* (золотую книгу), сочиненіи: *de optimo reipublicae statu, deque nova insula Utopia*. Лёвенъ 1516 и Базель 1558 г.

⁽⁵⁾ Въ его хроникѣ, появившейся первоначально подъ названіемъ: *Chronica, Zeymbuch und geschichtbibel von anbegyn biss um diss gegenwertig. 1531 jar*, напечатанной въ Страсбургѣ 1531 фол. Книга эта выдержала до смерти Франка четыре изданія, и вслѣдствіе своей сжатости, ясности и краснорѣчиваго изложенія составляла главное чтеніе тогдашняго образованнаго средняго класса людей. Пространную характеристику его религіозныхъ, философскихъ и политическихъ убѣжденій сдѣлалъ *Карлъ Гагенъ* въ своей книгѣ „*Der Geist der Reformation und seine Gegensätze*, Часть II, Эрлангенъ 1844, стр. 314—396.

⁽⁶⁾ Оба они, съ поразительнымъ единогласіемъ, видятъ главную причину общественнаго злосчастія въ большомъ числѣ знатныхъ праздныхъ людей, живущихъ на счетъ пота и труда другихъ, сверхъ того въ растовщичествѣ.

⁽⁷⁾ По мнѣнію Себастьяна Франка, Богъ создалъ всѣ предметы для общаго блага; но варварь-человѣкъ, несправедливымъ образомъ, подчинилъ себѣ лично все; вслѣдствіе сего Богъ ниспослалъ тирановъ, для того, чтобы они опять возвратили похищенное имущество, употребляя тѣ же насилія, съ какими человѣкъ завладѣлъ имуществомъ, отнявъ его у общины или у Бога. Другія главныя мѣста, близкія къ коммунизму, суть на стр. 16, гдѣ Франкъ называетъ божескими и разумными тѣ правила Ликурга, въ которыхъ законодатель изгоняетъ изъ употребленія золото и серебро, какъ причину всѣхъ пороковъ, также раздѣляетъ между гражданами всю землю; далѣе на стр. 27, гдѣ съ видимымъ пристрастіемъ Франкъ говоритъ объ общемъ имуществѣ юношей Пифагора, и восхваляетъ ихъ поговорку: „Настоящіе друзья владѣютъ вообще всѣмъ своимъ имуществомъ, и общее сердце ихъ тоже составлено изъ всѣхъ сердецъ, т. е. они не имѣютъ ничего въ личной собственности“; потомъ на стр. 414, гдѣ онъ говоритъ о анабаптистахъ и объ основаніяхъ

ства. Первый изъ нихъ разсматриваетъ предметъ свой въ пространномъ и въ подробномъ изложеніи, близкомъ къ Платоновской республикѣ, и предназначенномъ преимущественно для чтенія людей образованныхъ;— второй же излагаетъ свои взгляды въ отдѣльныхъ положеніяхъ, разъясненныхъ въ разныхъ мѣстахъ его хроники и предназначенныхъ преимущественно для общенароднаго чтенія.

Въ семнадцатомъ столѣтіи продолжаютъ проповѣдывать тѣ же самыя идеи. Итальянскій доминиканецъ *Кампанелла* (сочиненіе его о солнечномъ городѣ) ⁽⁸⁾ и французскій писатель *Верассъ* (его исторія Севарамбъ) ⁽⁹⁾ и ⁽¹⁰⁾. Сочиненіе перваго изъ нихъ есть крикъ отчаянія, раздавшійся изъ неаполитанской тюрьмы, и обращенный къ согражданамъ съ жалобою на владычество Испанцевъ; оно изображаетъ туман-

ихъ нераздѣльнаго имущества, критикуя ихъ за то, что они не имѣли въ своемъ ученіи честныхъ намѣреній, т. е. что они были лицемеры, и наконецъ на стр. 433, въ рассказѣ о Валденцахъ, предшественникахъ реформаціи. Въ утопическомъ государствѣ *Моруса*, каждый гражданинъ долженъ быть работникомъ и каждый долженъ работать ежедневно не болѣе шести часовъ. Строгаго раздѣленія занятій не существуетъ, а напротивъ работа безпрестанно мѣняется для каждаго гражданина, потому каждый житель города и деревни долженъ въ продолженіи двухъ лѣтъ быть земледѣльцемъ. Изъ ремеслъ сохранены только такія, которыя сама природа сдѣлала необходимыми. Всѣ произведенія складываются въ общественные магазины, а потомъ распределяются сообразно потребностямъ каждаго жителя. Торговли не существуетъ ни между отдѣльными частными лицами, ни между отдѣльными общинами; напротивъ того, посредничество торговли существуетъ для всѣхъ бесплатно. Деньгами владѣетъ только одно правительство, на случай могущихъ быть войнъ, т. е. для того, чтобы платить наемнымъ войскамъ. Чтобы уничтожить даже въ воображеніи гражданъ всякое понятіе о цѣнѣ товаровъ и привлекательности золота и серебра, эти металлы должны быть употребляемы лишь на выдѣлку оковъ для преступниковъ. Характеристической чертой этого утопическаго общества служить сохраненіе рабства для самыхъ униженныхъ работъ, и связь общности имущества съ святымъ брачнымъ союзомъ; нарушеніе послѣдняго въ первый разъ наказывается рабствомъ; во второй же разъ смертною казнью.

⁽⁸⁾ Campanella's (1568—1639) *Civitas solis vel de rei publicae idea dialogus poeticus*, появившееся въ первый разъ въ 1620 и находящееся во второмъ томѣ его сочиненія. Парижъ 1637. Fol. Въ недавнее время, сочиненіе это переведено на нѣмецкій языкъ Карломъ Грюномъ. Дармштадтъ 1845.

⁽⁹⁾ Первое изданіе *Histoires des Sevarambes* появилось въ 1667 г. Сравни Моля, стр. 46 и слѣд.

⁽¹⁰⁾ Обыкновенно сюда же причисляютъ Осеана Англичанина *Якова Гарринтона* (1611—1677), появившееся въ Лондонѣ 1656 г. Впрочемъ, сочиненіе это заключаетъ въ себѣ обширную и подробную программу для будущей представительной демократіи Англій; оно обязано своимъ происхожденіемъ неудовольствію автора противъ владычества Кромвеля, и совѣтъ не затрогивать собою ни экономическаго, ни соціальнаго положенія существующаго общества. Смотри Моля, стр. 44 и слѣд.

ную и фантастическую картину духовно-полицейскаго государства, безъ брака, безъ семейной жизни и безъ частной собственности; даже рожденіе на свѣтъ дѣтей подчинено въ этомъ государствѣ наблюденію правительства. Сочиненіе втораго есть копія съ Утопіи Моруса, нѣсколько измененная подъ вліяніемъ французской кисти; здѣсь женщины несутъ военную службу, единоженство существуетъ только для обыкновенныхъ гражданъ; служащія же лица владѣютъ, соотвѣтственно своему чину, множествомъ женъ и рабовъ.

Наконецъ, къ той же категоріи мыслителей можно причислить, кромѣ одного неизвѣстнаго нѣмецкаго автора, написавшаго путешествіе на островъ *Кафаръ Саламу* (здѣсь смѣшаны, съ точки зрѣнія протестантскаго пьетизма, въ одной грубой картинѣ ⁽¹¹⁾, солнечный городъ Кампанеллы и исторія Севарамбы Верасса, французскихъ писателей *Морелли* ⁽¹²⁾ и *Мабл* ⁽¹³⁾, занимающихъ въ умственномъ движеніи своего вѣка положеніе гораздо болѣе опредѣленное и имѣющихъ болѣе всеобщее значеніе, чѣмъ ихъ предшественники. Первый изъ нихъ, въ остроумной сатирѣ, опровергаетъ не только всю существовавшую до него цивилизацію, но и всѣ революціонныя, политическія ученія своего времени; онъ противопоставляетъ господствующему началу частнаго эгоизма, *книгу законовъ природы*, какъ порядокъ жизни для всего чело-вѣчества; по этой книгѣ законовъ, каждое отдѣльное лице должно посвятить всю свою личность обществу и напрягать всѣ свои силы и таланты лишь для блага общаго. Всѣ эти идеи и связанныя съ ними стремленія стали распространяться лишь со временъ французской революціи, вслѣдствіе полной побѣды, одержанной денежнымъ хозяйствомъ и обнаружившихся съ нею общественныхъ золъ; области же народнаго хозяйства эти идеи коснулись лишь въ самое недавнее время ⁽¹⁴⁾.

⁽¹¹⁾ Reise nach der Insel Cophar Salama und Beschreibung der darauf gelegenen Republick Christiansburg, изданное Д. С. Ж. Эслингенъ 1741, смотри Моля стр. 51.

⁽¹²⁾ Въ своемъ романѣ *Naufrages des îles flottantes, ou la Basiliade de Bilpai*, появившемся въ первый разъ въ Парижѣ 1753, и въ своемъ позже написанномъ *Code de la Nature, ou le véritable esprit de ses lois de tous tems négligé ou méconnu*. Сравни Виллегарделля стр. 77 и слѣд.

⁽¹³⁾ *Doutes proposés aux philosophes économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques*. Гара 1768 и *La législation ou principes des lois*, 1776, 2 vol. Сравни Виллегарделля, стр. 81 и слѣд.

⁽¹⁴⁾ Извѣстно, что книга *Штейна: der Socialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs*, 1842, распространила въ Германіи первыя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. Этому сочиненію предшествовало во Франціи подобное *Ребо: Etudes sur les réformateurs contemporains ou socialistes modernes*, 3 изданіе 1842 г.

§ 22.

Отношенія соціальныхъ экономическихъ теорій къ ученіямъ Адама Мюллера и Листа.

Со времени Бабёфа ⁽¹⁾, коммуниста французской революціи, и до новѣйшихъ писателей Франціи и Германіи, всѣ соціалисты смотрятъ на состояніе современнаго имъ общества съ точки зрѣнія, совершенно противоположной ученію Листа.

Въ то время, какъ Листъ и его послѣдователи мечтали лишь о той ступени промышленнаго развитія, на которой стояла современная имъ британская промышленность, видѣли въ положеніи Англіи для всѣхъ завидный образецъ, — и желали распространить на всѣ страны умѣреннаго пояса (въ томъ числѣ именно на Германію) фабричную дѣятельность, подобную англійской; соціалисты смотрѣли на Англію какъ на образецъ самаго бѣдственнаго положенія человѣческихъ обществъ; въ современной фабрикаціи Англіи, соціалисты видѣли самое крайнее проявленіе общественной безнравственности. За исключеніемъ немногихъ писателей, которые, подобно *Фурье* и с.-симонисту *Базару*, внесли въ основаніе своихъ соціальныхъ теорій историко-философскую точку зрѣнія и признавали нѣкоторую необходимость въ постепенности предшествовавшихъ возрастовъ человѣчества; всѣ остальные соціалисты стали къ современному положенію общества въ отношенія, столько же открыто-враждебныя, какъ и А. Мюллеръ и всѣ экономисты-романтики. Подобно тому, какъ романтики боролись съ денежнымъ хозяйствомъ, съ неограниченной личной свободой и съ эгонстическимъ, экономическимъ интересомъ; такъ же точно и соціалисты принимали движеніе цивилизаціи трехъ послѣднихъ столѣтій за громаднй шагъ назадъ, приведшій человѣчество къ деспотизму вещественнаго капитала, къ организаціи пагубной конкуренціи въ промышленности, къ крайнему неравенству имуществъ и къ развитію неограниченной нищеты (пауперизма). По убѣжденію соціалистовъ, непомерные доходы получаютъ нынѣ людьми безъ всякаго труда; трудъ же приноситъ небольшой доходъ; счастье однихъ основано на несчастіи другихъ; всѣ узы любви и общежитія расторгнуты и человѣческій эгоизмъ, владычествуя въ современномъ мірѣ, грозитъ самыми страшными бѣдствіями будущимъ поколѣніямъ.

Между тѣмъ соціальные теоретики, критикуя настоящее положеніе

(1) Относительно *Бабёфа*, издававшего въ 1795 г. „Tribun du peuple“ и сдѣлавшагося главою коммунистическаго заговора, смотри: *Буонаротти*: La conjuration de Baboeuf, Брюссель 1821 г. и *Штейна* стр. 361 и слѣд.

дѣль, были приведены въ кругу своихъ желаній къ совершенно инымъ результатамъ, нежели романтики. Въ то время, какъ А. Мюллеръ дошелъ до идеализаціи естественнаго и феодальнаго хозяйства среднихъ вѣковъ, и видитъ въ возвращеніи къ этому состоянію спасеніе для современнаго человѣчества, — социалисты пришли къ начертанію такой общественной, экономической организаціи, въ которой отдѣльное лице должно было бы совершенно отказаться отъ всякой личной независимости. Въ то время, какъ Мюллеръ, отчаяваясь въ настоящемъ, обращается къ прошедшему, — социалисты стремятся къ такому будущему, какое было до сихъ поръ совершенно невѣдомо въ развитіи человѣчества. Мюллеръ не признаетъ только одной новѣйшей исторіи; социалисты же отбрасываютъ основныя положенія всякой исторіи. Мюллеръ желаетъ историческаго развитія и народнаго разнообразія; социалисты требуютъ философскихъ построеній и космополитическаго равенства всѣхъ обстоятельствъ человѣческой жизни.

§ 23.

Подлежащія разсмотрѣнію составныя части социальнихъ экономическихъ теорій.

Для изслѣдованія социальнихъ, экономическихъ теорій, необходимо различать три главные пункта:

а) ихъ критику современнаго и даннаго исторіей положенія общества;

б) положительную часть ихъ ученій, или организацію общества, которой человѣчество должно стараться достигнуть въ будущемъ;

в) критику социалистовъ противъ политической экономіи; къ этой критикѣ социалисты обратились лишь въ недавнее время, вслѣдствіе возникнувшаго убѣжденія въ томъ, что современное положеніе общества находитъ главную свою опору въ экономической наукѣ, и что критическій разборъ положеній этой науки необходимъ для успѣха распространенія социальнихъ теорій.

Собственно эта послѣдняя часть социальнихъ теорій относится непосредственно къ нашему предмету; но какъ всѣ три составныя части ученія социалистовъ тѣсно между собой связаны и каждая изъ нихъ пополняется остальными, то совершенное раздѣленіе ихъ невозможно. Потому только тщательнымъ ⁽¹⁾ изображеніемъ и изслѣдованіемъ всѣхъ

⁽¹⁾ Само собою разумѣется, что сюда не принадлежитъ литературно-историческое изложеніе развитія всѣхъ социальнихъ теорій и всѣхъ отдѣльныхъ взглядовъ. Для нашей цѣли необходимо только уразумѣть общее начало, почерпнутое изъ суще-

главныхъ частей соціальныхъ теорій, мы можемъ достигнуть безпристрастной оцѣнки какъ ихъ содержанія, такъ и значенія для экономической науки.

I. НАПАДКИ СОЦІАЛИСТОВЪ НА СОВРЕМЕННЫЯ, ДАННЫЯ ИСТОРИЕЙ, ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ОБЩЕСТВА.

§ 24.

Нападки соціалистовъ на частную собственность.

Критика новѣйшаго соціализма единогласна въ двухъ пунктахъ и именно:

- 1) въ признаніи того же самаго общественнаго зла; и
- 2) въ убѣжденіи, что это зло должно быть уничтожено въ самомъ корнѣ.

Общественное зло, согласно съ воззрѣніями соціализма, можетъ быть болѣе или менѣе приведено къ одному общему понятію *пролетаріата*. Зло это заключается въ монополіи небольшого числа избранныхъ *владѣльцевъ* на матерьяльное благосостояніе, составляющее главное условіе счастья въ обществѣ; вслѣдствіе этой монополіи и образуется великая масса людей невладѣющихъ, немогущихъ даже заработать для себя средствъ къ удовлетворенію самыхъ необходимыхъ потребностей жизни и наконецъ гибнущихъ въ борьбѣ за свое физическое существованіе. Такимъ образомъ монополія собственности вѣчно препятствуетъ массѣ общества достигнуть цѣлей своего земнаго бытія.

Общее стремленіе доискаться до зародыша такого общественнаго зла и привело къ различнымъ взглядамъ на основныя его причины. Собственно только коммунизмъ обнимаетъ собою всѣ нападки разныхъ соціальныхъ системъ на существующій общественный порядокъ, ибо, принимая доводы всѣхъ остальныхъ видовъ соціализма, онъ простираетъ свою критику еще далѣе соціалистовъ и еще глубже хочетъ дорыться до корней зла.

Если мы совмѣстимъ въ одно цѣлое всѣ найденныя основныя причины зла, то онѣ могутъ быть приведены главнѣйше къ тремъ установленіямъ: господство частной собственности, торговля и употребленіе денегъ.

свенныхъ произведеній этого ученія. Тѣхъ же лицъ, которыя пожелаютъ сами изучить литературно-историческія особенности соціализма и относящіяся сюда отдѣльныя сочиненія, мы отсылаемъ къ указаніямъ въ замѣчаніяхъ въ § 21 книги, или также къ сочиненію *Карла Грюна*: „Die sociale Bewegung in Frankreich und Belgien“. Дармшадтъ 1844. Но ни одно изъ этихъ сочиненій не можетъ дать полнаго понятія о соціальныхъ теоріяхъ.

Частная собственность, или исключительное владѣніе лица какою нибудь вещью, есть ничто иное, по понятіямъ коммунизма, „какъ кажущимся образомъ узаконенная форма воровства“, на основаніи которой отдѣльное лице присвоиваетъ себѣ то, что принадлежитъ роду, и тѣмъ самымъ лишаетъ другихъ лицъ законнаго права сопользованія. Хотя въ періодъ перваго, историческаго происхожденія своего, т. е. при тѣхъ условіяхъ, когда природа была столь же обильна почвою и плодами, какъ въ настоящее время она обильна водою и воздухомъ, право наслѣдства и не было еще несправедливостью и зломъ; тѣмъ не менѣе въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи и дѣйствіи, въ особенности же въ своихъ весьма естественныхъ послѣдствіяхъ, право это сдѣлалось источникомъ несказанныхъ несчастій и всеобщаго упадка нравственности.

Право это возбудило въ человѣчествѣ жадность и стяжаніе; развило самые разнообразныя пороки; съ увеличеніемъ народонаселенія, оно соединило наслѣдниковъ первыхъ захватителей собственности въ одну господствующую касту, и наконецъ довело все остальное народонаселеніе до безправнаго положенія зависимости, уничтоживъ необходимыя условія для поддержанія человѣческаго существованія.

Всѣ доводы, приводимые какъ оправданіе частной собственности, суть основанія только кажущіяся и обязанныя своимъ происхожденіемъ эгоистической софистикѣ собственниковъ (1).

Говорятъ, что собственность есть необходимое слѣдствіе человѣческой свободы (2), но какъ свобода есть общее право и общее достоиніе всѣхъ, — сверхъ того она должна быть обоюдна и обезпечена для всѣхъ, — то на томъ же самомъ основаніи и собственность должна быть для всѣхъ обоюдна и для всѣхъ обезпечена.

(1) Самая остроумная борьба противъ частной собственности была предпринята французскимъ писателемъ *Прудонъ*, въ его сочиненіи: *Qu'est-ce que la propriété? ou recherches sur le principe du droit et du gouvernement*; Парижъ 1840; здѣсь въ первый разъ былъ высказанъ лозунгъ пролетаріевъ: „la propriété c'est le vol“ (собственность—это кража). Изъ нѣмецкихъ писателей, кромѣ *Энгельса*, въ особенности *Вейтлингъ* боролся противъ собственности въ сочиненіи, появившемся подъ заглавіемъ: *Garantien der Harmonie und Freiheit*, *Vivis* 1842, стр. 6—27. Въ сочиненіи этомъ на стр. 25 говорится о наслѣдствѣ: „Установленіемъ права наслѣдства увѣнчалось понятіе о собственности. Подобно тому, какъ въ плодахъ находятъ червячковъ, зарождающихъ насѣкомыхъ, такъ же точно и потомки собственниковъ, забравшись въ нѣдра собственности, помощью новыхъ законовъ, пожираютъ и портятъ плодъ общества, не имѣя другой заслуги кромѣ той, что они непрерывно плодятся“.

(2) Въ Германіи *I. Кантъ* (*metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre*, стр. 55—59) выводилъ право завладѣнія предметами, никому непринадлежащими, изъ начала свободы, прирожденной человѣку. Изъ права завладѣнія онъ произво-

Говорятъ, что собственность есть первородное право человѣка, въ которомъ раскрывается вся его духовная личность; въ этомъ правѣ, у своего собственного очага, проявляется весь внутренній, нравственный міръ, все внутреннее бытіе и изволеніе человѣка ⁽³⁾.

Но если собственность есть первородное право человѣка, то никто не долженъ быть лишень этого права. Оно и должно именно обезпечить всѣхъ противъ монополіи нѣсколькихъ; и потому должна быть создана организація собственности, такая, чтобы каждое лице было надѣлено соразмѣрною частью собственности, необходимою для его развитія, и наконецъ, никто не долженъ быть исключень изъ обладанія собственностію.

Частную собственность производили также изъ права, которое имѣеть человѣкъ на самого себя и на свой трудъ, откуда произошла будто бы собственность какъ плата за трудъ ⁽⁴⁾. Но откуда же происходитъ или чѣмъ оправдывается собственность тѣхъ, которые не трудятся? и сколько существующей собственности произошло вслѣдствіе труда тѣхъ, кто вовсе ею не обладаетъ? Не ежедневно ли умножается богатство собственниковъ на счетъ труда тѣхъ, которые ничего не имѣютъ? На основаніи права труда на собственность и должно произойти то, что собственность должна принадлежать рабочему классу, а не празднымъ собственникамъ.

И такъ, заключаютъ коммунисты: всѣ доводы, приводимые какъ доказательство справедливости существованія частной собственности, именно доказываютъ противное, т. е. они доказываютъ не право, а безправіе собственности.

§ 25.

Нападки соціалистовъ на торговлю.

Ближайшимъ послѣдствіемъ частной собственности есть торговля, т. е. взаимный обмѣнъ собственности, что служитъ непосредственнымъ источникомъ прибыли для торгующаго класса людей. Торговля столько же безнравственна, сколько экономически вредна.

Торговля безнравственна, потому что она ставитъ другъ противъ

дуть право собственности, при чемъ доказываетъ, что обладатель какой нибудь вещи не долженъ быть тревожимъ въ своей собственности, ибо иначе личность его будетъ оскорблена.

⁽³⁾ Смотри *Гегеля*: Philosophie des Rechts § 49, и *Штала*, Philosophie des Rechts, часть II, издание 2, 1846 г., § 24; и часть III, 1 изд., § 12 и 62.

⁽⁴⁾ Подобное основаніе для частной собственности вывелъ первоначально *I. Локке* въ своемъ two treatises of government. II, глава 5. Позже его признали послѣдователи естественнаго права, принадлежащіе къ Кантовской школѣ.

друга, покупателей и продавцев, имѣющихъ совершенно противоположные, личные интересы, и потому враждебныхъ другъ другу. Каждый, по мѣрѣ своихъ силъ, стремится увеличить свое частное имущество, и потому старается, по возможности, продать дорого, и купить наивозможно дешево. Вслѣдствіе этой причины, возникаютъ, сами собою, съ одной стороны, обоюдная недоувѣрчивость; съ другой стороны необходимость оправдывать эту недоувѣрчивость и употребленіе безнравственныхъ средствъ для достиженія безнравственной цѣли. Такимъ образомъ, въ торговлѣ развиваются начала неискренности и тайны относительно всего, что только можетъ уменьшить цѣнность собственныхъ товаровъ; начала всѣми признанныхъ стремленій схватить наибольшую, личную выгоду у невѣжества или доувѣрчивости противоположной стороны, и придать собственнымъ товарамъ такія качества, которыхъ они вовсе не имѣютъ. Короче сказать: „вслѣдствіе *собственности*, т. е. *узаконеннаго воровства*, и развилась *торговля*, или *узаконенный обманъ*“. Въ большей части случаевъ, торговля доставляетъ большія выгоды только богатымъ собственникамъ, потому что они постоянно продаютъ произведенія своей земли, или своихъ фабрикъ, или наконецъ покупные товары по такой дорогой цѣнѣ, какую только могутъ взять; за трудъ же постороннихъ лицъ они платятъ такъ дешево, какъ только это возможно. Торговля постоянно увеличиваетъ господство крупныхъ владѣльцевъ и заставляетъ наконецъ человѣка, который находитъ въ большей или меньшей рѣдкости своего промысла или таланта оружія необходимой обороны въ этой борьбѣ, ограничивать свои потребности самою крайнею необходимостью.

Когда торговля дѣлается человѣческой или гуманною, такою, какую производить въ дѣйствительности Англичане и какую изображаетъ ее А. Смитъ въ теоріи, т. е. когда торговцы начинаютъ сознавать, что дружескія отношенія къ покупателямъ гораздо выгоднѣе для нихъ самихъ, тогда нравственное средство употребляется для достиженія безнравственной цѣли. Цивилизація будетъ, въ такомъ случаѣ, распространяться по поверхности земли для того лишь, чтобы увеличивать основныя начала всякой монополіи, т. е. собственности; также для того, чтобы подкладывать новую почву для человѣческихъ стяжаній. Народы „соединятся между собой въ братство воровъ“, и война прекратится для того только, чтобы развить до крайнихъ предѣловъ мирную, но „безчестную войну промышленной конкуренціи“ (1).

(1) Смотри въ особенности *Этельса*, во французско-нѣмецкомъ годовомъ изданіи *А. Руге* и *К. Маркса*. Парижъ 1844.

Къ этому характеру безнравственности торговли, нужно присоединить еще ея невыгоды, взятая въ смыслѣ экономическомъ.

Торговля, служащая, по-видимому, къ сближенію между собою производства и потребленія, занимаетъ множество ненужныхъ посредниковъ, которые тратятъ свое время, сидя въ магазинахъ, по рынкамъ, на биржахъ и въ другихъ торговыхъ мѣстахъ, ничего не производя, и даже составляютъ собою, подобно монахамъ, классъ потребителей, увеличивающихъ дороговизну предметовъ потребленія. Вслѣдствіе торговли, производительныя ремесла теряютъ множество рабочихъ силъ, бесполезно растрачивающихся.

Идя далѣе, мы видимъ, что торговля держитъ подъ своимъ игомъ какъ производство, такъ и потребленіе, заставляя, своими капиталами и своимъ господствомъ на рынкѣ, мелкихъ производителей продавать дешевле настоящей цѣны, а потребителей покупать дороже настоящей цѣны. Она уменьшаетъ или увеличиваетъ цѣнность товаровъ, смотря потому, чего требуютъ ея выгоды, и она достигаетъ этой послѣдней цѣли: то продавая за безцѣнокъ, то накапливая товары, то даже ихъ уничтожая. Все это уменьшаетъ массу *капитала* для производительныхъ занятій.

Такъ какъ число торговцевъ увеличивается ежедневно, хотя нѣтъ никакой необходимости въ увеличеніи ихъ дѣятельности, то выходитъ, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ существовать безъ борьбы съ прочими своими соперниками. Поэтому каждый торговецъ стремится къ тому, чтобы уничтожить своего соперника, что въ свою очередь производитъ банкротство, накопленіе товаровъ въ однихъ рукахъ, ростовщичество, биржевую игру и множество другихъ безнравственныхъ послѣдствій страсти челоуѣка къ приобрѣтенію. Каждый торговецъ имѣетъ единственною своею цѣлію разореніе своихъ собратовъ; почему всѣ челоуѣческіе промыслы находятся въ вѣчномъ колебаніи и никогда не обезпечены, и все общество дѣлается жертвою грабежа (2).

§ 26.

Борьба соціалистовъ противъ денегъ.

Дальнѣйшее послѣдствіе частной собственности, и новое коренное зло челоуѣчества — *деньги*. Деньги, первоначально изобрѣтенныя для того, чтобы облегчить обмѣнъ различныхъ произведеній труда, создали

(2) *Карлъ Фурье*, самъ бывший купцомъ, рисуетъ въ чрезвычайно яркихъ краскахъ экономическія невыгоды торговли, въ своемъ сочиненіи: *Théorie des quatre mouvements*. Парижъ 1808. Со слѣпою ненавистью къ Евреямъ, рассказываетъ онъ

своимъ вліяніемъ, во всемъ экономическомъ производствѣ, въ особенности же на фабрикахъ, такое рабство, которое гораздо тягостнѣе для людей, чѣмъ личное рабство, бывшее въ древности и въ средніе вѣка.

Въ то время существовало личное рабство, господинъ имѣлъ еще нѣкоторую выгоду не слишкомъ строго обращаться съ своимъ рабомъ, въ томъ соображеніи, что болѣзнь или смерть могутъ быть убыточны для господина. Онъ долженъ былъ кормить и беречь своего раба во время его болѣзни; попеченіе господина было точно также обращено тогда на раба, какъ, въ настоящее время, оно обращено на домашнихъ животныхъ, употребляемыхъ въ работу. Деньги, напротивъ того, дали распорядителямъ возможность отяготить своихъ работниковъ гораздо бѣльшимъ количествомъ работы, чѣмъ это было бы возможно безъ употребленія денегъ, ибо если работникъ заболѣваетъ или истощается подъ тяжестью работы, то заботы о немъ падаютъ нынѣ на отвѣтственность хозяина. Точно также, для господина было выгодно хорошо содержать своего раба, работавшаго соразмѣрно количеству полученной

въ систематическомъ, послѣдовательномъ порядкѣ о множествѣ примѣровъ банкротства, ростовщичества и биржевой игры. Будучи противникомъ коммунизма, онъ производитъ причину торговли не изъ частной собственности, а напротивъ того изъ недостатка въ организаціи труда и изъ ничѣмъ неограниченнаго соперничества производительныхъ силъ. Онъ даже согласенъ оставить фабричное производство, при чемъ требуетъ только того, чтобы фабрикантъ, войдя въ непосредственное сношеніе съ производителемъ сырыхъ продуктовъ, которые онъ обрабатываетъ на своей фабрикѣ, и также съ потребителями своихъ фабричныхъ издѣлій, сдѣлалъ бы ненужнымъ классъ торговцевъ. Онъ особенно рѣзко оспариваетъ начало свободы торговли, говоря, „что она даетъ торговцамъ неограниченное право собственности на всѣ тѣ товары, которыми они торгуютъ. Купцы имѣютъ право не пускать своихъ товаровъ въ оборотъ, они могутъ спрятать, даже сжечь ихъ, что дѣлала не одинъ разъ Остиндская торговая компанія въ Амстердамѣ, публично сжигавшая цѣлые транспорты корицы, для того, чтобы увеличить цѣну на этотъ товаръ. Компанія эта сдѣлала бы то же самое и съ хлѣбомъ, если бы только не боялась быть побитою камнями; она сожгла бы одну часть хлѣба, для того, чтобы остальной хлѣбъ вздорожалъ. Развѣ мы не видимъ ежедневно, какъ въ нашихъ торговыхъ городахъ выбрасываютъ въ море зерновой хлѣбъ, доведенный негоціантами до гніенія, вслѣдствіе того, что они долго ожидали вздорожанія своего товара? Я лично, въ качествѣ должностнаго торговаго лица, присутствовалъ однажды при подобной подлой операціи, и въ продолженіе одного дня было выброшено въ море около 20,000 пудовъ риса, который можно бы было продать съ умѣреннымъ барышемъ, если бы только владѣльцы этого товара были менѣ жадны. И подобныя убытки, ежедневно возобновляющіеся подъ покровительствомъ философскаго начала свободы торговли, должно терпѣть общество“. Сравни *Victor Considerant, Destinée sociale; exposition élémentaire complète de la théorie sociétaire*. Парижъ 1836—38. 2 част.—*А. Л. Шуроа, Kritische Darstellung der Socialtheorie Fourier's*, изданіе Ж. Бахера. Брауншвейгъ 1840, стр. 39 и слѣд. и *Вейтлина* стран. 89 и слѣд.

пищи. Деньги освободили хозяина и отъ этой обязанности; теперь онъ можетъ губить юношескія силы своихъ работниковъ, и когда онѣ дѣлаются негодными, брать новыхъ работниковъ. Насчетъ старости и дряхлыхъ работниковъ, хозяинъ также не имѣетъ никакихъ заботъ. Наконецъ, въ прежнее время, рабъ получалъ свою пищу даже въ то время, когда онъ не работалъ. Куда дѣваться свободному работнику, когда онъ безъ дѣла? По правдѣ сказать, деньги отняли у рабства одно названіе, а въ дѣйствительности онѣ ухудшили положеніе раба (1).

Далѣе, деньги освободили человѣка отъ заботы о ближнемъ, сосредоточивъ каждого на самомъ себѣ; онѣ уменьшили взаимную любовь людей и воспалили въ нихъ корыстолюбіе; обособили всѣхъ членовъ общества и увеличили возможность: съ одной стороны къ достиженію богатства и могущества, а съ другой стороны, возможность обѣднѣнія и голодной смерти. Но богатство, не смотря на свою противоположность къ бѣдности, также умножаетъ пороки и преступленія; даже бѣднякъ, получающій милостыню, отъ подаяній богача гибнетъ и развращается. Милостыня никогда не уменьшитъ нищеты, напротивъ того она увѣковѣчиваетъ ее, увеличивая высокомеріе и сознаніе денежнаго могущества богатыхъ. И такъ, хотя деньги и облегчаютъ для нѣкоторыхъ лицъ удовлетвореніе потребностей, но за то многихъ честныхъ людей обращаютъ въ безпутныхъ мотовъ или въ преступниковъ.

Наконецъ, деньги дали возможность накопленія капиталовъ, откуда и произошла крайняя несоразмѣрность силъ между капиталомъ и трудомъ. Деньги суть представители цѣнности произведеній, произведеніе же есть результатъ труда; значить деньги суть не что иное, какъ осеребрянный и накопленный трудъ. Работникъ, предоставленный самому себѣ, не могъ бы достигнуть подобнаго накопленія труда, ибо заработокъ его едва покрывалъ бы его потребности. Накопленіе труда могло произойти первоначально лишь потому, что одинъ человѣкъ могъ принудить другихъ трудиться вмѣсто себя, а произведенія труда началъ продавать самъ, и по цѣнѣ болѣе дорогой, нежели та, за которую онъ лично пріобрѣлъ произведенія своихъ работниковъ. Такимъ образомъ, доходъ началъ наростать на доходъ, и выражаться въ деньгахъ, т. е., по просту сказать, доходъ былъ созданъ трудами рукъ работниковъ, которые несправедливо лишались его въ пользу лицъ, единственно занимающихся продажей произведеній, созданныхъ работниками. Вотъ какимъ образомъ произошли капиталъ и сословіе капиталистовъ, владычествующихъ надъ работниками. На основаніи всего предъидущаго, капиталъ

(1) Смотри: *Garantien der Harmonie und Freiheit* стран. 41 и слѣд. и 89 и слѣд.

есть первоначальная собственность работниковъ. По словамъ *Августа Беккера* (2) „капиталь есть языческой храмъ, воздвигнутый изъ высохшихъ костей работниковъ, для ежедневно-приносимыхъ въ немъ новыхъ челоуѣческихъ жертвъ“.

Капиталь производитъ ростъ, не самъ собою, а посредствомъ челоуѣческаго труда. Потому капиталистъ не только получаетъ свое богатство отъ работниковъ, но и ежедневно увеличиваетъ его чрезъ работниковъ, которые производятъ процентъ на его капиталъ. Чѣмъ болѣе капиталъ, тѣмъ обширнѣе и притѣснительнѣе владычество капиталиста надъ работникомъ, и тѣмъ сильнѣе возрастаетъ богатство капиталиста; это явленіе въ особенности имѣетъ мѣсто, когда промышленность дѣлается свободною, „т. е. когда анархія, право сильнаго и кулачное право денегъ“ возводятся на степень законности (3).

(2) Въ сочиненіи: *Was wollen die Kommunisten?* Рѣчь, произнесенная 4-го августа 1844 г. въ собраніи членовъ различныхъ товариществъ работниковъ, бывшемъ въ Лозаннѣ. Лозанна 1844 г. стран. 6.

(3) Дѣйствіе денегъ, какъ металлическихъ, такъ и всякаго рода бумажныхъ, изображено *Вейтлингомъ* въ его сочиненіи: *Garantien der Harmonie*, стр. 162, слѣдующимъ образомъ:

1) Подобное средство мѣны даетъ возможность накоплять въ частныхъ рукахъ огромныя суммы, производящія недостатокъ въ деньгахъ въ другихъ рукахъ.

2) Оно избавляетъ отъ необходимости работать, заставляя другихъ трудиться до истощенія силъ.

3) На основаніи свойства денегъ вызывать, искусственнымъ образомъ, недостатокъ и излишество, благосостояніе и бѣдность,—жизнь, здоровье, счастье и свобода однихъ становится игрою жадности другихъ. Потому является возможность обманывать другъ друга; также обманывать, подкупать, ненавидѣть, создавать себѣ покорныхъ рабовъ, и наконецъ нарушать гармонию цѣлаго общества для пользы завистныхъ желаній нѣкоторыхъ лицъ.

4) Немногія отдѣльныя личности могутъ достигнуть высокой степени личной свободы, въ ущербъ выгодъ другихъ. Чѣмъ свободнѣе могутъ жить одни, съ помощію денегъ, тѣмъ болѣе подпадаютъ остальные подъ иго зависимости и рабства.

5) Вышеуказанный безпорядокъ, переходя отъ одного поколѣнія къ другому, увеличивается постепенно до ужасающихъ размѣровъ. Денежная система, собирая въ огромные запасы всѣ производительныя силы, необходимыя для содержанія людей, даетъ возможность избраннымъ лицамъ наиболѣе полнымъ образомъ удовлетворять свои погрѣбности. Чѣмъ больше будетъ собрано средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія потребностей всѣхъ людей, но отданныхъ въ распоряженіе нѣкоторыхъ избранныхъ, тѣмъ больше будутъ терпѣть остальные, и нужды ихъ будутъ все болѣе и болѣе увеличиваться по мѣрѣ увеличенія числа ограбленныхъ лицъ.

6) Денежная система противорѣчитъ всякому разумному порядку, вслѣдствіе чего въ ней и встрѣчается такъ много недоразумѣній и противорѣчащихъ законовъ. До того времени, пока общество будетъ нуждаться хотя въ одномъ изъ нихъ, до тѣхъ поръ каждое свободное дыханіе челоуѣка будетъ отравлено.

Такимъ образомъ, три вышеупомянутыя учрежденія, и именно: частная собственность, торговля и деньги, составляютъ собой двигателей старой системы, обособленныхъ, частныхъ хозяйствъ, системы, въ которой трудъ, противорѣча истинному своему назначенію, служитъ не для благосостоянія людей, а напротивъ для ихъ мученія. Люди ведутъ другъ противъ друга безирравственную борьбу, для достиженія наибольшей частной выгоды, и всѣ трудятся для взаимнаго несчастья; наконецъ, громадная масса пролетаріевъ никогда не можетъ получить пользованія условіями, необходимыми для обезпеченія человѣческаго существованія.

Соціалисты становятся передъ исторически-выработавшимся порядкомъ народнаго хозяйства и его важнѣйшими представителями, т. е. землевладѣльцами, купцами и капиталистами, въ тѣ же самыя отношенія, какъ Руссо и его послѣдователи передъ исторически-выработавшимся государствомъ. Тѣ и другіе отрицаютъ весь существующій порядокъ вещей; Руссо—государственный, соціалисты—экономическій. На основаніи теоріи Руссо, существующія правительства, безъ всякаго на то права, отняли у народа государственную власть; на основаніи теоріи соціалистовъ, владѣющіе классы точно также отняли у народа принадлежащее ему имущество.

II. ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ СОЦІАЛЬНЫХЪ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ТЕОРІЙ.

А. ЦѢЛЬ ОБЩАГО ХОЗЯЙСТВА.

§ 27.

Всего менѣе единогласія между соціалистами проявляется въ *положительной* части ихъ системы.

Здѣсь соціалисты имѣютъ между собой одну только общую черту, и именно стремленіе осуществить начало равенства въ противоположность началу свободы. На этомъ основаніи они видятъ въ общемъ или совокупномъ хозяйствѣ (*) единственный способъ врачеванія для чело-

и 7) Денежная система препятствуетъ и задерживаетъ каждый шагъ впередъ, ведущій къ общему благосостоянію; вслѣдствіе чего капиталистъ покровительствуетъ только тому, что предписывается личными его выгодами.

(*) Если перевести употребленное здѣсь нѣмецкое выраженіе *Gesamtwirtschaft* на русскія понятія, то всего лучше взять выраженія *артельное* или *общинное хозяйство* или же *товарищество* (association).—В. Б.

вѣческаго общества и необходимый догматъ для всѣхъ народовъ. Но социалисты совершенно расходятся между собою какъ во взглядѣ на тѣ окончательныя цѣли человѣчества, которыя должны быть достигнуты посредствомъ новой экономической организаціи, основанной на началѣ равенства, такъ и во взглядѣ на формы этой организаціи, и также на видѣ и степень общиннаго элемента, который они требуютъ для хозяйства.

Въ первомъ отношеніи можно различить двѣ школы: французскую и нѣмецкую. Первая изъ нихъ, основанная Бабёфомъ, о которомъ мы уже упоминали ⁽¹⁾, а потомъ самостоятельно развитая Сень-Симономъ и Фурье, имѣетъ въ новѣйшее время замѣчательныхъ представителей въ лицѣ Кабета и Луи-Блана. Школа эта, по преимуществу матерьялистическая, стремится осуществить равенство матерьяльнаго счастья на землѣ и равенство правъ всѣхъ людей на пользование жизнью. Она видитъ совершенство человѣка и его личности, какъ цѣль общества въ развитіи и полномъ удовлетвореніи способности человѣка наслаждаться жизнью. Коммунистическое или социалистическое государство этой школы соотвѣтствуетъ занятіямъ и образу жизни той части человѣчества, которая томится нынѣ подъ игомъ владѣющихъ классовъ; это государство работниковъ, въ которомъ господствуетъ промышленность, по изрѣченію Сень-Симона, на оглавленіи его сочиненія ⁽²⁾: „*Tout par l'industrie, tout pour elle*“ (все посредствомъ и все для промышленности). Каждая община есть громадная, рабочая мастерская, въ которой каждый членъ обязанъ исполнить опредѣленное количество работы, для того, чтобы получить часть въ пользованіи благами жизни, соотвѣтствующую его способностямъ ⁽³⁾. Начало централизаціи современной Франціи перенесено и въ этотъ новый, экономическій организмъ, такимъ образомъ, что каждое лице съ своимъ трудомъ, съ своими наслажденіями и съ своими страстями, со всею совокупностью жизненныхъ своихъ проявленій, заключено въ оффиціально предписанную

⁽¹⁾ Смотри § 22, замѣтку 1.

⁽²⁾ *L'industrie, ou discussions politiques, morales et philosophiques dans l'intérêt de tous les hommes livrés à des travaux utiles et indépendants.* Парижъ 1817.

⁽³⁾ Основныя начала эти изложены въ первыхъ параграфахъ манифеста Бабёфа 1796 г. слѣдующимъ образомъ: „Пар. 1. Природа дала каждому человѣку одинаковое право на пользованіе всѣми ея дарами. Пар. 2. Цѣль общества состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить равенство, часто нарушаемое людьми сильными и дурными, также увеличить всѣ общественныя блага общимъ трудомъ всѣхъ лицъ. Пар. 3. Природа возложила на каждого человѣка обязанность трудиться, и никто не можетъ уклониться отъ обязанности труда, не совершивъ преступленія“.

для него сферу и подчинено общинной полицейской дисциплинѣ. Французская школа социалистовъ развилась отчасти въ связи съ пробудившимся во Франціи стремленіемъ къ религіозному единству и къ возрожденію католической церкви; потому многія ея пріизведенія, какъ напр. *Сенъ-Симона*, *Анфантена*, *Піерра Леру*, *Ламенне* и другихъ, написаны подъ вліяніемъ религіозной фантазіи и изложены библейскимъ языкомъ.

Нѣмецкая школа стремится, напротивъ того, къ другимъ цѣлямъ. Возродившись подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи, она тѣсно связываетъ планъ своей организаціи съ отрицательнымъ и антропологическимъ воззрѣніемъ на религію *Фейербаха*; она стремится достигнуть не столько равнаго для всѣхъ матерьяльнаго счастья, но скорѣе такого положенія общества, въ которомъ каждое лице могло бы раскрыть всѣ свои духовныя силы до высшаго человѣческаго самосознанія и до всей полноты человѣческой личности. Въ этой школѣ постоянно проглядываетъ древнее германское начало личной свободы; сверхъ того личная, умственная жизнь и независимость отдѣльныхъ лицъ не только здѣсь не исключены, но должны быть еще болѣе, чѣмъ теперь, освобождены отъ всякихъ вещественныхъ преградъ.

Основателями этой школы были политическіе изгнанники Германіи, скитавшіеся около границъ нашего отечества. Изгнанные изъ своего отечества, по большей части надѣленные богатымъ запасомъ физическихъ и нравственныхъ силъ, но постоянно лишенные необходимыхъ способовъ жизни, люди эти никогда не выходили изъ положенія борьбы за свое существованіе, и были наилучшимъ олицетвореніемъ пролетаріата, какое только можетъ дать намъ новѣйшая эпоха. Будучи, по большей части, воспитаны въ университетахъ, они получали свое образованіе въ мірѣ отвлеченныхъ понятій и потому имѣли естественную склонность къ любомудрію. Новый кругъ идей, найденныхъ ими за границею, былъ воспринятъ ими тѣмъ съ болѣею энергіею, что, испытавъ политическое поприще и увидавъ невоспріимчивость массъ въ Германіи къ своимъ политическимъ грѣзамъ, они стали отчаяваться въ возможности улучшения собственно государственныхъ учрежденій Германіи. Политическій идеалъ ихъ созрѣлъ болѣе на почвѣ философіи, чѣмъ практики, и потому они весьма скоро наткнулись на недостатки и темныя стороны политической жизни и другихъ странъ. Они увидѣли напр. страданія Ирландіи, въ противоположность къ благосостоянію поземельной и денежной англійской аристократіи, также полицейскую централизацию Франціи и іезуитскія наклонности республиканской Швейцаріи. Всѣ эти испытанія превратили ихъ патріотическія стремленія и германскіе идеалы въ космо-

политическія, и они объявили войну всѣмъ основнымъ началамъ европейскаго общества. Короче говоря, члены тѣхъ же самыхъ нѣмецкихъ, студенческихъ кружковъ, изъ которыхъ вышло столько представителей консервативной политики и столько государственныхъ дѣятелей Германіи, сдѣлались на чужеземной почвѣ изъ германскихъ патріотовъ-мечтателей распространителями и руководителями социализма.

Скитаніе по свѣту этихъ людей имѣло, по крайней мѣрѣ, ту хорошую сторону, что съ ними вмѣстѣ перешло въ среду новыхъ экономическихъ идей уваженіе къ германской наукѣ, это единственное достоинство, вынесенное нашими изгнанниками изъ своего отечества.

Исключительно нравственное призваніе человѣчества, разнообразіе и разносторонность человѣческихъ наклонностей, также нравственныхъ и умственныхъ его способностей—вотъ непреложныя основныя начала, принятая нѣмецкими социалистами. Равенство, къ которому стремятся Французы посредствомъ новаго общественнаго устройства, ограничивается у Нѣмцевъ обладаніемъ способовъ необходимаго продовольствія; матерьяльный трудъ и раздѣленіе занятій является у нихъ только средствомъ для достиженія нравственныхъ цѣлей, а никакъ не для достиженія матерьяльнаго благополучія. Коммунистическое устройство общества должно замѣнить собой древнее рабство и обезпечить каждому человѣку, за совершенное имъ, весьма незначительное количество работы, достаточныя средства для его существованія или продовольствія, такимъ образомъ, чтобы каждый могъ, подобно древнимъ независимымъ Аѣинянамъ, по преимуществу заниматься наукою, искусствами и общимъ благомъ. „Аѣины пали, говоритъ Августъ Беккеръ, потому лишь, что не знали коммунизма; Спарта же пала потому, что презирала науку.“

Не смотря на то, что социализмъ, въ противоположность древнему міру, уничтожаетъ не человѣка въ лицѣ гражданина, а гражданина въ лицѣ человѣка, не смотря на то, что социализмъ отрицаетъ государство и народность во всѣхъ ихъ послѣдствіяхъ; тѣмъ не менѣе въ социализмѣ нельзя не найти вліянія изученія классическаго міра, и именно Платоновскаго воззрѣнія на міръ. Французскіе социалисты по преимуществу матерьялисты; германскіе же, напротивъ того, гуманисты; первые желаютъ господства промышленности, вторые же освобожденія отъ нея. Первые признаютъ въ умственныхъ силахъ человѣка только средство для удовлетворенія чувственныхъ потребностей; вторые же видятъ въ нихъ, напротивъ, цѣль всякаго чувственнаго благополучія. Французскія общины, въ будущей организаціи общества, суть ничто иное, какъ казармы работниковъ, въ которыхъ царствуетъ одно начало: законъ равенства; въ нѣмецкихъ же воображаемыхъ общинахъ заведены академіи,

гдѣ господствуетъ наука ⁽⁴⁾. Нѣмецкіе коммунисты смотрятъ даже и теперь на общее образованіе, какъ на необходимость для каждаго чело-вѣка; заграничныя общества нѣмецкихъ коммунистовъ суть вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитательныя общества, въ которыхъ каждый членъ еже-дневно просвѣщается въ исторіи, въ географіи, въ языкахъ, въ естество-знаніи и въ другихъ отрасляхъ наукъ.

Б. ФОРМЫ ОБЩАГО ХОЗЯЙСТВА.

§ 28.

Предположенія коммунистовъ относительно организаціи общества.

Взглядъ германскихъ социалистовъ на различныя формы общаго хозяйства и внутреннее устройство будущаго общества гораздо разнообразнѣе, чѣмъ у французскихъ писателей. Соотвѣтственно степени нераздѣльности хозяйства, можно раздѣлить это ученіе на три главныя направленія:

Крайнюю лѣвую сторону составляетъ коммунизмъ, представителями котораго были, первоначально, во Франціи *Бабёффъ*, въ настоящее время *Кабетъ*; въ Англіи *Робертъ Овенъ*; въ Германіи и въ Швейцаріи *Фр. Эшельсъ*, *А. Беккеръ*, *Вейтлинъ* и другіе. Коммунизмъ требуетъ экономическаго порядка, основаннаго на началахъ совершенной нераздѣльности имущества; устройства общественныхъ мастерскихъ для производителей и общаго хозяйства для потребителей; въ заключеніе всего коммунизма желаютъ уничтоженія не только права наслѣдства, но и безусловно всякой частной собственности.

Даже люди, стоящіе во главѣ этого направленія, даютъ вообще весьма смутныя отвѣты на вопросы: какую именно форму долженъ принять новый порядокъ вещей, и какимъ образомъ въ отдѣльныхъ коммунистическихъ общинахъ и въ болѣе крупныхъ ихъ союзахъ должны быть поддерживаемы равенство въ единствѣ и гармонія въ общности?

(4) Въ сочиненіи „Garantien der Harmonie und Freiheit“, которую нужно считать, если судить по ея предисловію, за общую программу нѣмецкихъ коммунистовъ въ Швейцаріи, на стр. 132 и слѣд. мы встрѣчаемъ слѣдующее: „Философія должна царствовать въ обществѣ, во главѣ котораго долженъ стоять триумвиратъ, т. е. совѣтъ изъ трехъ лицъ, выбранныхъ изъ среды величайшихъ философовъ; эти триумвиры должны быть и замѣчательными геніями въ медицинѣ, въ физикѣ и въ механикѣ“. На стр. 180 сказано: „Коммунистическія общества должны имѣть подробные планы для организаціи академій изящныхъ искусствъ и наукъ“.

Овенъ, занятый въ своихъ сочиненіяхъ ⁽¹⁾ преимущественно критикою современнаго общества и организаціею отдѣльныхъ рабочихъ общинъ, въ которыхъ личное произволеніе должно замѣнить собою всякіе положительные законы, поручаетъ завѣдываніе общинными дѣлами *старцамъ* и желаетъ устройства рабочихъ классовъ и правительственныхъ учрежденій по степенямъ разныхъ возрастовъ.

Новые послѣдователи Бабёфа, такъ называемые уравнители (*egalitaires*) ⁽²⁾, во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ, проповѣдывавшіе коммунизмъ въ самыхъ ужасающихъ его формахъ, признаютъ необходимость всемогущей *центральной власти*, опредѣляющей для каждаго гражданина родъ и количество работы, управляющей его дѣятельностью, какъ мастеръ движеніемъ машины, и заботящейся о достаточномъ его содержаніи. Большіе города должны быть уничтожены, по той причинѣ, что они служатъ колыбелью роскоши, раздраженія и безирравственности; земля должна покрыться однѣми деревнями, селами и маленькими городами; наконецъ дворцы и роскошныя зданія должны быть разрушены. Всюду должны быть построены удобные и совершенно одинаковымъ образомъ устроенные жилые дома, попеченіе о которыхъ должно быть возложено на общественныхъ архитекторовъ. Одежда должна быть для всѣхъ одинаковая, и измѣняться соотвѣтственно возрасту и полу. Бракъ и семейство прекращаются. Всѣ граждане пользуются одинаковою пищею и одинаковымъ содержаніемъ. Всѣ живутъ и работаютъ вмѣстѣ, въ общественныхъ помѣщеніяхъ, и съ раздѣленіемъ только на полы. Во главѣ всѣхъ царствуютъ одинаково — непреклонная власть и строгость закона равенства; такимъ образомъ каждое лице, подобно члену машины, двигается лишь по велѣнію центральнаго учрежденія.

Кабетъ ⁽³⁾ и его послѣдователи гораздо умѣреннѣе въ своихъ предположеніяхъ. Ихъ коммунистическое государство не есть господство единой власти, а демократія. На мѣсто грубой силы, они ставятъ организующее и охранительное начало *братской любви*, также доброволь-

⁽¹⁾ *Р. Овенъ* (издан. 1771 въ Лондонѣ). *New views of society, or essays upon the formation of human character*, Лондонъ 1812, и множество его брошюръ. Сравни *Иосифа Рея*, *Lettres sur le systѣme de la corporation mutuelle et de la communauté de tous les biens, d'après le plan de M. Oven.* 1828; и *Revue des deux mondes*, 1838 г. Апрельская книжка.

⁽²⁾ См. *Штейна*, стр. 425 и слѣд. и *Л. Рейбо*, въ *Revue des deux mondes*, 1842. Июльская книжка.

⁽³⁾ Въ своемъ „*Voyage en Icarie*“ Парижъ 1840; далѣе въ своей особенно напечатанной, коммунистической исповѣди 1841 г., которую приводитъ Штейнъ въ прибавленіи къ своей книгѣ, стр. 463; и наконецъ въ своихъ отдѣльныхъ небольшихъ брошюрахъ и журвальныхъ статьяхъ.

ное соглашеніе частныхъ лицъ. Конечно и они даютъ опредѣленные, и твердыя нормы, и общую администрацію; тѣмъ не менѣе всѣ граждане должны держаться сами собою въ опредѣленныхъ границахъ, движимые личными побужденіями общественнаго блага; такимъ образомъ Кабетъ надѣется, что не будетъ уже болѣе ни преступленій, ни наказаній. Въ его Икарійскомъ государствѣ господствуетъ безусловное равенство выбораго права, народное представительство, провинціальное представительство, товарищество общинъ, къ которому принадлежатъ всѣ безъ исключенія граждане; наконецъ законы, которые должны быть предначертываемы представителями народа и окончательно утверждаемы совокупностью всѣхъ общинъ. Всякая общественная власть должна происходить изъ народнаго избранія. Бракъ и семейство остаются; воспитаніе до 5-ти лѣтняго возраста домашнее. Съ наступленіемъ 21 года, каждый становится полнымъ гражданиномъ. Представители общинъ назначаютъ гражданъ для воздѣлыванія общинной земли, и распредѣляютъ произведенія по различнымъ мастерскимъ для дальнѣйшей обработки или же раздаютъ для потребленія. Въ каждой мастерской, соединяющей въ себѣ работниковъ одинаковаго ремесла, должна быть введена, въ возможно болѣешихъ размѣрахъ, сила машинъ, для того, чтобы человѣческой трудъ ограничивался, по возможности, однимъ наблюденіемъ за машинами. Всѣ граждане должны быть работники, должны ежедневно работать одинаковое число часовъ, и никакъ не болѣе 7-ми; каждый можетъ избрать себѣ работу, соотвѣтственно личному своему вкусу.

Кабетъ ожидаетъ осуществленія всѣхъ остальныхъ своихъ предположеній отъ публичнаго воспитанія, также отъ начала братской любви, утвердившагося вслѣдствіе этого воспитанія. Новый порядокъ вещей не долженъ быть вызываемъ насиліемъ; напротивъ того, онъ долженъ распространяться постепенно, вслѣдствіе убѣжденія и общественнаго мнѣнія.

На основаніи плана нѣмецкихъ коммунистовъ, живущихъ въ Швейцаріи, *наука и умъ должны господствовать* въ коммунистическомъ обществѣ. Авторъ ихъ программы ⁽⁴⁾ начинаетъ свои выводы изложеніемъ человѣческихъ потребностей, бывшихъ первоначально, побудительною причиною образованія общества. Средства для удовлетворенія этихъ потребностей суть человѣческія способности и примѣненіе этихъ способностей къ труду. Способности человѣка служатъ естественною границею его потребностямъ, но въ удовлетвореніи постоянно возрож-

⁽⁴⁾ Вильгельмъ Вейтлингъ. Garantien der Harmonie und Freiheit, стр 113—211.

даются новыя потребности. Человѣческія желанія возбуждаютъ его способности, а послѣднія въ свою очередь возбуждаютъ дѣятельность человѣка; плоды дѣятельности становятся средствомъ для удовлетворенія, что пробуждаетъ снова новыя потребности. Такимъ образомъ, умножаются и постоянно взаимно совершенствуются потребности, способности и труды, а вмѣстѣ съ ними и воля, сила и дѣятельность человѣка, что и служитъ основаніемъ естественному закону преуспѣянія человѣчества. Для удовлетворенія возрастающимъ потребностямъ человѣка и для соотвѣтственнаго усовершенствованія его способностей, человѣкъ нуждается въ обществѣ, въ которомъ способности, трудъ и удовлетвореніе разныхъ лицъ взаимно между собою уравниваются и обмѣниваются. Лучшее общественное устройство есть то, въ которомъ примѣнена система обмѣна разныхъ личныхъ способностей, наименѣе препятствующаго проявленію естественнаго закона человѣческаго преуспѣянія; такимъ образомъ примѣнена, что не только удовлетвореніе потребностей или наслажденіе не ослабляетъ человѣческихъ способностей, но желаніе и способности одного члена общества ни подавляются для пользы остальныхъ, ни возбуждаются и подкрѣпляются ко вреду остальныхъ членовъ. Задача всѣхъ общественныхъ порядковъ состоитъ *въ обезпеченіи свободы и въ гармоніи всѣхъ личныхъ потребностей и способностей.*

Человѣческія желанія имѣютъ троякаго рода направленіе: *къ пріобрѣтенію, къ наслажденію и къ познанию.* Имъ соотвѣтствуетъ три рода способностей и занятій: *производство, потребленіе и управленіе.* До настоящаго времени, однѣ только потребности пріобрѣтенія и пользованія управляли обществомъ; познавательныя же стремленія должны были уступить господству чувственныхъ членовъ общества. Отсюда проистекли пороки и преступленія, законы и наказанія, которые вѣдь суть ничто иное, какъ болѣзни общественнаго тѣла, болѣзни, происшедшія изъ разлада личныхъ потребностей и способностей, или изъ дурной организаціи общества. Истинная цѣль общества требуетъ прежде всего, чтобы наука поставлена была на принадлежащее ей одной мѣсто, т. е., чтобы она сдѣлалась руководительницей человѣческихъ потребностей и способностей. Управленіе обществомъ не должно быть поручаемо ни одному лицу, ни диктатурѣ, ни республиканскому выборному большинству; напротивъ того, оно должно быть предоставлено одной умственной силѣ, независящей ни отъ какихъ личныхъ вліяній.

Въ главѣ управленія должны стоять три величайшіе философа, на подобіе трехъ-членнаго совѣта; подъ ними стоитъ центральное общество мастеровъ, академическій совѣтъ и комиссія народнаго здравія;

подъ послѣдними окружныя общества мастеровъ, академическіе совѣты и комиссіи народнаго здравія, и такъ далѣе, кончая отдѣльными мастерами по каждому ремеслу. Назначеніе на высшія должности происходитъ не по выбору, а по удостоенію трудовъ каждаго кандидата на конкурсахъ, на которыхъ имя и личность кандидатовъ остаются неизвѣстными для цѣнителей. Назначеніе въ члены комиссій общественнаго здравія рѣшается на основаніи наибольшаго члена счастливыхъ излеченій, сдѣланныхъ кандидатами. Трехъ-членный совѣтъ исчисляетъ, на основаніи статистическихъ данныхъ, доставляемыхъ ему мѣстными низшими должностными лицами, всѣ физическія и нравственныя нужды потребленія, какъ количественно, такъ и качественно, и по этимъ исчисленіямъ опредѣляетъ для всѣхъ одинаковое количество рабочихъ часовъ, нужныхъ для производства. Выборъ какъ занятій, такъ и нужныхъ каждому, обмѣниваемыхъ каждымъ на свой трудъ, предметовъ потребленія, предоставляется свободному произволу каждаго, хотя каждый членъ общества и долженъ предварительно объявить, что онъ для себя беретъ, чтобы можно было исчислить количество заказанныхъ вещей. Единственно въ томъ случаѣ, если свободный выборъ угрожаетъ гармоніи цѣлаго, должностныя лица принимаютъ нѣкоторыя ограничительныя мѣры. Мѣриломъ цѣнности, къ которому приводятся всѣ физическія и нравственныя произведенія труда, и на основаніи котораго уравнивается дѣятельность каждаго, — служатъ рабочіе часы. Должностныя лица опредѣляютъ цѣнность каждаго рода произведеній и возвышаютъ нѣкоторыя изъ нихъ въ томъ случаѣ, если требованіе превышаетъ производство, или если нарушается гармонія. Руководствомъ для мѣры, или для уравниенія цѣнностей служатъ такъ называемыя коммерческія книги ⁽⁵⁾, которыя выдаются еже-

(⁵) Коммерческія книги играютъ очень важную роль въ планѣ автора. На стр. 170 онъ говоритъ, „что онѣ служатъ паспортомъ, метрическимъ свидѣтельствомъ о мѣстороженіи, учебникомъ, векселемъ, квитанціей, счетной книгой, ежедневной расходной книгой, аттестатомъ объ обученіи, визитной карточкой, рекомендательнымъ письмомъ, записью сбора податей, кошелькомъ для денегъ, календаремъ и т. д. Онѣ отражаютъ въ себѣ всѣ нравственныя и физическія потребности каждой личности; онѣ суть его портретъ и его біографія; короче сказать, онѣ составляютъ собой графическое изображеніе личности индивидуума, такъ какъ никогда еще она не была изображена. Страшное множество свидѣтельствъ, аттестатовъ и разнаго рода бумагъ, въ которыхъ мы имѣемъ теперь нужду, живя среди нынѣшнихъ нашихъ отношеній, и изъ которыхъ многія совершенно бесполезны, будутъ сосредоточиваться наиполнѣйшимъ и наипростѣйшимъ образомъ въ одной коммерческой книгѣ. За исключеніемъ оберточнаго листа, назначеннаго для разнаго рода замѣчаній, книга состоитъ изъ 60 листовъ, изъ которыхъ каждый назначается для 5-ти рабочихъ дней; такимъ обра-

годно отъ административныхъ учрежденій каждому лицу и содержать въ себѣ портретъ или описаніе примѣтъ каждого владѣльца книги. Разныя лица, надсматривающія надъ работами, отмѣчаютъ ежедневно въ этихъ книгахъ рабочіе часы; тѣ же лица, которыя завѣдуютъ потребленіемъ, отмѣчаютъ въ нихъ нужды владѣльца книги, соразмѣренныя съ цѣнностію его труда. Комиссіи для сохраненія здравія контролируютъ потребленіе и заботятся о томъ, чтобы трудъ и потребленіе были въ равновѣсіи, также не были бы вредны какъ для отдѣльнаго лица, такъ и для гармоніи цѣлаго общества. Лица, подверженныя неисцѣлимымъ физическимъ и душевнымъ болѣзнямъ, должны быть отвозимы въ дальнія страны и на острова, гдѣ они будутъ предметомъ особенныхъ попеченій. Всѣ дѣти обоюго пола, съ наступленіемъ пятилѣтняго возраста, поступаютъ въ общественную школу, для которой установлена превосходная система воспитанія для всѣхъ родовъ занятій, начиная отъ первоначальнаго обученія и кончая университетами. При каждомъ переходѣ отъ одного курса въ другой и изъ одного круга занятій въ другой, установлены испытанія, такимъ образомъ, что никто не можетъ выйти изъ школы и поступить въ среду совершеннолѣтнихъ работниковъ, пока способности его не будутъ испытаны. Бракъ остается, но женщинамъ предоставлены, по отношенію къ труду и потребленію, одинаковыя права и обязанности, какъ и мужчинамъ.

§ 29.

Планъ организаціи Сенъ-Симонистовъ.

Рядомъ съ коммунизмомъ стоитъ ученіе Сенъ-Симона, который замѣняетъ *право наслѣдства по крови*, — *правомъ наслѣдства по заслуженію*.

Занятіе составляется ежегодно 300 рабочихъ дней. Каждый листъ содержитъ въ себѣ четыре различныя оглавленія; на одной страницѣ помѣщены три первыя оглавленія, а на оборотѣ четвертое. Въ первомъ оглавленіи проставлены: мастерская и мѣсто, гдѣ работаетъ хозяинъ, также ежедневное число рабочихъ часовъ, далѣе жилище, если онъ имѣетъ свое хозяйство, и наконецъ его столовая зала. Во второмъ оглавленіи, подъ заглавіемъ „отчетъ о здравіи“ помѣщены: родъ, продолжительность, причины и дѣйствіе каждой болѣзни, поражающей индивидуумъ. Въ столбцахъ третьяго оглавленія, подъ названіемъ „рабочихъ часовъ“, отмѣчаются, разными хозяевами мастерскихъ, часы, проработанные каждымъ индивидуумомъ, съ показаніемъ ихъ числа и подраздѣленіемъ на отрасли занятій. Подъ четвертымъ оглавленіемъ, на оборотѣ страницы, подъ названіемъ „о часахъ удовлетворенія потребностей“ отмѣчаются всѣ потребленія и всѣ произведенія, назначенныя для удовольствія и обихиваемыя индивидуумомъ; также цѣнность ихъ и та фабрика, откуда они получены. Рабочіе часы отмѣчаются чрезъ каждые пять дней; часы же удовлетворенія потребностей каждый разъ по ихъ совершеніи. Исключеніе въ этомъ составляетъ удовлетвореніе ежедневныхъ нуждъ, абонированныхъ помѣсячно, или на цѣлый годъ.

гамъ, и опредѣляетъ для каждаго лица наименьшее количество (минимумъ) дохода; ученіе это отличается отъ коммунизма тѣмъ, что удерживаетъ частную собственность въ *пожизненномъ владѣніи*. Въ сочиненіяхъ Сень-Симона (1) нѣтъ полнаго плана для будущаго общественнаго устройства. Здѣсь высказана только мысль, что классъ промышленныхъ работниковъ, находившійся до сихъ поръ въ угнетеніи, составляетъ собой наиболѣе полезнѣйшихъ и лучшихъ членовъ государства, и долженъ бы былъ занять первое мѣсто въ обществѣ, ибо этотъ классъ можетъ обойтись безъ помощи другихъ классовъ; напротивъ того, безъ него никто не можетъ обойтись. Далѣе здѣсь высказана мысль, что владычество промышленности требуетъ водворенія начала полнаго равенства, какъ своего основанія. Для распространенія этихъ мыслей Сень-Симонъ издалъ извѣстное свое сочиненіе „Новый Христіанизмъ“ (2), или религія братской любви.

Собственно форма, принимая за характеристику ассоціаціи на началахъ Сень-Симонистовъ, разработана была учениками Сень-Симона, и преимущественно Базаромъ (3). Эта форма общественной организаціи заключается въ іерархіи, глава которой совмѣщаетъ въ себѣ какъ свѣтскую, такъ и духовную власть, и осуществляетъ собой, въ живомъ законѣ, новую соціальную религію братства и равенства. Въ основаніе этой организаціи принято естественное неравенство человѣческихъ способностей. Начало равенства будетъ осуществлено лишь въ томъ случаѣ, когда каждый членъ общества займетъ положеніе, соотвѣтствующее его способностямъ, и будетъ вознаграждаемъ по мѣрѣ своихъ заслугъ, выражающихъ способности каждаго лица. Чтобы достигнуть этой цѣли, собственность не должна болѣе быть привилегією рожденія, позволяющею жить на счетъ труда другихъ и дающею право на праздность. По смерти каждаго частнаго владѣльца, собственность должна перейти въ руки не семейства, а государства, которое уже распредѣляетъ между всѣми своими членами, по мѣрѣ способностей каждаго лица, условія работы, землю и капиталъ. Для этой цѣли, повсемѣстно, въ каждой странѣ должны существовать банки, а во главѣ ихъ—центральный банкъ. Банки пекутся объ имуществѣ умершихъ гражданъ,

(1) *Штейнъ* дѣлаетъ обзоръ его многочисленныхъ сочиненій на стр. 180. Кромѣ сочиненія, уже упомянутаго въ § 27, въ прим. 2, особенно относятся къ этому предмету: *Système industriel*, 3 част. Парижъ 1821—22, и *Catechisme des Industriels*, Парижъ 1822—23.

(2) *Nouveau Christianisme*. Парижъ 1825.

(3) *Doctrine de Saint-Simon. Exposition*. 2 т. Парижъ 1828—30. См. *Штейна* стр. 183 и слѣд.

налагають на него заперещеніе и передають его способнѣйшимъ гражда-
намъ, съ тѣмъ, чтобы продолжалось заведенное въ имущество хозяй-
ство. Бракъ остается, но женщины совершенно уравниены съ мужчи-
нами въ своихъ правахъ, какъ по отношенію къ церкви, такъ и къ
государству и семейству.

§ 30.

Организація соціалистовъ. Симондъ-де-Сисмонди. Луи-Бланъ.

Самые умѣренныя изъ плановъ общественныхъ организацій суть
планы соціалистовъ, взятыхъ въ тѣсномъ значеніи этого слова, т. е. въ
томъ смыслѣ, въ какомъ сложилось ученіе соціализма во Франціи у
Фурье и его учениковъ *Виктора Консидерана* и *Луи-Блана*, а въ
Германіи у безыменнаго автора сочиненія: „Разрушеніе и возсозданіе,
или настоящее и будущее“ (1). Ученіе этихъ соціалистовъ, въ общемъ
своемъ направленіи, приурочиваетъ свои построенія къ даннымъ отноше-
ніямъ собственности; оно сохраняетъ право частнаго владѣнія и право на-
слѣдства и стремится только къ осуществленію *такой всеобщей органи-*
заціи труда и такою производствомъ на началахъ товарищества, при
которыхъ чистая прибыль каждаго участника или товарища сораз-
мѣряется съ трудомъ, капиталомъ и талантомъ каждаго (*).

Въ самомъ соціализмѣ нужно различить два направленія. Одно изъ
нихъ *политическое*, связывающее чисто общественный вопросъ органи-
заціи труда съ государственнымъ устройствомъ; съ этой стороны, соціа-
лизмъ возлагаетъ на государство, требуя отъ него непосредственнаго вмѣ-
шательства въ промышленность, обязанность непрерывно возстановлять рав-
новѣсіе, нарушенное частными экономическими интересами; отсюда стрем-
леніе соціализма къ государственнымъ преобразованіямъ. Другое на-
правленіе въ соціализмѣ чисто *промышленное*; оно смотритъ совершен-
но равнодушно на всякое государственное устройство, отказывается отъ
всякихъ политическихъ стремленій и считаетъ свои экономическіе пла-
ны одинаково удобоисполнимыми какъ въ неограниченной монархіи,
такъ и въ республикѣ. Первое направленіе хочетъ ввести новый по-

(1) Abbruch und Neubau oder Jetztzeit und Zukunft von Michael ***. Штут-
гардъ. 1846.

(*) Этими словами выражается всеобщій экономическій идеалъ, достиженіе кото-
раго, по убѣжденіямъ всѣхъ экономистовъ (не исключая и чистыхъ послѣдователей
ученія А. Смита) возможно для общества лишь съ успѣхами промышленности и
образованности и съ устраненіемъ искусственныхъ препятствій, всюду нарушающихъ
свободу производства, распредѣленія и потребленія богатства.—В. Б.

рядокъ вещей сверху, и поставивъ всю совокупность промышленной дѣятельности подъ опеку государства; второе же хочетъ начать пересозданіе общества снизу, внутри самаго государства, и только измѣнить отношенія людей другъ къ другу.

Первое направленіе было изложено въ 1819 году *Симондомъ-де-Сисмонди*, въ его сочиненіи: *Nouveaux principes d'économie politique*, въ которомъ онъ собственно слѣдуетъ, въ большей части своего ученія, теоріи Смита, хотя и рѣшительно отвергаетъ начало свободной промышленной конкуренціи и промышленность, которая имѣла бы своею единственною цѣлю увеличеніе производства. Онъ рисуетъ живыми красками существующую въ настоящее время противоположность между богатствомъ и нищетою, влекущую общество къ самой печальной развязкѣ. Причиною такого положенія онъ признаетъ дурное устройство промышленности, и именно конкуренцію, при которой всѣ двигатели производства, какъ-то машины, банки и т. д. могутъ увеличивать только богатство людей уже достаточныхъ, доходъ же работниковъ постепенно уменьшаютъ. Онъ силится доказать, что не всякое еще увеличеніе произведеній полезно для общества, но что только образъ потребленія произведеній въ обществѣ рѣшаетъ пользу производства; поэтому онъ ставитъ въ обязанность правительства защищать народъ отъ губельныхъ дѣйствій промышленнаго соперничества (2).

(2) Смотри томъ II, книгу VII, глава 8, подъ заглавіемъ: *Comment le gouvernement doit protéger la population contre les effets de la concurrence*. Сисмонди говоритъ общими мѣстами о средствахъ, которыя должно употребить государство, и именно на стр. 339 и слѣд.: „относительно земледѣльческаго населенія, общая задача государства состоитъ въ томъ, чтобы постоянно соединять трудъ съ имуществомъ, ускорять это соединеніе всѣми косвенными, законодательными мѣрами, давать самую большую свободу продажъ недвижимой собственности; также поддерживать въ семействахъ раздѣленіе наслѣдства, запрещать всякаго рода ограниченія и субституты, стѣсняющіе собственность, и наконецъ совмѣстить съ обладаніемъ земли такія выгоды, чтобы каждый крестьянинъ считалъ пріобрѣтеніе небольшого участка земли въ личную собственность конечною цѣлью своего честолюбія. Но если зло уже устарѣло, или земли соединены въ огромныя владѣнія, или когда монополія собственниковъ принуждаетъ поденщиковъ отдавать за безцѣнокъ свой трудъ, или наконецъ, если собственники, пользуясь преимуществами большаго капитала, также производствомъ работъ въ большихъ массахъ и искусствомъ управленія хозяйствомъ, дѣлаютъ положеніе мелкихъ собственниковъ и фермеровъ невыносимымъ; тогда законодательство должно придти на помощь послѣднимъ, посредствомъ болѣе прямыхъ мѣръ“. Но въ заключительной главѣ своего сочиненія, непосредственно слѣдующей за предъидущимъ, вполне развита идея взаимности интересовъ, поддерживаемой правительствомъ, между собственниками, заказывающими работу, и между работниками, ничѣмъ невладѣющими.

Послѣдняя мысль, т. е., что правительство должно быть главнымъ распорядителемъ производства, развита подробнѣе у *Луи-Блана* ⁽³⁾. На основаніи его предположеній, задача правительства состоитъ въ уничтоженіи соперничества, посредствомъ прямого своего въ немъ участія. Правительство должно сдѣлать заемъ, основать общественныя мастерскія, для главныхъ отраслей національной промышленности, составить для нихъ уставы и дать послѣднимъ чрезъ освященіе народнаго представительства силу закона; сверхъ того, оно должно завести необходимыя орудія для производства и регулировать, по крайней мѣрѣ на первый годъ, отношенія найма на основаніи росписанія обязанностей, отправляемыхъ каждымъ работникомъ. Когда всѣ работники будутъ уже въ состояніи взаимно оцѣнивать другъ друга, распредѣленіе различныхъ занятій, внутри товарищества, будетъ производимо самими членами его. Счеты должны сводиться ежегодно, и чистый доходъ долженъ быть раздѣленъ на три части. Первая часть дохода распредѣляется равномѣрно между всѣми товарищами; вторая часть идетъ на содержаніе стариковъ и больныхъ, и также на пособіе въ пользу другихъ отраслей промышленности; наконецъ третья часть служитъ для приобрѣтенія рабочихъ орудій для вновь поступающихъ въ товарищество членовъ. Каждое, подобнымъ образомъ устроенное, товарищество можетъ принимать въ свою среду и отдѣльныхъ ремесленниковъ, вынужденныхъ по самому характеру своихъ занятій работать въ отдѣльныхъ мастерскихъ; такимъ образомъ каждая общественная мастерская заключаетъ въ себѣ различныя ремесла, которыя, будучи сгруппированы въ одно промышленное производство, повинуются однимъ законамъ и пользуются одними правами. Каждый членъ употребляетъ произвольно, по личному своему усмотрѣнію, получаемое имъ вознагражденіе за трудъ; тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе вліянія обычаевъ новой общественной жизни, изъ товарищества работниковъ должно немедленно произойти свободное товарищество для потребленія и увеселеній. Капиталисты, поступающіе въ союзъ, не получаютъ процента съ капитала, отданнаго ими въ оборотъ; но они, подобно работникамъ, получаютъ свою часть дохода.

Такимъ образомъ, въ каждой главной отрасли ремесль, каждая большая мастерская, основанная правительствомъ, будетъ соперничать съ частною промышленностью; но вслѣдствіе дешевизны жизни, связанной съ бытомъ въ товариществахъ, она непременно получитъ надъ

⁽³⁾ Въ его сочиненіи: *Organisation du travail*. Парижъ 1841; и позже во многихъ изданіяхъ.

ними перевѣсь. Руководимая правительствомъ въ видахъ общественной пользы, она однако никогда не будетъ вытѣснять частныхъ мастерскихъ; напротивъ того, мало по малу привлечетъ ихъ къ соединенію въ подобныя же товарищества, и наконецъ подчинитъ своему порядку весь рынокъ.

Послѣ того, какъ начало товарищества окончательно водворится въ какой либо отдѣльной промышленной отрасли, и государство сдѣлается верховнымъ ея распорядителемъ, тогда многія сходныя между собою заведенія опять соединятся между собой въ одно товарищество; такимъ образомъ основныя начала, господствующія въ отдѣльныхъ товариществахъ, мало по малу перенесутся во всю совокупность промышленныхъ заведеній, и наконецъ соперничество, уничтоженное уже между отдѣльными заведеніями или предпріятіями, устранится и между всѣми корпораціями. Въ каждой сферѣ производительности, состоящей подъ покровительствомъ правительства, учредится большая центральная мастерская, къ которой примкнутъ всѣ прочія какъ вспомогательныя мастерскія, и водворится связь между всѣми промежуточными пунктами одного и того же производства, въ видахъ общей, народной пользы. Подобная организациа будетъ развиваться болѣе и болѣе, до тѣхъ поръ, пока не распространится на всѣ роды промышленности, такъ чтобы вся совокупность производства страны подпадала наконецъ подъ верховное завѣдываніе правительства.

§ 31.

Продолженіе. Карль Фурье и Викторь Консидеранъ.

По совершенно противоположному пути пошелъ Фурье и за нимъ ученикъ его Консидеранъ ⁽¹⁾. Въ то время, какъ Луи-Бланъ начинаетъ свое ученіе съ государственныхъ преобразованій, Фурье хочетъ пересоздать общину. Его фаланга состоитъ изъ 1,500 или 2,000 человѣкъ; число ея членовъ не должно быть меньше по той причинѣ, что распредѣленіе характеровъ, наклонностей и способностей не было бы при меньшемъ числѣ достаточно разнообразно, чтобы представлять собой готовыя силы для каждаго рода занятій, вызванныхъ общественными потребностями. Число членовъ не должно быть однако и слишкомъ велико, ибо въ послѣднемъ случаѣ усложнился бы общественный орга-

⁽¹⁾ Смотри § 25, примѣч. 2. Кромѣ указанныхъ тамъ сочиненій *Фурье*, сюда принадлежатъ еще два его сочиненія: *Traité de l'association domestique agricole*. 2 т. Парижъ 1822; 2-е изданіе 1841; и *Nouveau monde industriel*. Парижъ 1829.

низмъ и могли бы произойти частыя замѣшательства. Всякое движимое и недвижимое имущество, принесенное отдѣльнымъ членомъ въ среду общины, должно быть оцѣнено по ходячей цѣнѣ, и каждый собственникъ получаетъ акціи, равноцѣнныя внесенному имъ имуществу, записанныя на общественномъ достояніи всей общины, и могущія быть проданными по личному желанію владѣльца акціи.

Во главѣ общины стоитъ управленіе, составленное изъ значительнѣйшихъ акціонеровъ и изъ способнѣйшихъ членовъ общества. Оно завѣдуетъ счетною частью, веденіемъ книгъ о работахъ каждаго члена и всею остальною администраціею по общиннымъ дѣламъ. Каждому вновь поступающему члену выдаются напередъ средства, нужныя для удовлетворенія его потребностей въ продолженіе года, для того, чтобы никто своею бѣдностью не могъ быть отстраненъ отъ участія въ общинѣ. По окончаніи года, распредѣленіе общиннаго дохода дѣлается на основаніи правила, по которому физическій трудъ получаетъ $\frac{5}{12}$, капиталъ $\frac{4}{12}$, талантъ же или теоретическія и практическія познанія $\frac{3}{12}$ общиннаго дохода. Отношеніе это можетъ измѣняться, смотря по обстоятельствамъ, и, для окончательнаго своего утвержденія, быть испытано на дѣлѣ.

Посреди поземельнаго имущества, принадлежащаго фалангѣ, величину котораго (въ окружности) Фурье опредѣляетъ приблизительно въ одинъ часовой объѣздъ ⁽²⁾, устроены общественныя жилища для всѣхъ общинниковъ, т. е. для фаланстеріи. Жилища эти должны быть построены по одинаковому плану, который долженъ, по возможности, соответствовать экономическимъ удобствамъ большаго хозяйства, и вмѣстѣ съ тѣмъ отстранять неудобства и столкновенія, всегда случающіяся при скопленіи большаго числа людей, и при совмѣщеніи въ стѣнахъ одного зданія разнаго рода занятій. Зданіе фаланстера, по возможности растянутое въ длину, имѣетъ три этажа, и надѣлено большими внутренними дворами; въ срединѣ его расположены общественныя залы, назначенныя для собраній, столовая, библіотека, учебныя комнаты, театр и мастерскія, производящія шума. Въ одномъ изъ его флигелей расположены мастерскія, производящія шумъ, мастерскія слесарей, кузнецовъ и служителей; въ другомъ флигелѣ устроены помѣщенія для пріѣзжихъ посѣтителей и дѣтскія комнаты. По цѣлому зданію разсѣяны отдѣльныя квартиры, различныхъ величинъ и болѣе или менѣе удобнаго

(2) Квадратная миля, т. е. 0,36 географич. квадр. мили, или $1,809\frac{1}{5}$ кв. десятины, такимъ образомъ, что при 1,500 членахъ общины, на каждаго приходится по $1\frac{1}{5}$ десятины, а при 2,000 членахъ, по $2,169\frac{3}{4}$ кв. сажени земли.

и роскошнаго устройства, для найма отдѣльнымъ членамъ семействъ, сообразно средствамъ, вкусу и семейнымъ потребностямъ каждаго. Во всю длину зданія, въ первомъ этажѣ устроена закрытая и теплая галлерея для облегченія сообщеній; невдалекѣ отъ зданія расположены конюшни, амбары и магазины, окруженные садами; кромѣ того, все это связано между собою общими кухнями, погребами, водопроводами, общимъ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Такимъ образомъ не только всѣ отрасли промышленности производятся сообща и въ большихъ размѣрахъ, потому и съ гораздо меньшими издержками, но и самое удовлетвореніе потребностей каждаго члена обходится, при общемъ хозяйствѣ, дешевле и лучше, нежели въ настоящее время. Вотъ приближительная картина фаланстера, придуманнаго Фурье.

Всѣ члены общины раздѣляются на столько отдѣленій или серій, сколько различныхъ родовъ работъ можетъ и желаетъ производить община. Каждая отдѣльная отрасль земледѣлія, ремесль, домашняго хозяйства, воспитанія и т. д. имѣетъ, кромѣ того, свою особенную серію, состоящую изъ лицъ обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, бравшихъ для себя то или другое призваніе, сообразно естественному своему расположенію и наклонностямъ. Пользы общины требуютъ возможно бѣльшаго числа серій, для того, чтобы дать каждому члену случай принадлежать въ одно и то же время по крайней мѣрѣ къ 20 или къ 30 серіямъ. Цѣль послѣдняго состоитъ въ томъ, чтобы ни одна способность члена общины не оставалась праздною и неразвитою, также чтобы постоянной переменной занятій поддержалось рвеніе всѣхъ къ труду, и наконецъ, чтобы создавалась возможность промышленныхъ соперничествъ (*émulation*) всякаго рода.

Каждая серія раздѣляется на множество группъ, сообразно отдѣльнымъ частямъ, на которыя распадается производство всякой работы. Каждая группа пополняется принятіемъ въ свою среду новыхъ членовъ, чувствующихъ въ себѣ расположеніе къ извѣстной работѣ; но она исключаетъ тѣхъ членовъ, которые какимъ бы то ни было образомъ оказались негодными. Серіи и группы избираютъ старшинъ, подъ руководствомъ которыхъ оны и работаютъ.

Во главѣ ремесленной дѣятельности общинъ стоитъ промышленный ареопагъ, составленный изъ старшинъ всѣхъ серій; но такъ какъ общественная гармонія не допускаетъ никакихъ принудительныхъ мѣръ, то этому ареопагу, также какъ и самому правительству, предстоитъ мало случаевъ собственно приказывать; напротивъ того, ареопагъ только предлагаетъ и совѣтуетъ. Составъ его обезпечиваетъ правильность рѣшеній и исполненіе ихъ внутри каждой серіи.

Для того, чтобы ни одинъ членъ общины не былъ униженъ до положенія рабочаго орудія, также для того, чтобы въ средѣ ея не могла развиться аристократія труда, никто не долженъ быть исключительно употребляемъ для завѣдыванія общинными дѣлами; напротивъ того, различныя группы должны быть поощряемы, посредствомъ хорошаго вознагражденія, къ очередному принятію на себя этого рода должностей. Каждому члену долженъ быть обеспеченъ наименьшій размѣръ его дохода, необходимаго для удовлетворенія насущныхъ потребностей; при распредѣленіи же дохода, производимомъ соразмѣрно рабочимъ часамъ каждаго члена, трудъ, употребленный на удовлетвореніе полезныхъ потребностей, долженъ быть вознаграждаемъ дороже, чѣмъ трудъ, употребленный на удовлетвореніе пустыхъ удовольствій; наконецъ трудъ, употребленный для накопленія необходимыхъ капиталовъ, дороже, чѣмъ трудъ для полезныхъ потребностей.

Фурье полагаетъ, что придуманный имъ механизмъ можетъ наисовершеннѣйшимъ образомъ связать начало раздѣленія занятій съ гармоническимъ ихъ соединеніемъ, возвести производство на должную высоту⁽³⁾, дать каждому лицу свободный выборъ занятій и свободное удовлетвореніе потребностей; наконецъ, что онъ можетъ уничтожить убійственное однообразіе въ работѣ, и на мѣсто уединенія рабочихъ поставить сочетаніе соперничающихъ силъ, возбуждающее къ дѣятельности.

§ 32.

Продолженіе. Планы общественной организаціи нѣмецкихъ социалистовъ.

Предположенія общественной реформы, придуманныя неизвѣстнымъ авторомъ сочиненія: *Abbruch und Neubau, oder Jetztzeit und Zukunft*,

(³) Самое бѣльшее усиленіе производства проистекаетъ, по убѣжденію Фурье, изъ сбереженія расходовъ производства посредствомъ общественнаго хозяйства. Фурье разсчитываетъ, напр., что расходы на строительный матерьялъ для возведенія большаго хлѣбнаго амбара, назначеннаго для 300 семействъ, будутъ едва равняться десятой части расхода, употребляющагося на возведеніе 300 такихъ крестьянскихъ овиновъ, какіе имѣются теперь. Сверхъ того, 300 крестьянскихъ семействъ теряютъ въ настоящее время, ежегодно, на одномъ только провозѣ на рынокъ своихъ припасовъ, приблизительно 6,000 рабочихъ дней, не высчитывая здѣсь ни расхода на самый провозъ, ни фрахты. Дрова, сожигаемыя нынче въ 100 домашнихъ хозяйствахъ и въ 100 различныхъ кухняхъ, печахъ и каминахъ, могутъ готовить пищу для 900 хозяйствъ, если будутъ употребляться въ трехъ нарочно устроенныхъ для этой цѣли кухняхъ; сверхъ того, тѣмъ же самымъ огнемъ можно будетъ еще топить зимою печи, и т. д.

еще болѣе примыкають къ существующимъ общественнымъ обстоятельствамъ и къ современнымъ имущественнымъ отношеніямъ. Фурье ожидалъ, что весь свѣтъ будетъ, мало по малу, состоять изъ однѣхъ фалангъ, и что всѣ общественныя учрежденія, не смотря на различіе климатическихъ условій образованности, будутъ замѣнены новыми формами общественной жизни, единственно вслѣдствіе ихъ совершенства и очевидныхъ для всѣхъ выгодъ. Въ воображеніи Фурье, вся земная поверхность должна была постепенно покрываться, на подобіе шахматной доски, правильными квадратами, въ которыхъ повсемѣстно повторится то же самое механическое однообразіе ⁽¹⁾. Вышеупомянутый неизвѣстный нѣмецкій писатель былъ неограниченнымъ поклонникомъ Фурье, и вполне соглашался съ его критикою современнаго общества, и съ основными началами придуманнаго имъ товарищества, въ которомъ распредѣленіе прибылей было бы пропорціонально участию каждаго члена въ производствѣ, т. е. личнымъ вкладамъ каждаго въ общую сумму капитала работы и талантовъ; онъ желаетъ однако на первое время лишь преобразованій въ промышленности и также въ главныхъ ея отрасляхъ, мануфактурахъ, ремеслахъ и земледѣліи, освобожденія отъ разрушительнаго вліянія индивидуализма.

Онъ желаетъ ввести въ фабричную дѣятельность систему *соучастія*, или начало взаимности между хозяевами и работниками, подобно одному парижскому малярному мастеру, который осуществилъ ту же самую мысль въ своемъ частномъ заведеніи, и рекомендовалъ ее въ особомъ сочиненіи ⁽²⁾. При такомъ порядкѣ на фабрикахъ, каждый работникъ получалъ бы прежнюю свою заработную плату, только въ качествѣ наименьшаго вознагражденія за свой трудъ; сверхъ того, онъ считался бы владѣльцемъ такого капитала, какой соотвѣтствуетъ его заработной платѣ, капитализированной изъ 5⁰/₁₀₀. Хозяинъ фабрики долженъ получать постоянное вознагражденіе, въ видѣ процента на свой капиталъ и барыша отъ предпріятія; затѣмъ остатокъ чистаго дохода отъ фабрики

⁽¹⁾ Какъ всѣмъ извѣстно, Фурье мечталъ объ одной окончательной, всемірной монархіи, срединнымъ пунктомъ которой долженъ былъ быть Константинополь. Онъ рассчитывалъ, что современное населеніе земли можетъ образовать изъ себя около 600,000 фалангъ, число которыхъ можетъ, мало по малу, возрасти до 3 или 4 милліоновъ. Каждая 4, 12, 48 фалангъ должны образовать собой серіи, и находиться подъ руководствомъ одного главы (дуарха, триарха и т. д.). Послѣ того, какъ все населеніе земли образуетъ уже собой огромное единство, одинъ дуархъ долженъ былъ бы управлять однимъ милліономъ фалангъ, а омніархъ, живущій въ Константинополѣ, властвовать надъ цѣлою вселенной.

⁽²⁾ *Leclaire*: *Repartition des bénéfices du travail*. Парижъ 1842.

долженъ быть распредѣленъ, по окончаніи года, между всѣми работниками, соразмѣрно величинѣ заработной платы каждаго (³).

Для ремесль, авторъ требуетъ соединенія сродственныхъ отраслей въ большіе союзы, какъ для пріобрѣтенія сыраго матерьяла въ большихъ массахъ, такъ и для общей продажи товаровъ. Эти союзы должны вступить между собою въ непосредственныя сношенія, смотря по тому, въ какой степени они нуждаются другъ въ другѣ и имѣютъ сродство между собою. Союзъ кожевниковъ вступаетъ напр. въ сношеніе съ союзомъ сѣдельниковъ и сапожниковъ для продажи и покупки кожъ; портные съ суконными фабрикантами и т. д. Такимъ образомъ, непродуктивное занятіе посредниковъ-торговцевъ и спекулянтовъ сдѣлается вовсе ненужнымъ, сверхъ того установятся прочныя отношенія между производителями и потребителями. Какъ скоро эти союзы примутъ на себя платежи за отдѣльныхъ своихъ членовъ, тогда должны прекратиться легкомысленное заключеніе долговъ и обманы, между различными ремесленными классами. Каждый ремесленникъ будетъ огражденъ отъ случайностей мѣны; сверхъ того, въ средѣ каждаго союза будетъ возможно сдѣлать наилучшее раздѣленіе занятій, возвышающее производительную силу труда.

Германскій соціалистъ такъ далеко распространяетъ начало товарищества въ земледѣліи, что требуетъ устройства общественныхъ магазиновъ, вмѣсто множества прежнихъ, дурныхъ амбаровъ, погребовъ и овиновъ; сверхъ того, онъ желаетъ устройства кредитныхъ учреждений для того, чтобы сельскій хозяинъ могъ бы получать деньги впередъ, подъ закладъ своихъ произведеній; и наконецъ онъ желаетъ уничтоженія податей, платимыхъ при переходѣ земли изъ однѣхъ рукъ въ другія, для того, чтобы облегчить округленіе поземельныхъ имуществъ, и для того, чтобы поощрить всѣ предпріятія, относящіяся къ улучшенію сельскаго хозяйства.

Мы оканчиваемъ здѣсь нашъ обзоръ тѣхъ путей, на которыхъ соціальные теоретики думали даровать человѣчеству такую будущность, въ которой не было бы больше ни бѣдныхъ, ни нищихъ, ни преступленій, ни наказаній, ни господъ, ни слугъ, ни людей праздныхъ и расточительныхъ, ни людей сильныхъ и притѣснителей; въ которой прекратились бы всякая борьба частныхъ интересовъ и разрушительное дѣйствіе соперничества, и въ которой наконецъ каждому лицу

(³) Та же самая система была примѣнена въ Ирландіи, лордомъ Вальскуртомъ, и имѣла хорошій результатъ въ его сельскомъ хозяйствѣ на пахатныхъ поляхъ. Сравни добавленіе къ англійской газетѣ: the People Journal, отъ 30 мая 1846.

была бы обезпечена возможность развитія до наивозможно достигаемаго человѣческаго совершенства.

Не смотря на все разнообразіе и сложность, какъ предначертанныхъ соціалистами общественныхъ реформъ, такъ и ихъ цѣлей, — всѣ они болѣе или менѣе надѣются создать такой новый міръ для человѣческаго благополучія, который до сихъ поръ оставался недоступенъ для человѣчества, лишь по собственной его винѣ, и который долженъ составить рѣзкую противоположность со всею предъидущею исторіею его; міръ, въ которомъ великій раздоръ между стремленіями своекорыстія и любви, характеризующій до сихъ поръ исторію нашего рода, былъ бы уничтоженъ не только въ развитіи цѣлаго человѣчества, но и между отдѣльными лицами, вмѣстѣ съ примиреніемъ чувственного человѣка съ нравственнымъ. Всѣ соціалисты одинаково хотятъ вложить въ общество новую душу и ожидаютъ, что воспитаніе будетъ передавать духъ новаго порядка изъ одного поколѣнія въ другое и сохранить живымъ на будущія времена сознаніе новыхъ общественныхъ началъ и ихъ необходимости.

III. НАПАДКИ СОЦІАЛИСТОВЪ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ НАУКУ.

§ 33.

Фридрихъ Энгельсъ.

Представленная нами картина будущаго устройства общества тѣсно связана у соціалистовъ съ критическою оцѣнкою экономической теоріи, проповѣданной школою Смита. Нѣкоторыя отдѣльныя стороны борьбы ихъ съ наукою народнаго хозяйства замѣтны были уже въ ихъ образѣ воззрѣнія на торговлю и деньги, для которыхъ наука открыла теоретическія основанія. Прочія положенія экономической науки, и преимущественно свободное промышленное соперничество, сильно оспаривались *Сисмондомъ-де-Сисмонди* и *Фурье*; полная же борьба соціалистовъ противъ науки началась съ *Фр. Энгельса*, который есть, безъ сомнѣнія, одинъ изъ даровитѣйшихъ и ученѣйшихъ нѣмецкихъ соціалистовъ-писателей.

Энгельсъ помѣстилъ свою критику въ нѣмецко-французскихъ ежегодникахъ *Руне* и *Маркса* ⁽¹⁾, и по одному уже выбору этого органа можно судить о точкѣ его воззрѣнія на предметъ. Писатель этотъ принадлежитъ къ самой крайней лѣвой сторонѣ коммунизма; онъ пишетъ

(1) Первый выпускъ. Парижъ 1844 стр. 86 и слѣд.

съ необузданною страстностью чувствъ и ищетъ ошибокъ въ наукѣ, не для того, чтобы исправить или преобразовать ее, а для того только, чтобы ее вовсе уничтожить. Наконецъ, онъ смотритъ на экономическія системы какъ на ученія объ организованномъ воровствѣ и обманѣ, или какъ на сдѣпленіе софизмовъ, придуманныхъ человѣческимъ эгоизмомъ.

Отправляясь отъ критики понятія *цѣнности*, Энгельсъ хочетъ доказать, что различіе дѣйствительной и мѣновой цѣнностей капитала и труда, капитала и роста, произведенія труда и задѣльной платы, суть ничто иное, какъ противоестественное разъединеніе понятій, которыя хотя и соотвѣтствуютъ противоположностямъ, существующимъ въ дѣйствительности, но противоположностямъ, вызваннымъ къ сожалѣнію только частною собственностію, при уничтоженіи существующимъ. Теоретическое разложеніе производства на элементъ естественный и на человѣческой, т. е. на производительность почвы и человѣческой дѣятельности; разложеніе послѣдней на трудъ и на капиталъ; признаніе не только неприязненности во взаимныхъ отношеніяхъ этихъ трехъ элементарныхъ силъ (земли, капитала и труда), но даже нескончаемой борьбы внутри каждой составной части производства (такимъ образомъ, что одна почва борется постоянно съ другою, трудъ борется съ трудомъ и капиталъ съ капиталомъ); далѣе внутреннее противорѣчіе въ началѣ свободнаго соперничества, которое есть ничто иное, какъ непрерывная борьба за пріобрѣтеніе монополіи, и въ то же время начало, уничтожающее монополію; и наконецъ возведенная на степень экономическаго закона противоположность спроса и предложенія, никогда другъ друга неуравновѣшивающихъ и постоянно производящихъ своими колебаніями то крайнее излішество, то крайній недостатокъ, то крайнюю возбужденность рынка то усыпленіе производительныхъ силъ, торговые кризисы и голодъ посреди избытка;—все это, по мнѣнію Энгельса, доказываетъ неразумность и безнравственность господствующихъ экономическихъ теорій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ мечтательному праву человѣка на захватъ поземельной собственности. Всѣ доводы Энгельса совмѣщаются въ одномъ предложеніи, и именно: что наука народнаго хозяйства есть ничто иное, какъ *чистое отвлеченіе безнравственной дѣятельности*, почему она и содержитъ въ себѣ тѣ же самыя противорѣчія и такъ же неисправима, какъ и сама дѣйствительность.

Въ концѣ своего сочиненія, онъ говоритъ: „наблюдая за ходомъ машиннаго производства, я невольно прихожу къ другому вопросу, къ вопросу о всей системѣ фабричнаго производства, котораго однако я не имѣю ни времени, ни охоты разбирать здѣсь, тѣмъ не менѣе я надѣюсь имѣть скоро случай изложить въ подробности страшную безнравствен-

ность этой системы, и безъ пощады раскрыть лицемѣріе экономистовъ, являющееся здѣсь въ полномъ своемъ блескѣ.“

Два года спустя, Энгельсъ сдѣлалъ опытъ разрѣшенія этого вопроса въ другомъ своемъ сочиненіи, т. е. въ своей книгѣ о положеніи рабочаго класса въ Англіи ⁽²⁾ и, по правдѣ сказать, онъ исполнилъ задачу свою съ большимъ мастерствомъ.

§ 34.

Продолженіе.

Во второмъ сочиненіи Энгельса нельзя уже найти той страстности и того увлеченія, которыми преисполнены были его прежніе труды; все это замѣнилось нравственною теплотой, которою дышетъ какъ основная мысль произведенія, такъ и самое его исполненіе. Не довольствуясь трудами своихъ предшественниковъ: *Гаскеля, де-Мороиса, Бюрета* и другихъ, писатель этотъ всюду является самостоятельнымъ изслѣдователемъ и даже непосредственнымъ очевидцемъ. Онъ устраняетъ всякую напередъ заданную мысль, становится вслѣдствіе весьма вѣрно рассчитанной тактики на безпристрастную точку воззрѣнія; всѣ свои выводы основываетъ, въ случаѣ недостатка въ официальныхъ документахъ, на признаніяхъ самой обвиняемой стороны, напр. изображаетъ положеніе фабричныхъ работниковъ, согласно съ показаніями либеральныхъ органовъ самихъ фабрикантовъ, положеніе земледѣльческаго пролетаріата, на основаніи данныхъ, взятыхъ изъ журналовъ, служащихъ органами поземельной аристократіи. Онъ представляетъ намъ картину англійскаго пролетаріата, въ которомъ онъ видитъ классическую форму этого общественнаго зла и необходимое послѣдствіе современной цивилизаціи, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ своего сочиненія какъ бы всесвѣтное предостереженіе противъ этого недуга и, какъ онъ говоритъ, „для того, чтобы дать прочную основу социальнымъ теоріямъ, и чтобы положить конецъ всѣмъ мечтаніямъ и фантазіямъ, какъ въ пользу, такъ и противъ этихъ теорій“.

Въ предисловіи къ своему сочиненію Энгельсъ рисуетъ, въ немногихъ, но очень удачныхъ и рѣзкихъ чертахъ, картину промышленнаго переворота Англіи; онъ проводитъ параллель между тѣмъ положеніемъ, которое предшествовало этому перевороту, и тѣмъ новымъ положеніемъ, которое создано было имъ. Первоначальное положеніе Англіи

(2) Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Сочиненіе это написано на основаніи личныхъ наблюденій и достовѣрныхъ источниковъ. Лейпцигъ, 1845.

было совершенно такое же, какъ теперь нѣкоторыхъ мѣстностей Германіи, незатронутыхъ еще современною промышленностію. Семейства ткачей жили по деревнямъ, гдѣ они могли добывать себѣ все необходимое; соперничество не было еще гнетомъ для задѣльной платы; ткачъ могъ откладывать, въ видѣ сбереженія, нѣкоторую часть своего дохода, и сверхъ того, онъ воздѣлывалъ небольшой кусокъ земли. По правдѣ сказать, ткачъ былъ дурнымъ крестьяниномъ, тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ осѣдность, т. е. не былъ пролетаріемъ. Вслѣдствіе этого, его матерьяльное положеніе было лучше сравнительно съ положеніемъ его потомства. Какъ ткачи, такъ и другіе товарищи ихъ по ремеслу, вели нравственный образъ жизни, ибо въ сосѣдствѣ не было ни кабаковъ, ни развратныхъ домовъ. Житейскій удѣлъ ихъ не былъ нарушаемъ сильными колебаніями и потрясеніями въ ихъ промыслѣ. Ткачи вели романтически-уютную жизнь, сходную съ жизнью растеній, и хотя не были настоящими людьми, а скорѣе работающими машинами, тѣмъ не менѣе однако не простыми машинами, во что превратилъ ихъ промышленный переворотъ. Всѣ прочіе ремесленники со своими подмастерьями жили въ городахъ въ подобной же патріархальной простотѣ; въ томъ же самомъ почти положеніи находилось и все многочисленное сельское населеніе. Оба эти класса, вмѣстѣ взятые, составляли собою бѣольшую часть и зерна народа; сверхъ того, между ними были весьма равномерно распредѣлены блага какъ физическаго здоровья и матерьяльнаго обезпеченія, такъ наконецъ главное благо внутренняго довольства.

Напротивъ того, начиная съ середины прошлаго столѣтія, раздѣленіе занятій, примѣненіе силы воды и пара, наконецъ машины создали новую промышленность, которая измѣнила весь старый порядокъ вещей и разорвала старинныя связи всего міра. Со времени прорытія перваго Британскаго канала, въ 1755 году, также со времени изобрѣтенія ткацкаго челна *Джемса Гаксривса* (въ 1764 году), до построенія перваго парохода (1811 г.) и до открытія первой желѣзной дороги въ Англіи (1830 г.),—открытія слѣдовали за открытіями во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Машинное производство, мало по малу, вытѣсняло ручную работу, и начавшись съ бумажно-прядельной промышленности, оно дошло до обработки льна и шелка. Вмѣстѣ съ этимъ, т. е. вмѣстѣ съ примѣненіемъ силы пара къ дѣйствию машинъ, возвысилось значеніе разработки каменнаго угля и желѣзной руды, съ которыми тѣсно связано машинное производство. Глиняное производство, хрустальныя и другія отрасли промышленности усовершенствовались. Введеніе машинъ изгоняло ручныхъ работниковъ изъ одного мѣста на другое. Со всякимъ новымъ изобрѣтеніемъ, множество работниковъ

сдѣлались излишними; сверхъ того, расходъ на производство и самая цѣнность произведеній уменьшились. Потому, какъ торговый рынокъ, такъ и самый спросъ на произведенія расширились, а вмѣстѣ съ тѣмъ возросла опять и потребность въ рабочихъ. Ткачи переселились изъ деревень въ города, и перестали заниматься обработкою земли одновременно съ своимъ главнымъ ремесломъ; прядильни отдѣлились отъ ткацкихъ станковъ и раздѣленіе занятій развивалось все болѣе и болѣе. Капиталы и народонаселеніе увеличились; кромѣ того, сосредоточившись, они болѣе и болѣе устремились на фабричную дѣятельность. Огромное число людей, бывшихъ самостоятельными производителями, превратились въ пролетаріевъ и въ рабовъ машинъ; сверхъ того, они болѣе и болѣе подпали подъ зависимость большихъ капиталистовъ.

То же самое произошло и въ деревняхъ. Умножившееся народонаселеніе, увеличивъ спросъ на жизненные продукты, образовало, въ средѣ своей, крупныхъ сельскихъ хозяевъ, которые, чрезъ улучшеніе обработки земли, увеличили количество произведеній съ своей поземельной собственности, и затѣмъ стали продавать ихъ дешевле. Мелкіе поземельные собственники не могли выдержать соперничества, и потому, на подобіе промышленному пролетаріату городовъ, въ деревняхъ образовался тоже свой земледѣльческій пролетаріатъ. Такимъ образомъ уничтожился въ Англіи многочисленный классъ мелкаго мѣщанства и рабочій средній классъ. Въ этой странѣ остались, съ одной стороны, большіе фабриканты и поземельные собственники; съ другой же стороны,—нѣсколько милліоновъ неимущихъ поденщиковъ. Послѣдніе, подчиненные самовластію первыхъ, потребляли сегодня то, что успѣли пріобрѣсти своимъ трудомъ вчера, и часто терпѣли нужду въ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ потребностяхъ, не смотря на то, что ихъ изобрѣтенія и труды служили къ возвеличенію Англіи.

Подробная картина бѣдствій рабочихъ и все болѣе и болѣе безвыходнаго ихъ положенія составляетъ содержаніе второй части сочиненія Энгельса. Не смотря на то, что писатель этотъ, при сопоставленіи прошедшаго съ настоящимъ, упоминаетъ о низкой степени развитія и о животной безсознательности прежняго населенія, тѣмъ не менѣе онъ отдаетъ этому прошедшему огромное преимущество предъ настоящимъ, въ отношеніи къ нравственному развитію и матерьяльному благосостоянію, которыми, по его убѣжденію, надѣлены были отдѣльныя лица этого времени. Онъ даже хочетъ, въ одномъ мѣстѣ своей книги ⁽¹⁾, доказать, что положеніе свободныхъ рабочихъ 1845 года было гораздо

(1) На страницѣ 225-й.

печальнѣе, нежели положеніе крѣпостныхъ Саксонцевъ, жившихъ подъ игомъ нормандскихъ бароновъ въ 1145 году.

Выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ дальнѣйшаго развитія мыслей автора, есть тотъ, что Англія идетъ на встрѣчу страшной революціи рабочаго класса противъ владѣющаго класса, и что нѣтъ иного способа умѣрить разливъ такой революціи, какъ распространеніе коммунистическаго ученія.

Сочиненіе Энгельса не сдѣлало большого шума, хотя и имѣло большое вліяніе; оно считается коммунистическимъ евангеліемъ дѣйствительныхъ фактовъ, на которое опираются всѣ соціальныя теоріи. Оба сочиненія Энгельса пополняютъ одно другое. Въ одномъ изъ нихъ онъ хочетъ привести фактическія доказательства, основанныя на обширныхъ статистическихъ изслѣдованіяхъ, что человѣчество болѣе и болѣе приближается къ своей гибели, вслѣдствіе современнаго экономическаго порядка, вслѣдствіе своихъ фабрикъ, машинъ, свободнаго соперничества и денежнаго хозяйства. Въ другомъ своемъ сочиненіи, онъ совмѣщаетъ всѣ обвинительные доводы, направленные противъ экономической науки, которая, по его мнѣнію, и способствовала развитію такого печальнаго положенія общества.

Соціалисты, отправляясь отъ критики настоящаго, создаютъ свое собственное будущее и уже принимаютъ это будущее какъ мѣрило для оцѣнки экономической науки, и отсюда опять обращаются къ критикѣ настоящаго времени; такимъ образомъ ученіе ихъ получаетъ видъ цѣлаго и каждая часть поддерживается другими частями.

IV. КРИТИКА СОЦІАЛЬНЫХЪ ТЕОРІЙ.

§ 35.

Разборъ Энгелевской критики народнаго хозяйства.

Чтобы оцѣнить достоинства Энгелевской критики народнаго хозяйства, мы должны подробно разобрать по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ приведенныхъ имъ критическихъ доводовъ. Для этой цѣли, мы избрали его критику экономическаго опредѣленія цѣнности, ибо вопросъ этотъ соприкасается съ главными основаніями всего экономическаго ученія. Опредѣленіе этого понятія можно совмѣстить въ слѣдующихъ основаніяхъ:

Всѣ экономисты принимаютъ, въ основаніе своихъ теорій, различіе между двоякаго рода цѣнностями, и именно между цѣнностію отвлечен-

ною или реальною (дѣйствительною) и цѣнностію мѣновою. Первая изъ нихъ есть цѣнность предмета въ его сущности, т. е. независимо отъ мѣны и соперничества; вторая же есть цѣнность предмета въ торговомъ обращеніи.

Англійскіе экономисты *Рикардо* и въ особенности *Маккулокъ* полагаютъ, что выраженіемъ дѣйствительной цѣнности предмета служить расходъ на его производство, *стоимость* его; напротивъ того *Сэй* признаетъ ее въ годности къ употребленію или полезности предмета. Какъ основаніе своего положенія, англійскіе писатели приводятъ то, что никто не продаетъ никакой вещи, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, за цѣну меньшую противъ расхода на ея производство. На возраженіе, что можно напр. произвести что нибудь совершенно бесполезное, сдѣлавъ огромный расходъ, они отвѣчаютъ, что конечно въ предполагаемомъ случаѣ расходъ на производство не можетъ служить выраженіемъ цѣнности, ибо никто не будетъ покупать такой дорогой товаръ. И такъ мы видимъ, что Англичане основываютъ отвлеченную цѣнность на торговлѣ или мѣнѣ, не смотря на то, что хотятъ найти ее внѣ мѣны; къ тому же они согласны, что опредѣленіе ихъ не обнимаетъ всѣхъ случаевъ цѣнности.

Полезность вещи, указанная *Сэемъ*, есть, напротивъ того, чисто личная, субъективная, и зависитъ отъ степени необходимости какой-нибудь потребности. На основаніи опредѣленія *Сэя*, всѣ предметы, удовлетворяющіе насущнымъ нашимъ потребностямъ, должны имѣть бѣольшую цѣнность, чѣмъ предметы роскоши, что противорѣчитъ однако дѣйствительности. Единственно возможный путь для рѣшенія относительно большей или меньшей полезности предметовъ представляется намъ, при господствѣ частной собственности, конкуренція торговцевъ, т. е. опять мѣна. И такъ оба опредѣленія дѣйствительной цѣнности предметовъ основаны на мѣнѣ, не смотря на то, что, по самой сущности понятія о такой цѣнности (т. е. въ противоположность къ мѣновой цѣнности), эти опредѣленія должны быть внѣ мѣны.

По мнѣнію *Энгельса*, истинная сущность этого вопроса состоитъ въ томъ, что цѣнность есть отношеніе расхода производства къ полезности предмета. Если расходъ производства двухъ предметовъ одинаковъ, то полезность рѣшаетъ тогда ихъ цѣнность. Но, во время господства частной собственности, и такое единственно вѣрное опредѣленіе цѣнности представляетъ собой противорѣчіе и не можетъ быть подтверждено фактами дѣйствительности, потому что кто же будетъ рѣшать степень полезности вещей? Если рѣшеніе это будетъ зависѣть отъ мнѣнія людей заинтересованныхъ сторонъ, то одна сторона будетъ во всякомъ случаѣ

обманута; если же оно будетъ зависѣть отъ мнѣнія людей незаинтересованныхъ въ производствѣ и потребленіи вещи, тогда опредѣленіе цѣнности и самая мѣна должны быть сдѣланы насиліемъ и обѣ стороны будутъ считать себя обманутыми. И такъ постоянно будетъ существовать „противорѣчіе между дѣйствительною полезностію вещи и опредѣленіемъ этой полезности, а также свободою мѣняющихся“, противорѣчіе, которое можетъ быть устранено только уничтоженіемъ частной собственности. Въ настоящее время, полезность вещи зависитъ отъ случая, моды или прихоти богатыхъ людей. Расходы на производство увеличиваются или уменьшаются, сообразно случайнымъ отношеніямъ спроса и предложенія. Только съ уничтоженіемъ частной собственности цѣнность получить прочное для себя основаніе.

Все противорѣчіе между дѣйствительною и мѣною цѣнностями происходитъ вслѣдствіе частной собственности и есть вымыселъ экономистовъ, которые должны были прибѣгнуть къ этому противорѣчію. Для примиренія съ необходимостью частной собственности служить только тотъ фактъ, что въ настоящее время *цѣнность* предмета и цѣна его составляютъ, при совершеніи мѣны, двѣ совершенно различныя вещи, и что цѣна, которая должна была бы имѣть равное значеніе съ товаромъ, нисколько не служитъ выраженіемъ такой равноцѣнности.

По мнѣнію Энгельса, экономисты идутъ по ложному пути и даютъ въ своей теоріи естественнымъ и разумнымъ экономическимъ отношеніямъ совершенно превратный смыслъ. вмѣсто того, чтобы опредѣлять цѣну товара на основаніи его дѣйствительной цѣнности, они опредѣляютъ его цѣнность отвлеченнымъ образомъ, на основаніи случайной его цѣны. Такъ какъ послѣдняя опредѣляется взаимодѣйствіемъ расходовъ производства и соперничества, то они и смотрятъ на дѣйствительную цѣнность какъ на цѣну предмета, въ томъ лишь случаѣ, когда количество спроса совпадаетъ съ количествомъ предложенія; при этомъ расходы производства, какъ элементъ цѣнности, оказываются вовсе излишними.

И такъ мы видимъ, что вся критика Энгельса заключается въ трехъ пунктахъ. Онъ хочетъ доказать:

- 1) Недостаточность и внутреннее противорѣчіе господствующаго понятія о цѣнности;
- 2) Противорѣчіе имъ самимъ улучшеннаго понятія о цѣнности, и
- 3) Единственную возможность изгладить эти противорѣчія, посредствомъ уничтоженія частной собственности.

§ 36.

Продолженіе.

Что касается перваго пункта, то факты, отъ которыхъ отправляется Энгельсъ въ своей критикѣ, невѣрны. Адамъ Смитъ не различаетъ *дѣйствительной или реальной цѣнности отъ мѣновой*, а, подобно Аристотелю, различаетъ *потребительную цѣнность* (value in cose, Gebrauchswerth) (*) *отъ мѣновой*, и указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на двойное мѣрило мѣновой цѣнности, и именно: номинальную или рыночную цѣну каждаго предмета, выражаемую обыкновенно въ деньгахъ, и первоначальную, дѣйствительную цѣну предмета, состоящую ⁽¹⁾ въ количествѣ труда, получаемаго въ обмѣнъ на каждый предметъ. Другими словами: Смитъ различаетъ товаръ, который отдается на рынкѣ за другой приобрѣтаемый товаръ и служитъ цѣною послѣдняго, — отъ того идеальнаго мѣрила, посредствомъ котораго оба товара сравниваются лицами, производящими мѣну, и признаются равноцѣнными. Изслѣдованіе правилъ и законовъ, по которымъ слѣдуютъ мѣновыя цѣнности и цѣны въ своемъ движеніи и колебаніяхъ, составляетъ главное содержаніе всего его сочиненія.

Рикардо изслѣдовалъ поставленное Смитомъ *первоначальное мѣрило цѣнности или цѣну цѣнностей*, и нашелъ, что это мѣрило заключается не въ *количество труда, обмѣниваемаго* на произведенную цѣнность или товаръ, а въ *рѣдкости товара или въ количествѣ труда, потребнаго для производства товара*. Сэй, напротивъ того, вовсе откинулъ разницу между первоначальною или потребительною и мѣною цѣнностями, поставилъ на мѣсто послѣдней одно простое названіе „цѣнность“, и разсматривалъ полезность или потребительность (годность, utilité) предмета какъ основаніе и первоначальное мѣрило цѣнности.

Изслѣдованіе понятій цѣнности, мѣновой цѣнности и цѣны далеко не можетъ считаться дѣломъ законченнымъ въ средѣ Смитовской школы послѣ трудовъ Сэя; напротивъ того, *Германъ, Рау, Лотцъ* и въ особенности *фонъ Томасъ* ⁽²⁾ (***) повели это изслѣдованіе гораздо да-

(*) Т. е. полезность или utilité у французскихъ экономистовъ.—В. Б.

(1) Сравни § 2.

(2) Въ очень остроумномъ своемъ сочиненіи: Die Theorie des Verkehrs. Первая часть: Die Grundbegriffe der Güterlehre. Берлинъ 1841.

(**) Авторъ не имѣлъ въ виду позднѣйшихъ трудовъ французскаго экономиста Бастіа, котораго заслуги въ наукѣ въ особенности замѣчательны по теоріи *цѣнности* и цѣны. Въ виду сочиненій Бастіа, упрекъ, дѣлаемый авторомъ далѣе экономистамъ въ неясности ученія о цѣнности, можетъ быть названъ несправедливымъ.—В. Б.

лѣе Сэя. Но оставляя это даже въ сторонѣ, нельзя не признать совершеннаго заблужденія Энгельса въ томъ, что экономисты отыскивали дѣйствительную или отвлеченную цѣнность всѣхъ вещей въ противоположности ея къ мѣновой цѣнности. Усилія экономистовъ были, напротивъ того, обращены гораздо болѣе на то, чтобы открыть прочное и неизмѣнное мѣрило, также и истинныя основанія и опредѣленія мѣновой цѣнности, или цѣнности, проявляющейся въ торговлѣ.

Конечно, въ этихъ стремленіяхъ экономистовъ много неясности. Они отыскивали то, что отсутствовало на почвѣ индивидуализма и матерьялизма Смитовской школы, въ которой цѣнность вещи, признаваемая лишь по своему отношенію къ отдѣльной личности, не могла быть возведена на высшую степень своихъ отношеній къ обществу и къ нравственнымъ цѣлямъ всей совокупности человѣческаго общежитія, въ которой нѣтъ никакого общаго средоточія для всей совокупности продавцевъ и покупателей въ кругу каждаго народа, и въ которой наконецъ цѣна предмета является, постоянно, результатомъ экономической борьбы частныхъ интересовъ. Во всякомъ случаѣ, если *ученіе цѣнности Рикардо и Сэя* и представляетъ собой противорѣчіе, то вовсе не вслѣдствіе того, что они основываются на мѣнѣ (*).

Доказательства Энгельса, приведенныя имъ для втораго его положенія, еще болѣе несостоятельны. Если даже мы согласимся съ его опредѣленіемъ дѣйствительной цѣнности, то указанное имъ противорѣчіе въ этомъ опредѣленіи будетъ чистымъ вымысломъ. Подобно тому, какъ нельзя назвать обманутымъ человѣка, познаніямъ котораго не придается того значенія, какое онъ самъ въ нихъ видитъ; такъ же точно нѣтъ обмана и тогда, если кто нибудь не можетъ получить за свой товаръ той цѣнности, которую онъ самъ въ немъ признаетъ. Полезность, какъ опредѣленныхъ количествъ вещественныхъ благъ, такъ и всей совокупности какого-нибудь разряда благъ, постоянно измѣняется, сообразно потребностямъ, нравственнымъ качествамъ и способностямъ людей въ дѣлѣ пользованія, потому полезность всегда бываетъ относительною. Единственнымъ мѣриломъ полезности можетъ быть самъ человѣкъ. До тѣхъ поръ, пока отдѣльныя лица не превратятся въ одно-

(*) Именно эти противорѣчія послѣдователей Смита, Рикардо и Сэя были съ чрезвычайною ясностію изслѣдованы въ сочиненіяхъ Бастіа, стоявшаго однако болѣе или менѣе на той же экономической почвѣ. Позднѣйшія, наиболѣе замѣчательныя изысканія въ области цѣнности принадлежатъ Леопольду Штейну; сочиненія послѣдняго, къ сожалѣнію, отличающіяся крайне отвлеченнымъ языкомъ, до сихъ поръ не только у насъ, но и въ Европѣ, весьма мало распространены въ публикѣ и недостаточно оцѣнены самими экономистами.—В. Б.

образно двигающіяся куклы, совершенно отказавшіяся отъ своей нравственной личности, до тѣхъ поръ никогда нельзя ожидать тождества мнѣній о полезности напр. книги и пары сапогъ, въ томъ разумѣется случаѣ, когда стоимость обоихъ предметовъ одинакова. Энгельсъ забываетъ, что безусловно дѣйствительной цѣнности предметовъ не существуетъ, но что цѣнность есть отношеніе предмета къ человѣку и къ человѣческому обществу, значить, она зависитъ отъ человѣческой оцѣнки.

Энгельсъ ошибается, наконецъ, въ третьемъ своемъ положеніи, когда хочетъ разрѣшить придуманное имъ личное противорѣчіе, посредствомъ уничтоженія частной собственности; ибо не смотря на то господство общинной собственности, произведенія труда и вся масса средствъ продовольствія, которыми будутъ надѣлены отдѣльныя лица, все-таки будутъ подвергаться оцѣнкѣ. Чтобы избѣгнуть полной анархіи, нужно принять, въ предполагаемомъ нами случаѣ, какуюнибудь прочную формулу ⁽³⁾, по которой и дѣлалась бы оцѣнка личнаго труда, участвовавшего въ общемъ дѣлѣ, сообразно той доли пользованія, которою долженъ быть надѣленъ каждый членъ. Если подобная оцѣнка будетъ дѣлаться на основаніи отношеній расхода производства къ мѣнновой цѣнности, то въ этомъ случаѣ будетъ необходимость въ опредѣленіи мѣнновой цѣнности для всѣхъ предметовъ, — что, въ свою очередь, зависитъ или отъ мнѣнія лицъ заинтересованныхъ, или отъ взгляда цѣлаго общества. Предполагая первый случай, выйдетъ, по логикѣ Энгельса, что общество будетъ обмануто; предполагая же второй случай — будетъ обмануто каждое отдѣльное лицо; если же, наконецъ, какая-нибудь новая, третья сила должна будетъ опредѣлять мѣнновую цѣнность, тогда будутъ обмануты и общество и отдѣльное лицо. Такимъ образомъ мы находимъ и у Энгельса тѣ же самыя трудности въ разрѣшеніи вопроса и противорѣчія, какъ и въ современной экономической наукѣ.

Критика Энгельса исходитъ отъ произвольно выхваченныхъ или ложныхъ фактовъ; она вводитъ въ придуманное имъ ученіе невозможную и неисполнимую идею безусловной цѣнности предметовъ; сверхъ того,

⁽³⁾ Формула эта можетъ быть слѣдующая: *Каждому одинаковое количество труда; значитъ и равное количество вознагражденія*; или, какъ сказалъ Сень-Симонъ: *каждому воздается по его способностямъ, а каждой способности по ея дѣламъ*, или, какъ предполагалъ И. Фрѣбель (*System der socialen Politik*, Mannheim 1847, част. II, стр. 321 и слѣд.): *По силамъ каждаго налагается трудъ, а по потребностямъ каждаго опредѣляется пользованіе*. Во всякомъ случаѣ будетъ всегда необходимость въ человѣческой оцѣнкѣ произведеній труда, или, что еще труднѣе, въ оцѣнкѣ личныхъ способностей и потребностей.

доказывая въ своихъ отдѣльныхъ спеціальныхъ частяхъ очень многое, она въ общемъ результатѣ ничего не доказываетъ.

§ 37.

Разборъ сочиненія Энгельса о положеніи рабочаго класса въ Англіи, взятаго въ основаніе его коммунистическаго ученія.

Въ статистическомъ сочиненіи Энгельса мы встрѣчаемъ совершенно другой характеръ, чѣмъ въ предъидущемъ его сочиненіи. Здѣсь частное, значитъ фактическое, по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ, вѣрно; вслѣдствіе чего оно поражаетъ и прельщаетъ насъ. Вся невѣрность заключается только въ сопоставленіи сообщаемыхъ имъ фактовъ, съ предполагаемой имъ причиной этихъ фактовъ. Частности вѣрны, но цѣлое несправедливо. Начертанная имъ картина представляетъ намъ темную сторону британской промышленности и британскаго рабочаго сословія; и потому она совершенно такъ же неосновательна, какъ несправедливо было бы изображеніе состоянія нравственности человѣчества, исключительно почерпнутое изъ біографій преступниковъ, или какъ невѣрна была бы статистика состоянія общественнаго здравія, въ основаніи которой лежатъ наблюденія, сдѣланные въ госпиталяхъ и лазаретахъ.

Такъ какъ цѣль разбираемаго нами сочиненія Энгельса состоитъ единственно въ томъ, чтобы опровергнуть (какъ вполне несправедливыя) тѣ начала, которыя господствуютъ въ народномъ хозяйствѣ, чѣмъ и очистить путь своему коммунистическому ученію, то мы обязаны указать на отношеніе нарисованной имъ картины къ дѣйствительности; также ограничить, должною мѣрою, истину дѣлаемыхъ имъ фактическихъ сближеній; тѣмъ болѣе, что мы не только признаемъ относительное, научное достоинство экономическихъ положеній Энгельса, но видимъ, что высказанное въ нихъ пониманіе современной цивилизаціи повторяется во всей литературѣ современнаго социализма.

Главные недостатки книги Энгельса заключаются:

1) въ несправедливыхъ и въ общихъ историческихъ и статистическихъ положеніяхъ, отъ которыхъ онъ отправляется для оцѣнки современнаго положенія дѣлъ;

2) въ упущеніи многихъ существенныхъ фактовъ и затѣмъ въ обобщеніи отдѣльныхъ случаевъ, наконецъ

3) въ невѣрныхъ выводахъ изъ фактовъ.

Къ неправильнымъ историческимъ положеніямъ относится прежде всего предположеніе Энгельса, что матерьяльное благосостояніе рабочаго класса старѣйшихъ историческихъ эпохъ и другихъ странъ выше, чѣмъ

въ Англіи, такъ напр. Германія, причисляемая имъ къ такимъ странамъ, далеко стоитъ позади Англіи въ дѣлѣ развитія промышленности.

Во время прошлаго столѣтія статистика не занималась еще наблюденіями надъ низшими слоями общества, и потому невозможно было почерпнуть изъ данныхъ, относящихся къ этому времени, доказательства, необходимыя для подтвержденія подобнаго предразсудка, весьма впрочемъ распространеннаго; но тѣмъ не менѣе есть достаточное количество фактовъ, изъ которыхъ можно бы было вывести вѣрное заключеніе о прошедшемъ.

Уже одно то простое обстоятельство, что сельскій пролетаріатъ Ирландіи, гдѣ не существуетъ значительной фабричной промышленности, представляетъ собой картину гораздо бѣднѣе, нежели самый крайній англійскій пролетаріатъ, — и наконецъ, что эмиграція изъ Ирландіи значительно многочисленнѣе, нежели изъ какой бы то ни было другой части Великобританіи ⁽¹⁾; это обстоятельство внушаетъ намъ сомнѣніе въ томъ, что происхожденіе англійскаго пролетаріата исключительно можетъ быть приписано вліянію технической промышленности, а также въ томъ, что исключительно земледѣльческое и ремесленное населеніе прежнихъ столѣтій жило въ болѣе счастливыхъ условіяхъ, чѣмъ современное. Указанный нами фактъ вовсе не есть частный случай.

Въ Пруссіи нужды рабочаго населенія, въ восточныхъ земледѣльческихъ ея провинціяхъ, гораздо бѣднѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ фабричныхъ округахъ этого государства, и *Шубертъ* ⁽²⁾ справедливо смотритъ на введеніе и распространеніе фабрикъ какъ на необходимое и спасительное средство для благосостоянія прусскихъ провинцій.

По официальнымъ свѣдѣніямъ ⁽³⁾, число эмигрантовъ восточной части Пруссіи, побужденныхъ нуждою и недостаткомъ работы покинуть свое отечество, и надѣявшихся найти для себя болѣе счастливую долю въ Новомъ Свѣтѣ, доходило съ 1841 по 1845 годъ: въ густо-населенныхъ округахъ, въ которыхъ господствуетъ фабричная дѣятельность, а именно:

(1) Въ то время, какъ, по официальнымъ даннымъ, изъ всей Великобританіи, за исключеніемъ Ирландіи, съ 1825 до 1835 года, среднимъ числомъ, эмигрировало ежегодно 54,752 человѣка, а съ 1836 по 1845—80,196 ч., эмиграція Ирландіи, съ 1831 по 1841 г., по указаніямъ Report of the Commissioners appointed to take the Census of Ireland for the year 1841, Dublin 1843, было: въ Америку 428,471 ч., въ Англію и въ Шотландію 104,814 ч., въ итогѣ 533,285 ч. или, среднимъ числомъ, по 53,328 человѣкъ ежегодно.

(2) Въ *Реденскомъ* сборникѣ для нѣмецкаго статистическаго собранія, 1847. 1 тетрадь, стр. 24 и слѣд.

(3) В. *Дитеричи*: Ueber Auswanderungen und Einwanderungen in besonderer Beziehung auf den preussischen Staat, Берлинъ 1847, стр. 33.

въ *Аахенъ* до 0,51⁰/₀ и въ *Дюссельдорфъ* до 0,21⁰/₀; тогда какъ въ менѣе населенныхъ земледѣльческихъ округахъ она была: въ *Мюнстерѣ*—2,96⁰/₀, въ *Трирѣ*—2,14⁰/₀ и въ *Кобленцѣ*—3,05⁰/₀.

§ 38.

Продолженіе. Сравненіе промышленнаго пролетаріата Англии съ германскимъ промышленнымъ пролетаріатомъ, живущимъ въ мѣстностяхъ, промышленно-неразвитыхъ.

Въ несостоятельности выводовъ Энгельса, мы можемъ еще болѣе убѣдиться, если возьмемъ для сравненія такія германскія мѣстности, которыя до сихъ еще поръ вполне находятся на ступени промышленнаго развитія прошлаго столѣтія, и которыя, подобно историческимъ памятникамъ древняго времени, служатъ для насъ предметомъ живаго созерцанія экономическаго положенія этого времени.

Къ подобнымъ мѣстностямъ принадлежитъ напр. Кургесская провинція Обергессенъ. Она вовсе не имѣетъ въ себѣ такихъ условій, которыя принимаются, обыкновенно, за причину нищеты и пролетаріата. Она не имѣетъ ни фабрикъ, ни фабричныхъ работниковъ; ни прядильныхъ, паровыхъ и другихъ машинъ; ни ремесленной свободы и неограниченнаго соперничества частныхъ лицъ; напротивъ того, здѣсь господствуетъ въ древней патріархальной формѣ, вмѣстѣ съ земледѣліемъ, старое ремесленное производство, въ которомъ работники и ученики принадлежатъ къ членамъ семейства своего хозяина. Здѣсь существуютъ цехи, и если не совершенно замкнутые, то все-таки привилегированные для нѣкоторыхъ опредѣленныхъ отраслей труда. Къ тому же, здѣшняя мѣстность вовсе не обижена природою; напротивъ того, почва ея способна ко всякому роду воздѣлыванія, и болѣе чѣмъ другія мѣстности надѣлена разными преимуществами. Превосходные ея лѣса, богатство ея отличной, кварцовой породы камня, ея глина, годная для наилучшей выдѣлки посуды, — представляютъ собой богатые средства для промышленной дѣятельности народа. Если ни одна изъ судоходныхъ рѣкъ, и до сихъ еще поръ ни одна желѣзная дорога не проходятъ по этой мѣстности, тѣмъ не менѣе ее прорѣзываетъ одинъ изъ оживленнѣйшихъ торговыхъ путей Германіи, соединяющій собою Везеръ съ Майномъ, а Бременъ съ Гамбургомъ и съ Франкфуртомъ.

Страна эта не замкнута въ таможенныхъ преградахъ и не отягощена налогами; напротивъ того, она лежитъ среди большаго Германскаго таможеннаго союза, и составляетъ часть такого государства, которое свободно отъ долговъ и имѣетъ прочно организованныя фи-

нансовые средства. Короче говоря, не имѣя ни одного такого свойства, которое могло бы послужить къ объединѣнію, — страна эта чужда всѣхъ тѣхъ двигателей современной промышленности, которые принимаются часто экономистами, также какъ и самимъ Энгельсомъ, за причину, производящую пауперизмъ. Наконецъ, вся эта мѣстность стоитъ до сихъ еще поръ на той точкѣ развитія, на которой стояла большая часть Европы, въ свое прославленное и доброе, старое время.

Марбургскій округъ ⁽¹⁾, занимающій собой, приблизительно, пространство въ 11 квадр. миль и имѣющій 2 города, 88 сельскихъ общинъ и 38,561 жителей (по народоисчисленію 1843 года) ⁽²⁾, обладалъ въ періодъ времени отъ 1842 по 1845 только 4 реме-

⁽¹⁾ Округъ этотъ занимаетъ собой подъ:

1) лѣсомъ	26,460	десят. или 38,3% (*)
2) лугами и садами	5,989	„ „ 9,4%
3) жилищами	2,501	„ „ 3,5%
4) пахатью	21,890	„ „ 34,6%
5) улицами и дорогами	589	„ „ 0,9%
6) пустошью	8,278	„ „ 13,3%

Итого 65,707 дес. или 100%.

⁽²⁾ Составъ народонаселенія былъ слѣдующій:

Годъ.	Жилищъ.	Семействъ.	Лица моложе 14 лѣтъ.		Лица отъ 14 до 60 лѣтъ.		Лица старше 60 лѣтъ.		Сумма.
			Маль- чки.	Дѣвоч- ки.	Мужчи- ны.	Женщи- ны.	Мужчи- ны.	Жен- щины.	
1834	5,127	6,183	5,571	5,427	10,982	11,591	1,105	1,228	35,904
1837	5,262	6,277	5,761	5,553	10,902	11,723	1,202	1,350	36,491
1840	5,183	6,474	5,912	5,773	11,408	12,035	1,131	1,259	37,518
1843	5,417	7,132	6,144	6,043	11,575	12,366	1,101	1,332	38,561

Изъ общаго числа народонаселенія, жило, среднимъ числомъ, въ городахъ 24,19%, а въ деревняхъ 75,81%; на основаніи предъидущей таблицы уменьшеніе народонаселенія было ежегодно 0,82%. На каждое семейство приходилось 5,74 лица, при отношеніи 49,03% мужскаго къ 50,97% женскаго населенія. Народонаселеніе состояло изъ 31,09% дѣтей ниже 14-ти-лѣтняго возраста; 62,35% между 15 и 60 годами возраста, и 6,56% старше 60-ти лѣтъ.

(*) Именно: 15,322 дес. государствен. лѣсовъ.

9,147 „ общественныхъ „
и 1,991 „ частныхъ „

слами ⁽³⁾, въ которыхъ число подмастерьевъ превышало число хозяевъ, платящихъ подати; въ томъ числѣ было три плотничьи заведенія, требующія, по самой своей природѣ, особеннаго скопленія рабочихъ силъ. Въ 7 прочихъ ремеслахъ ⁽⁴⁾, въ которыхъ число работниковъ было относительно самое большое, на 201 человекъ хозяевъ, платящихъ налоги, приходится въ городахъ 113 работникахъ, а на 500 человекъ хозяевъ, живущихъ по деревнямъ, приходится только 37 работниковъ.

Если же взять въ соображеніе то обстоятельство, что ремесленникъ бываетъ, обыкновенно, тогда только въ состояніи пріобрѣсть, или сколотить что-нибудь для себя, и достигъ хотя незначительнаго благосостоянія, когда имѣетъ у себя по крайней мѣрѣ двухъ подмастерьевъ и одного ученика, и что напротивъ того хозяинъ, работающій безъ подмастерьевъ, есть ни болѣе, ни менѣ какъ особаго рода поденщикъ; то въ означенныхъ выше ремеслахъ, находящихся въ наиболѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, всѣ хозяева, обязанные платить подать, являются пролетаріями, и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ 1844 году, съ 124 человекъ хозяевъ должны были сложить уплату подати.

Въ другихъ ремеслахъ, вышеуказанное нами отношеніе было еще менѣ благопріятнымъ. Въ городахъ, 119 хозяевъ-сапожниковъ, платя-

⁽³⁾ Имено:

Мастерства.	Въ городахъ.		Въ деревняхъ.	
	Хозяева.	Подмастерья.	Хозяева.	Подмастерья.
Каменщики	16	63	75	272
Плотники	9	34	31	183
Бочары	26	29	36	28
Горшечники	31	49	23	2

⁽⁴⁾ Имено:

Мастерства.	Въ городахъ.		Въ деревняхъ.	
	Хозяева.	Подмастерья.	Хозяева.	Подмастерья.
Пекари	78	33	13	—
Мясники	43	16	40	—
Столяры	34	33	113	18
Слесари	11	9	5	1
Кузнецы	18	14	172	11
Бочары	11	5	42	1
Каретники	6	3	105	6
Сумма	201	113	491	37

щихъ налоговъ, имѣли у себя только 48 человѣкъ подмастерьевъ, а 20 хозяевъ-ткачей имѣли только 2 подмастерья; въ деревняхъ же, 69 портныхъ работали съ 11, а 97 сапожниковъ съ 16 подмастерьями; кромѣ того, 187 ткачей работали совершенно безъ подмастерьевъ. Мы вовсе не упоминаемъ здѣсь о томъ значительномъ числѣ хозяевъ-мастеровыхъ, которые были навсегда освобождены отъ обязанности уплаты ремесленныхъ налоговъ. Кромѣ 31 горшечника, самостоятельно занимающихся своимъ ремесломъ, въ Марбургѣ было еще 15 цеховыхъ горшечныхъ мастеровъ, отягощенныхъ семействами, работавшихъ частью какъ простые подмастерья, частью же до того обѣднѣвшихъ, что общественныя благотворительныя учрежденія должны были взять ихъ подъ свое покровительство. Въ городахъ, изъ числа портныхъ, 19 человѣкъ, а изъ числа сапожниковъ 50 человѣкъ совершенно обѣднѣли ⁽⁵⁾ и потому были освобождены отъ налога; такъ что въ первомъ мастерствѣ, по крайней мѣрѣ, 62 процента, а во второмъ болѣе чѣмъ 78 процентовъ, изъ среды цеховыхъ мастеровъ, принадлежали къ пролетаріямъ. Жилищами сапожниковъ, вообще находившихся въ лучшемъ положеніи, завладѣли поставщики кожъ, которые до тѣхъ поръ давали свой товаръ въ кредитъ, пока незначительное имущество сапожниковъ не было продано, и мастера эти, не смотря на всѣ свои цеховыя права, сдѣлались бременемъ благотворительныхъ учреждений ⁽⁶⁾.

⁽⁵⁾ Именно:

Мастерства.	Число хозяевъ.	Число хозяевъ, платившихъ подать.	Число подмастерьевъ.
Портные	71	52	26
Башмачники	169	119	48

Здѣсь приходится на 100 портныхъ: 38 подмастерьевъ или 38 мастеровъ, работающихъ съ однимъ подмастерьемъ, 35 мастеровъ, работающихъ безъ подмастерьевъ, и 27 совершенно бѣдныхъ; на 100 сапожниковъ приходится 22, которые держатъ по одному подмастерью, 48 безъ подмастерьевъ и 38 совершенно бѣдныхъ.

⁽⁶⁾ Отношеніе капитала, ежегодно употребляемаго на содержаніе бѣдныхъ, къ общему числу народонаселенія можетъ дать намъ понятіе о степени здѣшняго пауперизма. Въ продолженіе 1843 года было израсходовано въ Марбургѣ, не смотря на обширное содѣйствіе частной благотворительности, 9,902 р. серебр., именно:

На управленіе учрежденіями для бѣдныхъ	8,899 руб.
Комитетомъ школъ для малолѣтнихъ	460 „
Женской общиною	184 „
Управленіемъ воспитательнаго дома	259 „
Комитетомъ промышленной школы	100 „

Положеніе мастеровыхъ, живущихъ въ деревняхъ, было еще хуже; они должны были по большей части жить исключительно своимъ ремесломъ, и, въ самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, они дѣлались мелкими домовладѣльцами. Короче сказать, въ цѣломъ округѣ и въ цѣлой провинціи всегда существовалъ и даже существуетъ еще до сихъ поръ обширный классъ несчастныхъ ремесленныхъ пролетаріевъ⁽⁷⁾, которые, подобно поденщикамъ, перебиваются съ одного дня на другой. Образъ ихъ жизни и получаемого ими дохода даютъ намъ мѣрило для оцѣнки прежняго положенія рабочаго населенія, по сравненію его съ нынѣшнимъ положеніемъ фабричныхъ работниковъ Англіи.

Поденщикъ зарабатывалъ здѣсь въ деревнѣ, среднимъ числомъ, отъ 18 до 20 к. сер. въ день, или отъ 54 до 63 руб. сер. въ годъ; *городской же поденщикъ*, слуга, дровосѣкъ, и т. п., зарабатывалъ, вмѣстѣ со своею женою, ежегодно, среднимъ числомъ, 81 руб. сер.; *плотникъ* получалъ ежедневно 24 к. сер., или ежегодно 72 руб. сер.; *каменщикъ*, при 11-ти часовой ежедневной работѣ, во время лѣта, получалъ въ недѣлю 1 руб. 62 к. с., во время же зимы⁽⁸⁾ самое большее 1 р. 41 к. сер. въ недѣлю, что составляетъ въ годъ 69 р. 81 к. сер.; *ткачъ*, работающій 12 часовъ въ день и имѣющій у себя подмастерья⁽⁹⁾, зарабатывалъ въ недѣлю 1 р. 71 к. сер., или ежегодно 88 руб. сер.; *сапожникъ*, покупающій по частямъ сапожный товаръ,

такимъ образомъ, что на каждого жителя приходится по 1 р. 27 к.; значить не больше, чѣмъ берется налога въ большихъ городахъ Пруссіи, но больше, чѣмъ въ Англіи. Въ Кельнѣ, въ 1845 году (при расходѣ 105,077 р. на 88,000 жителей), приходилось на каждое лице по 1 р. 8¹/₂ к.; въ Англіи, въ 1841 году, налогъ на таксу для бѣдныхъ приходился на каждое лице по 1 р. 80 к., что составляетъ, на основаніи нашего расчета въ § 40, для англійскаго работника почти столько же, сколько въ Германіи дѣнятся 1 р. 20 к. Смотри *Клейнширода, der Pauperismus in England*, Регенсбургъ, 1845, таблица N III, стр. 220.

(7) Въ цѣломъ округѣ жило въ 1842 г. 1,728 человекъ ремесленниковъ и 723 семейства поденщиковъ, обязанныхъ платить ремесленный налогъ. Если считать, что половина перваго числа состоитъ изъ пролетаріевъ, т. е. 864 человека, то выйдетъ, что, независимо отъ офиціально покровительствуемыхъ бѣдныхъ, здѣсь живетъ 1,587 семействъ,³ принадлежащихъ къ пролетаріату, что составляетъ 22,2 процента общаго населенія округа.

(8) Во время зимы каменщики добываютъ себѣ обыкновенно работу въ лѣсахъ, занимаясь лѣсными издѣліями, или на каменоломняхъ, и въ это время они зарабатываютъ ежедневно только 96 к.

(9) Если ткачъ имѣетъ у себя подмастерьевъ, то получаетъ, еженедѣльно, на каждого изъ нихъ еще по 43 к., вслѣдствіе того, что подмастерье, работающій отъ 6 часовъ утра до 10 час. вечера, зарабатываетъ, среднимъ числомъ, еженедѣльно

получалъ, среднимъ числомъ, 91 руб. сереб. въ годъ; *портной* тоже 91 руб. сер.

Если мы примемъ, что, среднимъ числомъ, рабочая плата, получаемая многочисленнымъ, независимымъ и находящимся подъ покровительствомъ цеха сословіемъ мастеровъ, которые не успѣли еще сдѣлаться рабами машинъ, простирается ежегодно до 91 руб. сер., то мы скорѣе преувеличиваемъ, нежели уменьшаемъ наше исчисленіе, въ особенности, если припомнимъ, что большая часть этихъ ремесленниковъ не только по днямъ, но часто и по цѣлымъ недѣлямъ остается безъ работы, и если наконецъ мы будемъ считать въ году 300 рабочихъ дней.

Изъ этой, указанной нами задѣльной платы, приходится около 59 р. сер. на продовольствіе, 11 р. сер. на квартиру, 9 р. сер. на отопленіе и освѣщеніе и 11 р. сер. на одежду, мытье бѣлья и на другія потребности. Средній ежедневный расходъ одного семейства простирается до 30 к. сер.; значить, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, если не нужно содержать дѣтей, на каждое лице приходится по 15 к. сер., т. е. гораздо меньше, чѣмъ обходится содержаніе простаго солдата, который, кромѣ своего жалованья, т. е. 17 к. сер., получаетъ ежедневно паекъ и пользуется выгодною имѣть объѣдъ, приготовляемый на общей кухнѣ.

Изо всего вышесказаннаго можно вывести слѣдующее заключеніе о состояніи ежедневнаго содержанія работниковъ. Въ то время, какъ англійскій простой матросъ получаетъ ежедневно, на три раза своей ѣды, по 2 фунта говядины, причемъ имѣетъ еще паекъ, и по крайней мѣрѣ, еженедѣльно, получаетъ жалованья 4 р. 50 к. сер. ⁽¹⁰⁾, ежеднев-

2 р. 28 к., изъ которыхъ, на свою долю, въ видѣ еженедѣльнаго вознагражденія, онъ получаетъ третью часть, а 1 р. 15 к. засчитываются ему за харчи и за жилье, которыми онъ пользуется отъ хозяина.

⁽¹⁰⁾ Англійскіе матросы должны, по правилу, сами покупать себѣ сахаръ, кофе и чай; говядину же и хлѣбъ они получаютъ отъ корабля. На мѣстныхъ пароходахъ и на прибрежныхъ судахъ матросы не получаютъ продовольствія натурою, но только имѣютъ опредѣленную еженедѣльную плату, которая, среднимъ числомъ, простирается до 5 р. 40 к. На всѣхъ же прочихъ судахъ—подобно тому какъ это дѣлается въ Голландіи или въ другихъ судоходныхъ странахъ—жалованье, получаемое матросомъ, рассчитывается не по времени труда, а по отдѣльнымъ его поѣздкамъ, сообразно отдаленности плаванія. Отъ Нью-Кестля до Гамбурга время поѣздки на обыкновенныхъ морскихъ судахъ длится отъ 14-ти дней до 4 недѣль, и каждый матросъ получаетъ, среднимъ числомъ: лѣтомъ 18 р., а зимой 30 р. Многіе матросы исполняютъ морскую службу только во время лѣта; зимой же они занимаются городскими ремеслами. Въ Нью-Кестлѣ я встрѣтилъ именно много ткачей,

ное пропитаніе рабочаго семейства въ Марбургѣ состоитъ, по большей части, изъ хлѣба, сала, кофе и картофеля; и только въ дешевое время оно бываетъ въ состояніи два или три дня въ недѣлю употреблять по $\frac{3}{4}$ фунта говядины для приготовленія обѣда на двухъ человекъ ⁽¹¹⁾.

Если семейство работника имѣетъ дѣтей, то о говядинѣ почти невозможно и думать. Въ дорогое время, какъ напр. зимою съ 1846 на 1847 годъ, нищета достигла здѣсь до такой крайности, что могла бы составить собой эпоху даже въ изображеніи прландской нищеты. Въ продолженіе этой зимы, во время 10⁰/₀ мороза, случилось два раза, въ Марбургѣ, рожденіе ребенка на открытомъ воздухѣ. Одна мать провела нѣсколько часовъ, сидя на холодныхъ камняхъ, и держа въ рукахъ нагое новорожденное свое дитя, пока наконецъ не нашла себѣ пріюта въ родильномъ покоѣ. Слѣдующій случай былъ еще печальнѣе: одна мать, держа въ рукахъ только что новорожденное дитя, не могла найти себѣ пріюта и потому была препровождена за городъ, гдѣ, прежде чѣмъ она достигла ближайшей избы, дитя ея замерзло. Въ двухъ кургессенскихъ мѣстностяхъ, неимѣющихъ фабрикъ, нищета вовсе не меньшая. Въ Шмалкальденѣ, Шлюхтернѣ, Фульдѣ и Гюнфельдѣ число нищихъ составляетъ двѣ трети населенія. Въ послѣднемъ городѣ административная власть сформировала изъ нищихъ нищенскія процесіи, которыя должны были ходить ежедневно, въ предписанномъ порядкѣ и въ правильныхъ кортежахъ, по отдаленнымъ частямъ города или по близъ лежащимъ деревнямъ, для того, чтобы всѣмъ вмѣстѣ собирать милостыню.

Несчастному образу жизни изображаемыхъ нами рабочихъ классовъ соотвѣтствуетъ и ихъ работа. Тѣлесная слабость, лѣнность, боязнь сдѣлать усиліе, недостатокъ чувства увѣренности въ себѣ и самолюбія, умственная неразвитость, — вотъ господствующія качества этого нѣмецкаго ремесленнаго пролетаріата. Нравственное состояніе этой мѣстности, по справедливости, можно считать достойнымъ сожалѣнія. Въ 1843 году въ

которые подобнымъ образомъ проводятъ свою жизнь, т. е. частью на морѣ, частью же на сушѣ.

(11) Такса на хлѣбъ и на говядину, установленная полиціею по цѣнамъ, существовавшимъ въ то время на жизненные продукты и на бойный скотъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, отъ 1842 до 1845 года, въ провинціи Оберъ-Гессенѣ была слѣдующая:

за 4 фунта обыкновеннаго ржанаго хлѣба	9 ³ / ₄ коп.
„ 1 „ говядины	10 „
„ 1 „ свинины	9 ¹ / ₂ „
„ 1 „ баранины	7 ¹ / ₄ „
„ 1 „ телятины	6 „

Марбургѣ было выдано, на 7,939 жителей, 83 дозволенія на содержаніе кабаковъ, такимъ образомъ приходится одинъ кабакъ на 96 человекъ; — въ числѣ 57 пекарей, дѣйствительно занимавшихся своимъ ремесломъ, 54 содержали, вмѣстѣ съ этимъ, и кабаки. Въ то время какъ на основаніи официальныхъ свѣдѣній ⁽¹²⁾ число незаконнорожденныхъ составляетъ:

въ Англии	6,77	процентовъ
„ Бельгій	6,77	„
„ Пруссіи	7,12	„

отношеніе это къ законнорожденнымъ, выведенное по отчету о рожденіяхъ, напечатанному въ кургесской верхней медицинской коллегіи, есть слѣдующее:

	Въ цѣломъ Кургессѣ:	Въ Марбургскомъ округѣ:
Въ 1838 году	10,65 пр.	12,00 пр.
„ 1839 „	11,40 „	13,40 „
„ 1840 „	12,28 „	15,00 „
„ 1841 „	12,01 „	17,75 „
„ 1842 „	12,84 „	18,54 „

Такимъ образомъ выходитъ, что во время послѣдняго года, до котораго доходить представленный нами отчетъ, въ Марбургскомъ округѣ, пятое дитя было незаконнорожденное ⁽¹³⁾. Въ другихъ кургесскихъ мѣстностяхъ, также неимѣющихъ фабрикъ, это отношеніе еще менѣе благоприятно. Въ физикатномъ отдѣленіи округа Фульда, въ 1842 году, на 100 новорожденныхъ приходилось 20,11 процентовъ незаконнорожденныхъ дѣтей, а въ округѣ Бирштейна до 22,95 пр.

Примѣчаніе. Можетъ быть, мнѣ возразятъ, что вся причина представленнаго нами жалкаго положенія рабочаго класса происходитъ отъ недостаточности экономическаго образованія здѣшнихъ должностныхъ лицъ, или отъ особенностей здѣшняго законодательства, противорѣчащаго, въ большей части случаевъ, истиннымъ народнымъ потребностямъ. Такъ напр. полицейское назначеніе таксы на хлѣбъ дѣлается здѣсь по отдѣльнымъ даннымъ цѣнности жизненныхъ продуктовъ, произвольно показываемымъ крестьянами, при въѣздѣ ихъ въ городскія ворота, не обращая никакого вниманія на проданное количество; такимъ образомъ

⁽¹²⁾ Sixth annual report of the Registrar General of Births, Deaths and Marriages in England. London, 1844, стр. XXIII.

⁽¹³⁾ Доказательствомъ тому, что причиною подобнаго явленія не есть университетъ и родильный пріютъ въ городѣ, служитъ то, что подобное же отношеніе повторяется во всѣхъ отчетахъ отдѣленій физиката Марбургскаго округа.

выходить, что барышъ пекарей (они получаютъ его съ каждой мѣры хлѣба въ $3\frac{1}{2}$ пуда по 63 к. сер. кромѣ мякины, цѣна которой естественно возвышается или упадаетъ вмѣстѣ съ цѣнностью жизненныхъ продуктовъ) увеличивается во время дороговизны, а уменьшается во время дешевизны. Кромѣ того, для предпріятій каменоломень, горшечныхъ и глиняныхъ копей, для торговли полосовымъ и плавильнымъ желѣзомъ, и также для многихъ другихъ полезныхъ ремеслъ необходимо имѣть здѣсь полицейское дозволеніе, которое, хотя и должно быть выдаваемо на три года, очень часто выдается только на годъ, отчего происходитъ, что предприниматели, по прошествіи срока своего дозволенія, снова зависятъ отъ доброй воли, или отъ многочисленныхъ затрудненій, дѣлаемыхъ имъ чиновниками, возобновляющими эти дозволенія,—вслѣдствіе чего никто не можетъ употребить большаго капитала на свое производство. И такъ, опять повторяю, мнѣ могутъ возразить, что причиною здѣшней бѣдности есть мѣстныя условія, и что правительство несетъ на себѣ вину подобнаго жалкаго положенія страны. Но дѣло въ томъ, что всѣ подобныя стѣсненія всего менѣе наносятъ вредъ занятіямъ того рабочаго класса, который мы описывали; они, напротивъ, препятствуютъ только развитію крупной фабричной промышленности, на которую именно и указываютъ въ другихъ государствахъ, какъ на причину, порождающую пролетаріатъ.

§ 39.

Продолженіе. Сравненіе положенія британскихъ работниковъ настоящаго времени и прошедшаго.

Если вышеописанное нами положеніе страны отражаетъ на себѣ картину прошедшаго, то мы можемъ видѣть теперь, что можно подумать о „прославленномъ старомъ времени“, по сравненію его съ современнымъ положеніемъ дѣль.

Мы имѣемъ возможность присовокупить еще достаточное количество историческихъ свидѣтельствъ, для того, чтобы доказать, что рабочій классъ представляетъ собой тѣмъ большую бѣдность и тѣмъ ужаснѣйшую нищету, чѣмъ болѣе мы будемъ заглядывать назадъ въ его историческія судьбы, и именно въ его средніе вѣка.

Мы не будемъ указывать здѣсь на постоянное увеличеніе средней человѣческой жизни во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ настоящаго времени,—и именно въ Великобританіи, потому что явленіе это могутъ приписать единственно успѣхамъ медицины; хотя въ большей части

случаевъ оно зависитъ отъ матерьяльнаго благосостоянія, значить, отъ пищи и отъ жилища большей части населенія, т. е. рабочаго класса. Мы не будемъ обращать нашего вниманія и на уменьшеніе числа бѣдныхъ въ Англіи, находящихся на попеченіи общества, по отношенію его къ цѣлому населенію страны; также на то, что въ 1813 году число это составляло 14 процентовъ, а въ 1841 году только 8 процентовъ общаго населенія ⁽¹⁾, по той причинѣ, что подобное уменьшеніе можно будетъ исключительно приписать вліянію вновь утвержденнаго, въ 1834 году, закона о бѣдныхъ. Тѣмъ не менѣе, два обстоятельства могутъ быть положительно выставлены противъ Энгельса, а именно: постоянно увеличивающаяся, въ продолженіе трехъ послѣднихъ столѣтій, задѣльная плата въ Англіи, и упоминаемое во всѣхъ лѣтописяхъ древняго міра частое возвращеніе голода и его постоянныхъ спутниковъ — чумы и другихъ опустошительныхъ болѣзней.

Во время царствованія королевы Елизаветы, поденная плата простому работнику, въ графствѣ Йоркширскомъ, была 12½ к. сер. Средняя цѣна на пшеницу, съ 1554 по 1610 годъ, была 7 р. 45 к. сер. за 1½ четверти ⁽²⁾. Если мы предположимъ, что цѣна пшеницы будетъ только въ 6 р. сер., то работникъ долженъ будетъ употребить 48 дней для того, чтобы заработать себѣ 1½ четв. пшеницы. По разсчету *Артура Юна* ⁽³⁾, въ XVII столѣтій, средняя плата за обыкновенный рабочій день была 26½ к. сер., а цѣна 1½ четверти хлѣба 11 р. 44 к. сер.; въ первыя же 66 лѣтъ прошлаго столѣтія, цѣнность перваго была 30 к. сер., а цѣна втораго 9 р. 62½ к. сер.

На основаніи этого разсчета, работникъ зарабатывалъ въ XVII столѣтій 1½ четверти пшеницы въ 43 дня, а во время двухъ первыхъ третей прошлаго столѣтія въ 32 дня. Съ наступленіемъ мира, въ 1815 году, поденная плата въ Англіи была 60 к. сер.; съ этой же эпохи, если не брать во вниманіе отдѣльныхъ торговыхъ кризисовъ, она возрасла, среднимъ числомъ, до 90 к. сер. ⁽⁴⁾. Одновременно съ этимъ, цѣнность жизненныхъ продуктовъ понижалась въ постоянной прогрессіи, такимъ образомъ, что въ послѣднее десятилѣтіе, съ 1835 по 1845 годъ,

⁽¹⁾ Сравни *К. Т. Клейнширода*, *Der Pauperismus in England*. Регенсбургъ, 1845 г. Таблица N° III, стр. 220.

⁽²⁾ *И. Гельферихъ*, *Von den Schwankungen im Werth der edlen Metalle*. Нюрнбергъ, 1843 г., стр. 77 и 91.

⁽³⁾ *Тукъ*, *History of prices*. Лондонъ 1838. Томъ I, стран. 55; и *Гельферихъ*, стр. 125.

⁽⁴⁾ Смотри § 41.

цѣна за 1½ четверти пшеницы упала до 17 р. 25 к. с. (5). По этому расчету англійскій работникъ зарабатывалъ, при низкой поденной платѣ въ 60 к. сер., въ 28¾ дня, а при обыкновенной платѣ, т. е. въ 90 к. сер., въ 19 дней; выходитъ, среднимъ числомъ, менѣе чѣмъ въ 24 дня свои 1½ четверти пшеницы. Такимъ образомъ можно положительно принять, что задѣльная плата въ Англии, съ половины XVI столѣтія, возвысилась, среднимъ числомъ, въ два раза (6).

(5) Средняя цѣна 1½ четверти пшеницы, на основаніи парламентской рѣчи, отъ 16-го февраля 1846 года, *сера Роберта Пила*, была въ Англии слѣдующая:

Съ 1805 до 1815 годъ	29	руб.	29	коп.
„ 1815 „ 1825 „	23	„	47	„
„ 1825 „ 1835 „	16	„	99	„
„ 1835 „ 1845 „	17	„	29	„
„ 1842 „ 1845 „	15	„	55	„

(6) Въ прошлыя столѣтія, рабочіе классы были чрезвычайно угнетаемы полицейски-опредѣляемою задѣльною платою, что, по всей вѣроятности, было заимствовано изъ древней римско-государственной практики (сравни: *Edictum Diocletiani de pretiis rerum* отъ 303 года, въ *Ch. G. Haubold, Antiquitatis Romanae monumenta legalia. Berol. 1830, стр. 268 и слѣд.*). Такса эта имѣла своею цѣлю воспрепятствовать возвышенію задѣльной платы, послѣ губительнаго дѣйствія бывшихъ тогда болѣзней. Первое законное дозволеніе, относительно полицейскаго опредѣленія поденной платы, было дано въ Англии королемъ Эдуаромъ III, въ 1351 году. *Елизавета* подтвердила этотъ законъ и дала позволеніе каждому мирному судѣ графства назначать задѣльную плату. Сравни *Гельфериха* стр. 90 и слѣд. Въ Гессенѣ была также объявлена такса на задѣльную плату въ 1500, 1571, 1622 и 1645 годахъ и та имѣла ту же самую цѣль. Смѣтри *С. Клейншмита Samlungen fürstlich-hessischer Landes-Ordnungen, части I и II*. Въ первомъ изъ указанныхъ нами годовъ была опредѣлена плата на произведенія всѣхъ работниковъ сапожнаго и портнаго мастерствъ, также назначена задѣльная плата для обыкновеннаго поденщика лѣтомъ въ 14 геллеровъ (т. е. 7 к. сер. на нынѣшнюю монету), зимой въ 1 альбусъ (т. е. въ 5⅓ к. сер.). По опредѣленію, сдѣланному въ продолженіе втораго года, молотильщикъ долженъ былъ получать ежедневно: лѣтомъ 1½ альбуса (7½ к. сер.), зимой 1 альбусъ (т. е. 5½ к. сер.) и харчи; плотникъ, столяръ и каменщикъ получали: лѣтомъ 3 альбуса (15 к. сер.) и харчи, или 5½ альбусовъ (26¾ к. сер.) безъ харчей, а зимой 5 альбусовъ безъ харчей. По опредѣленіямъ таксы 1622 года, самая высокая поденная плата простаго работника была назначена для зимы въ 4 альбуса (9 к. сер.), а лѣтомъ въ 5 альбусовъ (14 к. сер.). Нѣтъ никакихъ подробныхъ данныхъ о средней цѣнѣ жизненныхъ продуктовъ въ XVI столѣтіи; между тѣмъ мы имѣемъ официальные таблицы цѣнности продуктовъ въ XVII столѣтіи, изъ которыхъ видимъ, что съ 1621 по 1630 годъ средняя цѣна кассельскаго четверика ржи (равняется нашимъ 4-мъ четверикамъ) была 3 рейхсталера и 12 альбусовъ, т. е. на наши деньги 4 р. 73 к. сер.; такъ что поденщикъ въ томъ случаѣ, если получалъ по таксѣ назначенную наибольшую плату, долженъ былъ работать 24¼ дня для того, чтобы приобрѣсти себѣ кассельскій четверикъ ржи. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ,

Другой фактъ, хотя и безъ того извѣстный каждому, подтверждается нѣкоторымъ образомъ старинными хрониками. При бывшемъ недостаткѣ въ капиталѣ, люди жили сборомъ одной жатвы до времени наступленія другой, и никогда не имѣли въ своемъ распоряженіи запасовъ прежнихъ лѣтъ. Недостатокъ въ путяхъ сообщенія между различными странами и областями препятствовалъ взаимной ихъ поддержкѣ. Общество этого времени совершенно зависѣло, въ своемъ матерьяльномъ существованіи, отъ измѣнчивости даровъ природы. Въ плодоносные года обиліе произведеній низводило цѣнность ихъ далеко ниже должной мѣры; напротивъ того, въ дурные года люди страдали отъ нужды и отъ обыкновенныхъ ея спутниковъ, заразительныхъ болѣзней. Небольшое число богатыхъ людей скупало для своего употребленія бывшія средства продовольствія; рабочее же населеніе деревень, — принужденное исключительно довольствоваться тѣмъ количествомъ жатвы, которая собиралась съ земель, воздѣлываемыхъ для поземельныхъ собственниковъ, — голодало. Англія представляетъ намъ собой достаточное количество историческихъ данныхъ, которыя подтверждаютъ чрезвычайное колебаніе цѣнъ на жизненные продукты, а съ тѣмъ вмѣстѣ и чрезвычайныя страданія массы народонаселенія въ прошлыхъ столѣтіяхъ.

Тогда какъ въ самые голодные года мирнаго періода нынѣшняго столѣтія цѣны жизненныхъ продуктовъ никогда не превосходили болѣе, чѣмъ въ четыре раза самыя дешевыя до того времени цѣны, а въ Англіи даже не болѣе, чѣмъ въ два раза, мы видимъ по таблицамъ, составленнымъ *Іаковомъ* ⁽⁷⁾ и почерпнутымъ преимущественно изъ *Chronicon pretiosum* ⁽⁸⁾ архіепископа *Флевудса*, что высшая цѣна квартера ($1\frac{3}{8}$):

отъ 1842 до 1845 года, кассельскій четверикъ ржи стоилъ въ Гессенѣ 4 р. 68 к. сер., такъ что поденщикъ, при задѣльной платѣ въ 21 к. сер., приобрѣталъ его себѣ въ $22\frac{1}{4}$ дня. На основаніи всего вышеизложеннаго, мы видимъ, что въ приведенной нами мѣстности, оставшейся чуждою влиянію современной промышленности, возвышеніе поденной платы было незначительно. То же самое можно вывести и изъ другихъ фактовъ. Жалованье земледѣльческимъ работникамъ и скотницамъ, состоявшее не въ однѣхъ только деньгахъ, а и изъ выдачи предметовъ натурою, и именно башмаками и полотномъ, до сихъ еще поръ сохранилось во многихъ мѣстахъ Гессена въ томъ же самомъ видѣ, какъ оно было въ началѣ XVII столѣтія.

(7) Ueber Production und Consumtion der edlen Metalle, *Виліама Іакова*, переведено съ англійскаго *К. Т. Клейншродомъ*, част. I. Лейпцигъ 1838, стр. 226 и слѣд.

(8) Одно извлеченіе изъ этой *Chronicon* сдѣлано *И. Ф. Унгеромъ*, относительно цѣнности жизненныхъ продуктовъ. Гёттингенъ. 1752, стр. 187 и слѣд.

въ XVI столѣтіи, т. е. до 1557 года превосходила нисшую въ	10 ² / ₃ раза
” XV ”	напротивъ того, ” 16 ”
” XIV ”	” ” ” 25 ”
и наконецъ въ XIII столѣтіи	” ” ” 192 ” ⁽⁹⁾ .

И такъ, не смотря на неполноту этихъ таблицъ, ясно видно, какъ часто возобновлялись въ эти времена голодные годы. Въ XIII столѣтіи напр. изъ указанныхъ цѣнъ 22 разныхъ годовъ, мы встрѣчаемъ 12 лѣтъ дешевыхъ и 10 дорогихъ. Средняя цѣна хлѣба первыхъ 12 лѣтъ была 2 р. 97 к. сер. на нынѣшнія деньги; въ послѣднія же 10 лѣтъ она доходила, напротивъ того, до 34 р. 16 к. сер.; такимъ образомъ выходитъ, что средняя цѣна приведенныхъ нами дорогихъ годовъ превышаетъ болѣе, чѣмъ въ 12 разъ цѣну дешевыхъ годовъ. Въ XIV столѣтіи, изъ 26 лѣтъ, за которыя мы имѣемъ свѣдѣнія, 11 лѣтъ было дорогихъ, а 15 дешевыхъ.

Примѣчаніе. Съ 1817 года, Германцы обладаютъ въ сочиненіи *Бѣка: Staatshaltung der Athener* (I, ст. 1—158), первой и лучшей исторіею цѣнъ и задѣльной платы, въ періодъ классической древности; вслѣдствіе чего на сочиненіе это ссылаются многіе писатели всѣхъ націй. Но для нашего отечества мы совершенно не имѣемъ пока исторіи этого важнаго предмета. Мы имѣемъ отдѣльныя, частью даже хорошія изслѣдованія; такъ напр. мы имѣемъ сочиненіе *Ж. А. Штенцеля*, относящееся къ эпохѣ среднихъ вѣковъ: *Urkundensammlung zur Geschichte des Ursprungs der Städte*, Гамбургъ 1832, стр. 173, и слѣд., также сочиненіе *В. Туммана: Geschichte Heinrichs des Erlauchten*, Дрезденъ, 1846, Т. II, стр. 42 и слѣд., и наконецъ *К. Д. Гюльмана: Deutsche Finanzgeschichte des Mittelalters*, Берлинъ 1805, стр. 212 и сл. Для позднѣйшаго времени *И. Ф. Угера: Von der Ordnung der Fruchtpreise*, Гёттингенъ 1752; *Фрона: Ueber Kultur, Handel und Preise des Getreides in Baiern*, Мюнхенъ 1799; *Коленбреннера: Beiträge zur Landwirthschaft und Statistik von Baiern*, Мюнхенъ 1783 г., стр. 53 и слѣд.; *Рудхарта: Zustand des Königsreichs Baiern*, Штутгартъ 1825, приложенія; *Крауса: Aufsätze über staatswirthschaftliche Gegenstände*, Кенигсбергъ 1808; *Г. Гюлиха: Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe und*

⁽⁹⁾ Въ XVI столѣтіи высшая цѣна 1³/₈ чет. хлѣба была: до жатвы 22 р. 26 к. сер., послѣ жатвы 1 р. 60 к. сер.; въ XV столѣтіи высшая цѣна, во время 1439 года, была 22 р. 26 к. сер., низшая, во время 1463 года, была 1 р. 4 к. сер.; въ XIV столѣтіи высшая цѣна, во время 1317 года, была 39 р. 84 к. сер., низшая, во время 1349 года, была 1 р. 67 к. сер.; и наконецъ въ XIII столѣтіи низшая цѣна, во время 1289 года, доходила до 74 к. сер., а высшая цѣна, во время 1270 года, была 115 р. 28 к. сер.

des Ackerbaues, Iena 1829, томъ II и IV. Все это однако ничто иное, какъ одни только опыты, представляющіе, впрочемъ, собой, по отношенію къ цѣлому предмету, очень мало данныхъ.

Намъ было бы очень желательно, чтобы отдѣльныя историческія общества Германіи задали себѣ общую задачу, собрать матерьялы для составленія исторіи цѣнъ и задѣльной платы въ Германіи. Изслѣдованіе этого предмета представляетъ собой бѣольшія трудности въ Германіи, нежели въ Англіи и во Франціи. Неимѣніе одного большаго центрального рынка и одной общей монетной системы, что продолжается у насъ уже цѣлыя столѣтія, принуждаютъ каждое отдѣльное лице ограничиваться изученіемъ только какого-нибудь одного небольшого государства. Необходимыя свѣдѣнія должны быть, по большей части, отыскиваемы у насъ въ очень разбросанныхъ, часто даже въ ненапечатанныхъ источникахъ, и послѣднее обстоятельство можетъ совершаться болѣе случайнымъ образомъ, чѣмъ на основаніи предвари-тельно-задуманнаго общаго плана. Мы останавливаемся часто за отсутствіемъ данныхъ, которыя не скоро могутъ быть пополнены, не смотря на всю нашу добрую волю; часто мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній относительно бывшей въ употребленіи, въ продолженіе небольшого періода времени, монетной единицы, а отдѣльныя, важныя свѣдѣнія не могутъ быть отысканы скоро; наконецъ, часто мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о мѣрахъ и вѣсѣ. Короче сказать, мы можемъ тогда только достигнуть общихъ и вѣрныхъ результатовъ, когда пойдемъ по весьма далекому и трудному пути, который, впрочемъ, весьма неблагоприятенъ для отдѣльныхъ лицъ. Поэтому намъ необходимо имѣть, на поприщѣ нашихъ изслѣдованій, постоянное и совокупное дѣйствіе многихъ силъ, причемъ одно лице должно поддерживать другое; только такимъ образомъ и можно избѣгнуть утраты отдѣльно найденныхъ свѣдѣній, неимѣющихъ никакой цѣны, если они будутъ взяты внѣ общей связи; напротивъ же того, могущихъ быть источникомъ неожиданныхъ выводовъ, если только они разсматриваются совокупно съ другими, уже отысканными, данными.

§ 40.

Продолженіе. Сравненіе цѣнности денегъ для рабочихъ классовъ въ Англіи и Германіи.

Къ неправильнымъ выводамъ, сдѣланнымъ Энгельсомъ, принадлежитъ еще представленное имъ отношеніе мѣновой цѣнности денегъ въ Англіи и въ Германіи. Онъ утверждаетъ, что въ Англіи можно купить на 1 р.

44 к. сер. столько, сколько можно купить, въ дорогихъ городахъ Германіи, на 60 к. сер. Конечно, Энгельсъ упоминаетъ объ этомъ отношеніи только мимоходомъ, и именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ о доходѣ, получаемомъ швеями ⁽¹⁾, и хотя онъ не даетъ себѣ труда сдѣлать подробныя изслѣдованія по этому предмету, тѣмъ не менѣе выводы его имѣютъ для насъ тѣмъ бѣльшее значеніе, что на нихъ только и основываются всѣ приводимыя имъ данныя дохода, получаемого англійскимъ работникомъ. Нѣтъ возможности установить одну общую и непреложную формулу для отношеній цѣнности денегъ и товаровъ на сравненіи дохода, получаемого отдѣльными лицами въ обѣихъ странахъ; ибо отношенія различныхъ жизненныхъ потребностей въ обѣихъ странахъ и для различныхъ классовъ общества весьма многообразны. Справедливо только то, что съ начала мирнаго періода, цѣнность денегъ въ Великобританіи болѣе и болѣе возрастаетъ, тогда какъ въ Германіи она упадаетъ ⁽²⁾, — такъ что обѣ страны постепенно приходятъ въ этомъ отношеніи къ одному уровню.

Если мы сравнимъ среднюю цѣну жизненныхъ продуктовъ въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ, то увидимъ, что выводы, представляемые Энгельсомъ, могутъ относиться только къ высшимъ классамъ, которые тратятъ свои доходы на приобрѣтеніе самыхъ дорогихъ предметовъ въ Англіи, т. е. на квартиру, прислугу, лошадей, вина и т. д. также на предметы роскоши; но, что, напротивъ того, средняя цѣна жизненныхъ продуктовъ, покупаемыхъ рабочимъ сословіемъ въ Англіи, едва только въ половину превышаетъ цѣну тѣхъ же предметовъ въ Германіи, такимъ образомъ, что англійскій работникъ можетъ купить на 135 р. сер. то же самое количество предметовъ, сколько германскій работникъ на 90 р. сер. Самые дорогіе предметы въ Англіи суть: земля ⁽³⁾ и человѣ-

⁽¹⁾ Страница 225.

⁽²⁾ Во всемъ Прусскомъ государствѣ, на основаніи разчета, сдѣланнаго *Гофманомъ* (Preuss. Staatszeitung 1842. N° 153), въ продолженіе 64-лѣтняго періода времени, съ 1816 по 1841 годъ, въ первыя 14 лѣтъ 2 четверти пшеницы стоили, среднимъ числомъ, 1 р. 47 к. сер., а 2 четв. ржи — 1 р. 8 к. сер.; въ послѣднія же 14 лѣтъ, напротивъ того, 2 четв. пшеницы стоили 1 р. 77 к. сер., а 2 чет. ржи — 1 р. 20 к. сер. По этому разчету мѣновая цѣнность денегъ упала въ Пруссіи по крайней мѣрѣ на 11 процентовъ. Объ упадкѣ цѣнности жизненныхъ продуктовъ въ Англіи, смотри § 39 прим. 4: сэръ Робертъ Пиль, въ своей парламентской рѣчи, отъ 16-го февраля 1846 года, оцѣнивалъ возвышеніе цѣнности денегъ въ Англіи на 10 процентовъ.

⁽³⁾ Въ главныхъ улицахъ Манчестера, а также въ Лондонской Сити, $\frac{1}{2}$ кв. аршина земли стоятъ нерѣдко 12 р. сер., значитъ 1 десятина стоитъ 86,400 р. сер.; въ городахъ средней величины, какъ напр. въ Нью-Кэстлѣ, $\frac{1}{2}$ кв. арш. земли

ческій трудъ; вслѣдствіе чего квартира, прислуга, сверхъ того, произведенія сапожнаго, портняжнаго и другихъ мастерствъ составляютъ собою небольшую часть (самое бѣльшее 20 процентовъ) расхода рабочаго класса. Тѣмъ не менѣе, дорогая цѣна этихъ предметовъ уравнивается дешевизною горючаго матерьяла, соли, чая, матерій для одежды и низкаго сорта морской рыбы. Въ то время, какъ наемная плата за квартиру въ Англіи превышаетъ, среднимъ числомъ, въ 2 или въ 3 раза плату за квартиры въ Германіи ⁽⁴⁾, горючій матерьялъ дешевле въ Англіи по крайней мѣрѣ въ три раза ⁽⁵⁾. Въ то время, какъ приготовленіе одежды и башмаковъ, въ Англіи, почти вдвое дороже, матерія для платья почти вдвое дешевле; чай отъ шести до четырехъ разъ

стоитъ отъ 1 р. 92 к. сер. до 6 р. сер. Цѣна $\frac{1}{4}$ десятины луговой и пахатной земли колеблется въ Англіи между 600 р. и 6,000 р. сер. По словамъ *Реденя* (*die Eisenbahnen Deutschlands*, Берлинъ 1843, стр. 309) въ основаніе оцѣнки, при удовлетвореніи землевладѣльцевъ за отошедшую отъ нихъ землю, во время построенія англійскихъ желѣзныхъ дорогъ, была принята средняя цѣна между 1,472 р. и 1,562 р. сер. за $\frac{1}{4}$ кв. десятины. При построеніи германскихъ дорогъ, на основаніи данныхъ, взятыхъ отъ 12 дорогъ и собранныхъ *Реденомъ*, за $\frac{1}{4}$ кв. десят. приходится, среднимъ числомъ, 271 р. 50 к. сер.

⁽⁴⁾ Можно положить среднюю наемную плату въ Англіи за квартиру, состоящую изъ двухъ комнатъ, для одного рабочаго семейства въ 64 к. сер. въ недѣлю, значить въ 34 р. 56 к. сер. въ годъ. Въ Манчестерѣ и въ Лондонской Сити, квартира средней величины, состоящая изъ 3 или 4 приличныхъ комнатъ съ кухней, стоитъ въ годъ отъ 66 р. до 300 р. сер.; въ Нью-Кэстлѣ, наемъ приличнаго дома, состоящаго изъ 8 комнатъ, стоитъ, среднимъ числомъ, 240 р. сер.; въ Ст.-Еленѣ (Ланканстерѣ) домъ для работниковъ, состоящій изъ 4 комнатъ, стоитъ 48 р. сер.; въ Нью-тонѣ за домикъ, состоящій изъ 2 комнатъ и покрытый соломою, причемъ входъ въ домъ составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дверь въ переднюю, земледѣлецъ платитъ въ годъ 21 р. 20 к. сер.; если же при домѣ есть небольшой садикъ, то цѣна доходитъ до 30 и 36 р. серебромъ.

⁽⁵⁾ Одна тонна (т. е. 62 пуда) каменнаго угля стоитъ въ дешевыхъ мѣстностяхъ Англіи, по близости мѣста его добыванія, смотря по достоинству угля, отъ 96 к. до 1 р. 60 к. сер.; въ самыхъ же дорогихъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Лондонѣ, вслѣдствіе цѣны за провозъ, она стоитъ, среднимъ числомъ, 5 р. 12 к. сер.; такимъ образомъ выходитъ, что одинъ пудъ угля стоитъ, смотря по отдаленности отъ мѣста его добыванія, отъ $1\frac{1}{15}$ к. сер. до $2\frac{1}{2}$ к. сер. Такъ какъ сила жара отъ каменнаго угля вдвое больше силы жара отъ лучшихъ дровъ, то цѣна 2 пуд. дровъ стоитъ въ Англіи отъ $1\frac{1}{15}$ к. до $2\frac{1}{2}$ к. сер. Если положить, что 1 куб. сажень сухихъ буковыхъ дровъ вѣситъ 120 пудовъ, то она будетъ равняться въ Англіи 60 пуд. угля, или будетъ, стоитъ отъ 64 к. до 1 р. 50 к. сер.; въ то время какъ 1 куб. сажень буковыхъ дровъ стоитъ въ Германіи, вмѣстѣ съ платою работникамъ, смотря по отдаленности мѣста добыванія, отъ 2 р. 40 к. до 4 р. 80 к. сер. Такимъ образомъ выходитъ, что цѣна горючаго матерьяла въ Англіи по крайней мѣрѣ въ три раза дешевле, нежели въ Германіи.

дешевле ⁽⁶⁾, а соль, въ большей части мѣстностей Англій, въ девять и шесть разъ дешевле, чѣмъ въ Германіи ⁽⁷⁾. Кофе, сахаръ и другіе колоніальные товары стоятъ въ обѣихъ странахъ почти въ одной цѣнѣ, и даже дешевле въ Англій, чѣмъ въ Таможенномъ Союзѣ. Изъ всего предъидущаго мы видимъ, что цѣна на хлѣбъ и на говядину рѣшается, въ большей части случаевъ, дѣлаемое нами сравненіе цѣнъ въ обѣихъ странахъ.

Въ Кургессенѣ, самой дешевой германской хлѣбородной странѣ, кварталеръ ($1\frac{3}{8}$ четверти) англійской пшеницы стоилъ, среднимъ числомъ, съ 1842 по 1845 годъ, 12 р. 40 к. сер., а ржи 9 р. 55 к. сер. ⁽⁸⁾. Въ этотъ самый періодъ времени, средняя цѣна пшеницы въ Англій была 15 р. 90 к. сер., значить меньше, чѣмъ въ два раза

⁽⁶⁾ Такъ какъ чай составляетъ въ Англій, точно также какъ кофе въ Германіи, ежедневный напитокъ рабочихъ классовъ, то, собственно говоря, намъ необходимо, при сравненіи потребностей рабочихъ классовъ обѣихъ странъ, соразмѣрить цѣну чая въ Англій съ цѣною кофе и его суррогатами въ Германіи. На основаніи частныхъ опытовъ, дѣлаемыхъ искусными хозяйками, изъ одного фунта чая можно добыть почти столько же чашекъ настоя, сколько, при одинаковомъ достоинствѣ, можно сварить чашекъ кофе изъ 20-ти фунтовъ; такимъ образомъ выходитъ, что цѣнность одного фунта чая равняется въ потребленіи цѣнности 20 фун. кофе. Въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ, продажная цѣна 1 ф. чая въ Англій была, смотря по его достоинству, отъ 1 р. до 2 р. 25 к. сер.; въ Германскомъ же Таможенномъ Союзѣ продажная цѣна 1 ф. кофе была отъ 15 к. до 36 к. сер. Взявъ во вниманіе обычай большаго употребленія суррогатовъ, можно считать 1 ф. кофе въ цѣнѣ 12 к. сер., такъ что 20 ф. кофе все еще будутъ стоять въ Германіи 2 р. 40 к. сер., значить вдвое дороже сравнительно 1 фун. простаго чая въ Англій.

⁽⁷⁾ Одна тонна соли (62 п.) стоитъ въ Англій, на мѣстѣ ея добыванія, 3 р. 60 к. сер., выходитъ, что 1 пудъ ея стоитъ около 6 к. сер. Въ розничную продажу цѣна соли, по большей части, увеличивается вдвое, и только въ самыхъ дорогихъ мѣстахъ она доходитъ до 1 к. сер. за 1 фунтъ; въ то время, какъ въ Германіи, при гораздо бѣльшемъ расходѣ на самое ея добываніе и при существующемъ соляномъ налогѣ, 1 фунтъ соли стоитъ, по большей части, 3 к. сер.

⁽⁸⁾ Средняя цѣна жизненныхъ продуктовъ была въ Гессенѣ, для кассельской четверки:

	Для пшеницы:	Для ржи:
1842 г.	6 руб. 35 $\frac{1}{2}$ коп.	4 руб. 4 $\frac{1}{2}$ коп.
1843 „	6 „ 47 „	5 „ 55 $\frac{1}{4}$ „
1844 „	5 „ 95 $\frac{1}{2}$ „	4 „ 59 $\frac{1}{4}$ „
1845 „	5 „ 76 „	4 „ 62 „

Среднимъ числомъ 6 „ 13 $\frac{1}{4}$ „ 4 „ 73 „

Такъ какъ кассельская четверка составляетъ почти совершенно $5\frac{1}{2}$ четв., то на этомъ основаніи и выходитъ вышеприведенный нами расчетъ.

дороже противъ цѣнъ въ Гессенѣ. Если принять въ расчетъ, что $1\frac{3}{8}$ четв. пшеницы, или 480 фунтовъ даютъ самое меньшее 384 ф. муки или 512 ф. хлѣба, то, не принимая во вниманіе расхода на печеніе, выходитъ, что фунтъ пшеничнаго хлѣба стоитъ въ Англіи 3 к. сер.; и дѣйствительно въ розничной продажѣ цѣна хлѣба колебалась, въ этотъ промежутокъ времени, между 9 и 12 к. сер. за 4 фунта.

Цѣна на говядину, въ первые годы означеннаго выше періода, стояла довольно высокая; съ уменьшеніемъ же привозной пошлины она упала, среднимъ числомъ, на $1\frac{1}{2}$ к. сер. на фунтъ. Баранина и телятина составляютъ самое дорогое мясо въ Англіи, и потому употребляются въ пищу только для достаточныхъ людей. По большей части, мясная пища состоитъ изъ говядины и свинины. Съ 1844 по 1846 годъ фунтъ говядины въ розничной продажѣ, смотря по достоинству куска, стоилъ, среднимъ числомъ, отъ 15 до 25 к. сер., а фунтъ свинины, цѣна которой до измѣненія пошлинной системы была болѣе 32 к. сер., сдѣлалась не дороже 15 и $17\frac{1}{2}$ к. сер. По официальнымъ свѣдѣніямъ ⁽⁹⁾, для гринвичскаго госпиталя за 125 фунтовъ говядины, съ 1838 по 1840 годъ, платили 15 р. 36 к. сер., или за фунтъ $12\frac{1}{5}$ к. сер.; съ 1842 по 1844 годъ платили по 14 р. 25 к., или за фунтъ $11\frac{2}{5}$ к. сер. Если мы положимъ, что хлѣбъ и мясо въ Англіи будутъ, среднимъ числомъ, въ два раза дороже, чѣмъ въ Германіи, то расчетъ нашъ будетъ скорѣе преувеличенъ, нежели низокъ; въ особенности послѣ того, какъ свободный провозъ всякой битой говядины и всѣхъ продуктовъ растительнаго царства даетъ надежду, что на будущее время цѣнность этихъ предметовъ еще болѣе уменьшится (*).

§ 41.

Продолженіе. Сравненіе мѣновой цѣнности задѣльной платы рабочихъ классовъ въ Англіи и Германіи.

На основаніи сравненія цѣнности денегъ въ Англіи и Германіи, можно вывести мѣновую цѣнность задѣльной платы въ обѣихъ странахъ. Тутъ снова въ сочиненіи Энгельса мы встрѣчаемъ большую ошибку. *Писатель этотъ взялъ, изъ приведенныхъ имъ отношеній задѣльной платы въ Англіи, только то, что нужно было для его идеи, и эти*

⁽⁹⁾ Seventh Annual Report of the Registrar-General of Births Deats, and Marriages in England 1846. Сравни: the Athenaeum P. CCXXIX. Лондонъ 1847, стр. 16.

(*) Дѣйствительно, дешевизна жизни сдѣлала большіе успѣхи въ Англіи со времени изданія настоящаго сочиненія.—В. Б.

отдѣльные и оторванные отъ дѣйствительности факты обобщилъ въ одну ложную картину.

Мы не будемъ упрекать Энгельса въ томъ, что онъ упоминаетъ только объ однихъ фабричныхъ, горныхъ и земледѣльческихъ рабочихъ, оставляя безъ всякаго вниманія три огромные класса, составляющіе собой, по числительности, почти четвертую часть всего англійскаго населенія, и именно: ремесленниковъ или мастеровыхъ, матросовъ и слугъ ⁽¹⁾, которые, по положенію своему, могли бы составить одну изъ свѣтлыхъ сторонъ общей картины жизни рабочихъ классовъ Англій. Но мы должны обвинить Энгельса за одностороннее изображеніе даже избраннаго имъ класса работниковъ.

Энгельсъ подробно изображаетъ состояніе здоровья комнатныхъ работниковъ, живущихъ на прядильняхъ и въ ткацкихъ; но, напротивъ того, касается бѣгло тѣхъ изъ нихъ, которые состоятъ въ работѣ при огнѣ, или на воздухѣ, т. е. живутъ на желѣзныхъ заводахъ, на хрустальныхъ, зеркальныхъ, содовыхъ и тому подобныхъ фабрикахъ, и которые именно пользуются хорошимъ здоровьемъ и тѣлесною силою. Сверхъ того, онъ рисуетъ намъ живыми красками положеніе ирландскаго фабричнаго населенія, живущаго въ Англій, а умалчиваетъ о болѣе благопріятномъ положеніи англійскихъ уроженцевъ, — чрезъ это Энгельсъ приписываетъ обстоятельствамъ то положеніе вещей, которое скорѣе зависитъ отъ племени людей ⁽²⁾. Онъ очень долго и съ види-

⁽¹⁾ Число лицъ, занимающихся ремеслами, вмѣстѣ съ членами ихъ семействъ по ревизіи 1831 года (смотри Marshall, Statistics of the Br. Emp.) состояло изъ 2,730,100 душъ, что составляетъ 16,5% общаго населенія страны; въ то самое время общее населеніе британскихъ фабрикъ состояло только изъ 2,400,000 душъ, или 14,5%. Число домашней прислуги въ 1831 году было 789,838 человекъ, а въ 1841 году 1,168,354 человекъ или 6,2%. Въ горномъ промыслѣ и на каменоломняхъ было, въ 1831 году, 600,000 чел. (вмѣстѣ съ членами ихъ семействъ), или 3,6%, а въ 1841 году 761,868 человекъ, или 4,1%. Нельзя опредѣлить числа матросовъ, вслѣдствіе того, что они всегда считаются вмѣстѣ съ матросами-солдатами; но что число это значительно, можно уже заключить изъ того, что въ 1841 году на однихъ купеческихъ корабляхъ было 68,156 человекъ, которые вмѣстѣ со своими семействами составляли, по крайней мѣрѣ, 300,000 человекъ. На основаніи нашего разсчета, рабочіе классы въ Англій, оставленные безъ всякаго вниманія Энгельсомъ, составляютъ, по крайней мѣрѣ, 24 процента въ общемъ населеніи этой страны.

⁽²⁾ Самъ Энгельсъ говоритъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ въ Ирландіи сдѣлалось извѣстнымъ, что на восточномъ берегу Георгіевскаго канала можно найдти себѣ, для здоровыхъ рукъ, вѣрную работу и хорошую плату, толпы Ирландцевъ ежегодно стремятся туда. Полагаютъ, что до сихъ поръ переселилось, такимъ образомъ, около 1,000,000 людей, и что ежегодно переселяется около 50,000 человекъ, которые

мымъ пристрастіемъ останавливается на описаніи жилища работниковъ, т. е. на самомъ дорогомъ, и по этой причинѣ на самомъ дурномъ условіи въ Англіи; но, напротивъ того, изображаетъ въ двухъ словахъ ежедневную пищу ихъ и множество средствъ продовольствія, которыя они въ состояніи пріобрѣтать за получаемую ими задѣльную плату. Данныя, приведенныя имъ для вывода задѣльной платы, относятся къ отдѣльнымъ родамъ рабочихъ и вообще почерпнуты изъ документовъ 1842 и 1843 годовъ; значить относятся къ эпохѣ торговаго кризиса. Такимъ образомъ выходитъ, что все это есть ничто иное, какъ изображеніе исключительнаго положенія вещей.

наводняютъ собой промышленные округа Англіи, и именно большіе города, гдѣ они и составляютъ низшій слой населенія. На этомъ основаніи, въ Лондонѣ считается 120,000, въ Манчестерѣ 40,000, въ Ливерпулѣ 34,000, въ Бристолѣ 24,000, въ Глазговѣ 40,000 и въ Эдинбургѣ 29,000 бѣдныхъ Ирландцевъ. Грубые, пьяные и незаботящіеся о своемъ будущемъ, люди эти, переселяясь въ Англію, приносятъ съ собой всѣ животныя свои наклонности (стр. 115). Они почти никогда не починаютъ своей одежды и дѣлаютъ это только въ крайнемъ случаѣ, т. е. тогда, когда платье ихъ уже разлѣзлось на части; обыкновенно же лохмотья бѣлья торчатъ сквозь прорѣхи ихъ сюртуковъ и панталонъ (стр. 89). Они принесли съ собой въ Англію неизвѣстный въ этой странѣ обычай хожденія босоногими (стр. 90). Самыя дурныя англійскія жилища все еще очень хороши для нихъ. Пища ихъ исключительно состоитъ изъ одного картофеля, весь же излишекъ ихъ заработка пропивается. Самые дурные кварталы во всѣхъ большихъ городахъ заселены Ирландцами. Большая часть семействъ, живущихъ въ погребахъ, принадлежитъ, повсемѣстно, ирландскому происхожденію. Они принесли съ собой всюду неопрятность и пьянство. Ирландецъ, по туземной своей привычкѣ, также точно и здѣсь, въ большихъ городахъ, выбрасываетъ около дверей своего жилища всю домашнюю свою нечистоту и всѣ помои, изъ которыхъ образуются зловонные ручьи и грязныя кучи. Подобно тому, какъ въ своемъ отечествѣ, также точно и здѣсь, онъ устраиваетъ у себя на квартирѣ хлѣвъ для своей свиньи; но если не имѣетъ возможности этого сдѣлать, то допускаетъ ее спать вмѣстѣ съ собою въ своей комнатѣ. Эта громадная порода свиней исключительно принадлежитъ ирландской породѣ, и каждый Ирландецъ привязанъ къ своей свиньѣ точно такъ же, какъ Арабъ къ своему коню. Дѣти Ирландца играютъ съ ней, ѣздятъ на ней верхомъ и вмѣстѣ валяются въ грязи. Ирландцы не имѣютъ привычки употреблять мебель; охабка соломы и нѣсколько онучъ, негодныхъ уже для употребленія въ видѣ одежды, совершенно достаточны для того чтобы служить ему постелью. Полѣно, разломанный стулъ, старый ящикъ вмѣсто стола и Ирландецъ не нуждается больше ни въ чемъ (стр. 117).“ Всѣмъ предыдущимъ Энгельсъ доказываетъ намъ, что бѣдность, грубость и образъ жизни самыхъ несчастныхъ фабричныхъ работниковъ Англіи пришли сюда изъ Ирландіи, и что англійская промышленность совсѣмъ не сама собою произвела подобное положеніе дѣлъ, но только пересадила и сосредоточила его у себя. Самъ онъ даетъ намъ лучшее опроверженіе личныхъ своихъ жалобъ относительно фабричной системы и машинъ, будто бы составляющихъ собой причину злосчастнаго положенія работниковъ.

Чтобы сдѣлать общее заключеніе относительно занимающаго насъ теперь предмета, мы должны припомнить, что задѣльная плата Англій гораздо равномѣрнѣе во всѣхъ мѣстностяхъ этой страны, чѣмъ въ Германіи; но что, вслѣдствіе зависимости англійской работы отъ вывоза товаровъ за границу, плата эта подвержена значительнымъ колебаніямъ. Въ Германіи же, напротивъ того, задѣльная плата болѣе разнообразна, но за то и болѣе постоянна, чѣмъ въ Англій. Самую вѣрную точку для сравненія представляетъ намъ задѣльная плата такого рода работниковъ, положеніе и вознагражденіе которыхъ возможно болѣе однообразны въ Германіи и подвержены возможно меньшимъ колебаніемъ въ Англій.

Сюда принадлежатъ напр. сторожа при желѣзныхъ дорогахъ, число которыхъ хотя въ настоящее время и довольно значительно въ обѣихъ странахъ, и ежедневно еще болѣе возрастаетъ ⁽³⁾. Въ Германіи, по свѣдѣніямъ, собраннымъ Реденомъ ⁽⁴⁾, сторожъ при желѣзной дорогѣ получаетъ ежегодно отъ 100 р. 40 к. до 132 р. 48 к. сер. и сверхъ того квартиру; впрочемъ, изъ этого жалованья вычитается на многихъ дорогахъ около 20 р. 25 к. сер. на обмундированіе, которое обыкновенно снабжается владѣльцемъ дороги. Въ Англій, напротивъ того, по свѣдѣніямъ, лично собраннымъ мною на мѣстѣ, годовое жалованье сторожа при желѣзной дорогѣ простирается до 312 р. сер. и сверхъ того онъ получаетъ обмундированіе и даже квартиру; значить, жалованье въ три раза больше, чѣмъ въ Германіи.

Положеніе мастеровыхъ въ Англій еще болѣе благопріятно ⁽⁵⁾.

⁽³⁾ Такъ какъ въ началѣ 1846 года желѣзныхъ дорогъ въ Англій было на протяженіи 3,347 верстъ, а въ Германіи на 2,943 версты, и такъ какъ одинъ надсмотрщикъ полагается на пространство 570 сажень, то Англій имѣла ихъ въ эту эпоху около 2,869 человекъ, а Германія 2,523 человекъ.

⁽⁴⁾ Die Eisenbahnen Deutschlands, Берлинъ 1843, часть I, стр. 113.

⁽⁵⁾ Условія положенія англійскихъ подмастерьевъ, безъ исключенія во всѣхъ ремеслахъ, не смотря на господство ремесленной свободы, повсемѣстно установилось однообразнымъ образомъ, вслѣдствіе вліянія правовъ и обычаевъ этой страны. Срокъ для обученія мальчиковъ полагается здѣсь, по правилу, 7-ми-лѣтній, и только въ томъ случаѣ, если раньше окончанія этого срока, мальчикъ достигнетъ совершеннолѣтія, т. е. 21 года возраста, то можетъ оставить своего хозяина и завестись лично хозяйствомъ, или поступить подмастерьемъ въ другой родъ занятія. Плата за обученіе мальчика, смотря по различнымъ мастерствамъ, бываетъ отъ 120 до 480 р. сер. Кромѣ учениковъ, также и подмастерья получаютъ отъ своего хозяина квартиру и содержаніе; впрочемъ, они могутъ жить или въ своихъ семействахъ, или на собственной своей квартирѣ. Въ первый годъ своего обученія, ученикъ получаетъ жалованья еженедѣльно 64 к. сер., въ томъ случаѣ, если онъ уже внесъ всю сумму за свое обученіе; если же нѣтъ, то вовсе не получаетъ жалованья. Во

Самая низшая недѣльная плата, получаемая ремесленникомъ, которую мнѣ случилось только встрѣчать въ 1846 году въ Англіи и въ Шотландіи, и которая относится къ мастерствамъ, занимающимся постройками, была 5 р. 75 к. сер., тогда какъ въ средней величины городахъ Германіи, какъ напр. въ Касселѣ и въ Ганау, она едва доходитъ до 1 р. 84 к. сер. Величина этой платы, завися отъ количества работниковъ, или отъ рода работы, доходитъ нерѣдко въ Англіи до 12 р. 88 к. сер. Такъ напр. закройщикъ, въ магазинѣ для платья, или у нѣкоторыхъ богатыхъ портныхъ въ Лондонѣ, получаетъ, еженедѣльно, отъ 18 р. до 24 р. сер. жалованья. Такимъ образомъ мы видимъ, что во всѣхъ мастерствахъ, которыя еще ведутся на основаніи ремесленнаго порядка, плата англійскимъ подмастерьямъ превышаетъ больше, чѣмъ въ три раза низкую плату въ Германіи (6). Все предъидущее относится также къ платѣ, получаемой мужскою прислугою, т. е. лакеями, кучерами и т. д., которые имѣютъ жалованья, вмѣстѣ съ пищею и съ платьемъ, отъ 120 до 300 р. с. въ годъ. Женская прислуга находится въ Англіи въ худшемъ положеніи, тѣмъ не менѣе плата, получаемая ею, среднимъ числомъ, въ два раза болѣе платы въ Германіи (7).

второй годъ жалованье его доходитъ до 1 р. 30 к. сер. еженедѣльно, а потомъ оно постепенно увеличивается до тѣхъ поръ, пока въ послѣдній годъ онъ уже получаетъ полное жалованье подмастерья. Обращеніе хозяевъ со своими подмастерьями, во всѣхъ ремеслахъ, чрезвычайно внимательно, и рѣдко хозяинъ отпуститъ своего подмастерья, не увѣдомивъ его о своемъ намѣреніи нѣсколькими мѣсяцами ранѣе.

(6) Для сравненія, я привожу здѣсь недѣльную плату подмастерьевъ въ нѣкоторыхъ мастерствахъ, что выведено мною на основаніи данныхъ трехъ-лѣтняго періода времени:

Ремесла.	Плата въ Англіи.				Плата въ Касселѣ и Ганау.			
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Сапожники	отъ 6	12	до 9	20	отъ 1	84	до 2	44
Портные	„ 9	20	„ 12	86	„ 1	84	„ 3	21
Столяры	„ 6	12	„ 10	26	„ 2	29	„ 3	36
Каменьщики	„ 5	52	„ 9	20	„ 2	2	„ 2	76
Золотыхъ дѣль	„ 9	20	„ 11	26	„ 2	9 ^{1/2}	„ 5	77

Официальныя свѣдѣнія Англіи представляютъ намъ болѣе высокую недѣльную плату, такъ напр. средняя поденная плата земледѣльческому работнику во время трехъ-лѣтняго періода времени:

съ 1838 по 1840 годъ была 64^{1/2} коп.
 „ 1842 „ 1845 „ „ 75 „

Сравни The Athenaeum, Лондонъ 1847 г., стр. 1 .

(7) Годовая плата горничной въ Англіи колеблется между 26 р. 66 к. и 72 р. 60 к. сер. Часто ихъ нанимаютъ понедѣльно, и въ этомъ случаѣ жалованье ихъ бываетъ отъ 64 к. до 2 р. 56 к. сер. въ недѣлю. Положеніе домашней прислуги въ Англіи, по сравненію его съ германскимъ, представляетъ намъ рѣзкое

Плата, получаемая рабочими, описываемыми Энгельсомъ, очень разнообразна, вслѣдствіе неоднобразія отдѣльныхъ отраслей труда. Нужно признать за фактъ то обстоятельство, что каждая новая машина, введенная въ употребленіе въ фабричной дѣятельности, имѣетъ своимъ слѣдствіемъ уменьшеніе платы для тѣхъ работниковъ, которыхъ она собой замѣщаетъ (⁸). Тѣмъ не менѣе явленіе это имѣетъ вліяніе только на отдѣльныя отрасли труда и продолжается до тѣхъ поръ, пока работники не отыщутъ себѣ новой дѣятельности и новаго призванія въ жизни. Запросъ на человѣческой трудъ, и вслѣдствіе этого самый наплывъ работниковъ, все болѣе и болѣе усиливается въ Англіи. Задѣльная плата на фабрикахъ и въ горномъ промыслѣ увеличилась, въ продолженіе 1844—45 и 46 годовъ на четвертую, даже на третью долю, сравнительно съ 1842 и 1843 годами, составляющими собой періодъ кризиса. Самую низшую плату нашелъ я въ 1846 году на хлопчатобумажныхъ фабрикахъ и на каменоломныхъ кояхъ, гдѣ недѣльная плата, не смотря на бытность здѣсь небольшого числа ирландскихъ работниковъ, понизилась до 3 р. 80 к. и даже до 3 р. 20 к. сер.;

доказательство того, что общественная свобода возвышаетъ нравственность, въ то время, какъ полицейскій надзоръ, напротивъ того, унижаетъ ее. Въ Англіи нѣтъ никакихъ полицейскихъ постановленій относительно приѣма и отпуска прислуги, и нѣтъ никакихъ полицейскихъ книгъ для записыванія ея. Отношеніе прислуги къ господамъ ни подъ какимъ видомъ не подлежитъ предупредительному надзору правительства. Напротивъ того, частное свидѣтельство, также какъ и письменная, частная рекомендація слуги имѣютъ для него законную силу, такимъ образомъ, что поручитель этого свидѣтельства подлежитъ судебному взысканію за всякое несправедливое указаніе въ немъ. Вслѣдствіе этой причины, нигдѣ нѣтъ такой довѣренности къ письменнымъ свидѣтельствамъ и къ лицамъ ими пользующимся; нигдѣ нѣтъ такого благонравія и такой строгой совѣстливости, даже въ средѣ самихъ слугъ, какъ въ Англіи. Напротивъ того, ничто такъ не характерично, какъ глубокое недовѣріе, оказываемое другъ другу Нѣмцами, живущими въ Англіи. Подобно тому, какъ въ Лондонѣ, и въ Манчестерѣ нѣмецкіе хозяева очень рѣдко, или съ большою неохотою, берутъ къ себѣ въ подмастерья Нѣмцевъ, также точно нѣмецкія семейства предпочитаютъ всегда англійскую прислугу. Нѣмецъ, ищущій себѣ работы въ Англіи, въ большей части случаевъ покинутъ своими собственными земляками.

(⁸) Наихудшая участь постигла здѣсь именно тѣхъ работниковъ, которые, какъ напр. ремесленники, упорствуя въ соперничествѣ своемъ съ машинами, продолжали свою борьбу, и необходимо должны были быть побѣжденными впослѣдствіи. Вслѣдствіе этой причины, въ 1834 году Англійскій парламентъ назначилъ комиссію для изслѣдованія положенія работниковъ, и рапортъ ея (Reports of Committees on Handloom-Weaves Petitions 1835) содержитъ въ себѣ гораздо подробнѣйшіе факты, нежели тѣ, которые сообщаетъ намъ Энгельсъ на стр. 173 и слѣдующихъ своего сочиненія.

большинство же рабочихъ получаетъ, между прочимъ, въ этихъ промыслахъ отъ 4 р. 48 к. сер. до 8 р. сер. въ недѣлю, такъ что среднюю плату недѣльной работы можно считать здѣсь, по крайней мѣрѣ, въ 5 р. 76 к. сер. На желѣзныхъ заводахъ и на фабрикахъ, приготовляющихъ машины, самые послѣдніе работники получаютъ 5 р. 76 к. сер. въ недѣлю, многимъ же платятъ отъ 9 р. 60 к. сер. до 12 р. 80 к. сер. На содовыхъ фабрикахъ недѣльная плата была между 5 р. 12 к. сер. и 7 р. 98 к. сер. Въ сельскомъ хозяйствѣ небольшую плату получаютъ тѣ работники, которые нанимаются на постоянное услуженіе, и она простирается до 4 р. 68 к. сер. въ недѣлю. Приходящіе работники получаютъ, напротивъ того, отъ 4 р. 48 к. до 5 р. 76 к. сер. въ недѣлю.

Общій выводъ, сдѣланный мною изъ многихъ и довольно обширныхъ изслѣдованій, внушаетъ мнѣ убѣжденіе, что можно принять для Англіи, въ продолженіе трехъ послѣднихъ лѣтъ (1845—1848), среднюю поденную плату за обыкновенную работу въ 96 к. сер., а годовую въ 276 р. сер. Въ Германіи же, напротивъ того, она едва достигаетъ 92 р. сер. въ годъ; такимъ образомъ, при вышеуказанныхъ нами отношеніяхъ мѣновой цѣнности денегъ въ обѣихъ странахъ, англійскій работникъ имѣетъ вдвое бѣльшее удовлетвореніе своихъ потребностей, чѣмъ германскій работникъ. Если мы положимъ даже, что англійскій работникъ получаетъ среднюю плату въ 74¹/₂ к. сер. или даже въ 64 к. сер., то все-таки положеніе его будетъ лучше, нежели положеніе германскаго работника.

§ 42.

Продолженіе. Изслѣдованіе статистическихъ данныхъ, которыя доказываютъ возрастающее развращеніе нравовъ въ рабочихъ классахъ Англіи, и выставляются какъ послѣдствіе современной промышленности.

Матерьяльная нищета и упадокъ нравственности составляютъ, по словамъ Энгельса, два страшныя послѣдствія современной промышленности. Мы опровергли уже приведенныя имъ доказательства относительно перваго явленія, и теперь намъ остается только изслѣдовать его доводы, относительно втораго; при этомъ для насъ сдѣлается еще болѣе очевиднымъ, до какой степени злоупотребляетъ писатель этотъ статистическими фактами и какъ невѣрны и односторонни его выводы.

„Съ распространіемъ пролетаріата“, говоритъ Энгельсъ, число преступленій въ Англіи увеличилось, и англійская нація сдѣлалась, по числу преступленій, одною изъ первыхъ въ свѣтѣ. Изъ официальныхъ и уголовныхъ таблицъ, ежегодно публикуемыхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, видно, что увеличеніе числа преступленій въ Англіи идетъ съ непостижимою быстротою. Число тюремныхъ заключеній, опредѣленныхъ за уголовныя преступленія, въ одной Англіи и въ Графствѣ Валлійскомъ, было слѣдующее:

въ 1805 году	4,605
” 1810 ”	5,146
” 1815 ”	7,898
” 1820 ”	13,710
” 1825 ”	14,437
” 1830 ”	18,107
” 1835 ”	20,731
” 1840 ”	27,187
” 1841 ”	27,760
” 1842 ”	31,309

Такимъ образомъ выходитъ, что число тюремныхъ заключеній увеличилось въ 7 разъ, въ продолженіе 37 лѣтъ.“

При первомъ взглядѣ, цифры эти весьма страшны, и всякій, кто хотя немного сочувствуетъ нравственному совершенствованію человѣчества, получаетъ непреодолимое влеченіе проклясть цивилизацію, породившую такую ужасную безнравственность. Но если мы размыслимъ, что Энгельсъ не обратилъ должнаго вниманія ни на важныя улучшенія полиціи, болѣе и болѣе вводимыя въ Англіи, съ возстановленіемъ мира послѣ наполеоновскихъ войнъ, и способствовавшія къ открытію большаго числа преступленій; ни на постепенные успѣхи статистическихъ изслѣдованій; ни на свободу переселенія въ Англію, сдѣлавшуюся, съ уничтоженіемъ запрещеній выселенія на континентъ, любимымъ убѣжищемъ преступниковъ и бродягъ всѣхъ націй, — то нельзя не обвинить Энгельса за его способъ исчисленія преступленій; онъ включаетъ въ свои расчеты военные годы, которые рѣзко отличаются отъ послѣдующихъ годовъ мирнаго періода, и, кромѣ того, самые его выводы, относительно упадка нравственности въ мирномъ періодѣ, могутъ быть, по меньшей мѣрѣ, подвержены сомнѣнію.

Если мы припомнимъ, что годъ, которымъ Энгельсъ заключаетъ свою таблицу преступленій, совпадаетъ съ самымъ знаменательнымъ торговымъ кризисомъ Великобританіи, и если мы продолжимъ исчисленія

на послѣдующіе года, по официальнымъ уголовнымъ ⁽¹⁾ таблицамъ, то найдемъ:

1843 г.	29,591 преступленіе.
1844 „	26,542 „
1845 „	24,303 „
1846 „	25,107 „

При этомъ мы убѣдимся, что послѣдній годъ, приведенный Энгельсомъ, былъ исключительнымъ годомъ, и что не только съ этого времени число лицъ, призванныхъ къ суду за совершеніе преступленій, значительно уменьшилось, но что число это въ послѣдніе три года было гораздо меньше той цифры, которая представлялась въ продолженіе двухъ лѣтъ до періода кризиса.

Наконецъ, если мы возьмемъ во вниманіе увеличеніе народонаселенія, и будемъ изслѣдовать относительное движеніе преступленій, то получимъ для всего періода времени послѣднихъ 15 лѣтъ результатъ, совершенно противоположный выводамъ Энгельса. Населеніе Англійи и Валіса состояло:

въ 1821 году изъ	11,978,875 жителей.
„ 1841 „ „	15,906,741 „

Оно увеличилось, значитъ, въ продолженіе 20 лѣтъ на 32,7⁰/₀, или въ 15 лѣтъ около 24⁰/₀. Число преступниковъ, призванныхъ къ суду, было, напротивъ того:

въ 1832 году	20,829 человекъ;
„ 1846 „	25,107 „

Значитъ, въ продолженіе послѣднихъ 15 лѣтъ оно увеличилось только на 20,5⁰/₀, не смотря на возрастаніе народонаселенія на 24⁰/₀. Мы видимъ по этому, что нравственность англійскаго народа, какъ это показываютъ намъ таблицы о преступленіяхъ, не только не ухудшилась, а, напротивъ того, улучшилась въ продолженіе вышеуказаннаго періода времени.

Ни на чемъ неоснованное заключеніе Энгельса, что англійская нація сдѣлалась одною изъ развращеннѣйшихъ въ свѣтѣ, не требуетъ никакихъ опроверженій для человека, знакомаго съ этимъ вопросомъ.

(1) England and Wales. Tables showing the number of criminal offenders in the year 1846.

Для подобнаго рода вывода мы не только не имѣемъ никакихъ данныхъ, но намъ извѣстно, что въ этомъ отношеніи какое бы ни было сравненіе между собой отдѣльныхъ государствъ невозможно, вслѣдствіе того, что самое понятіе о значеніи преступленій весьма разнообразно. Такъ напр. всѣ грубыя оскорбленія считаются въ Англіи преступленіями, тогда какъ во Франціи сдѣлано различіе между преступленіями уголовными—*crimes* полицейскими—*delits correctionnels* и обыкновенными проступками.

Ошибка Энгельса простирается еще далѣе, и именно въ томъ отношеніи, что въ изслѣдованіяхъ своихъ онъ сопоставляетъ преступленія, совершенныя въ фабричныхъ и въ земледѣльческихъ округахъ, и изъ многочисленности первыхъ, сравнительно со вторыми, выводитъ заключеніе о безнравственномъ вліяніи фабрикъ на общество. И въ этомъ случаѣ, приведенныя имъ статистическія данныя вѣрны; но далеко не вѣрны выводы, сдѣланные на основаніи ихъ.

Энгельсъ самъ знаетъ, что фабричное населеніе Англіи состоитъ, по большей части, изъ переселившихся сюда Ирландцевъ и изъ наибѣднѣйшихъ и безнравственнѣйшихъ людей Ирландіи. Самъ онъ, въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія (2), считаетъ число переселившихся Ирландцевъ болѣе чѣмъ въ 1,000,000 ч.; сверхъ того, онъ подробно рассказываетъ, что они принесли съ собою свои дурныя нравы и пороки въ большіе города Британіи, гдѣ и образовали самый низшій слой населенія. Изъ всего предъидущаго ясно видно, что сравненіе числа преступленій англійскаго фабричнаго населенія съ преступленіями земледѣльческаго класса, нисколько не оправдываетъ заключеній, сдѣланныхъ Энгельсомъ, относительно дурнаго вліянія промышленности на общество. Напротивъ того, намъ вѣроятно пришлось бы указать на обратное дѣйствіе этого явленія, еслибъ можно было вывести отношеніе числа преступленій, совершенныхъ Ирландцами и собственно Англичанами, или еслибъ можно было сравнить нравственность ирландскихъ фабричныхъ рабочихъ, во время пребыванія ихъ въ Англіи, съ нравственностію ихъ до времени переселенія сюда.

Къ несчастію, мы не имѣемъ статистическаго матерьяла для подобнаго рода изысканій. Тѣмъ не менѣе, мы принуждены придти къ совершенно противоположному взгляду, пользуясь только тѣми данными, которыя находятся у насъ подъ рукою, для отвѣта на вышеприведенный вопросъ. Офіціальныя отчеты уголовныхъ преступленій представляютъ намъ слѣдующее отношеніе между Ирландіею и Англіею:

Въ продолженіе 7 лѣтъ, т. е. отъ 1837 по 1843 годъ, для кото-

(2) Смотри § 41, прим. 2.

рыхъ имѣются официальные свѣдѣнія ⁽³⁾, число преступниковъ, преданныхъ суду было:

	Для Англіи.	Для Ирландіи.
1837 г.	23,612.	14,804
1838 „	23,094.	15,723
1839 „	24,443.	26,392
1840 „	27,187.	23,833
1841 „	27,760.	20,796
1842 „	31,309.	21,186
1843 „	29,591.	20,126
Итого.	186,996.	142,860
Или средн. числ. ежег.	26,713.	20,408

Народонаселеніе состояло въ 1841 году: въ Англіи и Валлисѣ изъ 15,906,741 чел., въ Ирландіи — изъ 8,175,124 чел.

Такимъ образомъ выходитъ, что въ продолженіе 7 лѣтъ, среднимъ числомъ, одинъ преступникъ приходился въ Англіи на 595 человекъ, а въ Ирландіи, напротивъ того, на 400 человекъ жителей. Справедливо, что число преступленій, совершенныхъ въ фабричныхъ округахъ Англіи, гораздо больше, чѣмъ въ остальныхъ округахъ этой страны; тѣмъ не менѣе число это гораздо меньше, нежели въ Ирландіи. Въ Ланкаширѣ (взятымъ тоже и Энгельсомъ какъ доказательство своихъ выводовъ), т. е. въ самомъ густо-населенномъ фабричномъ округѣ, имѣвшемъ въ 1841 году 1,667,054 человекъ населенія, число преступленій было:

въ 1837 году	2,809
„ 1838 „	2,585
„ 1839 „	2,901
„ 1840 „	3,506
„ 1841 „	3,987
„ 1842 „	4,497
„ 1843 „	3,677

Итого . 23,962 человекъ, т. е. среднимъ числомъ 3,423 человекъ, такъ что на 487 человекъ жителей здѣсь приходится одно преступленіе.

⁽³⁾ Tables of the Revenue, Population, Commerce etc. of the united Kingdom. Часть XIII. Отдѣленіе В. 1843, Лондонъ 1845, стр. 136 и слѣд.

Если мы сопоставимъ приведенные нами факты съ обстоятельствомъ, признаннымъ самимъ Энгельсомъ, и именно съ тѣмъ, что вообще всѣ преступленія совершаются самыми низшими классами общества и что въ фабричныхъ округахъ Англіи они падаютъ больше на долю переселившихся сюда Ирландцевъ, то мы должны будемъ согласиться съ тѣмъ, что фабричная промышленность, приучающая несчастныхъ и загрубѣвшихъ Ирландцевъ къ правильной дѣятельности, гораздо болѣе имѣетъ вліянія на уменьшеніе числа ихъ преступленій, т. е. улучшаетъ ихъ нравственность.

Третій доводъ, приведенный Энгельсомъ для доказательства безнравственнаго вліянія фабричной системы и машинъ, еще менѣе состоятеленъ, вслѣдствіе того, что онъ выведенъ на основаніи предположенія, будто бы изгнаніе съ фабрикъ мужскаго труда болѣе и болѣе увеличиваетъ примѣненіе въ нихъ силы дѣятельности женщинъ и дѣтей. „Свѣдѣнія, сообщаемыя фабрикантами относительно этого предмета, говоритъ онъ на страницѣ 176, переполнены ложью, и искажены кривыми толкованіями и цифрами, значащими много для людей незнакомыхъ съ дѣломъ, и ничего недоказывающими для людей знающихъ; сверхъ того, свѣдѣнія эти полны умолчаній относительно важныхъ вопросовъ, что доказываетъ намъ самолюбивое заблужденіе и нечестность этихъ фабрикантовъ. Мы заимствуемъ изъ рѣчи, произнесенной лордомъ Ашлеемъ, 15-го марта 1844 года, въ Нижней Палатѣ, продолжавшейся 10 часовъ, нѣкоторыя данныя отношеній возраста и пола, почерпнутыхъ, между прочимъ, изъ одной только отрасли англійской промышленности; вѣрность этихъ данныхъ не можетъ быть оспариваема самими фабрикантами.

Изъ 419,560 человекъ общаго числа фабричныхъ работниковъ Британскаго государства (въ 1839 году), 192,887 человекъ, т. е. около половины, были моложе 18 лѣтъ; работницъ считается здѣсь 242,296, и изъ нихъ 112,191 моложе 18 лѣтъ; выходитъ, что работниковъ мужскаго пола моложе 18 лѣтъ было 80,695 человекъ, а взрослыхъ 96,569 ч., что составляютъ 23⁰/₁₀₀, или неполную четверть изъ общаго числа всѣхъ ихъ.

Изъ общаго числа всѣхъ работницъ состояло: на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ 56¹/₄ процентовъ, на шерстяныхъ 69¹/₂, на шелковыхъ 70¹/₂, и на льняныхъ прядильняхъ 70¹/₂. Цифры эти достаточно доказываютъ намъ, что мужской взрослый трудъ изгнанъ изъ фабрикъ“.

Мы далеки отъ того, чтобы защищать то извращеніе общественнаго положенія, въ которомъ женщины и матери, покидая естественный кругъ своихъ домашнихъ занятій, вступаютъ на публичное поприще

членовъ мастерскихъ, а дѣти, прикрѣпляясь съ нѣжнаго возраста къ станкамъ машинъ, гибнутъ какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Мы обязаны раньше всего возстановить фактическую истину, вслѣдствіе того, что Энгельсъ не только сдѣлалъ ложныя заключенія, но и сообщилъ намъ столь ложные факты, что всякій, кто хоть нѣсколько основательно занимался англійскою статистикою, едва можетъ повѣрить своимъ глазамъ. На какомъ основаніи, при столь важныхъ изслѣдованіяхъ, Энгельсъ не держался официальныхъ свѣдѣній, всегда правдивыхъ въ Англии, о которыхъ до сихъ поръ онъ такъ охотно упоминалъ, и которыя могли бы дать ему наиболѣе объясненіе этого предмета? Зачѣмъ именно здѣсь обратился онъ къ парламентской рѣчи и къ тому случайному обстоятельству, что цифры, приведенныя въ запискѣ оратора, не встрѣтили себѣ никакого опроверженія?

Въ то время, какъ Энгельсъ упрекаетъ среднее сословіе Англии въ ложныхъ показаніяхъ и въ умолчаніяхъ, самъ онъ опредѣляетъ общее число фабричныхъ работниковъ въ 419,560 человекъ, тогда какъ по официальнымъ свѣдѣніямъ народной ревизіи 1841 года, въ одномъ ткацкомъ промыслѣ состояло въ работѣ 800,246 человекъ (4). Число работницъ увеличено имъ болѣе, чѣмъ на половину; но такъ какъ въ указанной нами отрасли промышленности, въ которой по преимуществу работаютъ женщины, число работниковъ доходитъ до 453,381 человекъ, между коими 20-ти-лѣтняго возраста и старше 344,121 человекъ, то выходитъ, что взрослые работники составляютъ собою не 23, а 43 процента въ общемъ числѣ работниковъ Англии. На бумажно-прядильныхъ фабрикахъ число работницъ, показанное Энгельсомъ, составляетъ 56¼ процента общей цифры работниковъ Англии, по официальнымъ же даннымъ, онѣ составляютъ только 47 процентовъ; въ шерстяномъ промыслѣ показано имъ 69½ процентовъ, а на самомъ дѣлѣ оно равняется только 29,8 процентамъ; на шелковыхъ фабрикахъ показано 70½ процентовъ, на самомъ же дѣлѣ только 50,7 процентовъ, и наконецъ на льняномъ промыслѣ показано имъ 70½ процентовъ, на самомъ же

(4) Именно:

	Мужчинъ.		Женщинъ.		Общее число.
	20 лѣтъ и болѣе.	Моложе 20 лѣтъ.	20 лѣтъ и болѣе.	Моложе 20 лѣтъ.	
Въ Англии, въ Валисѣ и на Британ. островахъ	265,609	84,202	162,207	106,490	618,508
Въ Шотландіи	78,512	25,058	48,863	29,305	181,738
Въ цѣлой Великобританіи	344,121	109,260	211,070	135,795	800,246.

дѣлѣ 40,9 процентовъ ⁽⁵⁾. И такъ мы видимъ, какую громадную разницу представляютъ собой данныя Энгельса съ дѣйствительностію.

Энгельсъ вовсе не упоминаетъ о многочисленныхъ усиліяхъ Англійскаго парламента ограничить злоупотребленія въ употребленіи въ работу дѣтей, что можно видѣть изъ Factory-bills за послѣдне-истекшее десятилѣтіе, усиліяхъ, имѣвшихъ уже обширныя послѣдствія. Онъ умалчиваетъ также о томъ, что число дѣтей, моложе 13-ти лѣтняго возраста, въ продолженіе короткаго промежутка времени отъ 1835 до 1839 года, не смотря на значительное увеличеніе общаго числа работниковъ, уменьшилось съ 55,455 ч. на 33,566 ч. и продолжаетъ болѣе и болѣе уменьшаться.

Если мы предположимъ даже, что данныя, сообщенныя намъ Энгельсомъ, правдивѣе, чѣмъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ, тѣмъ не менѣе, онѣ не могутъ подтвердить намъ заключенія, которое онъ выводитъ изъ нихъ, и именно, что фабричная промышленность была причиною вышеуказаннаго имъ дурнаго отношенія половъ въ средѣ фабричныхъ работниковъ, что произвело, въ свою очередь, уничтоженіе семействъ въ Англій. Для этого нужно было бы доказать, во-первыхъ, что правильная и благонравная семейная жизнь дѣйствительно существовала въ отчизнѣ переселившихся въ Англію Ирландцевъ, и что дѣти ихъ, — выросшія въ грубости нищенскихъ нравовъ, послѣ того какъ стали пріучаться, съ ранняго возраста, къ труду и получили возможность имѣть нѣкоторое образованіе, — сдѣлались еще болѣе безнравственными. Понятно, что для подобнаго рода доказательствъ нѣтъ данныхъ, и что всѣ имѣющіяся данныя доказываютъ, напротивъ того, противное. Подобно тому какъ, число преступленій въ Ирландіи превышаетъ число ихъ въ Англій, также точно и участіе женщинъ въ совершеніи преступленій сильнѣе здѣсь,

(⁵) Именно:

Отрасли промышленности.	Мужчины.		Женщины.		Общее число.
	20 лѣтъ и старше.	Моложе 20 лѣтъ.	20 лѣтъ и старше.	Моложе 20 лѣтъ.	
Бумагопрядильная	138,112	39,171	104,470	75,909	377,622
Шерстяная	94,764	23,576	29,073	19,883	167,296
Шелковая	31,924	9,293	26,781	15,775	83,773
Льняная	39,438	10,908	20,821	14,046	85,213
Кружевная	32,870	5,005	10,140	2,940	50,955
Чулочная, кромѣ шерстяныхъ чулокъ, показанныхъ уже въ шерстяномъ промыслѣ .	7,013	1,307	19,785	9,242	35,347
Итого . . .	344,121	109,260	211,070	135,795	800,246

нежели участіе мужчинъ. По официальнымъ свѣдѣніямъ 1843 года, число лицъ, позванныхъ къ суду за уголовныя преступленія, было въ Англіи: 24,251 человекъ, изъ которыхъ 5,340 ч., или 18,0%, было женщинъ; въ Ирландіи въ томъ же году изъ 15,250 преступниковъ, 4,876, т. е. 24,2%, было женщинъ. Въ Дублинѣ изъ 37,597 человекъ, подвергнутыхъ полицейскому аресту, 16,379, или 43,5%, было женщинъ; въ Манчестерѣ, напротивъ того, число арестованныхъ было 12,147, а изъ нихъ 3,658, или 30,1% женщинъ. Въ первомъ городѣ, изъ числа арестованныхъ, 12,574 ч. были за пьянство, и изъ нихъ 5,545 или 44,0% женщинъ; въ Манчестерѣ, арестованныхъ за пьянство было 4,198 чел., изъ нихъ женщинъ было только 1,052, или 25,0%. Однимъ словомъ, статистика показываетъ намъ, на основаніи достаточнаго числа данныхъ, что семейная жизнь низшихъ классовъ ирландскаго населенія потрясена гораздо болѣе, нежели семейная жизнь фабричныхъ округовъ Англіи.

Строгій семейный порядокъ и достойное почтенія, самостоятельное положеніе женщины, основанное на всеобщемъ уваженіи къ творческой силѣ природы, принадлежатъ къ самой характерической и завидной чертѣ британской націи. Подобно тому, какъ ни одинъ англійскій земледѣлецъ не запрягаетъ въ плугъ своей коровы, такъ же точно ни одинъ женскій членъ англійскаго семейства не принимаетъ участія въ обработкѣ земли. Ни одна беременная Англичанка не должна работать; сверхъ того, замкнутость положенія матерей семействъ и дочерей, въ святынѣ домашняго очага, составляетъ принадлежность не только высшихъ, но и низшихъ классовъ Англіи. Строгость нравственности въ средѣ англійскаго семейства идетъ такъ далеко, что здѣсь покровительствуется нѣкоторымъ образомъ публичный развратъ, ибо всякій падшій членъ семейства навсегда исключается, по обычаю, изъ его среды, и даже горничная дѣвушка, сдѣлавшись матерью, никогда не имѣетъ права исполнять какую бы ни было честную должность.

Мы не можемъ умолчать здѣсь о томъ гнусномъ и безчеловѣчномъ торгѣ дѣтьми, который дѣлается въ Лондонѣ Нѣмцами со своими соотчичами, что необходимо печаливаетъ каждого человека, любящаго свое отечество. Съ другой стороны, мы можемъ позавидовать преувеличеннымъ жалобамъ, дѣлаемымъ англійскою фабричною промышленностію, относительно участи ирландскихъ дѣтей, работающихъ на манчестерскихъ фабрикахъ, если только мы заглянемъ въ душу несчастныхъ Нѣмцевъ, просящихъ, поздно за полночь, милостыню по улицамъ Лондона, и живущихъ подъ страхомъ наказанія, ожидающаго ихъ, отъ

нравственныхъ и физическихъ ихъ убійць за то, если въ продолженіе дня они не успѣли собрать достаточнаго подаянія ⁽⁶⁾.

§ 43.

Продолженіе. Всемирно-историческое значеніе современной промышленности.

Односторонность и неправильность выводовъ Энгельса, съ которыми мы уже ознакомились нѣсколько въ предъидущихъ главахъ, повторяются почти во всѣхъ частяхъ его сочиненія. Онъ говоритъ о вредныхъ послѣдствіяхъ сосредоточенія массъ народонаселенія въ большихъ городахъ, но вовсе умалчиваетъ о неисчислимыхъ выгодахъ, которыя отсюда происходятъ, такъ напр. о вліяніи возрастающаго городского населенія на разнообразіе потребностей, въ свою очередь содѣйствующее облегченію способовъ потребленія, подобно тому какъ раздѣленіе труда увеличиваетъ самое производство. Онъ ничего не говоритъ объ этихъ водопроводахъ, паркахъ и садахъ, которые переносятъ свѣжій деревенскій воздухъ во внутренность самаго города, также о попечительствѣ, относительно чистоты и народнаго здравія, все болѣе и болѣе распространяющемся и въ послѣдніе годы коснувшемся даже тѣхъ кварталовъ, которые населены рабочимъ классомъ. Изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаевъ продажи порченой говядины, и изъ произведенныхъ взысканій за обмѣры и обвѣсы, Энгельсъ заключаетъ, что рабочіе классы нынѣ, при господствѣ промышленнаго духа, служатъ жертвою постояннаго обмана со стороны средняго сословія. Подобное заключеніе можно было бы вывести только на основаніи отношенія числа случаевъ обмана съ числомъ случаевъ честной продажи, также на основаніи сравненія этого отношенія съ подобнымъ же отношеніемъ въ другихъ странахъ, или въ другія времена. Напротивъ того, мы видимъ, что промышленная честность, сколько о ней можно судить по постоянству цѣнъ на товары и по взаимному довѣрію торговыхъ посредниковъ, также по успѣхамъ кредита и по другимъ подобнаго рода явленіямъ,—гораздо болѣе укрѣпилась въ Англіи, нежели во всѣхъ другихъ странахъ Европы, и эта честность

⁽⁶⁾ Извѣстно, что цѣлыя толпы нѣмецкихъ дѣвочекъ перевозятся въ Лондонъ, гдѣ владѣтели ихъ (лица спекулирующія на счетъ нихъ) помѣщаютъ ихъ, на подобіе стада, въ отдѣльныхъ домахъ и содержатъ для того только, чтобы получать доходъ милостынею, собираемою этими несчастными. Послѣ того, какъ бѣдныя созданія эти уже не въ состояніи возбуждать состраданія проходящихъ, видомъ своей старческой юности, а также продолжать пищенское свое ремесло, подъ названіемъ подметальщицъ улицъ, онѣ дѣлаются жертвами лондонскаго разврата.

въ коммерческихъ сдѣлкахъ служить однимъ изъ колоссальныхъ столповъ, на которыхъ зиждется все зданіе британскаго всемірнаго торговаго владычества. Изъ статистическихъ данныхъ, показывающихъ значительную смертность въ фабричныхъ округахъ, Энгельсъ выводитъ вредное вліяніе фабричной промышленности на здоровье, тогда какъ только чрезъ сравненіе этой смертности со смертностью ирландскаго населенія, до переселенія въ Англію, онъ имѣлъ бы право дѣлать подобнаго рода выводы.

Изъ свѣдѣній о состояніи общественнаго здоровья, публикуемыхъ частными медиками, и изъ отчетовъ парламентскихъ комиссій о рабочемъ населеніи, представленныхъ въ парламентъ, Энгельсъ заключаетъ лишь о существованіи народныхъ бѣдствій, а не о томъ великомъ напряженіи силъ всего общества къ уменьшенію ихъ, что было бы гораздо правильнѣе. Онъ какъ будто не видитъ, что именно въ этихъ-то изслѣдованіяхъ парламентскихъ комиссій, въ усиліяхъ ихъ какъ можно рѣзче выставить всѣ темные закоулки англійской жизни и подвергнуть ихъ общественному суду, — и лежитъ самое могущественное средство для излеченія господствующаго недуга; и что, наконецъ, при сильно возбужденномъ вниманіи всѣхъ классовъ къ общественному благосостоянію, всякое общественное страданіе начинаетъ уменьшаться съ той поры, какъ оно дѣлается общеизвѣстнымъ.

Мы зашли бы слишкомъ далеко, еслибъ стали подвергать подробной критикѣ всѣ отдѣльные выводы Энгельса и представлять въ должномъ свѣтѣ всѣ сообщаемые имъ факты, и потому рассмотримъ только общій его приговоръ, произнесенный имъ надъ современною промышленностію.

Мы уже знаемъ, что Энгельсъ приписываетъ промышленному перевороту всѣ предполагаемыя имъ современныя несчастія Англіи, какъ-то: нищету, пролетаріатъ, упадокъ нравственности и т. д., и что всѣ преувеличенные изображенія и выводы его составляютъ, собственно говоря, припѣвъ къ его обвинительному приговору нынѣшней промышленности и машинамъ. Если онъ и находитъ хорошую сторону въ этихъ пріобрѣтеніяхъ новѣйшаго времени, то лишь въ томъ смыслѣ, что промышленность, доведя прежнюю испорченность человѣческаго общества до самой крайней точки, сдѣлаетъ болѣе и болѣе настоятельною необходимость коммунистической реформы общества. Во всей протекшей исторіи общества онъ видитъ постепенное грѣхопаденіе человѣчества и громадную драму, въ которой общество гибнетъ, по своей винѣ, за свои собственные грѣхи, для того, чтобы въ будущемъ найти земное возрожденіе въ осуществленіи коммунизма.

Мы далеки отъ того, чтобы, въ противоположность взгляду, высказанному Энгельсомъ, согласиться съ мануфактурнымъ философомъ *Уре*, и съ его неограниченнымъ прославленіемъ современной фабричной системы; мы не можемъ также умолчать о томъ, что система эта поведетъ къ усиленію въ обществѣ владычества капитала, которое, безъ необходимаго противодѣйствія со стороны другихъ общественныхъ элементовъ, можетъ произвести пагубный гнетъ для всего общества.

Мы гораздо болѣе согласны съ тѣмъ, что мы живемъ въ переходномъ періодѣ, въ которомъ потребность болѣе справедливаго распредѣленія богатства и уничтоженія недоразумѣній между капиталомъ и трудомъ — дѣлается болѣе и болѣе настоятельною. Мы не отвергаемъ важности такой задачи нашего времени; напротивъ того, считаемъ ее главнѣйшею задачею, которая когда либо была предложена для разрѣшенія человѣчеству. Взвѣсивъ на отдаленныя печальныя послѣдствія преобладающей фабричной системы, мы не должны однако забывать и ближайшихъ, безконечно великихъ ея выгодъ. Раздѣленіе труда, машины и всѣ колоссальныя механическія открытія и усовершенствованія въ промышленности, вступившія въ послѣднія 70 лѣтъ въ англійскую жизнь, и исключительно обязанныя своимъ существованіемъ свободному промышленному соперничеству, произвели такое вліяніе на развитіе общества, которое даетъ имъ законное мѣсто въ ряду необходимыхъ звеньевъ исторіи человѣческаго просвѣщенія, и которое не можетъ быть замѣнено ничѣмъ другимъ. Эти новыя условія промышленности сами собою не создали и не увеличили бѣдности низшихъ слоевъ общества, а только вызвали ихъ наружу. Они только сосредоточили нищету и пороки, также точно, какъ и богатство, образованность, нравственную и умственную силу людей, и этимъ самымъ возвели до осязаемаго и неоспоримаго факта существующія въ общественныхъ явленіяхъ противорѣчія. Они приучили работника, посредствомъ равномернаго движенія машинъ, къ терпѣнію и къ сознательному употребленію своего времени, а также воспитали въ немъ силу дѣятельности и энергію воли. Принудивъ работниковъ, чрезъ введеніе машинъ, переходить отъ одной отрасли занятій къ другой, они расширили ихъ кругозоръ и сообщили имъ какъ подвижность ума, такъ и самоувѣренность. Отдѣльныхъ и уединенныхъ ремесленниковъ они соединили въ большіе общественные круги рабочаго класса, чѣмъ впервые возродилось въ нихъ самосознаніе, признаніе общественныхъ своихъ правъ и стремленіе къ усовершенствованію. Всѣ коммунистическія и соціальныя стремленія новаго времени, въ томъ размѣрѣ, какъ они находятъ себѣ сочувствіе въ классѣ работниковъ, развѣ

есть что либо другое, какъ фактическое выраженіе самосознанія работниковъ, пробужденное современною промышленностію.

Самое бѣльшее пріобрѣтеніе современной цивилизаціи состоитъ именно въ томъ, что она возбудила сочувствіе образованныхъ классовъ къ судьбѣ милліоновъ людей, которые до сихъ поръ служили, въ исторіи человѣчества, безсознательнымъ орудіемъ привилегированныхъ классовъ. Самое бѣльшее торжество цивилизаціи есть именно то, что наконецъ и эти милліоны людей почувствовали себя самостоятельными членами человѣческаго общества.

Ближайшее, всемірно-историческое значеніе машинъ состоитъ именно въ томъ, что онѣ вывели рабочіе классы изъ состоянія нерадѣнія и невѣжества, также изъ безмолвной и безсмысленной летаргіи; сверхъ того, онѣ возбудили въ нихъ, вмѣстѣ съ признаніемъ ихъ силы, вмѣстѣ съ настойчивостію ихъ въ работѣ и вмѣстѣ съ духомъ предприимчивости, — стремленіе пріобрѣсти для себя въ исторіи права человѣческаго гражданства; наконецъ, онѣ впервые сообщили рабочему классу тѣ нравственныя и умственныя свойства, безъ которыхъ было бы невозможно основательное и продолжительное улучшеніе общественнаго ихъ положенія. Въ то время, какъ работникъ прошедшихъ временъ прозябалъ въ состояніи полуживотнаго, въ нерадѣніи и въ боязни труда, также никогда не выходилъ своею мыслию изъ тѣснаго своего кругозора, — работникъ настоящаго времени, развившись вслѣдствіе общенія своего съ машинами, чувствуетъ, что и онъ также участвуетъ, способностями своего ума и трудами своихъ рукъ, въ общемъ и громадномъ дѣлѣ сложенія исторіи.

Задача современной промышленности не оканчивается, впрочемъ, тѣмъ, что выше указано нами. Независимо отъ увеличивающагося громаднаго господства человѣка надъ природою, создаваемаго разными промышленными открытіями, задача эта идетъ еще дальше. Тѣ же самыя машины, которыя стали угѣснять рабочій классъ, вступивъ въ соперничество съ его прежнимъ трудомъ, заставляютъ его искать для себя другой родъ занятій; тѣ же самыя машины, которыя гонятъ работника изъ одного круга дѣятельности въ другой до тѣхъ поръ, пока онъ не избересть ремесла внѣ всякой конкуренціи съ машинами, болѣе и болѣе освобождаютъ рабочій классъ отъ физическаго и нравственно-убійственнаго труда и приведутъ, мало по малу, человѣчество къ такому будущему, въ которомъ для каждаго, съ болѣе легкими способами удовлетворенія физическихъ нуждъ, сдѣлается болѣе доступнымъ также и нравственное образованіе. Достигнувъ полнаго своего развитія, машины совершенно замѣнятъ собой рабство древнихъ временъ и созда-

дутъ необходимыя условія для нравственнаго и умственнаго совершенствованія всякой личности. Путь къ будущему, къ которому всегда возносятся туманныя мечтанія бѣльшей части социалистовъ, будетъ именно проложенъ посредствомъ той силы машинъ, которую они предають проклятію. Временныя страданія, происходящія вслѣдствіе механическихъ открытій человѣчества; временный недостатокъ въ хлѣбѣ и въ работѣ, претерпѣваемый работниками, вслѣдствіе ихъ соперничества съ машинами (подобно тому, какъ это было нѣкогда съ многочисленнымъ классомъ переписчиковъ книгъ, во время изобрѣтенія книгопечатанія), — суть только спутники возрожденія новой эпохи. Это есть необходимая жертва, которою искупляется громаднѣйшій шагъ впередъ, предстоящій человѣчеству; и здѣсь Великобританія получаетъ великое, всемірно-историческое значеніе, открывая посредствомъ своего могущества и своихъ промышленныхъ завоеваній преддверіе къ этой новой будущности.

Англія, для которой предсказываетъ Энгельсъ, въ ближайшемъ будущемъ, страшную и всеразрушающую внутреннюю войну, счастлива тѣмъ, что обладаетъ въ своемъ гражданскомъ устройствѣ и также нравственномъ и политическомъ духѣ своихъ жителей, всѣми тѣми силами, какія требуются для вступленія въ новую эпоху цивилизаціи и также для исцѣленія отъ мукъ рожденія этой эпохи. Страна эта несетъ также на себѣ всю тяжесть своихъ собственныхъ національныхъ недостатковъ, — системы своей поземельной собственности, которою она обязана двухсотлѣтнему внутреннему миру, своихъ коммерческихъ кризисовъ, которыми она обязана своей всемірной торговлѣ и островному положенію, и Англія должна трудиться къ исцѣленію отъ этихъ недуговъ. Тѣмъ не менѣе, здоровье ея такъ прочно, что она можетъ выдержать, безъ всякой для себя опасности, экономическіе кризисы еще болѣе великіе, чѣмъ были всѣ предъидущіе. Страна, въ которой всякое общественное зло тотчасъ же находитъ сильное для себя противодѣйствіе въ духѣ товарищества, тѣмъ болѣе, что политическое начало самоуправленія могущественнѣйшимъ образомъ содѣйствуетъ воспитанію талантовъ, всегда даетъ чувствовать истинныя нужды общества, и тотчасъ же находитъ для нихъ практическія средства удовлетворенія; — страна, въ которой никто болѣе самаго правительства не цѣнитъ неограниченной свободы товарищества для всѣхъ гражданъ; гдѣ каждый, личный взглядъ и каждое желаніе могутъ быть высказаны и развиваемы безъ всякой боязни; гдѣ всякій имѣетъ полное убѣжденіе въ томъ, что все худое и нездоровое уничтожается само собою, одною силою общественнаго мнѣнія и общественной нравственности; страна, гдѣ

никакое возбужденіе ея народныхъ силъ не можетъ быть воспрепятствовано открытою полицейскою силою, не можетъ быть ослабляемо тайными подкопами самовластия; гдѣ, однимъ словомъ, всякій споръ власти съ обществомъ рѣшается гласно, и гдѣ вся общественная жизнь постоянно развивается, сообразно внутреннимъ своимъ потребностямъ, — въ подобной странѣ, говоримъ мы, вредныя послѣдствія нынѣшней фабричной системы, машинъ и могущества капиталовъ могутъ быть исцѣлены очень скоро.

Представленная самимъ Энгельсомъ исторія образованія союзовъ между рабочими служитъ лучшимъ доказательствомъ всего нами сказаннаго; въ этихъ союзахъ заключается естественное противодѣйствіе указаннымъ вреднымъ вліяніямъ фабричной промышленности, въ ея современной организаціи, въ нихъ раскрывается природная цѣлебная сила англійскаго политическаго организма, и вся самостоятельность общества, не нуждающагося ни въ какомъ полицейскомъ вмѣшательствѣ и предостереженіяхъ. Даже въ самыхъ грубыхъ и отрицательныхъ порожденіяхъ народной жизни скрываются положительныя и нравственныя сѣмена, которыя созрѣваютъ и укрѣпляются, мало по малу, и наконецъ теряютъ свою гнилую оболочку.

Союзы работниковъ, первоначально считавшіеся незаконными, собиравшіеся тайно и имѣвшіе характеръ грубыхъ и преступныхъ дѣйствій, сдѣлались, мало по малу, со времени благодѣтельнаго парламентскаго акта 1824 года, на основаніи котораго право товарищества принадлежитъ всѣмъ классамъ англійскаго населенія и распространено на рабочихъ, — опорю общественнаго благосостоянія и школою общественной нравственности ⁽¹⁾. Они не только уменьшили вредное само-

(1) Со времени Пасхи 1845 года, послѣ многочисленныхъ и неудачныхъ попытокъ, образовался наконецъ прочный, центральный союзъ изъ отдѣльныхъ союзовъ рабочихъ Англій. Союзъ этотъ, ежегодно, въ недѣлю Духова дня, имѣетъ общее собраніе изъ представителей всѣхъ частныхъ союзовъ; также управляется въ Лондонѣ, посредствомъ центральнаго бюро, ежегодно избираемаго и состоящаго изъ 11 членовъ. Устройство частныхъ союзовъ почти однообразно. Каждый его членъ платитъ, еженедѣльно, по 15 к. сер. въ союзную кассу. Кассы эти служатъ для удовлетворенія кассѣ большихъ мѣстныхъ союзовъ, которые обнимаютъ собой всѣ частныя союзы работниковъ данной мѣстности и, въ свою очередь, удовлетворяютъ потребностямъ кассы центральнаго союза. Всякій, кто не имѣетъ себѣ работы, не по своей винѣ, или вслѣдствіе болѣзни неспособенъ работать, получаетъ отъ своей союзной кассы, еженедѣльно, если холостъ, 3 р. 20 к. сер.; если же женатъ — 4 р. 80 к. сер. Прекращеніе работъ (strikes) дѣлается не иначе, какъ по общему приговору; въ большей же части случаевъ испрашивается мнѣніе у центральнаго бюро. Чтобы имѣть возможность дать свое мнѣніе, центральное бюро получаетъ отъ всѣхъ мѣстныхъ союзовъ ежемѣсячныя отчеты о высотѣ рабочей платы, о количествѣ и

власти капитала, увеличивъ соперничество рабочихъ и взаимное покровительство, во время нужды, чѣмъ и умножился матерьяльный доходъ всѣхъ членовъ; они не только положили начало реформѣ общественнаго независимаго положенія членовъ союзовъ, учрежденіемъ многихъ общихъ рабочихъ мастерскихъ ⁽²⁾, но, главнымъ образомъ, возвысили нравственность всѣхъ работниковъ. Тѣ же самые рабочіе, которые разрушали машины, изъ чувства слѣпой къ нимъ ненависти, оказывали презрѣніе ко всѣмъ собратьямъ, отстававшимъ отъ нихъ въ дѣлѣ возстанія, и презирали каждого изъ своихъ собратій, воздерживавшагося отъ возстанія и становившагося, по мнѣнію ихъ, на сторону притѣснителей, — тѣ же самые союзы сами, въ своихъ постановленіяхъ, назначали наказанія за всякое оскорбленіе, нанесенное членомъ хозяину ⁽³⁾. Тѣ же самые рабочіе, которыхъ Энгельсъ съ такою любовью называетъ коммунистами ⁽⁴⁾, наказываютъ нынѣ своихъ членовъ годовымъ исключеніемъ изъ союза, за всякій случай воровства.

Примѣчаніе. Для того, чтобы уразумѣть общественный переворотъ, вызванный фабриками и совершающійся въ Англіи на пользу цѣлой Европы, — должно разсмотрѣть его въ взаимной связи съ общимъ, современнымъ экономическимъ развитіемъ Великобританіи, и при этомъ должно имѣть въ виду слѣдующее:

1) Всякая фабричная отрасль, вслѣдствіе употребленія силъ машинъ, имѣетъ въ своемъ развитіи, извѣстную точку, до которой требованіе на человѣческую рабочую силу постоянно возрастаетъ и послѣ которой

цѣнности жизненныхъ продуктовъ и т. д., на основаніи чего и составляетъ очень подробные экономическіе стчеты какъ относительно дохода, получаемого распорядителями работъ, такъ и относительно возможности увеличить задѣльную плату.

⁽²⁾ Союзъ работниковъ учредилъ напр. въ Лондонѣ общую сапожную мастерскую а въ Манчестерѣ общую шляпную фабрику. Заведенія эти управляются самими работниками, которые продаютъ свои произведенія, и раздѣляютъ между собою какъ свои барыши, такъ и убытки. Нѣкоторыя изъ подобныхъ общихъ мастерскихъ, такъ напр. красильня въ Манчестерѣ, не удалась, вслѣдствіе недостатка въ единствѣ.

⁽³⁾ Всякій, кто оскорбитъ хозяина, платитъ въ союзную кассу 1 р. 60 к. сер. Если работники оскорбятъ другъ друга, то каждый изъ нихъ платитъ штрафа 1 р. 60 к. сер., тотъ же, кто провинится въ пьянствѣ, платитъ 80 к. сер. и на нѣкоторое время лишается права покровительства со стороны союза. Черезъ каждые 14 дней дѣлаются союзныя собранія, въ которыхъ производится судъ и опредѣляются взысканія.

⁽⁴⁾ Въ союзѣ англійскихъ работниковъ вовсе не существуетъ и слѣдовъ коммунистическихъ стремленій. Англичанинъ очень практиченъ и очень пріученъ имѣть всегда передъ глазами опредѣленную, ясную и, при извѣстныхъ условіяхъ, исполнимую цѣль, для того, чтобы не предаваться отвлеченнымъ мечтаніямъ.

оно постепенно уменьшается до известнаго наименьшаго количества. Введеніе всякой машины, одновременно влечетъ за собою двоякаго рода послѣдствія: съ одной стороны оно уменьшаетъ потребность въ человѣческомъ трудѣ, съ другой же стороны оно вызываетъ новую потребность въ трудѣ. Дешевая и скорая работа машины значительно уменьшаетъ, первоначально, цѣнность фабричнаго производства, и увеличиваетъ какъ спросъ на него, такъ и самое производство; потомъ въ первую эпоху введенія машинъ, это послѣднее дѣйствіе сильнѣе, такъ что потребность въ новыхъ рабочихъ силахъ увеличивается гораздо скорѣе, чѣмъ уменьшается потребность приложенія прежняго труда.

Но новое примѣненіе человѣческаго труда, сдѣлавшееся, мало по малу, необходимымъ, вслѣдствіе введенія машинъ, уменьшается опять чрезъ введеніе другихъ машинъ и чрезъ улучшеніе старыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ уменьшеніе цѣнъ на фабричныя произведенія, такъ и увеличеніе спроса и самаго производства болѣе и болѣе замедляется; такимъ образомъ, производство доходитъ до той точки, на которой первое послѣдствіе введенія машинъ (т. е. увеличеніе требованія на человѣческой трудъ), возимѣвъ перевѣсъ надъ вторымъ (т. е. надъ уменьшеніемъ требованія на трудъ), продолжаетъ усиливаться до тѣхъ поръ, пока не явится, наконецъ, возможность наименьшаго примѣненія на фабрикахъ рабочихъ человѣческихъ силъ.

Нѣкоторыя отрасли промышленности достигли уже, въ прошедшемъ столѣтіи, указанной нами высшей точки своего развитія. Такъ напр. нѣтъ рѣшительно причины сомнѣваться въ томъ, что въ 1829 году (на основаніи свидѣтельства *Джемса Лиша*, о которомъ говоритъ *Энгельсъ*) на 35 фабрикахъ работало 1,060 прядильщиками болѣе, чѣмъ въ 1841 году, хотя въ это самое время число веретенъ на этихъ фабрикахъ увеличилось до 99,239; или напр. въ томъ, что въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ, на 5 фабрикахъ совсѣмъ не было ни одного прядильщика, вслѣдствіе того, что фабрики эти имѣли у себя только одни *self-actors* (самодвигатели); или, наконецъ, въ томъ, что число веретенъ увеличилось на 10%, тогда какъ число прядильщиковъ уменьшилось болѣе чѣмъ на 60%. Тѣмъ не менѣе большая часть фабричныхъ отраслей не достигла еще этой высшей точки своего развитія. Нынѣшній промышленный переворотъ Англій составляетъ собой первую эпоху развитія машинъ, за которымъ должна скоро воспослѣдовать вторая эпоха. Первая эпоха должна была привлечь на фабрики сельское населеніе страны, вслѣдствіе чего совершилось быстрое возрастаніе фабричныхъ городовъ; вторая эпоха снова отклонитъ отъ фабрикъ это населеніе и принудитъ его искать себѣ другаго рода занятій.

2) Одновременно съ вышеуказаннымъ нами переворотомъ въ технической промышленности Англіи, здѣсь совершается еще другой переворотъ въ сельскомъ хозяйствѣ, имѣющій, впрочемъ, совершенно противоположный характеръ. Чѣмъ болѣе фабрики притягиваютъ къ себѣ населеніе страны, тѣмъ болѣе получаетъ, въ сельскомъ хозяйствѣ, значенія начало наивозможно большей экономіи въ приложеніи труда. Техника сельскаго хозяйства усовершенствовалась и замѣнила трехпольное хозяйство болѣе выгоднымъ—многопольнымъ; даже скотоводство, по возможности, отдѣлилось отъ земледѣлія; такимъ образомъ мы видимъ, что и здѣсь тоже примѣнилось начало раздѣленія труда. Богатые землевладѣльцы расширили свои парки, а сельскіе хозяева стали добывать съ фабрикъ искусственное удобреніе для своихъ полей, обрабатываемыхъ законтрактованными поденщиками съ наемными лошадьми; они продавали произведенія своихъ луговъ по городамъ, а жатву своихъ полей—хлѣбнымъ торговцамъ, которые, въ свою очередь, нанимали для молотбы хлѣба бродящихъ работниковъ, и по преимуществу Ирландцевъ. Скотоводы превратили свои луга въ пастбища; сверхъ того, благопріятствуемые англійскимъ климатомъ, они оставляли свой скотъ на открытомъ воздухѣ, на все продолженіе лѣта и зимы, въ огороженныхъ пространствахъ, гдѣ скотъ и кормился самъ собой до отправленія на рынокъ. Убытокъ затоптаннаго скотомъ сѣна не брался въ расчетъ въ этомъ случаѣ, ибо такимъ способомъ выигрывался расходъ на устройство хлѣвовъ и на наемъ рабочихъ. Изъ 8,980,909 десятинъ обработанной земли, находящейся въ Англіи и въ Валисѣ, 5,163,636 десятинъ, т. е. 57% были подъ лугами и пастбищами, и находились въ вышеописанномъ нами неэкономическомъ положеніи. Владѣніе землею сосредоточивалось, болѣе и болѣе, въ меньшемъ числѣ рукъ. Въ то время, какъ въ 1786 году, самостоятельныхъ землевладѣльцевъ было 250,000, въ 1816 г. число ихъ для Англіи и Валиса было только 32,000, значить, уменьшилось въ 8 разъ.

Но и въ этомъ вышеописываемомъ нами отношеніи совершилась съ недавняго времени перемѣна въ Англіи. Со времени поднятія вопроса о хлѣбныхъ законахъ, въ странѣ этой возродилось стремленіе вступить на новый путь въ сельскомъ хозяйствѣ. Съ введеніемъ неизвѣстнаго до этой эпохи способа кормленія скота на стойлахъ, скотоводство снова соединилось съ земледѣліемъ; также на мѣсто искусственнаго удобрения стали употреблять болѣе существенное, натуральное. Лѣсъ началъ пріобрѣтать цѣнность; излишнее употребленіе изгородъ уменьшилось, чѣмъ выигралось пространство земли; наконецъ, основались земледѣльческія общества, и учредились первыя школы для образованія молодыхъ

сельскихъ хозяевъ (Royal Agricultural College въ Cirencester, и Quennwood College, въ Stockbridge). Сверхъ того, учредилось общество для того, чтобы соединить, въ Лондонѣ и въ другихъ большихъ городахъ, всѣ сточныя трубы въ одинъ общій резервуаръ, откуда накопившаяся жидкость должна была разливаться, помощью паровыхъ машинъ и трубъ, по полямъ; чѣмъ не только улучшилось состояніе городского здоровья, но и удобрялись поля. (Сравни А. А. Ztg. 1846. N° 151, В.). Въ парламентѣ были сдѣланы предложенія относительно дробности поземельной собственности. Словомъ, подобно тому, какъ фабричная промышленность приближается къ такому будущему, въ которомъ должно осуществиться начало наименьшаго примѣненія человѣческаго труда; также точно и англійское сельское хозяйство вступаетъ въ новую для себя эпоху, въ которую будетъ господствовать противоположное сельское начало, т. е. бельгійское сельское хозяйство.

3) Изъ двухъ вышеприведенныхъ нами обстоятельствъ вытекаетъ самъ собою отвѣтъ на часто предлагаемый въ Англии вопросъ, и именно: что сдѣлается въ будущемъ съ фабричнымъ ея населеніемъ, оставшимся безъ работы, вслѣдствіе увеличившагося употребленія машинъ? Рабочій классъ, покинувшій землю и нахлынувшій на фабрики, мало по малу, въ продолженіе нынѣшняго столѣтія, снова обратится къ сельскому хозяйству, если только не найдетъ для себя выгоднымъ занятіе ремеслами и торговлею. Небольшіе самостоятельные сельскіе хозяева заступятъ мѣсто большихъ поземельныхъ собственниковъ. Громадные парки, служащіе для прогулокъ и для удовольствія нѣсколькихъ семействъ, уменьшатся и превратятся въ плодоносныя пахатныя поля, и до той эпохи необработанная земля пробороздится плугомъ англійскаго сельскаго хозяина. Населеніе, занимающееся земледѣліемъ, снова уравнивается съ ремесленнымъ населеніемъ. Англійская почва не только будетъ прокармливать собственное свое населеніе и сдѣлаетъ Британію независимою отъ заграничнаго привоза, но и распространитъ произведенія свои на заграничныхъ рынкахъ. Изъ среды немущихъ работниковъ образуется, мало по малу, многочисленный новый классъ землевладѣльцевъ, которые, преобразившись, посредствомъ работы своей на машинахъ, въ людей усердныхъ, съ сильною волею и умственно развитыхъ, будутъ наслаждаться благодѣяніемъ тѣхъ же самыхъ машинъ съ которыми боролись ихъ отцы; сверхъ того, они легко будутъ удовлетворять своимъ потребностямъ въ фабричныхъ издѣліяхъ, и наконецъ, вслѣдствіе общаго своего положенія, достигнутъ высокаго нравственнаго развитія.

Нижеприведенные нами факты легко могутъ убѣдить насъ въ томъ, что англійское сельское хозяйство имѣетъ у себя еще много мѣста для того, чтобы принять въ свою среду излишекъ фабричнаго населенія страны; такимъ образомъ, что увеличеніе числа англійскихъ земледѣльцевъ до общей цифры нынѣшняго числа ея фабричнаго населенія будетъ долгое время недостаточнымъ для того, чтобы Англія могла достигнуть той степени сельско - хозяйственнаго развитія, на которой стоятъ наилучше обработанныя мѣстности Бельгіи.

По ревизіи 1841 года, въ Англіи и въ Валисѣ считалось жителей 15,911,757 ч., или около 5,800 человекъ на одну квадратную милю. Число всѣхъ фабричныхъ работниковъ, мужскаго и женскаго пола, было 829,564; земледѣліемъ же занималось 7,9% т. е. 1,257,029 человекъ. Изъ 15,309,090 десятинъ земли, составляющихъ, приблизительно, поверхность Англіи и Валиса, обработанной было 10,454,109 дес. Необработанной, но способной къ воздѣлыванію . . . 1,421,450 „

Итого . . 11,875,659 дес.

Такимъ образомъ мы видимъ, что 518,787 поземельныхъ владѣльцевъ занимаются сельскимъ хозяйствомъ, каждый на пространствѣ 25 десятинъ. Въ Бельгіи, считающей болѣе 8,000 человекъ на одной квадратной милѣ, и отпускающей, въ нѣкоторые годы, скоть и хлѣбъ за границу, считается, на пространствѣ 25 квадрат. десятинъ земли, 7 работниковъ; такимъ образомъ выходитъ, что 518,787 поземельныхъ англійскихъ участковъ потребовали бы въ этой странѣ для своего хозяйства 3,631,509 работниковъ. Выходитъ, что кромѣ лицъ, занимающихся въ настоящее время сельскимъ хозяйствомъ, нужно было бы еще 2,374,480 человекъ, или почти третью часть общаго числа фабричныхъ рабочихъ Англіи.

Если бы союзы работниковъ, имѣющіе ежегодно въ своемъ распоряженіи болѣе 6,000,000 руб. сер. дохода, употребляли только половину этой суммы на приобрѣтеніе необработанныхъ, хотя, впрочемъ, годныхъ къ хлѣбопашеству земель Англіи, и передавали ихъ, на правѣ собственности, способнымъ и лучшимъ своимъ членамъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы всякій изъ получившихъ часть земли выплачивалъ ежедневно 5% съ покупной цѣны; сверхъ того, если бы союзы работниковъ постоянно продолжали покупать земли на деньги уже возвращенныя, и всегда передавали ихъ, на вышеуказанномъ условіи, своимъ членамъ, тогда необработанное пространство Англіи, состоящее изъ 1,421,450 десят. земли (считая покупную цѣну $2\frac{3}{4}$

десять въ 300 р. сер.), перешло бы въ руки рабочаго класса въ продолженіе $60\frac{1}{3}$ лѣтъ.

§ 44.

Критическій разборъ нападеній на частную собственность.

Мы уже видѣли, что нападенія социалистовъ на частную собственность были двоякаго рода. Они частью направлены противъ юридическихъ и философскихъ основаній собственности; частью же — противъ зла, которое произошло для человѣчества изъ этого учрежденія.

Тѣ и другія нападенія оказываются совершенно несостоятельными къ ниспроверженію начала частной собственности.

Соціалисты выводятъ начало общей собственности изъ понятія объ общемъ для всѣхъ достояніи свободы. Изъ общей для всѣхъ потребности въ имуществѣ, какъ въ средствѣ для умственнаго развитія людей, они выводятъ общее право всѣхъ на обладаніе имуществомъ; и наконецъ, изъ права, которое имѣетъ каждый человѣкъ на произведеніе своего труда, они выводятъ право собственности для рабочихъ классовъ и неправомѣрность права собственности въ рукахъ нетрудящихся. Но изъ всѣхъ этихъ доводовъ вытекаетъ именно противное. Если даже мы и согласимся съ тѣмъ, что свобода, умственное развитіе и трудъ даютъ каждому лицу право на частную собственность, то изъ отсутствія собственности у многихъ лицъ вовсе не вытекаетъ еще необходимости уничтоженія самой собственности, напротивъ того, исходитъ только необходимость ея распространенія между всѣми. Изъ самыхъ доводовъ противъ частной собственности должно заключить, что съ возникновеніемъ ея человѣчество сдѣлало огромный шагъ впередъ на пути своего развитія, хотя бы окончательная цѣль не была еще достигнута. И такъ отсюда слѣдуетъ никакъ не отрицаніе всей предъидущей исторіи общества, а, напротивъ того, необходимость ея продолженія, не безправіе, а правомѣрность частной собственности.

Еще менѣе возможно доказать несправедливость собственности, на основаніи вреда, который она причиняетъ обществу.

Собственности приписываются всѣ несчастія, отъ которыхъ терпитъ неимущій классъ общества, хотя еще гораздо ранѣе ея установленія бѣдность и злополучіе были общимъ удѣломъ всего человѣчества. Только личная рабочая сила, развившись вмѣстѣ съ частною собственностію, объявила войну скупости природы, и положила конецъ всеобщей человѣческой нищетѣ. Излишекъ дохода, доставляемаго трудомъ, сравнительно съ потребленіемъ, положилъ начало образованію капитала

и возрастанію производительныхъ силъ человѣка и благосостоянія общества.

Соціалисты говорятъ, что собственность была причиною всеобщаго упадка нравственности, тѣмъ не менѣе, раньше ея установленія, грубость и недостатокъ нравственнаго развитія были характеристическими чертами всего человѣчества. Собственность возродила въ человѣкѣ глубокую и теплую привязанность къ предметамъ его дѣятельности, къ почвѣ, на которой онъ трудится, и наконецъ любовь къ мѣсту своего рожденія, что, въ свою очередь, возбудило въ немъ тѣ чувства и тѣ нравственныя проявленія, которыя совмѣщаются въ понятіи любви къ родинѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, собственность служитъ основаніемъ для семейства, этого нравственнаго начала въ каждомъ общественномъ бытѣ. Безъ нея нѣтъ ни хозяйства, ни домашняго очага, съ которыми только и можетъ развиваться призваніе женщины; безъ нея не можетъ быть ни нравственнаго семейнаго духа, ни воспитанія дѣтей, ни передачи отъ одного поколѣнія другому, какъ наслѣдія, даровъ высокаго нравственнаго развитія человѣчества.

Наконецъ, соціалисты говорятъ, что частная собственность уничтожила равенство между людьми, установивъ вмѣсто него господство собственниковъ и зависимость немущихъ классовъ. Но равенство людей, до установленія частной собственности, исключительно состояло въ равенствѣ нищеты, въ невѣжествѣ и въ животномъ состояніи людей. Только со времени упроченія собственности сдѣлалось возможнымъ для энергіи отдѣльнаго лица выйти изъ подобнаго первобытнаго положенія, и достигнуть своего высокаго нравственнаго назначенія. вмѣстѣ съ языкомъ, собственность послужила сильнѣйшимъ двигателемъ развитія человѣческаго духа. Индивидуальный міръ понятій осуществляется въ ней фактическимъ образомъ, на подобіе того, какъ въ разговорѣ онъ выражается словомъ. Посредствомъ ея содѣйствія приходятъ въ взаимное соприкосновеніе и обмѣнъ дѣятельности отдѣльныхъ личностей, такъ что исторія развитія частной собственности въ народѣ, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и исторіею его дѣяній. Въ странахъ, необладающихъ этимъ орудіемъ для подобнаго рода отношеній, существуетъ или грубое, чувственное проявленіе силы, или однообразное, механическое, монашеское образованіе; но въ нихъ не можетъ быть ни нравственнаго развитія, ни усовершенствованія отдѣльныхъ личностей, которыя, посредствомъ мысли и дѣйствія, посѣваютъ въ пассивной массѣ народа зародышъ будущей цивилизаціи общества. Человѣческое общество, неимѣющее собственности, превратилось бы въ безжизненную, однообразную толпу, неимѣющую индивидуальныхъ разно-

сторонностей; значитъ, оно оставалось бы безъ цивилизаціи и безъ развитія ⁽¹⁾.

§ 45.

Продолженіе.

Если бы мы захотѣли ставить въ упрекъ исторически даннымъ обстоятельствамъ неравенство въ распредѣленіи собственности, и потребовали отъ настоящаго времени такого передѣла въ имуществахъ, при которомъ каждое лицо получило бы свою часть, сообразно своимъ способностямъ, то этимъ самымъ воззрѣніемъ мы извратили бы ходъ всей исторіи и всего общественнаго развитія; сдѣлали бы изъ окончательнаго результата цивилизаціи его точку отправленія, и наконецъ вообразили бы, помощью отвлеченныхъ теорій, разрѣшить такую задачу, для которой работаль весь человѣческій родъ, начавъ свое развитіе полнѣйшимъ отсутствіемъ собственности, и вмѣстѣ съ тѣмъ всякаго сознанія. Хотя мы и не имѣемъ подробной исторіи раздѣленія собственности, и вѣроятно никогда не будемъ въ состояніи ее имѣть, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя обстоятельства этого вопроса, почерпнутыя нами изъ минувшихъ временъ, вполне достаточны для того, чтобы представить каждому безпристрастному наблюдателю утѣшительное доказательство тому, что въ настоящее время вмѣстѣ съ быстро идущимъ и широко распространяющимся образованіемъ человѣчества, также вмѣстѣ съ разнообразными и національными формами, принятыми собственностью, и наконецъ, не смотря на нѣкоторыя частныя злоупотребленія, равноправность каждой личности къ приобрѣтенію собственности болѣе и болѣе распространяется, фактическія отношенія имуществъ дѣлаются болѣе и болѣе благопріятными, для всеобщаго благосостоянія, и владѣющіе классы постоянно возрастаютъ сравнительно съ невладѣющими, численность которыхъ постоянно уменьшается.

Извѣстно, что въ періодъ древне-азіатскаго деспотизма, единственнымъ собственникомъ и землевладѣльцемъ былъ глава и господинъ государства. Въ Греціи около трехъ четвертей населенія состояло изъ лицъ совершенно безправныхъ, которыя были сами предметомъ собственности, т. е. продавались и покупались на подобіе товара. Въ Коринфѣ

⁽¹⁾ Сравни, между прочимъ, краснорѣчивую защиту собственности, сдѣланную Прудономъ, этимъ извѣстнымъ порицателемъ имущества, въ его сочиненіи: „Philosophie de la misère“ томъ II, глава II, § 2, гдѣ онъ говоритъ противъ нападеній, дѣлаемыхъ коммунистами.

на пространствѣ 8 квадр. миль, жило 460,000 рабовъ; въ Эгинѣ, на 1 квадр. милѣ, жило 470,000 рабовъ. Атика, одно изъ самыхъ образованныхъ государствъ древняго міра, на основаніи расчета *Бёка* (1), имѣла на пространствѣ 40 кв. миль, при общемъ населеніи въ 500,000 человѣкъ, 365,000 или 73⁰/₀ рабовъ. Остальное населеніе ея состояло изъ 45,000 душъ, принадлежавшихъ оборонительнымъ союзамъ и изъ 90,000 гражданъ; изъ послѣднихъ, въ самый цвѣтушій періодъ, т. е. когда поземельная собственность была распределена самымъ равномернымъ образомъ, ³/₄ (или 13,5⁰/₀ всего народонаселенія) владѣли землею (2)! Позже этой эпохи, въ Аѣинахъ, также какъ и во всѣхъ государствахъ классической древности, поземельная собственность сосредоточивалась постепенно въ меньшемъ числѣ рукъ. Неравенство состояній и бездна, отдѣлявшая богатыхъ отъ бѣдныхъ, увеличивались тѣмъ болѣе, что тогдашнее свободное населеніе страны жило исключительно на счетъ своего имущества, а не своего труда. Аѣинскій банкиръ Пасіонъ обладалъ поземельною собственностью въ 20 талантовъ, т. е. въ 37,600 р. сер.; кромѣ того, онъ имѣлъ мастерскую вывѣсокъ, въ которой работали рабы, что приносило ему ежегодно дохода еще 1 талантъ (1,380 р. сер.), и наконецъ, онъ имѣлъ 50 талантовъ, т. е. 69,000 р. сер. капитала, розданнаго въ ссуды. Одни дома его приносили ему ежегодно 30 минъ (680 р. сер.), а его банкирскій оборотъ давалъ ему ежегоднаго дохода 100 минъ, т. е. 2,300 р. сер. (3). Если мы пожелаемъ сравнить тогдашнюю вещественную цѣнность этихъ денежныхъ суммъ съ нынѣшней въ Германіи, то мы должны, по крайней мѣрѣ, ее утроить, на томъ основаніи, что жизненные продукты стоили въ ту эпоху едва третью часть нынѣшней ихъ цѣны (4). Бёкъ указываетъ намъ на множество богатыхъ аѣинскихъ семействъ, имущество которыхъ состояло изъ 100, 150, 200 и даже 600 талантовъ (5). Вмѣстѣ съ тѣмъ, писатель этотъ оцѣняетъ всю сумму народнаго имущества Аѣинскаго государства въ 20,000 талантовъ, или въ 27,600,000 р. сер. (6). Если мы обратимъ наше вниманіе на то, что греческіе ростовщики брали на свой капиталъ 12⁰/₀, и часто даже 30⁰/₀, но что, напротивъ того, задѣльная плата свободныхъ Грековъ, вслѣдствіе соперничества ихъ съ работою рабовъ,

(1) Die Staatshaushaltung der Athener, часть I, стр. 40.

(2) По сверженіи совѣта тридцати мужей, 5,000 гражданъ не имѣли земли. См. три Бёка т. II, 20.

(3) Бёкъ, т. II, стр. 12.

(4) Онъ же, I, 84 и слѣд.

(5) Онъ же, II, 13.

(6) Онъ же, II, 23 и слѣд.

была низка, то мы легко можемъ убѣдиться въ чрезвычайномъ неравенствѣ имуществъ и доходовъ въ Атикѣ. Когда Антипатръ лишилъ, въ 320 г. до Р. Хр., полного права гражданства всѣхъ тѣхъ Аѳинянъ, которые не имѣли у себя собственности на 460 р. сер., то эта участь постигла 12,000 человѣкъ; такимъ образомъ выходитъ, что 9,000 свободныхъ людей, т. е. $\frac{3}{7}$, или 7,7⁰/₁₀ общаго населенія страны обладали только предписаннымъ количествомъ имущества (7).

Въ Римской имперіи, по указаніямъ Гиббона, число рабовъ составляло половину всего населенія; такъ что во время царствованія Августа встрѣчались примѣры, что иные изъ Римлянъ владѣли 4,000 рабами. Въ эпоху перехода республиканскаго образа правленія въ монархическое, столица этого государства имѣла у себя, кромѣ 50,000 перегриновъ, около 1 милліона рабовъ и 1,250,000 человѣкъ свободныхъ plebs urbana; послѣдніе были до того бѣдны, что со времени Юлія Цезаря половина ихъ, т. е. 640,000 человѣкъ, были нищими, содержавшимися на счетъ правительства, которое ежедневно, правильнымъ образомъ, выдавало имъ необходимыя средства продовольствія. Все римское богатство было въ рукахъ сенаторовъ и воиновъ, составлявшихъ около 10,000 человѣкъ. Сюда же принадлежатъ богатые землевладѣльцы, обладатели высокихъ, служебныхъ мѣстъ, откупщики податнаго сбора и банкиры (8).

Въ то время, какъ 40⁰/₁₀ населенія Рима состояло изъ рабовъ, и 29⁰/₁₀ изъ нищихъ, богатый классъ обывателей-собственниковъ не составлялъ и половины процента общаго населенія этого города. При послѣдующихъ государяхъ подобное положеніе ухудшилось не только въ Римѣ, но и во всей Италиі, такимъ образомъ, что вся поземельная собственность перешла, мало по малу въ руки немногихъ владѣльцевъ, и Плиній могъ, по справедливости, сказать и *Latifundia perdidere Italiam*.

Въ періодъ среднихъ вѣковъ число рабовъ было гораздо меньшее, сравнительно съ древностью; тѣмъ не менѣе поземельная собственность, составлявшая единственное богатство народа, наследовалась только въ немногихъ семействахъ; большая же часть населенія, частію несвободнаго, частію же полусвободнаго, томилась подъ тяжестью десятинъ, барщинной работы и другихъ повинностей. На основаніи статистическихъ данныхъ Англій,

(7) Бѣкъ т. II, стр. 20.

(8) См. К. Хѣка: *Römische Geschichte vom Verfall der Republik bis zur Vollendung der Monarchie unter Constantin*. Часть I, гл. 2. Брауншвейгъ 1843, стр. 131 и слѣд.

извѣстныхъ подъ названіемъ «domesdaybook», которая была составлена по приказанію Вильгельма Завоевателя, во второй половинѣ XI вѣка, число отцевъ семействъ этой страны было около 300,000. Изъ этого числа только 1,400 человѣкъ были непосредственными вассалами короля и свободными поземельными собственниками; низшихъ же вассальныхъ людей было 8,000 человѣкъ; и такимъ образомъ, что число лицъ, считавшихся въ то время поземельными собственниками, составляло $3,3\frac{0}{4}$ общаго населенія страны. Полусвободныхъ и обязанныхъ крестьянъ было 23,072 человѣка, т. е. $7,6\frac{0}{10}$; крѣпостныхъ же, напротивъ того, было болѣе 200,000, рабовъ 25,000 человѣкъ⁽⁹⁾. И такъ выходитъ, что несвободные и неимущіе люди⁽¹⁰⁾ составляли около $\frac{3}{4}$ общаго населенія. Мы не имѣемъ точныхъ статистическихъ данныхъ объ отношеніяхъ собственности въ другихъ странахъ, въ періодъ среднихъ вѣковъ, но ничто не можетъ оправдать предположенія о томъ, что въ другихъ странахъ обстоятельства могли быть лучше.

Современныя отношенія Европы сложились совершенно другимъ образомъ. Здѣсь нѣтъ ни рабовъ, ни крѣпостныхъ, ни барщинской работы, ни запрещенія права вѣзда. Каждый человѣкъ—господинъ своей личности, и имѣетъ право на собственность. Монополія на имущество и на трудъ уничтожились, и, совмѣстно съ недвижимою собственностью, создалась въ каждомъ народѣ еще громадная движимая собственность, въ которой могли принять участіе всѣ способные рабочіе классы общества.

Въ Великобританіи, не смотря на ненормальное распредѣленіе поземельной собственности, число собственниковъ, получающихъ, кромѣ задѣльной платы, поземельную ренту, или проценты на капиталъ, можно положить самое меньшее, въ половину общаго количества народонаселенія⁽¹¹⁾.

⁽⁹⁾ И. М. Ланненбергъ: Geschichte von England, част. II, стр. 146 и слѣд.

⁽¹⁰⁾ Если мы сообразимъ, что бѣльшая часть крѣпостныхъ людей имѣла нѣкоторое имущественное право на ту часть земли, которую они обрабатывали для своего владѣльца, то мы должны согласиться съ тѣмъ, что пользованіе этою собственностью исключительно замѣняло собой задѣльную плату.

⁽¹¹⁾ Въ 3,303,504 семействахъ, жившихъ въ 1831 году въ Британіи, было:

316,487	собственниковъ, живущихъ рентою.
250,000	сельскихъ хозяевъ.
230,000	художниковъ, архитекторовъ и прочее.
350,000	купцовъ (shopkeepers).
360,000	ремесленниковъ.
90,000	духовныхъ, юристовъ, врачей.

Такимъ образомъ 1,596,487 семействъ, или $48\frac{0}{100}$ общаго населенія Англій, принадлежатъ къ такимъ классамъ, которые, по всей вѣроятности, владѣютъ собственностью,

Во Франціи число поземельныхъ собственниковъ составляетъ болѣе чѣмъ половину общаго ея населенія, ибо въ странѣ этой 5,446,763 семейства владѣютъ землею ⁽¹²⁾. Пруссія, за исключеніемъ округовъ Бромберга, Штральзунда и Оппельна, для которыхъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, имѣетъ 1,020,506 поземельныхъ участковъ собственности ⁽¹³⁾; общее же населеніе этой страны, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ трехъ округовъ, составляло, въ 1837 году, 12,749,176 душъ.

Если мы положимъ, что каждое семейство состоитъ изъ 4 душъ, то къ разряду поземельныхъ собственниковъ принадлежатъ 4,082,024 души, т. е. почти около одной трети населенія страны. Въ герцогствѣ *Нассаускомъ*, имѣвшемъ въ 1830 г. 85,560 семействъ, обработанная почва была распредѣлена между 38,746 самостоятельными, поземельными собственниками ⁽¹⁴⁾; такимъ образомъ выходитъ, что, независимо домовладѣльцевъ, живущихъ по городамъ, 45⁰/₀ изъ всего числа семействъ обладаютъ поземельною собственностію. Въ *Ганноверъ*, при общемъ населеніи въ 1,688,285 душъ (1836 г.), за исключеніемъ правительственныхъ и рыцарскихъ имуществъ, также корпорацій, считается 265,629 поземельныхъ собственниковъ ⁽¹⁵⁾; выходитъ (полагая

приносящую ренту. Здѣсь не упомянуты фабриканты и моряки; наконецъ, отчеты сберегательныхъ банковъ доказываютъ намъ, что между рабочимъ классомъ Англій есть очень много такихъ лицъ, которыя скопили себѣ маленькій капиталъ. Въ Англій и въ Валисѣ, въ 1843 году, было 460 сберегательныхъ кассъ, въ которыхъ 772,620 человекъ вложили капиталъ въ 133,634,142 р. сер.; такъ что, среднимъ числомъ, на каждое лице приходится 174 р. сер. Изъ этого числа 2,857 человекъ имѣли въ кассѣ 4,080,186 р. сер., т. е. на каждого изъ нихъ приходилось болѣе чѣмъ 1,200 р. сер., а 47,676 человекъ имѣли 39,743,490 р. сер., т. е. на каждого изъ нихъ приходилось отъ 600 до 1,200 р. сер. Смотри: *Tables of the revenue, population, commerce, etc. of the United Kingdom.* Часть XIII. Отдѣл. А. Лондонъ 1845 стр. 12.

⁽¹²⁾ *Mounier*, De l'agriculture en France, Парижъ 1846. Сравни *А. Шнеера*, въ *Архивѣ Рау*. Новый выпускъ, часть III, 1845, стр. 28 и слѣд. и *Раускомъ* учебникъ полит. экономіи II, 3 изд., стр. 147 и слѣд. Для насъ совершенно все равно, если большая часть поземельныхъ собственниковъ Франціи получаетъ со своего имущества небольшой доходъ; во всякомъ случаѣ это не есть простые работники, напротивъ того, они получаютъ, кромѣ задѣльной платы, еще нѣкоторую поземельную ренту.

⁽¹³⁾ Именно: 10,703 рыцарскихъ имѣній.

489,829 крестьянскихъ владѣній.

519,974 небольшихъ поземельныхъ имуществъ.

Смотри *Шнеера*, стр. 50 и слѣд.

⁽¹⁴⁾ Смотри: *Staatshandbuch des Herzogthums Nassau für das Jahr 1832—33.* Висбаденъ 1832, стр. 15 и слѣд.

⁽¹⁵⁾ Смотри: *Ф. Редена*, *Das Königreich Hannover statistisch beschrieben.* Ганноверъ 1839 г., часть I, стр. 22.

по 4 души на каждое семейство) 62% изъ общей цифры населенія. *Бельгія*, при населеніи въ 3,992,240 душъ (1839 г.), имѣеть въ городахъ и въ деревняхъ 945,659 поземельныхъ собственниковъ ⁽¹⁶⁾, т. е. (полагая опять по 4 души на каждое семейство) 94,8% изъ общей цифры населенія.

Само собою разумѣется, что собственность, также какъ и всякое достояніе и средства, служащія для образованія человѣчества, можетъ быть употреблена какъ съ пользою, такъ и со вредомъ. Подобно тому какъ семейство можетъ служить средствомъ для возрожденія пороковъ, слово — для лжи, свобода — для братоубійства, такъ же точно и собственность можетъ быть злоупотреблена на дѣло умственной и нравственной порчи, для праздности и для порочности собственниковъ, наконецъ можетъ служить орудіемъ притѣсненія другихъ, и средствомъ уничтоженія общественнаго благосостоянія. Нельзя не признать того, что римскія юридическія понятія о собственности много способствовали злоупотребленію его; тѣмъ не менѣе, подобнаго рода злоупотребленія не могутъ уничтожить ни нравственнаго призванія собственности, ни соціальной ея необходимости. Съ будущими успѣхами какъ образованія, такъ и общественной нравственности, частная собственность вступитъ въ тѣсную связь съ нравственными цѣлями общественной жизни, также будетъ болѣе и болѣе признаваться за часть общественнаго достоянія, врученнаго собственникамъ, какъ средство ихъ нравственнаго и умственнаго образованія; тѣмъ самымъ собственность и достигнетъ истиннаго своего назначенія.

§ 46.

Критическій разборъ нападокъ на торговлю.

Доводы, приведенные нами противъ нападокъ социалистовъ на собственность, могутъ быть примѣнены также и къ нападкамъ ихъ на торговлю. Торговля, сама по себѣ, не есть еще признакъ упадка нравственности; тѣмъ не менѣе это, конечно, среда, въ которой развивается человѣческой эгоизмъ. Среди всѣхъ условій, въ которыхъ живетъ человѣчество, торговля есть одно изъ необходимѣйшихъ, и служить могучимъ двигателемъ для цивилизаціи, потому что она совершаетъ обмѣнъ различныхъ произведеній труда, для взаимнаго удовлетворенія различныхъ потребностей. Сверхъ того, это есть такой

⁽¹⁶⁾ 945,659 собственниковъ при 6,576,459 участкахъ. Смотри *X. Хейшлина: Essai sur la statistique générale de la Belgique. Изд. II. Брюссель 1841, стр. 75.*

процессъ, помощью котораго не только отдѣльныя лица, но и самыя народы поддерживаютъ другъ друга въ дѣлѣ своего развитія, изощреніемъ своихъ разнообразныхъ способностей и силъ. Но торговля, точно также какъ и собственность, можетъ имѣть какъ нравственныя, такъ и безнравственныя послѣдствія. Соціалисты рисуютъ намъ только одну вторую ея сторону, понимая подъ торговлю лихоимство, наживающееся на счетъ нужды и несчастія другихъ; сверхъ того, они видятъ въ торговлѣ только эгоизмъ, на сколько онъ здѣсь проявляется. Злоупотребленіе довѣріемъ; утайка дѣйствительныхъ качествъ товара; наконецъ, стремленіе извлечь личную для себя выгоду, воспользовавшись невѣжествомъ другихъ,—все это еще не составляетъ необходимыхъ условій торговли; напротивъ того, все это обнаруживаетъ ту же самую корыстную жадность, которая существовала и прежде развитія торговли, и которая именно умѣряется ея успѣхами. Тотъ, кто хочетъ убѣдиться въ такомъ нравственномъ вліяніи всѣхъ усовершенствованій торговли, въ ея историческомъ ходѣ, тотъ долженъ сравнить торговые обороты аѳинскихъ банкировъ, постоянно бравшихъ за свои капиталы 36%, (въ три раза болѣе указнаго процента) ⁽¹⁾, также обороты германскихъ банкировъ, въ періодъ реформаціи, бравшихъ за каждую четверть года 5%, т. е. въ годъ 20% ⁽²⁾, съ нынѣшними шотландскими банками, которые открываютъ кредитъ, сообразно нуждамъ ремесленниковъ, единственно на основаніи довѣрія своего къ ихъ доброй славѣ, безъ всякаго вещественнаго залога, и безъ обезпеченія со стороны правительства; и при этомъ они берутъ ростъ не выше ходячаго процента. Шотландскіе банки болѣе всего полагаются на общественную нравственность, также на взаимное и чисто личное довѣріе свое, что не имѣетъ себѣ ничего подобнаго въ исторіи, и что уничтожаетъ всякую клевету на возрастающую порочность торговли.

Что же касается до экономическаго вреда, причиняемаго торговлею и осуждаемаго соціалистами, то мысль о такомъ вредѣ происходитъ вслѣдствіе односторонняго, пристрастнаго взгляда ихъ на жизнь, возведшаго опять отдѣльныя злоупотребленія въ общій законъ. Соціалисты говорятъ, что торговля занимаетъ собой множество ненужныхъ посредниковъ, которые сами ничего не производя, а только потребляя, возвышаютъ цѣну произведеній. Напротивъ того, истинная торговля занимаетъ собой множество весьма производительныхъ лицъ, чрезъ посредство

(1) Смотри Бѣка—I, стр. 135 и слѣд.

(2) Смотри *Волманга Кауфмана: Wider den verfluchten Wucher. Ейслебенъ. 1565.*—4. въ предисловіи.

которыхъ распредѣляются произведенія, уравнивается ихъ излишекъ и недостатокъ, и, наконецъ, удешевляется цѣна товаровъ для потребителей.

Соціалисты утверждаютъ, что производительныя ремесла, вслѣдствіе торговли, утрачиваютъ много рабочихъ силъ. Напротивъ того, всѣ ремесла выигрываютъ помощью торговли, ибо купецъ беретъ на себя исполненіе такого труда, который пришлось бы исполнять лично каждому потребителю, съ гораздо большею потерю времени.

Наконецъ, они говорятъ, что торговля властвуетъ надъ производствомъ и потребленіемъ. Напротивъ того и гораздо скорѣе, она находится въ зависимости отъ производства и потребленія, и въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ этими общими отраслями экономической дѣятельности. Она распредѣляетъ то, что сама получаетъ отъ производства, и передаетъ произведенія тѣмъ потребителямъ, которые въ нихъ нуждаются.

Тамъ, гдѣ торговля исключительно господствуетъ надъ рынкомъ, т. е. гдѣ она принуждаетъ мелкихъ производителей продавать за безцѣнокъ и потребителей покупать выше надлежащей цѣны, тамъ состояніе торговли не нормально, т. е. это уже не есть торговля, а исключительно барышничество (*). Подобныя порожденія торговли, какъ захватъ, биржевая игра и т. п., безъ всякаго сомнѣнія, не могутъ быть оправданы интересами народнаго хозяйства и мы сожалѣемъ о томъ, что исключительно эгоистическія основанія, данныя торговлѣ въ ученіи Смита, какъ будто узаконяются въ торговлѣ, но всѣ злоупотребленія торговли существуютъ не со вчерашняго дня; они нисколько не могутъ предать осужденію честную дѣятельность купца и ниспровергнуть народно-экономическую производительность его труда. Изъ злоупотребленій, встрѣчающихся въ торговлѣ, вовсе не слѣдуетъ еще необходимость ея уничтоженія; напротивъ того, видна необходимость ея постепеннаго облагораживанія.

§ 47.

Критическій разборъ нападокъ соціалистовъ на деньги.

Нападки соціалистовъ на деньги также неосновательны; необходимость ихъ, какъ мѣрилы цѣнности, или какъ орудія мѣны, также очевидна, какъ и необходимость собственности и торговли. Разумѣется, со времени введенія денегъ, злоупотребленія собственностью, также злостяжаніе и жадность исключительно сосредоточились на деньгахъ,—

(*) Нашъ народный языкъ очень хорошо различаетъ *купцовъ* и *барышниковъ*.—В. Б.

какъ представителей всѣхъ вещественныхъ благъ; тѣмъ не менѣе, зло вовсе не было вызвано употребленіемъ денегъ. Коммунисты смѣшиваютъ орудіе, служащее для совершенія зла съ причиною, производящею зло. Уничтоженіемъ денегъ, также какъ и уничтоженіемъ собственности и торговли, вовсе не достиглось бы искорененіе самаго зла, хотя, конечно, уменьшились бы случаи его совершенія, т. е. однимъ видомъ проявленія корыстолюбія было бы меньше, хотя нравственный духъ человѣчества, отъ того нисколько не могъ бы уллучиться. Случай былъ бы совершенно подобенъ тому, если бы захотѣли лишить человѣка свободы на томъ основаніи, что онъ можетъ употреблять ее во зло.

Коммунисты утверждаютъ, что деньги даютъ будто бы возможность распорядителю работъ налагать на работника большее количество труда, нежели въ прежнее время могъ это сдѣлать господинъ, относительно своего раба. Но эта мысль можетъ быть ослаблена уже тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что деньги создаютъ для работника возможность ежеминутно покинуть своего распорядителя работъ, возможность, которой не имѣлъ рабъ, и потому хозяину промысла постоянно угрожаетъ опасность лишиться всѣхъ своихъ рабочихъ, при безчеловѣчномъ съ ними обращеніи, или даже погибнуть вслѣдствіе соперничества съ другими производителями, обращающимися лучше со своими рабочими. Сверхъ всего этого, возможность обремененія свободныхъ работниковъ трудомъ болѣе жестокимъ, чѣмъ невольничій трудъ, во всякомъ случаѣ могла бы произойти лишь тогда, когда хозяинъ чистѣйшій эгоистъ, неимѣющій въ общественномъ благосостояніи никакого интереса, и до того близорукій, что не видитъ тяжести общественнаго призрѣнія бѣдныхъ, которая чрезъ его притѣсненія постепенно отзовется на немъ самомъ.

Коммунисты, полагая, что деньги были причиною борьбы между капиталомъ и трудомъ, и что капиталъ богатыхъ классовъ былъ первоначальною и законною собственностью рабочихъ классовъ, — возводятъ нѣкоторые отдѣльные и исключительные случаи въ исторіи развитія капитала во всеобщій законъ, и чрезъ это доказываютъ свое полное незнаніе истинныхъ и необходимыхъ, и гораздо болѣе глубокихъ причинъ происхожденія капитала въ обществѣ. Они полагаютъ, что капиталисты суть ничто иное, какъ невѣжественные, порочные люди, или биржевые игроки, живущіе исключительно на счетъ другихъ, и не оказавшіе никакихъ заслугъ своимъ современникамъ; они не видятъ, что все различіе между хозяиномъ промышленнаго предпріятія и поденщикомъ, между фабрикантомъ и фабричнымъ работникомъ, есть не только необходимое послѣдствіе естественныхъ различій въ личныхъ рабочихъ силахъ людей и преимущественно различіе между физическимъ и

умственнымъ трудомъ, но и неизбѣжный двигатель въ дѣлѣ экономическаго развитія народовъ; наконецъ, они какъ будто не знаютъ, что различіе это уже существовало давно, хотя въ иныхъ видахъ, гораздо прежде введенія денегъ въ среду естественнаго хозяйства.

Убѣжденія коммунистовъ сложились вслѣдствіе чисто матерьяльнаго взгляда ихъ на производство, къ чему, впрочемъ, ученіе Смитовой школы дало нѣкоторый поводъ. Они видятъ въ каждомъ произведеніи исключительный результатъ физическаго труда, почему и не дѣлаютъ никакого другаго различія между фабрикантомъ и работниками, кромѣ того, что первый изъ нихъ обладаетъ капиталомъ, а второй — не обладаетъ, что первый изъ нихъ не работаетъ, а второй — работаетъ. Но каждое промышленное произведеніе не есть только простой результатъ силъ труда, природы и капитала; а, что гораздо важнѣе, оно есть также осуществленіе человѣческой мысли, и, прежде всякаго производства, оно должно уже находиться какъ законченное созданіе духа въ головѣ чловѣка, предпринявшаго производство и имъ распоряжающагося. Видимому производству предшествуетъ постоянно невидимое, духовное, безъ котораго первое невозможно. Чѣмъ сложнѣе произведеніе и процессъ самаго производства, тѣмъ болѣе требуется нравственныхъ усилій, и тѣмъ необходимѣе, чтобы нравственные творцы произведенія были возможно болѣе освобождены отъ матерьяльнаго труда. Вслѣдствіе естественнаго неравенства человѣческихъ силъ и способностей происходитъ раздѣленіе занятій между умственными и механическими производителями, и первые изъ нихъ имѣютъ такое же законное право на вознагражденіе за невещественный свой трудъ, какъ послѣдніе за свою матерьяльную работу. Подобно тому, какъ надъ бороздой, проводимой плугомъ пахаря, преобладаетъ духъ сельскаго хозяина, который изучилъ необходимые способы обработки почвы и умѣетъ примѣнить силы природы къ извѣстнымъ цѣлямъ производства, точно такъ же и надъ толпою фабричныхъ работниковъ, строящихъ машину, царствуетъ духъ того, кто изучилъ дѣйствіе машинъ, ихъ практическую необходимость и знаетъ тѣ естественные законы, которые должны быть примѣнены къ дѣлу ихъ техническаго сооруженія. Намъ можетъ казаться, что одни только работники строятъ машины; однако тотъ, кто ихъ дѣйствительно производитъ и кто оказываетъ бѣльшую услугу обществу и имѣетъ право на высшее вознагражденіе, именно и есть хозяинъ или распорядитель работъ, направляющій усилія работниковъ къ предназначенной цѣли (1).

(1) Если мы исторически прослѣдимъ отдѣльныя, большія отрасли промышленности и дойдемъ до ихъ исходной точки, то непременно придемъ къ отдѣльнымъ

Въ ремеслахъ, требующихъ меньшаго искусства, мы видимъ новую заслугу предпринимателей или капиталистовъ, заслугу, имѣющую огромное значеніе въ исторіи общественной экономіи, и именно то, что они соединили разсѣянныя силы рабочихъ для одной, общей цѣли производства. Намъ извѣстно, что отдѣльно взягый работникъ, будучи уединенъ, производитъ самую незначительную часть того, что онъ могъ бы сдѣлать, будучи членомъ большаго организованнаго производства; и уже А. Смитъ указалъ намъ въ своемъ знаменитомъ примѣрѣ игольной фабрики, что отдѣльный работникъ можетъ приготовить ежедневно, самое большее, 20 иголокъ, тогда какъ въ товариществѣ съ другими работниками, вслѣдствіе раздѣленія занятій, онъ производитъ 4,800. Хозяинъ производства, вслѣдствіе новой организаціи рабочихъ силъ, основанной на раздѣленіи занятій, внесъ новую мысль въ экономію общества, чѣмъ и доказываетъ намъ торжество человеческого разума. Онъ составляетъ необходимую, посредствующую связь въ дѣлѣ развитія производства и разрѣшаетъ экономическую задачу, указавъ работникамъ безконечное превосходство товарищества, и воспитавъ въ нихъ, мало по малу, духъ взаимнаго соединенія ихъ для достиженія общественной цѣли труда. За подобную услугу, онъ получаетъ прибыль и имѣетъ на нее полное право, ибо эта прибыль произошла не отъ труда отдѣльныхъ работниковъ, а вслѣдствіе соединенія ихъ въ одно цѣлое, что и было осуществлено лишь подъ руководствомъ предпринимателя производства (*).

личностямъ, или семействамъ, отличившимся своими талантами, рѣдкою силою воли и патріотическими доблестями. Я припоминаю, при этомъ случаѣ, имена Аркврайта, Кокерилля и Тернаухса, также на происхожденіе англійскихъ зеркальныхъ фабрикъ.

(*) Весь тотъ умственный элементъ производства, на который указываетъ авторъ въ настоящемъ параграфѣ и представителемъ котораго является хозяинъ промышленнаго предпріятія или предприниматель, ни мало не былъ упущенъ изъ виду экономической наукою, не только въ лицѣ нынѣшнихъ ея представителей, но и прежнихъ. Нѣкоторые, и теперь весьма многочисленные, писатели даютъ даже этому элементу особое мѣсто въ наукѣ, подъ названіемъ нематерьяльнаго или нравственнаго капитала. Англійскіе экономисты вообще не признаютъ *цѣнностей* нематерьяльныхъ и потому упрекъ, сдѣланный авторомъ школѣ Смита, въ этомъ отношеніи отчасти можетъ быть оправданъ. Другіе писатели (въ особенности Бастіа) даже не дѣлаютъ никакого различія между матерьяльными и нематерьяльными произведеніями, прямо называя всякое произведеніе труда цѣнностью или услугою. Наконецъ, къ изложенію правъ хозяина на особенное вознагражденіе, весьма вѣрно сдѣланное авторомъ, мы бы хотѣли присовокупить самыя *риски* предпріятія.—В. Б.

§ 48.

Критическій разборъ положительной стороны экономическихъ теорій социалистовъ.

Опровергнувъ нападки социалистовъ и коммунистовъ на экономическія основанія исторически-сложившагося въ обществѣ порядка, мы тѣмъ самымъ уже затронули и основу, на которой воздвигнуто ими все зданіе будущей организаціи общества. Мы должны, однако, представить въ настоящемъ свѣтѣ и этого рода попытки социалистовъ, дабы содѣйствовать разсѣянію тѣхъ коренныхъ заблужденій, въ которыя вдалились всѣ социальныя реформаторы, не смотря на чрезвычайное разнообразіе ихъ собственныхъ плановъ, и дабы убѣдиться въ истинѣ, что, идя по пути, проложенному социалистами, нельзя произвести никакой реформы, какъ въ экономической наукѣ, такъ и въ дѣйствительной жизни.

Мы не будемъ повторять здѣсь довода, приведеннаго уже Аристотелемъ противъ Платона, и именно того: что условіе счастья человѣчества опредѣляется не равномернымъ, а справедливымъ распредѣленіемъ земныхъ благъ, такъ что, даже при существованіи совершеннѣйшаго равенства на землѣ, можетъ, одинаковымъ образомъ, произойти и много и мало счастья для людей.

Мы не будемъ также повторять того, что раньше уже было сказано нѣсколько разъ, и именно: что социалисты, отправляясь отъ совершенно превратнаго пониманія психологіи, т. е. требуя для своей общины людей, совершенно чуждыхъ эгоизму, принимаютъ такую общину въ основаніе своей гипотезы, и какъ конечную цѣль развитія всякаго общества. Оба замѣчанія эти не нуждаются въ болѣе подробномъ толкованіи, хотя и могутъ быть примѣнены ко всѣмъ отдѣльнымъ отраслямъ социализма. Точно также мы не будемъ заниматься и упреками въ матерьялизмъ, сдѣланными Сталемъ, ибо такой упрекъ относится къ тѣмъ изъ социалистовъ, которые проповѣдывали по ту сторону Рейна.

Мы ограничимся только изложеніемъ слѣдующихъ трехъ положеній:

Во 1-хъ, мы докажемъ, что всѣ социальныя теоріи общественной организаціи неисполнимы.

Во 2-хъ, что исполненіе ихъ, если бы даже оно было возможно, не только не уменьшило бы общественныхъ страданій, а, напротивъ того, увеличило бы ихъ.

Во 3-хъ, что такая организація уничтожила бы всю цивилизацію человѣчества.

§ 49.

Продолженіе.

а) *Всѣ теоріи общественной организаціи социалистовъ невыполнимы.*

Неисполнимость всѣхъ соціально-экономическихъ предположеній ясно слѣдуетъ уже изъ общаго всѣмъ имъ направленія: преобразовать общественное устройство всѣхъ современныхъ народовъ, на основаніи одной общей и непреложной формы; не смотря на все разнообразіе народныхъ представленій и понятій, нравовъ и привычекъ, образованія и историческихъ преданій, качественно и количественно неравнаго обладанія силами природы, труда и капитала, и, наконецъ, разнообразнаго, общественнаго духа, зависящаго отъ всѣхъ предъидущихъ историческихъ условій. Соціалисты не признаютъ ни различія національностей, ни различныхъ ступеней цивилизаціи народовъ. Они предполагаютъ повсемѣстное присутствіе одинаковыхъ, естественныхъ и народныхъ данныхъ; также одинаковые элементы и средства, ведущіе къ цивилизаціи; вслѣдствіе чего ученіе ихъ стоитъ на той же самой космополитической почвѣ, на которой Руссо и А. Смитъ воздвигнули свои экономическія теоріи, хотя и идетъ гораздо далѣе въ тщетной борьбѣ своей противъ природы, т. е. планы социалистовъ, кромѣ того, что представляютъ собой одну общую рамку для всѣхъ человѣческихъ, житейскихъ отношеній, предписываютъ еще напередъ всѣ движенія, всю дѣятельность и всѣ отношенія отдѣльныхъ индивидуумовъ, желая подчинить всѣ эти условія единому и никогда неизмѣняющемуся началу.

Соціалисты не имѣютъ никакого понятія объ историческомъ развитіи и о естественномъ возрожденіи общественныхъ формъ. Они разрываютъ всякую историческую связь и хотятъ превратить богатую, свободную и разнообразную жизнь человѣчества въ мертвый и однообразный механизмъ. Они идутъ наперекоръ данному положенію дѣлъ, и для нихъ должна, какъ будто бы, возродиться такая новая порода людей, для которыхъ должна быть найдена, помощію изысканій разума, новая форма общественной жизни. Они желаютъ, какъ будто бы помощію магическаго жезла, вдохнуть новую жизнь въ совершенно разрушенный ими міръ, и не видятъ того, что всякая новая форма, принимаемая человѣчествомъ въ историческомъ своемъ движеніи, можетъ возродиться только помощію старыхъ элементовъ и должна получать жизненные соки для своего питанія изъ современной почвы. Даже тѣ изъ социалистовъ, которые, подобно Луи-Блану, желаютъ облегчить переходъ отъ настоящаго общественнаго порядка къ будущему, и тѣ даже социалисты

предлагають такія средства, которыя должны, мало по малу, довести біеніе пульса общественной жизни до состоянія омертвѣнія, для того, чтобы потомъ имѣть возможность принудить, помощью внѣшней силы, отдѣльныхъ членовъ бездушнаго организма къ одному, общему и однообразному, механическому движенію?

Если мы предположимъ, что вовсе не существуетъ никакого естественнаго и необходимаго разнообразія въ человѣческомъ образованіи и въ общественности, и если, сверхъ того, въ одинъ моментъ обращенія земнаго шара на своей оси, воздвигнулось бы новое механическое и искусственное зданіе, придуманное соціалистами; то и тогда, не только всѣ современные планы общиннаго хозяйства, но и тѣ изъ нихъ, которыя должны возродиться впослѣдствіи, будутъ носить въ самихъ себѣ причину своей неисполнимости. Всякое общинное хозяйство, уничтожающее частныя хозяйства, оставляетъ ли оно неприкосновеннымъ существованіе частной собственности и денегъ, или нѣтъ, также будетъ ли оно учреждено съ цѣлію установить одно общинное пріобрѣтеніе богатства, или съ цѣлію не только общиннаго пріобрѣтенія и пользованія, — все это дѣлаетъ необходимымъ присутствіе такого закона, который былъ бы въ состояніи опредѣлить отношенія дѣятельности и потребностей, не только отдѣльныхъ лицъ между собою, но и самой общины, что потребуетъ, въ свою очередь, учрежденія такой силы, которая могла бы навсегда поддержать этотъ законъ. Но какъ подобный законъ, такъ и подобная сила совершенно невозможны.

Законъ этотъ невозможенъ, ибо для него сумма трудовъ всѣхъ отдѣльныхъ лицъ должна бы быть уравновѣшена суммою всѣхъ ихъ наслажденій, и для этого необходимо было бы предугадать всѣ будущіе потребности и труды въ обществѣ; но какъ каждый человѣкъ, такъ и способности и потребности его безпрестанно измѣняются, потому даже послѣдствія уже проявившихся способностей и потребностей никакъ не могутъ быть приняты за мѣрило будущихъ отношеній. И такъ, мы видимъ, то нѣтъ никакого точнаго основанія для начертанія требуемаго закона или нормы для постояннаго равновѣсія экономическихъ интересовъ. Кромѣ того, какъ рабочія способности, дарованія и потребности отдѣльныхъ личностей вообще весьма неравномѣрны, то и всякій законъ распределенія и уравненія благъ жизни предполагаетъ необходимость существованія одного безусловнаго масштаба для всѣхъ личныхъ усилій и потребностей. Такой масштаб не только не можетъ быть отысканъ, но и рѣшительно невозможенъ, по самой своей сущности, ибо способности и потребности людей *лично* безконечно разнообразны, т. е. не только разнообразны количественно, но и качественно, и потому не

могутъ подлежать никакому объективному или внѣшнему измѣренію (т. е. чрезъ посредство другихъ людей); наконецъ, если бы существованіе подобнаго масштаба было возможно, то именно этотъ масштабъ уничтожилъ бы надобность въ общинномъ хозяйствѣ, какъ его понимаютъ соціалисты, ибо только отсутствіе подобнаго абсолютнаго мѣрила чело-вѣческихъ способностей и нуждъ и препятствуетъ осуществленію полной справедливости въ сферѣ частнаго хозяйства, а сознаніе недостатка такой безусловной справедливости и повело, въ свою очередь, къ предположеніямъ относительно общиннаго хозяйства. И такъ выходитъ, что тотъ именно вопросъ, который долженъ быть рѣшенъ общиннымъ хозяйствомъ, долженствующимъ упразднить частныя хозяйства, предполагается въ построеніяхъ соціалистовъ какъ бы уже напередъ разрѣшеннымъ (1).

Что касается силы, которая по водвореніи равенства въ экономическихъ отношеніяхъ должна его упрочить на вѣчныя времена, то ее также невозможно отыскать. Подобная сила, очевидно, должна была бы носить въ себѣ залогъ вѣчнаго превосходства предъ всѣми прочими противоположными ей силами, и она должна была бы обладать могуществомъ, превосходящимъ силу всей совокупности отдѣльныхъ лицъ, для того, чтобы не подвергнуться опасности паденія, и для того, чтобы подчинить все общество одному закону. вмѣстѣ съ тѣмъ законъ долженъ существовать въ средѣ самаго общества, т. е. въ совокупности волей всѣхъ отдѣльныхъ личностей. Существованіе такой силы предполагаетъ то условіе, что всѣ личности, по своей доброй волѣ, пожелають подчинить свою личность общественной силѣ и откажутся отъ наслажденія самостоятельнаго, личнаго существованія; подобная возможность до того сомнительна, что и не

(1) Соціалисты до сихъ поръ не приступали серьезнымъ образомъ къ открытію точнаго закона *уравненія*. Само собою разумѣется, что планы ихъ общественной организаціи совершенно ничего не выиграли вслѣдствіе столь общихъ положеній, какъ напр. слѣдующее: „*Каждому воздается по его способностямъ, а каждой способности по ея произведеніямъ*, или напр. *на каждого челоука возлагается трудъ соотвѣтственно его силамъ, и каждому предоставляется пользованіе соотвѣтственно его потребностямъ*“. Задача открытія означеннаго закона можетъ быть только обойдена, но никакъ не разрѣшена, въ томъ случаѣ, если назначеніе цѣнности всѣхъ продуктовъ будетъ возложено на публичныхъ должностныхъ лицъ. Трудно рѣшить, что понималъ Фурье и его школа подъ своимъ исчисленіемъ, что трудъ долженъ получать $\frac{5}{12}$ дохода, талантъ $\frac{4}{12}$, а капиталъ $\frac{3}{12}$. Какимъ образомъ могли бы быть измѣрены, въ цѣломъ мірѣ, какъ количество таланта, который постоянно соприсутствуетъ при совершеніи каждаго труда, такъ и самый трудъ, взятый отдѣльно отъ таланта? Прудонъ исцѣлился отъ подобныхъ коммунистическихъ заблужденій, вслѣдствіе глубокаго изученія этого вопроса; и нужно надѣяться, что лучшіе умы, изъ среды его прежнихъ товарищей, тоже послѣдуютъ за нимъ (*).

(*) Это послѣднее предсказаніе автора отчасти уже сбылось.—В. Б.

можетъ быть никакой рѣчи объ обезпеченіи прочности существованія закона уравненія, при непрерывной смѣнѣ въ обществѣ однихъ людей другими и при непрерывной измѣнчивости ихъ понятій. Предположимъ, что мы захотѣли бы пересилить волю отдѣльныхъ личностей и учредить диктатуру; въ такомъ случаѣ нѣтъ никакого ручательства въ томъ, что всѣ члены общества подчинятся добровольно подобному учрежденію; напротивъ того, нужно было бы установить новую силу, которая поддерживала бы собой первую силу, т. е., диктатуру, а противъ злоупотребленій послѣдней установить третью силу, и такъ далѣе. Изъ всѣхъ указанныхъ нами обстоятельствъ ясно слѣдуетъ, что всякое общинное хозяйство, безусловно обнимающее собою всѣхъ членовъ общества, и упраздняющее всѣ безъ изъятія, частныя хозяйства, есть невозможность. Всѣ попытки осуществленія въ дѣйствительности общиннаго хозяйства имѣли успѣхъ до тѣхъ только поръ, пока всѣ члены общины были удерживаемы во взаимной между собою связи, дѣйствіемъ одной выдающейся и одушевляющей всѣхъ личности.

§ 50.

Продолженіе.

б) Осуществленіе плановъ общественной организаціи не только не уменьшитъ общественныхъ страданій, отъ которыхъ они должны освободить человѣчество, но, напротивъ того, увеличитъ ихъ.

Предположимъ, что социалисты дадутъ намъ невозможное, т. е. найдутъ осуществимую форму для общиннаго хозяйства, то и въ такомъ случаѣ, общественное зло, порожденное, по ихъ мнѣнію, личнымъ хозяйствомъ и частною собственностью, не только не уменьшится, а, напротивъ того, усилится. Справедливость нашей мысли оказывается уже изъ того неравенства и разнообразія силъ, которыя распределены природою по различнымъ мѣстностямъ земной поверхности. Предположимъ, что социалисты успѣютъ всюду устроить свои экономическія общины, тогда ни одна изъ нихъ не будетъ въ состояніи производить сама все, для себя необходимое. Одна община будетъ, по преимуществу, земледѣльческая; другая, расположенная въ гористой мѣстности, должна будетъ заниматься скотоводствомъ, или винодѣліемъ; третья община, приморская, будетъ заниматься мореходствомъ; четвертая горнымъ промысломъ и т. д., такимъ образомъ, что между всѣми общинами должно будетъ установиться такое же раздѣленіе занятій, какое существуетъ нынѣ, при господствѣ въ промышленности частныхъ хозяйствъ. Если отбросить безумную мысль о всемірной общественно-

экономической монархіи, то, вмѣсто частной собственности, должна образоваться общинная собственность, вмѣсто торговли частныхъ лицъ — торговля общинъ другъ съ другомъ; вмѣсто денегъ, служащихъ орудіемъ частной мѣны, явится новое мѣрило мѣны, установленное общинами. Благоденствіемъ всего этого будетъ возникновеніе во всѣхъ общинахъ тѣхъ же самыхъ явленій, которыя преслѣдуются соціалистами какъ порожденія частныхъ или личныхъ хозяйствъ, т. е. неравенство въ обладаніи капиталомъ, соперничество, монополіи, господство сильныхъ, пауперизмъ и т. д. Мы встрѣтили бы, безъ сомнѣнія, въ области общинной экономіи, такую же борьбу эгоистическихъ стремленій, какую находимъ въ классической древности, на почвѣ политической жизни государствъ.

Но стремленія своекорыстія не прекратились бы и внутри каждой отдѣльной общины; напротивъ того, эти стремленія получили бы новую пищу для своего проявленія и высказались бы въ самыхъ злосчастныхъ дѣйствіяхъ членовъ общины.

Въ настоящее время, эгоизмъ, направленный къ приобрѣтенію богатства и къ пользованію имъ, вредитъ человѣчеству, по крайней мѣрѣ, въ томъ лишь случаѣ, когда вступаетъ въ столкновеніе съ общественнымъ благомъ и жертвуетъ имъ для выгодъ частнаго лица; при отсутствіи же подобныхъ столкновеній, дѣйствіе частнаго эгоизма всегда благотѣтельно для человѣчества, ибо личное пользованіе благами жизни зависитъ прежде всего отъ личныхъ усилій, и эгоистическое стремленіе къ праздности побѣждается эгоистическимъ стремленіемъ къ пользованію и наслажденію. Эгоизмъ поощряетъ людей къ прилежанію и къ дѣятельности; развиваетъ ихъ физическія и умственные силы; пробуждаетъ въ отдѣльныхъ личностяхъ желаніе образованія и порывы къ высшимъ нравственнымъ потребностямъ, и наконецъ побуждаетъ все человѣчество идти впередъ на пути его развитія. Неоспоримый фактъ этотъ привелъ, въ прошломъ столѣтіи, англійскую нравственную философію и экономическую науку къ другой крайности, и именно къ возведенію эгоизма на степень исключительнаго двигателя общественнаго благосостоянія.

Въ общинномъ хозяйствѣ, всѣ вышеупомянутыя нами благотѣльные экономическія условія вовсе не существовали бы. Личный интересъ былъ бы здѣсь въ постоянной борьбѣ съ общественнымъ, и могъ бы дѣйствовать только на развалинахъ общественнаго благосостоянія; ибо мѣра удовлетворенія личныхъ потребностей не столько зависѣла бы здѣсь отъ количества труда отдѣльныхъ лицъ, сколько отъ его распределенія, и обратно, личный трудъ утратилъ бы свое прямое отно-

шеніе къ личному интересу и опредѣлялся бы обществомъ. Естественное стремленіе эгоизма состояло бы тогда въ томъ, чтобы, съ одной стороны, возможно болѣе уклониться отъ назначеннаго количества труда; съ другой же стороны, при распредѣленіи средствъ удовлетворенія потребностей, получить возможно болѣе для себя долю. Духъ эгоизма, общій всѣмъ членамъ общины, былъ бы направленъ къ тому, чтобы, по возможности, уменьшить количество общиннаго труда въ обществѣ; съ другой же стороны, по возможности, увеличить удовлетвореніе своихъ потребностей; такимъ образомъ, постоянный перевѣсъ потребления, сравнительно съ производствомъ, повелъ бы общество по пути конечной для него гибели. Такъ какъ трудъ и удовлетвореніе потребностей постоянно и ежедневно измѣняются въ каждомъ человѣкѣ, то борьба личнаго эгоизма съ интересомъ общежитія ежедневно должна бы возобновляться; такимъ образомъ, должно было бы образоваться множество новыхъ пороковъ и новыхъ родовъ обмана, стремящихся получить отъ общины болѣе количество выгодъ за наименьшее личное участіе въ трудѣ. Между тѣмъ, въ настоящее время, себялюбіе отдѣльныхъ лицъ служить, по крайней мѣрѣ, общему дѣлу просвѣщенія, и носить въ себѣ зачатки побужденій къ прогрессу; въ общинномъ хозяйствѣ оно дѣйствовало бы разрушительнымъ образомъ, т. е. двигало бы общество по обратному пути экономическаго и нравственнаго движенія. Здѣсь совершенно все равно, состоитъ ли общинное хозяйство изъ безусловной нераздѣльности во владѣніи имуществомъ и въ пользованіи, или оно не касается собственности, т. е. уступаетъ частному лицу право располагать самостоятельно своею долею, полученною имъ изъ общиннаго дохода. Если члены общины не получаютъ изъ общиннаго достоянія способовъ, непосредственно служащихъ для удовлетворенія ихъ потребностей, то, во всякомъ случаѣ, они должны получить изъ того же источника средства для пріобрѣтенія нужныхъ вещей покупкою. Въ общинномъ хозяйствѣ, вмѣстѣ съ распредѣленіемъ труда, должно производиться и распредѣленіе дохода, что представляетъ собой обширное поприще, на которомъ личный эгоизмъ имѣетъ возможность оказать свое разрушительное вліяніе на общество.

§ 51.

Продолженіе.

в) *Осуществленіе теорій социалистовъ уничтожило бы цивилизацію въ чловѣческомъ родѣ.*

Вся цивилизація возникаетъ изъ дѣятельности отдѣльныхъ личностей. Въ нихъ только и заключаются тѣ скрытыя мастерскія для

умственного производства и тѣ источники, теченіе которыхъ и составляетъ непрерывающуюся струю человѣческой образованности. Безъ личностей, какъ для отдѣльно взятаго человѣка, такъ и для цѣлаго его рода, нѣтъ другаго удѣла, кромѣ бессознательнаго прозябанія, незнающаго ни развитія, ни цивилизаціи. Общинное хозяйство поглощаетъ въ себѣ всякую личность; оно жертвуетъ, для предполагаемаго интереса всѣхъ людей, интересами каждаго лица, чѣмъ и разрушаетъ способность людей къ просвѣщенію, а потому и всякое просвѣщеніе и съ нимъ самое общество.

Каждая личность требуетъ внѣшняго побужденія для своего развитія; сверхъ того, подобно физическому организму, въ которомъ она и проявляется, личность требуетъ для себя извѣстнаго количества нравственной пищи, пріобрѣтаемой внѣ себя. Личность есть продуктъ взаимодѣйствія нравственнаго *Я* каждаго человѣка съ его исторически-данной обстановкой. Чѣмъ тѣснѣе и однообразнѣе сфера, въ которой развивается человѣкъ, чѣмъ проще и мельче отношенія, изъ которыхъ онъ почерпаетъ свои представленія и свои понятія, — тѣмъ дѣлается ограниченнѣе его кругозоръ и его образованность. Разнообразіе жизненныхъ условій, личной дѣятельности, стремленій и отношеній составляютъ необходимую школу, въ которой пробуждаются и изоощряются нравственныя силы отдѣльныхъ личностей. Общинное хозяйство уничтожаетъ такую школу человѣческаго духа, созидаая на мѣсто ея механическое однообразіе, при которомъ уничтожаются не только всѣ творческія способности личности, но и изсякаютъ всѣ производительныя силы, оплодотворяющія общественную почву цивилизаціи.

Наконецъ, образованіе всякаго человѣческаго общества исключительно зависитъ отъ разнообразія личныхъ взглядовъ на жизнь, личныхъ убѣжденій и дѣйствій. Отдѣльные, человѣческіе характеры съ ихъ безконечно разнообразными способностями и умственнымъ достояніемъ составляютъ собой представителей и органы цивилизаціи, взаимно пополняющіе другъ друга; — это такіе отдѣльные звуки, изъ которыхъ слагается общая гармонія нравственной жизни народа. Общинное хозяйство производитъ, напротивъ того, умственное однообразіе, и подъ вліяніемъ ея, въ каждой отдѣльной личности отражается тотъ же самый мертвящій механизмъ. Личный отпечатокъ нравственной стороны человѣка утрачивается, и всѣ люди представляютъ собою одинъ и тотъ же типъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, общинное хозяйство было бы могилою человѣческой цивилизаціи, и его пророки тщетно усиливаются искусственно направить въ пустынную и неплодную степь обильный потокъ просвѣщенія, образующійся изъ безчисленнаго множества

разныхъ ручейковъ, берушихъ свое начало на самыхъ разнообразныхъ высотахъ и долинахъ (*).

Вышеприведенные нами доводы достаточно доказали, по крайней мѣрѣ то, что экономическія теоріи ⁽¹⁾ всего менѣе способны ввести такія общественныя преобразованія, которыя могли бы уничтожить причину несчастій нашего времени. Въ основаніи этихъ ученій лежитъ совершенно превратное пониманіе современной эпохи и ея требованій. Въ то время какъ соціалисты отправляются отъ того убѣжденія, что всѣ бѣдствія и пауперизмъ свирѣпствуютъ, въ настоящее время, въ болѣе сильной степени, чѣмъ прежде, и что они повсемѣстно происходятъ отъ одной общей причины, каждый безпристрастный наблюдатель, основательно изучившій исторію и жизнь, долженъ убѣдиться въ томъ, что тѣ же, и гораздо большія, несчастія существовали всегда и всюду, и общество только не сознавало ихъ, и что современный пауперизмъ, хотя и однообразенъ въ своемъ проявленіи, вслѣдствіе сходства условій европейской цивилизаціи, тѣмъ не менѣе происходитъ отъ весьма разнообразныхъ мѣстныхъ и національныхъ причинъ.

Нѣтъ ничего легче, какъ создать какую нибудь соціальную теорію. Для этого не нужно ни изучать исторіи, ни природы человѣческаго общества; вообще не нужно имѣть никакихъ свѣдѣній, но все это не можетъ, однако, улучшить дѣла человѣческаго преуспѣянія.

(*) Все сказанное авторомъ, какъ въ этомъ отдѣлѣ, такъ и въ предъидущихъ, относится къ такому общинному хозяйству, которое безусловно должно было бы упразднить всякое частное хозяйство въ обществѣ. Мы сочли необходимымъ упомянуть объ этомъ, дабы слова автора не могли быть обращены на отдѣльныя формы совокупнаго или общиннаго хозяйства, которыя могутъ проявляться и безпрестанно проявляются въ свободныхъ ассоціаціяхъ или товариществахъ, нисколько не препятствующихъ развитію личности и частныхъ хозяйствъ.— В. Б.

⁽¹⁾ Мы должны, конечно, исключить изъ этой категоріи преобразованія, указанная намъ книгою: „*Abbruch und Neubau*“ (смотри § 32), имѣющею своею цѣлію не столько замѣнить частныя экономіи одною общинною экономіею, сколько поставить въ болѣе тѣсную связь всѣ существующія уже экономіи частныхъ лицъ. Мы не можемъ ничего возразить противъ этого желанія, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, когда будемъ видѣть въ нихъ отдѣльныя предположенія, могущія быть осуществленными при извѣстныхъ обстоятельствахъ. По смыслу самого автора, который отправляется отъ того же самаго превратнаго пониманія современности, какъ и Фурье, и хочетъ повсемѣстно и однообразнымъ образомъ установить всю человѣческую промышленную дѣятельность,—теорія его, также точно, какъ и соціально-экономическія предположенія, грѣшитъ въ томъ, что созидаетъ à priori. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы пришли бы къ очень страннымъ результатамъ, если бы восточно-прусскія провинціи должны были быть исцѣляемы отъ пауперизма, помощью предложенныхъ имъ средствъ.

Тотъ же, кто хочетъ дѣйствительно содѣйствовать разрѣшенію современной общественной задачи, тотъ долженъ изучать съ полнымъ вниманіемъ и безъ предубѣжденія фактическія обстоятельства народной жизни и историческое развитіе народовъ, долженъ изслѣдовать разнообразныя причины народной нищеты, выводить необходимость всякой реформы быта изъ практически сознанныхъ нуждъ и не долженъ отталкивать отъ себя дѣйствительность, какъ варварство, погружаясь въ безплодныя грезы своего воображенія.

§ 52.

Заслуги соціалистовъ.

Не смотря на всю несостоятельность соціально-экономическихъ ученій, они все-таки оказали неоспоримую услугу какъ экономической наукѣ, такъ и самой жизни.

Полемика соціалистовъ успѣла довести до общаго сознанія непрочность основаній, на которыхъ зиждилось ученіе Смита, и именно превратность возведенія личнаго эгоизма въ начало, изъ котораго само собою должно развиваться общественное благосостояніе (*). Они указали на необходимость такихъ нравственныхъ узъ, которыя связали бы каждое отдѣльное лице съ обществомъ; они указали намъ, что отправленія не только всего общественнаго организма, но и всѣхъ частныхъ лицъ, требуютъ для себя нравственнаго основанія, и что, наконецъ, для изслѣдованія всего этого нельзя не обратить особеннаго вниманія на высшія потребности человѣческаго общества. Выражаясь короче, скажемъ, что соціалисты привели экономистовъ къ тому сознанію, *что наука ихъ не можетъ быть исключительно теоріею корысти, а, напротивъ того, должна быть наукою нравственною (**).*

(*) Едва ли можно сказать, что соціалисты поколебали прочность основаній школы Смита; повсемѣстный упадокъ ихъ первоначальнаго ученія скорѣе доказываетъ противное. Самъ авторъ, въ своей критикѣ соціализма, преимущественно пользовался началами экономической науки, сущность которыхъ принадлежитъ Смиуту. Это обстоятельство и нѣкоторыя другія мѣста настоящей книги, въ которыхъ авторъ не довольно умѣренъ въ своихъ нападкахъ на школу Смита, даютъ право обвинять его въ нѣкоторыхъ увлеченіяхъ, ставящихъ въ противорѣчіе многія его выраженія съ преобладающимъ образомъ его мыслей. Признать заслугу соціалистовъ въ правильной реакціи не противъ основныхъ положеній Смита, а противъ исключительныхъ и крайнихъ выводовъ, сдѣланныхъ изъ нихъ нѣкоторыми его послѣдователями, въ особенности Французами,—долженъ каждый безпристрастный служитель экономической науки нашего времени, но едва ли можно сказать, что послѣдствіемъ этой реакціи было ниспроверженіе основныхъ началъ Смита.—В. Б.

(**) По нашему убѣжденію, главная заслуга соціалистовъ въ сферѣ собственно науки (а не практической жизни) заключается въ томъ, что они едва ли не первые

Въ сферѣ практической жизни, социалисты утвердили въ насъ то мнѣніе, что собственность, также точно какъ и рожденіе, не должны давать никакихъ привилегій на пользованіе жизнью и образованностью. Напротивъ того, классъ собственниковъ, отличающійся своею счастливою долею въ обществѣ и получившій, вслѣдствіе своего богатства, большую власть и вліятельное положеніе, есть ничто иное, какъ управитель врученного ему общественнаго достоянія; сверхъ того, вмѣстѣ съ собственностью, къ нему перешла обязанность принимать дѣятельное участіе въ дѣлѣ возведенія неимущихъ классовъ на болѣе высшую степень цивилизаціи.

Мы тѣмъ болѣе должны цѣнить это двоякое вліяніе социалистовъ, что беспомощное начало Смитовой теоріи было изучаемо именно въ ту эпоху, когда денежное хозяйство достигло полного своего господства, и когда, вслѣдствіе подвижности всѣхъ торговыхъ и жизненныхъ сношеній, лежащихъ въ основаніи его человѣческой корысти, представилось обширное поприще для своего самовластия, когда А. Смитъ сдѣлалъ лично огромную ошибку, т. е. смотрѣлъ на денежное хозяйство не такъ какъ на переходную форму экономическаго развитія, но какъ на постоянную и непреложную истину общественной экономіи.

Въ періодъ естественнаго хозяйства среднихъ вѣковъ, люди были связаны другъ съ другомъ чисто виѣшними, но тѣмъ не менѣе прочными узами. Собственники земли — единственнаго національнаго богатства этой эпохи — вмѣстѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ были связаны, съ трудомъ своихъ работниковъ, которыхъ они надѣляли или естественными произведеніями, или правомъ пользованія извѣстнымъ участкомъ земли; работники, съ своей стороны, были связаны съ естественнымъ доходомъ земли своихъ господъ. Каждая общественная служба государству могла быть вознаграждена тогда или землею, или произведеніями ея. Вслѣдствіе этого и образовались прочныя отношенія, по большей части наслѣдственно переходившія отъ отца къ сыну, и каждое лице двигалось въ ограниченной, экономической сферѣ. Въ эту эпоху царствовала общая неподвижность, среди которой едва развивалась общественная жизнь. Незначительная торговля, очень медленное накопленіе капиталовъ, застой въ однажды заведенныхъ отрасляхъ

дали толчекъ къ новѣйшимъ изслѣдованіямъ общественныхъ явленій и человѣка, какъ члена общества, во всей совокупности нравственныхъ и вещественныхъ условій общественнаго быта, т. е., положили начало къ возникновенію науки *объ обществѣ* (общественной физиологіи, физики и т. д.). Собственные, однако, труды социалистовъ въ области этой новой науки скорѣе отрицательные, чѣмъ положительные.—В. Б.

труда и ихъ техническаго усовершенствованія, медленное увеличеніе населенія и замкнутость всѣхъ жизненныхъ формъ были характеристическими чертами хозяйства, повторившагося у всѣхъ народовъ въ первый періодъ ихъ развитія. Такъ какъ въ описанную нами эпоху не было недостатка ни въ столкновеніяхъ между отдѣльными, общественными силами, ни въ своекорыстныхъ стремленіяхъ, и такъ какъ грубая сила измѣняла часто имущественныя отношенія общества, то и личный интересъ, свойственный этому періоду времени, могъ дѣйствовать только медленно; владычество господъ и рабство, богатство и бѣдность были такъ же наслѣдственны, какъ и всѣ остальные житейскія отношенія.

Послѣ того, какъ денежная мѣна заняла мѣсто непосредственнаго обмѣна произведеній, жизнь общества потекла гораздо скорѣй. Тогда какъ, во время существованія естественнаго хозяйства, самое подвижное существо среди цѣлой природы, человѣкъ, вмѣстѣ съ своимъ трудомъ и мыслями, былъ неподвижно прикрѣпленъ къ почвѣ, денежное хозяйство не только ослабило эти узы и освободило работника отъ прикрѣпленія его къ землѣ, доставлявшей ему его скудное пропитаніе, но и ввело самый неподвижный элементъ изъ среды цѣлой природы, т. е. землю, въ круговоротъ денежнаго обмѣна. Большія недвижимыя имущества стали дробиться на части и переходить изъ однихъ рукъ въ другія. Крестьянская служба и повинности были облегчены, естественныя произведенія обмѣнивались на деньги, и всякая собственность получила такую же свободу передвиженія, какъ и самый человѣкъ. Раздѣленіе занятій въ ремеслахъ стало имѣть преимущество предъ улучшеніемъ качества сырыхъ матерьяловъ. Старые неподвижные союзы цеховъ и гильдій распались. Свобода ремеслъ дала каждой производительной силѣ просторъ развиваться съ полною энергіею. Талантъ силился примѣнить себя вездѣ, гдѣ только онъ могъ развиваться дѣйствительнымъ образомъ. На мѣсто общественныхъ подраздѣленій, основанныхъ на рожденіи и на юридическихъ отношеніяхъ лица къ землѣ, явились раздѣленія, соотвѣтствующія личнымъ способностямъ каждаго человѣка. Капиталь и населеніе возросли, двигаясь исполинскими шагами. Всѣ общественныя артеріи забились скорѣй; быстрое движеніе, охватившее среду мѣновыхъ отношеній, стало господствовать и въ средѣ мыслей и понятій.

Все это было естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ развитія экономической жизни европейскихъ государствъ, и можно принять за признакъ большаго ослѣпленія со стороны тѣхъ, которые, подобно *Мюллеру* и социалистамъ, не видятъ великихъ благъ въ этой экономи-

ческой возбужденности общества. Подобное положеніе общества составляет собой переходъ къ кредитному хозяйству, т. е. къ обмѣну человѣческихъ произведеній на личные обѣщанія, основанныя на честности, вѣрѣ и личныхъ нравственныхъ качествахъ. Денежное хозяйство, при неограниченномъ своемъ развитіи, можетъ служить, въ свою очередь, къ ущербу общества, какъ и естественно; оно даетъ возможность выдавшимся впередъ способностямъ челоука употреблять для личной своей пользы и во вредъ общественнаго благосостоянія подвижность жизненныхъ условій, что и можетъ превратиться въ господство денегъ и капитала, столь же стѣснительное, какъ и прежнее господство недвижимой собственности.

Всѣ общественныя отношенія, скрѣпленныя, въ періодъ господства естественнаго хозяйства, внѣшними и чувственными узами, а потомъ ослабленныя денежнымъ хозяйствомъ, снова свяжутся, во время установленія кредитнаго хозяйства, умственными и нравственными узами. Послѣдняя фаза развитія сообщитъ личнымъ способностямъ каждаго челоука и его нравственнымъ достоинствамъ тѣ же самыя свойства, которыми обладаетъ капиталъ въ денежномъ хозяйствѣ. Честный и способный работникъ не только будетъ въ состояніи получить впередъ доходъ съ своего труда, чѣмъ и имѣеть возможность равномерно распределить его между дурными и выгодными днями своихъ заработковъ; но, подобно капиталисту, онъ можетъ еще вступить лично въ большія предпріятія. Кредитное хозяйство совмѣщаетъ въ себѣ большую подвижность и внутреннюю прочность, что и вызываетъ собою такой новый экономическій порядокъ, который связываетъ выгоды двухъ предъидущихъ экономическихъ періодовъ развитія общества.

§ 53.

Продолженіе.

А. Смитъ былъ убѣжденъ въ томъ, что открылъ вѣчный законъ мѣны, вслѣдствіе чего онъ впалъ въ большую ошибку, признавъ денежное хозяйство своего времени за единственную и долговѣчную экономическую форму для всѣхъ народовъ. Ученіе его, основанное на неограниченной торговой и ремесленной свободѣ, также на безпредѣльномъ соперничествѣ, необходимо совмѣщаетъ въ себѣ всѣ крайности денежнаго хозяйства. Онъ отвергаетъ все, что мѣшаетъ свободной мѣнѣ, и не видитъ того, что достоинства денежной мѣны чисто относительныя, т. е. что она можетъ служить только средствомъ къ дальнѣйшему успѣху экономическаго развитія, и что въ непреложномъ своемъ значеніи

чего-то безпредѣльнаго, она можетъ быть столько же вредною, какъ и неподвижность предъидущаго естественнаго хозяйства (1).

Ученіе Смита послужило причиной тѣхъ разнообразныхъ практическихъ мѣръ, которыя были введены въ управленіе многихъ, современныхъ ему, государствахъ. Средневѣковыя, натуральныя повинности относительно государства, также повинности въ пользу поземельныхъ собственниковъ были переведены на деньги и потому совершенно измѣнились; тѣмъ не менѣе была упущена изъ виду необходимость основанія такихъ кредитныхъ учрежденій, которыя могли бы вручить крестьянамъ - собственникамъ должные капиталы для выкупа и улучшенія, состоящей въ ихъ владѣніи земли. Остатки старыхъ цеховъ были уничтожены, хотя, съ одной стороны, вслѣдствіе необходимости образованія ремесленныхъ товариществъ, предоставлена была свобода развитію, сообразныхъ съ этою эпохою, союзовъ работниковъ и мастеровыхъ. Денежное хозяйство, освободивъ ручное прядильное и ткацкое ремесла отъ ихъ участія въ сельскомъ хозяйствѣ, привело ихъ къ соперничеству съ машиннымъ производствомъ; тѣмъ не менѣе было упущено изъ виду дать этимъ ремесламъ возможность организовать, посредствомъ кредитныхъ учрежденій, самостоятельную фабричную дѣятельность. По внушенію А. Смита, была повсемѣстно провозглашена полнѣйшая свобода ремеслъ, хотя вовсе не были обеспечены такія условія, которыми только и можетъ опредѣлиться благое вліяніе этой свободы. Такъ какъ большая часть государствъ континента препятствовала, съ политической точки зрѣнія, всѣмъ проявленіямъ товарищества, такимъ образомъ, что каждое сборище, каждый союзъ и даже каждое общественное предпріятіе зависѣли отъ полицейскаго дозволенія, и были поставлены въ зависимость правительственной опеки, то этимъ самымъ и были заглушены въ народѣ всѣ зародыши товарищества; свобода же ремеслъ превратилась въ насиліе эгоистическаго ремесленнаго обособленія.

Вслѣдствіе всего этого, въ обществѣ усилился духъ стяжанія и личной спекуляціи при совершеніи мѣны, такимъ образомъ, что свобода, обеспеченная денежнымъ хозяйствомъ, и долженствующая способствовать естественному его развитію, была подвержена тѣмъ бѣльшимъ злоупотребленіямъ, чѣмъ менѣе политическая жизнь континента способствовала

(1) Мнѣ могутъ, однако, возразить, что А. Смитъ, въ своей второй книгѣ, бѣгло коснулся кредита и банковыхъ учрежденій, тѣмъ не менѣе изслѣдованія его исключительно относятся къ денежнымъ оборотамъ. Онъ видитъ въ банкахъ средство для возбужденія подвижности денежной экономіи, т. е. такое коммерческое учрежденіе, которое полезно для однихъ только капиталистовъ, но не для неимущаго класса работниковъ.

воспитанію въ каждомъ гражданинѣ глубокаго и нравственнаго участія его въ дѣлѣ общественнаго благосостоянія, и чѣмъ болѣе считалось справедливымъ, на основаніи экономической науки, преслѣдованіе личныхъ выгодъ. Капиталистъ имѣлъ возможность покупать и продавать землю, единственно въ видахъ своего минутнаго барыша, чѣмъ долженъ былъ лишать всякой собственности отдѣльныхъ крестьянъ. Фабрикантъ могъ, въ продолженіе долгаго времени, продавать свои товары ниже цѣны его стоимости, съ цѣлію уничтожить своихъ соперниковъ и господствовать на рынкѣ. Торговецъ жизненными продуктами могъ скупать всѣ произведенія земли, и не пускать ихъ на рынокъ, съ цѣлію произвести искусственную дороговизну. Короче сказать, всѣ безнравственныя дѣйствія, совершаемыя на торговомъ рынкѣ, получили свое оправданіе, основанное на положеніяхъ экономической науки; и если въ дѣйствительной жизни все указанное нами зло не проявлялось въ такомъ объемѣ и въ такой силѣ, которыхъ должно было бы ожидать, соображаясь съ началомъ, лежащимъ въ ихъ основаніи, и если подобныя безнравственныя злоупотребленія были только исключеніемъ; наконецъ, если нравственное развитіе, также какъ и экономическое, сдѣлало большой успѣхъ въ торговыхъ и богатыхъ мѣстностяхъ Европы, то это доказываетъ намъ только то, что нравственная сила народовъ могущественнѣе теоретическихъ положеній, и что въ такой странѣ, какъ Великобританія, гдѣ не только само правительство, но и вся общественная жизнь составляютъ собой нравственный плодъ воспитанія этой націи, ложныя теоретическія начала уничтожаются сами собою. Заслуга соціальнаго ученія состоитъ именно въ томъ, что всѣ безнравственныя, основныя положенія ученія Смита представляются нынче въ должномъ свѣтѣ въ сферѣ экономической науки, и сдѣлались невозможными на будущее время (*).

(*) Изъ всѣхъ нападокъ самого автора на ученіе Смита, изложенныхъ въ настоящемъ параграфѣ, можно вывести два *главныя обвиненія*, взводимыя имъ на народное хозяйство, развивающееся по началамъ, указаннымъ Смитомъ: во-первыхъ, исчезновеніе духа союзности между рабочими силами, и преобладаніе въ промышленности своекорыстныхъ личныхъ стремленій капиталистовъ, и во-вторыхъ, чрезмѣрное развитіе промышленныхъ интересовъ, въ ущербъ нравственнымъ. Первое обвиненіе справедливо лишь въ томъ отношеніи, что А. Смитъ и его ближайшіе послѣдователи мало заботились о возникновеніи духа товарищества между работниками, который въ самое послѣднее время воспрянулъ съ особеннымъ могуществомъ и сосредотчилъ на себѣ вниманіе всѣхъ современныхъ экономистовъ. Здѣсь особенно замѣчательна дѣятельность бельгійскаго экономиста г. Молиари. Но свободныя товарищества рабочихъ, хотя необходимая уравнивающая сила противъ ихъ разрозненности, нисколько не умаляютъ заслуги экономической науки въ ея погромахъ

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ ПРУДОНА.

§ 54.

Сочиненія Прудона.

Французскій писатель Прудонъ, находящійся въ нѣкоторыхъ родственныхъ связяхъ съ социалистами, хотя въ важнѣйшихъ пунктахъ ученія рѣшительный ихъ противникъ,—есть человекъ, богато одаренный природою и искренно одушевленный идеею блага человечества. Воспитанный въ средѣ коммунистовъ, онъ возсталъ въ 1840 году, въ своемъ прежде указанномъ нами сочиненіи, противъ собственности вообще. Съ этихъ поръ, онъ много разъ выступалъ на поприще литературы ⁽¹⁾, и издалъ, въ 1847 году, свое экономическое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Система экономическихъ противорѣчій, или философія нищеты“ ⁽²⁾.

Въ этомъ сочиненіи авторъ является мыслителемъ, который не ищетъ ни партіи, ни личныхъ выгодъ, но со всею строгостью нравственнаго чувства стремится только къ истинѣ и къ освобожденію человеческого рода отъ его общественныхъ недуговъ, и старается проложить къ этой цѣли совершенно самостоятельный путь. Однако при всѣхъ своихъ достоинствахъ, Прудонъ лишенъ не только историческихъ

противъ всякихъ феодальныхъ зависимыхъ отношеній и обязательныхъ союзовъ. Далѣе—экономическіе интересы, самые даже своекорыстные, нисколько не безнравственны *сами по себѣ*, а могутъ привести къ безнравственнымъ послѣдствіямъ лишь при преувеличенномъ развитіи своемъ на счетъ нравственныхъ потребностей, которыя въ свою очередь приводятъ къ уродливымъ явленіямъ умерщвленія плоти и аскетизма лишь при преувеличенномъ развитіи на счетъ экономическихъ потребностей. Попеченіе же о нравственности вовсе не входитъ въ область экономической науки.—В. Б.

⁽¹⁾ Экономическія сочиненія, издавныя Прудономъ послѣ появленія его книги: *Qu'est-ce que la propriété*, суть слѣдующія: *Lettre à Mr. Blanqui sur la propriété*. Парижъ 1841. — *Avertissement aux propriétaires, ou lettre à Mr. Considerant*. Парижъ 1841. *De la création de l'ordre dans l'humanité, ou principes d'organisation politique*. Парижъ 1843. Сравни: О жизни и сочиненіяхъ Прудона, Штейна и Грюна.

⁽²⁾ *Système des contradictions économiques ou philosophie de la misère*. Парижъ 1846, 2 т. На нѣмецкій переведено В. Горданомъ, Лейпцигъ 1847, и К. Грюномъ, Дармштадтъ, 1847.

и статистическихъ познаній, но и строгой, научной методы преслѣдованія и даже точности въ изложеніи своихъ мыслей. Подъ формою изложенія, часто весьма талантливою, нерѣдко пространною и утомительною, попадаются и весьма своеобразныя мысли и пошлости, пестро между собою перемѣшанныя. Именно, въ философскихъ разсужденіяхъ и въ нѣкоторыхъ попыткахъ всеобъемлющаго міросозерцанія проглядываютъ многочисленныя слѣды полуобразованности автора.

Не смотря на указанные нами недостатки, сочиненіе Прудона заслуживаетъ особеннаго вниманія, не только потому, что занимаетъ свое особое мѣсто въ ряду разныхъ направленій науки новаго времени, но и потому, что заключаетъ въ себѣ такіе отдѣльные выводы и воззрѣнія, которое могутъ долго имѣть цѣну для науки о народномъ хозяйствѣ.

§ 55.

Отношеніе Прудона къ прочимъ системамъ политической экономіи.

Въ то время, какъ въ исторіи развитія нашей науки *А. Смитъ* представляетъ собою философское и литературное движеніе прошлаго столѣтія и играетъ въ экономической наукѣ роль *Канта*, *А. Мюллеръ* же является представителемъ эпохи реставраціи, философіи *Шеллинга*, *Прудонъ* хочетъ создать экономическое ученіе на началахъ философіи *Гегеля*. вмѣстѣ со всѣми социалистами, онъ былъ возбужденъ къ размышленіямъ о лучшемъ устройствѣ общества бѣдствіями рабочихъ классовъ; соглашаясь съ социалистами въ отрицательномъ ихъ взглядѣ на современный экономическій порядокъ, Прудонъ нисколько не поддастся ихъ мечтаніямъ, отвергаетъ положительную сторону ихъ идеала, отвергаетъ всякое общинное хозяйство, и наконецъ всѣ шаткія основанія, на которыхъ они хотѣли воздвигнуть новое зданіе общества. Напротивъ того, онъ становится въ средину между ученіемъ *Смитовой школы* и воздушными замками коммунистовъ и принимаетъ противорѣчія обѣихъ сторонъ за исходную точку своего ученія. Ученіе *Смита* есть, по мнѣнію Прудона, общественная теорія прошедшаго; ученія же коммунистовъ — теорія только будущаго. Основателю перваго ученія можно, по его мнѣнію, сдѣлать упрекъ въ томъ, что онъ выдавалъ свои грубыя и неудовлетворительныя начинанія за науку; послѣднихъ же можно обвинить въ томъ, что они считали себя независимыми отъ всего предъидущаго, вслѣдствіе чего и утратили всякую точку опоры на своемъ пути. Самъ же Прудонъ думаетъ создать науку, которая обнимала бы собою систематическія свѣдѣнія объ обществѣ, въ продолженіе всей его жизни, со всею совокупностію одно за другимъ слѣдующихъ проявленій въ

его дѣятельности, и не ограничивалась бы ни прошедшимъ, ни будущимъ. Въ то время, какъ Прудонъ, на основаніи Гегелевскаго начала, признаетъ тождественными понятія: *быть и мыслить* науку и жизнь, — онъ хочетъ, діалектическимъ путемъ, открыть въ данныхъ экономическихъ обстоятельствахъ, какъ противорѣчія, такъ и ихъ высшее умозрительное единство. Онъ выдаетъ этотъ, тождественный будто бы съ историческимъ развитіемъ человѣчества, процессъ своего мышленія за сущность истинной экономической науки, которую и объявляетъ метафизикою дѣйствительности, т. е. продолженіемъ самаго міросозданія.

§ 56.

Теорія цѣнности Прудона.

Прудонъ начинаетъ свои изслѣдованія разборомъ противорѣчія, заключающагося въ прежнемъ понятіи цѣнности, т. е. противорѣчія между *полезностью* (внутреннею, потребительною цѣнностью) и *мѣнною цѣнностью*.

По его мнѣнію, обѣ цѣнности эти происходятъ изъ отношеній, существующихъ въ обществѣ, ибо если бы всѣ блага земли были въ такомъ изобиліи, что въ нихъ чувствовался бы постоянный излишекъ, то тогда мы знали бы одну только полезность, и не было бы ни какой мѣнновой цѣнности. На томъ же самомъ основаніи, обѣ цѣнности эти тѣсно связаны другъ съ другомъ; такимъ образомъ что полезность или потребительная, внутренняя цѣнность есть необходимое условіе мѣнновой цѣнности; и обратно — мѣнновая цѣнность есть условіе полезности.

Тѣмъ не менѣе, обѣ цѣнности противорѣчатъ другъ другу, ибо увеличившееся производство полезностей понижаетъ, а уменьшившееся производство возвышаетъ мѣнновую цѣнность. И такъ, внутренняя цѣнность (полезность) и мѣнновая находятся другъ къ другу въ обратномъ отношеніи. Если бы всѣ прядильщики удвоили свою работу, и вмѣсто 50 аршинъ, каждый напярля бы 100, то они не получили бы тогда двойнаго вознагражденія за свой трудъ; напротивъ того, произведеніе ихъ труда сдѣлалось бы вдвое дешевле, ибо предложеніе удвоилось бы. Если же сельскій хозяинъ, въ урожайный годъ, произведетъ вдвое меньше хлѣба, чѣмъ въ прежніе годы, то мѣнновая цѣнность хлѣба увеличится, хотя полезность его нисколько не измѣнилась. Ни полезность предмета, ни количество рабочей силы, употребленной на производство, ни бѣльшій или меньшій расходъ, сдѣланный на производство, а одна, только одна рѣдкость произведенія опредѣляетъ его мѣнновую цѣнность.

Противорѣчіе стараго понятія цѣнности, доведенное до послѣдней своей крайности, выразилось въ томъ положеніи науки, что полезнѣйшіе предметы, требующіе наибольшаго напряженія рабочихъ силъ, дѣлаются, при достаточномъ количествѣ ихъ на рынкѣ, самыми дешевыми предметами; напротивъ того, рѣдчайшіе и бесполезнѣйшіе предметы дѣлаются самыми дорогими товарами; или, другими словами: за самый полезный трудъ платится дешевле, чѣмъ за самый бесполезный.

Сама дѣйствительная жизнь не даетъ однако этимъ умозаключеніямъ теоріи развиться до послѣдней своей крайности.

Противорѣчіе двухъ родовъ цѣнности господствуетъ во всей исторіи народнаго хозяйства, и составляетъ собой причину всѣхъ экономическихъ бѣдствій, такъ напр. борьбу народовъ за выгоды внѣшней торговли, промышленный застой, убійственное соперничество, пониженіе задѣльной платы работниковъ и всѣ тѣ несчастія, отъ которыхъ страдаетъ современное общество. Экономисты сдѣлали съ своей стороны большую ошибку въ томъ, что успокоились на подобномъ противорѣчьи и приняли его въ основаніе своего ученія. Они покинули всякую надежду разрѣшить это противорѣчіе и преобразовать этотъ порядокъ, и выдали за основной законъ взаимодѣйствіе спроса и предложенія, борьба которыхъ и измѣняетъ цѣнность предметовъ то въ одну, то въ другую сторону, — тогда какъ все противорѣчіе заключается въ условной формѣ, въ которой полезная и мѣновая цѣнности поставлены другъ передъ другомъ. Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, социалисты имѣли полное право желать окончанія подобной борьбы, хотя сами сдѣлали большую ошибку въ томъ, что, неуглубившись въ изслѣдованіе источника зла, приняли его за заблужденія человѣческаго разума. Послѣдняя ошибка и должна быть устранена въ дѣлѣ кореннаго преобразованія экономическихъ отношеній общества.

§ 57.

Продолженіе.

Прудонъ думаетъ разрѣшить развитое имъ противорѣчіе слѣдующимъ новымъ понятіемъ цѣнности:

Общественное богатство есть масса, въ которой соединеніе разныхъ составныхъ частей постоянно поддерживается посредствомъ химической силы, и къ которой постоянно приливаютъ новые элементы, связывающіеся съ цѣлымъ, хотя въ различныхъ пропорціяхъ, но по одному, определенному закону. То движеніе, посредствомъ котораго совершается это соединеніе и сплавленіе всѣхъ составныхъ частей массы богатства или

его элементовъ — есть *торговля*. Сила, производящая эти элементы и опредѣляющая ихъ постоянное взаимное положеніе, въ совокупности богатства—есть *трудъ* уже давно, и съ такимъ краснорѣчіемъ, прославленный А. Смитомъ; *самое же отношеніе элементовъ или мѣра, въ которой каждый изъ нихъ входитъ въ образованіе цѣлаго—есть цѣнность*.

На основаніи такого опредѣленія, въ понятіи цѣнности совмѣщаются какъ полезная, такъ и мѣновая цѣнности, но каждая изъ нихъ въ болѣе совершенномъ видѣ. Оно совмѣщаетъ въ себѣ полезную цѣнность на сколько она постоянна, на сколько постоянно отношеніе продукта къ цѣлому. На полезности основывается общественная цѣнность, и безъ первой продуктъ пересталъ бы быть основаніемъ богатства. Въ то же время опредѣленіе обнимаетъ собою и мѣновая цѣнность въ томъ смыслѣ, что есть въ ней самага измѣнчиваго. Отношеніе цѣнностей подвижно такъ, что въ каждый моментъ, въ который притекають новые элементы, оно измѣняется, вслѣдствіе чего измѣняется сама способность къ мѣнѣ въ каждомъ отдѣльномъ произведеніи.

На основаніи предъидущаго опредѣленія цѣнности, полезность состоитъ не изъ единственной только способности служить для личнаго удовлетворенія потребностей, напротивъ того—она истекаетъ изъ отношенія свойствъ предмета къ цѣлому обществу. Измѣнчивость цѣны не есть случайное послѣдствіе безнравственной борьбы, между спросомъ и предложеніемъ, напротивъ того, она законна и зависитъ отъ одного общаго начала. Всякое произведеніе можно сравнить съ пищею, которая отыскивается, первоначально, потребностью питанія, потомъ готовится орудіями пищеваренія, и наконецъ поступаетъ въ общій круговоротъ отправленій, гдѣ, на основаніи опредѣленныхъ отношеній и законовъ, она превращается въ мясо, кости, соки и т. д. и сообщаетъ организму жизнь, силу и красоту. Измѣнчивость цѣнности подчинена непреложному закону, который вмѣстѣ съ тѣмъ и уничтожаетъ противорѣчіе между полезною и мѣною цѣнностями. Законъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: *каждое произведеніе становится тѣмъ болѣе нужнымъ, чѣмъ меньше труда стоило его производство, и чѣмъ меньше размѣръ, въ которомъ оно содѣйствуетъ дѣлу образованія общественнаго богатства; или, другими словами: развитіе общества и его богатства состоитъ въ болѣе и болѣе уменьшающейся затратѣ капитала, употребляемаго на производство, и въ болѣе и болѣе возрастающей потребности во всѣхъ произведеніяхъ*.

Въ борьбѣ своей противъ бережливости природы, общество начинаетъ съ того, что, помощью труда, снабжаетъ себя необходимѣйшими

предметами, которыхъ производство именно стоить менѣе прочихъ. Идя далѣе, общество продолжаетъ, соотвѣтственно различнымъ степенямъ естественной цѣнности предметовъ, снабжать себя такими изъ нихъ, которые стоить большаго труда, также удовлетворяютъ тончайшимъ и высшимъ потребностямъ челоука, значить менѣе всего необходимымъ. Чѣмъ полнѣе и совершеннѣе трудъ челоука, тѣмъ менѣе его нужно для возобновленія прежде уже произведенныхъ предметовъ; такъ что цѣнность всѣхъ произведеній уменьшается съ уменьшеніемъ количества труда, потребнаго для его воспроизведенія, а потребность въ нихъ возрастаетъ вмѣстѣ съ ихъ удешевленіемъ. Если какой нибудь предметъ, стоившій 10 дней труда, сталъ производиться въ одинъ день, то цѣнность его упадетъ со 100 на 10; потребность же на него удесятится. Противоположность полезной и мѣрновой цѣнностей является, въ этомъ случаѣ, какъ необходимое свойство одной общественной цѣнности, которая снова восстанавливаетъ ее.

Это новое понятіе цѣнности имѣетъ свои, совершенно самостоятельныя, свойства, которыхъ недостаетъ въ обѣихъ совмѣщенныхъ въ ней противоположностяхъ. Такъ какъ трудъ исключительно опредѣляетъ соотношеніе различныхъ элементовъ богатства, или общественную цѣнность, то, вслѣдствіе этого, онъ составляетъ собой, во времени, единственное мѣрило цѣнности,—а потому и вознагражденіе, получаемое трудящимся лицомъ, совершенно справедливо. Теорія соразмѣрности цѣнности есть вмѣстѣ съ тѣмъ теорія равенства и справедливости.

По мнѣнію Прудона, экономисты обманулись въ томъ, что искали общаго мѣрила цѣнности въ хлѣбѣ, въ деньгахъ, или въ какомъ нибудь другомъ предметѣ; а послѣ этого, на основаніи довода, что подобнаго мѣрила нигдѣ не существуетъ, заключили, что вообще нѣтъ никакого мѣрила цѣнности. Всѣ цѣнности, предлагаемыя какъ мѣрило, даже въ томъ случаѣ, если онѣ совершенно не подвержены никакому измѣненію, никогда не могутъ указать намъ отношенія предмета къ цѣлому; также никогда не дадутъ намъ общественной цѣнности и того закона, которому она подчинена. Мѣрило это есть то же самое для цѣнности, что термометръ для тепла. Подобно тому, какъ термометръ, со своими произвольными подраздѣленіями, только указываетъ намъ на увеличеніе или уменьшеніе теплорода въ воздухѣ, но не даетъ закона равновѣсія тепла, такъ же точно и деньги не даютъ намъ закона отношенія произведеній къ общественному богатству. Подъ словомъ мѣрило цѣнности нужно разумѣть такую только силу, которая выражаетъ собой законное отношеніе, проявляющееся при сравненіи предметовъ между собой и съ цѣлымъ,—а сила эта и есть исключительно трудъ.

Все, что было высказано школой Сея противъ этого мѣрила цѣнности, а именно то, что самый трудъ подчиняется оцѣнкѣ, и есть такой же товаръ, какъ и все остальное, что онъ и не можетъ быть принятъ за основное начало цѣнности, все это происходитъ отъ заблужденія,—потому что нужно говорить о цѣнности труда въ смыслѣ той цѣнности, которая, по возможности, должна въ немъ содержаться, но не такъ, какъ будто-бы самый трудъ есть товаръ. Цѣнность труда есть только образное выраженіе, т. е. указаніе причины на слѣдствіа.

§ 58.

Отношеніе теоріи цѣнности Прудона ко всей его экономической системѣ.

Теорія цѣнности занимаетъ совершенно иное мѣсто у Прудона, чѣмъ у всѣхъ прежнихъ экономистовъ. Ею опредѣляется содержаніе всего его ученія. У него эта грамматика мѣны, и вмѣстѣ съ тѣмъ ключъ къ совокупному общественному развитію человѣчества. Какъ стремленіе установить общественную цѣнность совершенно тождественно съ стремленіемъ къ справедливости и равенству, то осуществленіе такой цѣнности и составляетъ собой необходимое условіе для общественнаго благосостоянія и служитъ главною цѣлію для всего человѣчества.

Всюду, гдѣ цѣнность не опредѣлена систематическимъ образомъ, тамъ господствуетъ всегда безпорядокъ и несправедливость въ мѣнѣ, сверхъ того, борьба хитрости и изворотливости, стѣсненіе производства, обращенія и потребленія, непроизводительный трудъ, бѣдность и роскошь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и стремленіе общественнаго духа къ достиженію справедливости, къ товариществу и къ порядку. Вся политическая экономія есть ничто иное, какъ исторія этой борьбы. Въ то время какъ, съ одной стороны, она освящаетъ собой несправедливость цѣнности и преимущество эгоизма, также силится увѣковѣчить теорію несчастія и бѣдности; съ другой стороны она раскрываетъ средства, отысканныя цивилизаціею къ уничтоженію пауперизма; и хотя средства эти постоянно служатъ къ исключительной выгодѣ монополистовъ, тѣмъ не менѣе они ведутъ къ организаціи богатства.

Наука политической экономіи воспроизводитъ въ себѣ историческій ходъ развитія положеній, которыми до сихъ поръ человѣчество, безостановочно, пыталось разрѣшить наибольшія противорѣчія въ понятіи цѣнности, т. е. задачу взаимной соразмѣрности всѣхъ произведеній, или цѣнностей.

§ 59.

Постепенность экономическаго развитія чловѣчества. Раздѣленіе занятій. Машины. Соперничество. Монополія.

Исходя отъ вышеуказанной нами основной своей мысли, Прудонъ представляетъ различныя ступени экономическаго развитія общества, которыхъ насчитываетъ десять.

Первоначально, общимъ удѣломъ всего чловѣчества была бѣдность. Всѣ находились въ положеніи отрицательнаго равенства другъ съ другомъ; но трудъ объявилъ войну бѣдности, организовавшись, на первой ступени, помощью *раздѣленія занятій*.

Раздѣленіе занятій возвысило производительныя силы, увеличило число произведеній и уменьшило бѣдность, но одновременно съ этимъ оно развило и другое условіе, противодѣйствующее своей собственной цѣли. Всякій трудъ сдѣлался дѣломъ механическимъ; работникъ отодвинулся назадъ, онъ сталъ служить собственнику, и изъ положенія независимости унизился до положенія скотской неволи. И въ то время, какъ работа улучшилась вслѣдствіе раздѣленія занятій, положеніе самого работника ухудшалось.

Вышеуказанное противорѣчіе было уничтожено во второмъ періодѣ развитія, помощью *машинъ*. Онѣ уменьшили трудъ работника, взявъ на себя исполненіе механической части дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе уменьшенія расхода на производство, онѣ сдѣлались побудительнымъ средствомъ въ дѣлѣ увеличенія общаго благосостоянія.

Тѣмъ не менѣе, машины заключаютъ въ себѣ новое противорѣчіе: избавляя работниковъ отъ исполненія бѣльшей части труда, онѣ уменьшаютъ производительную ихъ дѣятельность; онѣ также освобождаютъ капиталъ отъ необходимости участія работниковъ въ производствѣ, и наконецъ дѣлаютъ ремесленниковъ рабами механической силы. Машины, хотя и становятся, на самомъ дѣлѣ, новымъ источникомъ богатства, но дѣлаются вмѣстѣ съ тѣмъ постоянной, необходимой причиной общественныхъ бѣдствій.

Борьба машинъ съ работниками прекращается на третьей ступени развитія, помощью *соперничества*. Соперничество освобождаетъ трудъ, возводитъ работника до положенія независимой силы, даетъ ему свободу въ дѣлѣ употребленія всѣхъ его способностей, ограничиваетъ господство капитала борьбою его съ другими капиталами и опредѣляетъ, наконецъ, дѣйствительную цѣнность произведеній. Соперничество необходимо для полнаго развитія чловѣческой производительной силы; оно пробуждаетъ чловѣческій геній; дѣлаетъ отвѣтственными промышленныхъ

лицъ, обращая на ихъ отвѣтственность послѣдствія лѣности, невѣжества и недобросовѣстности. Тамъ, гдѣ нѣтъ соперничества, тамъ промышленность составляетъ монополію, существующую на счетъ угнетенія потребителей. Соперничество увеличиваетъ собой не только одно богатство, но и возвышаетъ чувство собственнаго достоинства и общественное положеніе работниковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, оно необходимо ведетъ къ самовластію сильныхъ и къ притѣсненію слабыхъ. Соперничество отнимаетъ у рабочихъ классовъ ихъ насущный хлѣбъ; собираетъ понятія всѣхъ относительно дешевизны и справедливости; на мѣсто права ставитъ игру; причиняетъ вздорожаніе и удешевленіе произведеній, и, наконецъ, ведетъ, въ своемъ послѣднемъ результатѣ, вслѣдствіе беспорядочныхъ своихъ колебаній, — къ монополіи.

Монополія, воспитанная соперничествомъ, вслѣдствіе постояннаго отрицанія самой себя, также необходима на четвертой ступени, для успѣховъ общества, какъ были нужны, на прежнихъ ступеняхъ, раздѣленіе занятій, машины и соперничество. Это есть новое звѣно въ цѣпи двигателей труда и въ созданіи цѣнности; это призъ, получаемый гениемъ, и могущественный рычагъ всѣхъ успѣховъ общества. Это ничто иное, какъ право, данное природой работнику, — неограниченно располагать тѣми своими способностями, которыми онъ обладаетъ, тѣми орудіями, которыя онъ пріобрѣлъ, тѣми капиталами, которые онъ накопилъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ одинъ могъ пользоваться плодами своихъ открытій и выигрышемъ своихъ рисковъ. Безъ монополіи, великіе изобрѣтатели унесли бы съ собою въ гробъ большую часть своихъ открытій. Это — вознагражденіе, даруемое обществомъ за пожертвованіе здоровьемъ и состояніемъ частныхъ лицъ, подвизающихся для пользы открытій. Общество всегда можетъ дозволить, на счетъ рисковъ частнаго лица, осуществленіе какого нибудь изобрѣтенія или открытія. Какъ общественная опека невозможна относительно людей гениальныхъ, ибо общество не можетъ знать напередъ, что и когда будетъ ими изобрѣтено, то она всегда рисковала бы собственнымъ своимъ существованіемъ, если бы вздумала обезпечивать сама каждую новую мысль. На томъ же самомъ основаніи, общество можетъ вознаграждать частныя предпріятія уже тогда только, когда они были доведены до хорошаго результата, на свой собственный рискъ.

Вознагражденіе это и составляетъ именно монополію; необходимость ея происходитъ отъ необходимости личной отвѣтственности, взятой на себя, въ обществѣ, каждымъ изобрѣтателемъ.

Монополія имѣетъ однако и свою вредную сторону. Она тяготитъ надъ задѣльной платой; она постоянно расширяетъ предѣлы своихъ

захватовъ; она завладѣваетъ однимъ мастерствомъ послѣ другаго, притягивая въ свои руки землю, трудъ, мастерскія, произведенія и наконецъ даже распредѣленіе послѣднихъ. Она оцѣниваетъ всѣ вещи не по отношенію ихъ къ обществу и къ совокупности богатства, но на основаніи частной выгоды, такъ что цѣнность, для опредѣленія которой должна содѣйствовать монополія, теряетъ именно чрезъ нее социальный характеръ, и наконецъ превращается въ неопредѣленныя, произвольныя и эгоистическія условія.

§ 60.

Продолженіе. Налогъ и полиція.

Послѣ того, какъ монополія отняла все у бѣдныхъ работниковъ, — на пятой ступени развитія общества выступаетъ *государство*, которое и составляетъ собой новую эпоху въ дѣлѣ образованія цѣнности. Государство оставляетъ монополистамъ ихъ монополіи, но за это облагаетъ ихъ налогомъ, чтобы тѣмъ снова улучшить участь обѣднѣвшихъ работниковъ. Оно беретъ извѣстную часть имущества у поземельныхъ собственниковъ и у фабрикантовъ; оно назначаетъ пошлины, которыми облагаетъ монополию торговли; сверхъ того, оно заводитъ школы, для того, чтобы образовывать работниковъ, и тѣмъ дать имъ возможность сдѣлаться впоследствии личными капиталистами; оно возводитъ также мосты, дороги и каналы для всеобщаго употребленія и наконецъ, чтобы ограничить вредное дѣйствіе монополіи, оно раздаетъ милостыню бѣднымъ и учреждаетъ вѣдомства служащихъ лицъ, должности которыхъ доступны пролетаріямъ, хотя и должны быть оплачиваемы монополистами.

Налогъ и полиція, помощью которыхъ государство желаетъ быть полезнымъ работникамъ, тѣмъ не менѣе запечатлѣны характеромъ противорѣчія, что и угнетаетъ пролетаріатъ, ибо каждая пошлина, облагающая монополию, въ свою очередь падаетъ на долю работниковъ. Если налогъ увеличивается пропорціонально состоянію такимъ образомъ, что каждое имущество одинаково отдаетъ извѣстный свой процентъ государству, то въ этомъ случаѣ тяжесть налога увеличивается вмѣстѣ съ нуждою, такъ что гражданинъ долженъ платить тѣмъ больше, чѣмъ онъ бѣднѣе. Обложеніе налогомъ, основанное на равенствѣ, увеличиваетъ по большей части неравенство гражданъ. Если налогъ будетъ прогрессивенъ, соотвѣтственно имуществу, такъ что капиталистъ долженъ платить, относительно, больше, чѣмъ работникъ; то въ предполагаемомъ случаѣ, можетъ быть обложенъ налогомъ, или оборотный капиталъ,

или самыя произведенія. Въ первомъ случаѣ, капиталистъ обращаетъ всю тягость налога на расходы производства, и тогда представляется двоякаго рода возможность: или произведенія будутъ покупаться потребителями, не смотря на возвышеніе ихъ продажной цѣны, значитъ капиталистъ будетъ лично освобожденъ отъ тягости налога; или произведенія покажутся покупателямъ слишкомъ дорогими, вслѣдствіе чего и уменьшится самое производство. Во второмъ случаѣ, налогъ уплачивается потребителями, соотвѣтственно объему потребления каждаго изъ нихъ; капиталистъ же все-таки остается свободнымъ отъ податной тягости. Если вздумаютъ наконецъ употребить послѣднее средство, т. е. обложить налогомъ чистый доходъ тѣхъ лицъ, которыя обязаны платить подать, независимо отъ того, какимъ образомъ они ни получали бъ свой доходъ, то, въ этомъ именно случаѣ, налогъ отнимаетъ у дѣятельныхъ производителей большую часть ихъ дохода; чѣмъ ослабляется самое производство, которое все же должно быть поддерживаемо государствомъ. Въ большей части случаевъ, было бы выгониѣ для капиталистовъ, съ объявленіемъ своего капитала, проживать не проценты съ него, а самый фондъ. Поземельная собственность, третья часть дохода которой стала бы обращаться въ пользу государства, упала бы на цѣлую треть въ своей цѣнности. Богатые поземельные владѣльцы распредѣлили бы свою собственность на такія небольшія части, чтобы доходъ съ нихъ не могъ быть обложенъ налогомъ. Большіе капиталы утратили бы свою цѣнность и посредственность сдѣлалась бы удѣломъ всего общества. Всякое производство, въ большомъ объемѣ, было бы воспрещено; всякая значительная собственность была бы преслѣдуема; и наконецъ обращеніе капиталовъ и рынокъ были бы приведены въ замѣшательство. Угнетаемое богатство сосредоточилось бы въ самомъ себѣ, и трудъ покинулъ бы землю, чѣмъ и лишился бы возможности всякаго развитія. Такимъ образомъ налогъ, конечною цѣлію котораго должно бы быть возстановленіе правъ работника, обратился бы въ пустой протестъ, послѣдствіе котораго состояло бы только въ томъ, что онъ ухудшилъ бы положеніе работниковъ.

Ко всему предъидущему мы должны еще присовокупить то, что государство, со всѣми своими органами, дѣлающимися необходимыми при существованіи налога и полиціи, ничего само не производитъ; напротивъ того, содержаніе его причиняетъ дѣфицитъ въ общественномъ доходѣ; сверхъ того государство стремится всегда не къ тому, чтобы уменьшить число своихъ органовъ, а напротивъ къ тому, чтобы расширить свою власть, и тѣмъ подчинить себѣ все общество. Все, что было учреждено съ цѣлію покровительства и облегченія участи работ-

никовъ, какъ то войско, судъ, школы, госпитали и т. д., должно исключительно содержаться на счетъ работниковъ; такимъ образомъ что пролетаріатъ, работавшій первоначально для доставленія дохода капиталистамъ, долженъ снова работать для касты непроизводительныхъ лицъ, его бичующихъ.

§ 61.

Продолженіе. Торговый балансъ. Кредитъ.

Общество, видя свои ожиданія относительно благодѣтельныхъ послѣдствій полиціи и налоговъ не сбывшимися, вступаетъ наконецъ на шестую ступень экономического развитія, гдѣ и старается найти новыя для себя обезпеченія. *Внѣшняя торговля* должна была увеличить сбытъ произведеній, значить и задѣльную плату; такимъ образомъ она должна была вознаградить работниковъ за понесенные ими убытки при уплатѣ податей. Но вмѣстѣ съ этимъ внѣшняя торговля возрождаетъ собой двѣ противорѣчащія другъ другу теоріи, и именно: теорію неограниченной торговой свободы и теорію запретительной системы.

Первая изъ нихъ необходимо исходитъ изъ личной свободы, которою пользуется каждый членъ общества въ неограниченномъ своемъ правѣ, снабжать себя, по своему личному произволению, всѣми предметами, необходимыми для потребленія, и также оцѣнивать свои произведенія по своему усмотрѣнію. Запретительныя же пошлины принуждаютъ частныхъ лицъ платить премію туземной промышленности и удовлетворять потребности по искусственно-возвышеннымъ цѣнамъ; поэтому таможенный тарифъ является постояннымъ нарушеніемъ частныхъ правъ каждого потребителя. Свобода торговли есть необходимое условіе для увеличенія общественного богатства и благосостоянія каждого отдѣльнаго народа. Она заключаетъ въ себѣ примѣненіе закона раздѣленія занятій къ потребленію произведеній. Подобно тому, какъ раздѣленіе занятій служитъ побудительнымъ средствомъ къ умноженію производимыхъ цѣнностей, также точно и раздѣленіе потребленія, посредствомъ мѣны, служитъ дѣйствительнымъ срудіемъ для правильнаго потребленія цѣнностей и для увеличенія средствъ, служащихъ къ удовлетворенію потребностей. Свобода внѣшней торговли есть ничто иное, какъ дальнѣйшее развитіе начала промышленнаго соперничества. Подобно внутреннему соперничеству, она составляетъ не только естественное ручательство за дешевизну произведеній, но и постоянное возрастаніе этой дешевизны; она есть также защитница каждой націи противъ монополіи въ ея собственной средѣ. Запретительная система, переполняя мѣру производства, мѣшаетъ

вмѣстѣ съ тѣмъ и потребленію; она ставитъ на мѣсто борьбы междуна-
роднаго соперничества борьбу внутренняго соперничества.

Но свобода торговли, уничтожая всѣ препятствія какъ въ сношені-
яхъ, такъ и въ мѣнѣ, открываетъ обширное поприще для экономиче-
ской борьбы (всякаго рода). Она распространяетъ господство капитала
и вредныя послѣдствія соперничества и придаетъ экономическимъ бѣд-
ствіямъ каждаго народа и монополіи его, денежной аристократіи, харак-
теръ явленій всемірныхъ. Чѣмъ болѣе расширяется свобода торговли,
тѣмъ болѣе усиливается господство торгующихъ и продающихъ націй
надъ покупающими. Безусловныя защитники свободы торговли отпра-
вляются отъ того ложнаго предположенія, что золото и серебро суть
точно такія же произведенія труда и такой же товаръ, какъ и всѣ ос-
тальные предметы. Золото же, по преимуществу, такой товаръ, на ко-
торый спросъ постоянно превышаетъ предложеніе; сверхъ того золото
есть представитель всѣхъ полезныхъ произведеній и всѣхъ капиталовъ.
Тотъ, кто владѣетъ товарами, не обладаетъ еще никакимъ богатствомъ;
онъ долженъ для этого испытать условія мѣны, подвергаясь опасностямъ
и тысячамъ разныхъ случайностей и колебаній. Тотъ же, кто обладаетъ
деньгами, имѣетъ богатство, ибо владѣетъ такою цѣнностію, на которую
онъ можетъ пріобрѣсти, при благопріятныхъ условіяхъ, всѣ остальные
цѣнности; только подобный собственникъ и можетъ быть распоряди-
телемъ рынка. Цѣна денегъ подвержена колебаніямъ только относи-
тельно своего количества, а всѣ остальные товары подвержены колеба-
ніямъ не только относительно количества, но и качества; деньги всегда
остаются единственнымъ товаромъ, который имѣетъ всюду цѣнность и
принимается во всѣхъ платежахъ. Та страна, которая постоянно при-
возитъ болѣе товаровъ, чѣмъ вывозитъ, всегда терпитъ убытки. Правда,
что вывезенныя деньги снова опять возвращаются, но это дѣлается всегда
на обмѣнъ новыхъ туземныхъ цѣнностей, и съ постоянно бѣльшею по-
терею для народнаго богатства. Подобный круговой оборотъ продол-
жается до тѣхъ поръ, пока страна, преимущественно занимающаяся вво-
зомъ, не истощитъ всѣхъ своихъ средствъ, и сама не попадетъ въ за-
кладъ иностраннымъ землямъ; также пока удалившійся изъ ея предѣловъ
народный капиталъ не поработитъ собой тѣхъ лицъ, которыя были
первоначально его обладателями, и наконецъ пока голодные и неиму-
щіе работники не переселятся за границу, чѣмъ и станутъ способство-
вать еще къ большому раззоренію своего прежняго отечества. Свобо-
да торговли, побуждающая націи къ движенію по пути развитія благо-
состоянія, уничтожаетъ собой элементъ народности, увеличиваетъ силу
монополистовъ, основываетъ феодальную систему въ торговлѣ и гос-

подство иностранцевъ, и наконецъ расширяетъ границы пауперизма. Она раздавливаетъ, на подобіе громадной ступы, на каждой точкѣ земнаго шара, мелкую промышленность и увеличиваетъ грабежъ монополистовъ и нищету работниковъ.

Указанное противорѣчіе между свободой торговли и покровительствомъ работниковъ разрѣшается торговымъ балансомъ. Вся совокупность народностей сходствуетъ съ независимо живущими отдѣльными лицами, которыя обрабатываютъ земельные участки различныхъ качествъ, но составляютъ одно общество, разрабатывающее всю поверхность земли совокупными силами и имѣющее, въ лицѣ каждаго своего члена, право нераздѣльной на нее собственности. Если одинъ участокъ приноситъ валоваго дохода 100⁰/₀, а другой 80⁰/₀ на 50⁰/₀ труда, то, при обмѣнѣ произведеній перваго участка на произведенія втораго, первый долженъ, по всей справедливости, уступить 10⁰/₀ въ пользу втораго, т. е. при вывозѣ и ввозѣ всѣ товары должны быть обмѣниваемы сообразно своей стоимости и цѣнности своего производства, и общественная экономія должна стремиться къ тому, чтобы осуществить эту истинную цѣнность въ международныхъ торговыхъ сношеніяхъ; чѣмъ только и можетъ быть поддерживаемо постоянное экономическое равновѣсіе между народами. На основаніи такого взгляда, торговый балансъ или пошлина, соразмѣряющаяся съ разницею въ расходахъ производства для каждаго народа, является примиреніемъ (синтетическимъ выраженіемъ) свободы и монополіи, осуществляетъ преимущества той и другой и отклоняетъ невыгоды каждой. Но посредствомъ торговаго баланса достигаются каждымъ изъ этихъ двухъ элементовъ народнаго хозяйства такія послѣдствія, какія недоступны для каждаго въ отдѣльности, ибо, при торговой обоюдности, всѣ трудящіеся народы одинаково пользуются всѣми дарами природы, на какомъ бы поясѣ земнаго шара они ни жили, и тѣмъ самымъ удваиваютъ свое благосостояніе и свои производительныя силы. Если же, вслѣдствіе осуществленія соразмѣрности цѣнностей, установится общественный порядокъ, внутри каждаго государства, то въ такомъ случаѣ уже не будетъ никакой надобности дѣлать вышеуказаннаго уравненія при провозѣ товаровъ чрезъ границу государства. Уравненіе это осуществится само собой внутри отдѣльныхъ отраслей промышленности, и обоюдность народныхъ интересовъ развивается естественнымъ путемъ, вслѣдствіе дѣйствительной обоюдности интересовъ отдѣльныхъ производителей (*).

(*) Можетъ быть, вся задача международной торговли и даже народнаго благосостоянія была бы разрѣшена, если бы можно было найти тотъ идеальный уравни-

Послѣ того, какъ внѣшняя торговля снова ухудшила положеніе работниковъ, давъ возможность монополистамъ соединиться противъ работниковъ на всѣхъ концахъ земнаго шара, общественный духъ снова возвратился къ седьмой ступени развитія внутренней торговли, гдѣ и ищетъ себѣ въ кредитѣ естественнаго обезпеченія противъ случайностей мѣны.

Какъ деньги составляютъ средство для превращенія произведеній въ дѣйствительныя мѣновыя цѣнности и для получения отъ общества равносильныхъ имъ цѣнностей, а кредитъ еще въ болѣе сильной степени имѣетъ это свойство денегъ, дозволяя производителямъ получать впередъ цѣнность своихъ произведеній, и облегчая имъ сбытъ товаровъ на внутреннихъ рынкахъ, поэтому кредитъ покровительствуетъ труду, вручая работникамъ ту же самую силу или орудіе, которыя были употребляемы противъ нихъ монополистами.

Кредитъ можетъ развиваться въ двухъ противоположныхъ другъ другу родахъ учрежденій. Первыя изъ нихъ обнимаютъ собою векселя, депозитные банки и операціи по закладнымъ ссудамъ или ипотеку; вторыя — оборотныя и учетныя банки, и вообще все операціи по выпуску бумажныхъ денежныхъ знаковъ. Первыя имѣютъ цѣлю умноженіе звонкой монеты, ея удешевленіе и облегченіе ея употребленія; вторыя же, напротивъ того, упраздненіе и вытѣсненіе монеты. Помощью векселей, деньги, принадлежащія кому-нибудь въ Петербургѣ, могутъ быть безъ пересылки употреблены имъ въ Парижѣ. Помощью депозитныхъ банковъ, монета сохраняется отъ порчи и отъ поддѣлки, а обращеніе ея облегчается. Помощью закладныхъ ссудъ, или ипотеки, имущество землевладѣльца и капиталиста можетъ быть во всякій часъ обращено въ деньги. Короче говоря, помощью первой категоріи кредитныхъ учрежденій устраняются тѣ несовершенства, которыя существуютъ въ монетѣ, какъ орудіи мѣны. Оборотныя банки дисконтируютъ (производятъ учетъ), напротивъ того, такіе купеческіе векселя, по которымъ уплата можетъ быть сдѣлана лишь въ извѣстный срокъ; а потомъ сами выпускаютъ векселя на самихъ себя, т. е. выдаютъ банковые билеты, которые опять принимаются купцами какъ монета; не смотря на то, что эти кредитныя бумаги, подобно векселямъ, суть ничто иное, какъ обѣщаніе

тельный балансъ, о которомъ говорится выше, т. е. такой масштабъ для таможенныхъ пошлинъ, посредствомъ котораго уравнивались бы всѣ расходы производства цѣнностей. Но именно потому, что не только примѣненіе подобной системы, но даже идея ея принадлежитъ къ области мечтаній, экономисты и отвергаютъ всякій здравый экономическій смыслъ въ такъ называемомъ торговомъ балансѣ. — В. Б.

заплатить деньги. Въ то время, какъ депозитные банки требуютъ отъ купца наличныхъ денегъ и вручаютъ ему за отданную имъ монету, соотвѣтствующій этой цѣнности билетъ, оборотные банки дѣлаютъ выпускъ своихъ билетовъ, подъ залогъ кредитныхъ бумагъ, что и дѣлаетъ деньги совершенно ненужными. Кромѣ того, оборотные банки могутъ увеличивать, по своему произволу, сумму выпускаемыхъ ими кредитныхъ бумагъ, въ томъ случаѣ, если они заботятся только о томъ, чтобы получаемыя ими суммы соотвѣтствовали могущимъ быть представленными на обмѣнъ ихъ собственнымъ билетамъ. Также точно какъ банки, каждый промышленникъ и каждый купецъ могутъ посредствомъ довѣрителей выпускать векселя на себя самихъ, въ счетъ будущихъ своихъ товаровъ, т. е. товаровъ, которыхъ они не имѣютъ и не производили, и государство, помощью подобнаго механизма, можетъ сдѣлать оборотъ въ нѣсколько миллиардовъ рублей, не производя ни одной копейки дѣйствительной цѣнности.

Давно уже чувствовалось это противорѣчье; но думали устранить его посредствомъ полюбовной сдѣлки между двумя крайностями. Согласились въ одномъ, и именно, что банки не должны выпускать билетовъ болѣе $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ своего металлическаго фонда (*). Дѣйствительное же разрѣшеніе противорѣчья найдено *Цышковскимъ*, который совмѣстилъ въ своей системѣ оба вышеуказанныя нами кредитныя условія, и именно монету, которая представляетъ собою самое полное обезпеченіе, но не вполне усовершенствованный знакъ кредита, и банковый билетъ, представляющій собой ничтожное обезпеченіе, но совершеннѣйшій знакъ кредита; оба элемента соединяются въ одно орудіе—обращеніе, представляющее собой полнѣйшее обезпеченіе, подобно деньгамъ, и совершеннѣйшій знакъ, подобно банковому билету, и сверхъ того столь же производительную цѣнность какъ земля и капиталъ. Онъ предполагаетъ оцѣнить всѣ движимыя и недвижимыя народныя имущества, какъ капиталы, такъ и доходы; а потомъ изъ бумагъ, заключающихъ въ себѣ эту сдѣлку и представляющихъ собственность, сдѣлать такіе билеты для оборота, которые принимались бы при взносѣ податей и вообще при всякихъ платежахъ. Подобные билеты, представляя собой дѣйствительный капиталъ, на подобіе благородныхъ металловъ, составляли бы собой наисовершеннѣйшіе мѣновыя знаки, обладающіе въ высшей степени качествомъ подвижности; но вмѣстѣ съ тѣмъ они были

(*) И на этотъ счетъ далеко нѣтъ единогласія между экономистами, а напротивъ величайшее разногласіе. — В. Б.

бы производительны, потому что выражали бы собой производительную собственность (*).

Однако при всемъ этомъ, подобное разрѣшеніе вопроса не устраняетъ еще само по себѣ несчастнаго положенія рабочаго класса. Кредитъ всегда требуетъ обезпеченія и имѣетъ мѣсто только при закладѣ вещественныхъ предметовъ, т. е. имущества; поэтому кредитъ еще не уменьшаетъ нищеты, а напротивъ того увеличиваетъ силу капитала, т. е. богатыхъ людей.

§ 62.

Продолженіе. Собственность. Община.

Послѣ того, какъ международная торговля и кредитъ не только не уничтожили собой борьбы интересовъ, а напротивъ усилили ее, на восьмой ступени экономическаго развитія общества образовалась *собственность*. Собственность есть ничто иное, какъ особаго рода монополю.

Монополю, сама по себѣ, не зависитъ ни отъ опредѣленной отрасли промышленности, ни отъ опредѣленнаго орудія труда, ни отъ опредѣленнаго и постояннаго мѣста; напротивъ того интересъ монополи для людей заключается единственно въ промышленной прибыли, съ нею связанной. Вслѣдствіе такой неопредѣленности, она, однако, весьма непрочна и подвержена нападеніямъ со стороны соперничества. Только преобразуясь въ собственность, монополю пріобрѣтаетъ прочность, прикрѣпляется къ землѣ, получаетъ способность къ передачѣ и распространяется на семейный союзъ. Ничѣмъ необезпеченное притязаніе превращается тогда въ постоянное право, и то, что считалось первоначально средствомъ, доставляющимъ барышъ, дѣлается, само по себѣ, цѣлю. Но и собственность не лишена противорѣчія, подобно всѣмъ прежнимъ моментамъ экономическаго развитія, — она способствуетъ къ увеличенію какъ благосостоянія, такъ и нищеты.

Она образуетъ собой болѣе нравственную связь владѣльцевъ монополии съ ихъ промышленностью; она уменьшаетъ ихъ страсть къ стяжанію и создаетъ поэзію родины, уваженіе къ родовому имуществу и наконецъ самое отечество, которое соединяетъ всѣ поколѣнія въ одно

(*) Дѣйствительно, многое было бы разрѣшено въ общественной экономіи, еслибъ возможенъ былъ въ дѣйствительности денежный и кредитный знакъ, предлагаемый Цѣшковскимъ. Но такой знакъ долженъ былъ бы въ одно и то же время быть *чистыми деньгами*, т. е. свободнымъ, незатраченнымъ капиталомъ, и *процентною кредитною бумагою*, т. е. капиталомъ затраченнымъ, что очевидно не мыслимо. — В. Б.

цѣлое, простираетъ свое покровительство на самага бѣднаго работника, и наконецъ даетъ пролетаріямъ, въ лицѣ собственниковъ, попечителей и патриарховъ. Съ установленіемъ собственности, человѣкъ вступаетъ въ болѣе тѣсную связь съ природою, дѣлается болѣе готовымъ къ самопожертвованію и тѣмъ самымъ удваиваетъ силу своей личности. Подобно любви, увеличивающейся вслѣдствіе обладанія и усиливающейся вслѣдствіе взаимности, собственность также прибавляетъ нѣчто человѣчеству, возвышая его силу и достоинство. Наконецъ самый глубокій смыслъ собственности проявляется въ бракѣ, въ семействѣ и въ домашнемъ очагѣ. Она воплощаетъ собой въ брачномъ союзѣ экономическую двойственность, вложенную самую природою въ различныя способности обоихъ половъ, въ томъ именно отношеніи, что мужчина назначенъ для завѣдыванія производствомъ, женщина же управляетъ потребленіемъ и сбереженіемъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, собственность ведетъ общество къ упадку, потому что въ ней заключается право, которое можно употреблять какъ съ пользою, такъ и со вредомъ. Собственникъ есть полнѣйшій господинъ своего имущества; онъ не только можетъ злоупотреблять пользованіемъ, не отвѣчая ни передъ кѣмъ за свои ошибки, но можетъ во всемъ руководиться однимъ личнымъ своимъ интересомъ, который всегда можетъ быть противоположенъ общественнымъ цѣлямъ и общему благосостоянію. Хотя имущественный договоръ, молчаливымъ образомъ заключаемый между обществомъ и частнымъ лицомъ, налагаетъ на послѣдняго обязанности относительно его согражданъ, но собственникъ воленъ исполнять, или не исполнять этотъ договоръ. Никто не сомнѣвается напр. въ томъ, что дробленіе земли на части есть зло; но что, напротивъ того, общинное воздѣлываніе почвы, въ большомъ размѣрѣ, выгодно и ведетъ къ умноженію произведеній; тѣмъ не менѣе собственники совершенно правы въ томъ, что не могутъ быть принуждаемы къ образу дѣйствій, совершенно противоположному ихъ личной волѣ, не смотря на то, что эгоизмъ ихъ мѣшаетъ благосостоянію общества и улучшенію положенія рабочаго класса. Собственность, распространяясь болѣе и болѣе, вслѣдствіе соперничества, монополии и кредита, господствуетъ надъ рабочими силами и надъ рынкомъ; она наноситъ ущербъ потребителямъ посредствомъ множества безчестныхъ поступковъ, и наконецъ вручаетъ собственникамъ право непроизводительнаго потребленія; что болѣе и болѣе угнетаетъ рабочій классъ; работники, въ свою очередь, утѣшаются одною только надеждою самимъ сдѣлаться когда-нибудь, при счастіи и бережливости, собственниками, для того, чтобы бичъ, отъ котораго они сами первоначально страдали, обратился на головы

другихъ. Собственникъ, по своему характеру, есть врагъ общественнаго благосостоянія, и онъ перестаетъ быть таковымъ только съ лишеніемъ своего имущества. И такъ ясно, что собственность, которая была необходимымъ и нравственнымъ двигателемъ экономическаго преуспѣянія, дѣлается вредною и безнравственною, и увеличиваетъ бѣдствія пролетаріата.

Подобно тому какъ собственность есть монополія, на высшей степени ея развитія, такъ же точно и *община* (или общинная собственность) есть крайнее развитіе государства и полиціи. Государство противодействуетъ монополіи на пятой ступени экономическаго развитія; коммунизмъ же образуетъ, на девятой, реакцію противъ собственности, и воспроизводитъ, подобно всѣмъ прежнимъ категоріямъ, то же самое внутреннее противорѣчіе, хотя и въ другомъ родѣ.

Общинное владѣніе есть необходимое и побудительное средство для всякаго рода успѣховъ, и потому оно проявляется въ исторіи народовъ въ безчисленныхъ видахъ. Всѣ великія работы производятся сообща; пользованіе дорогами, площадями, бібліотеками и воспитательными учрежденіями также производится сообща; самый бракъ основанъ на общности. Но общинная форма примѣнима только въ извѣстной степени, т. е. можетъ существовать въ связи съ личностью и съ частнымъ хозяйствомъ. Брачная община основана на различіи половъ. Въ воспитательныхъ заведеніяхъ, часы занятій, отдохновеній и ученья общіе; самый же трудъ личный и всякое воспитаніе имѣетъ своею задачею именно пробудить эгоизмъ личнаго генія. Общинность никогда не можетъ быть для общества началомъ образовательнымъ, или творческимъ; польза ея совершенно относительная и она дѣйствуетъ разрушительно при исключительномъ своемъ примѣненіи. Несостоятельность коммунизма видна изъ слѣдующихъ положеній:

а) Коммунизмъ принимаетъ конецъ общины за ея начало, вслѣдствіе того, что онъ хочетъ основать общество на братствѣ чувствъ и духа, что, въ свою очередь, можетъ исключительно произойти по примиреніи всѣхъ интересовъ, т. е. можетъ быть только окончательнымъ результатомъ развитія общества.

б) Община несомѣстима съ семействомъ, составляющимъ однако ея первообразъ. Такъ какъ основной элементъ семейства есть привязанность, то необходимо предполагать существованіе личностей и свободное распоряженіе частною собственностью. Семейство не можетъ существовать тамъ, гдѣ уже есть община, т. е. гдѣ никто ничего не можетъ дать, гдѣ все уже давно принадлежитъ другимъ.

в) Община невозможна безъ закона о раздѣлѣ имущества, но вмѣстѣ

съ тѣмъ она разрушится съ установленіемъ этого закона, ибо всякій раздѣлъ имущества тождественъ съ обособленіемъ личности, и непремѣнно предполагаетъ существованіе твоего и моего.

г) Община невозможна безъ закона объ организаціи; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она разрушается этимъ закономъ, ибо первое и сильнѣйшее средство для каждой организаціи есть раздѣленіе занятій, что образуетъ, въ свою очередь, обособленіе личностей и ведетъ къ распаденію общины.

Съ какой бы стороны ни разсматривалась коммунистическая община, она всегда движется на пути самоуничтоженія. Она лишена всякаго прочнаго основанія и есть изображеніе эклектизма (*), почерпнутаго, безразсуднымъ образомъ, изъ отдѣльныхъ, худо понятыхъ элементовъ государства, семейства и политической экономіи и безъ всякаго, болѣе основаго начала.

§ 63.

Продолженіе. Народонаселеніе.

Послѣ того, какъ Прудонъ старался доказать, что во всѣхъ періодахъ развитія, проходимыхъ въ экономической жизни народовъ, повторяется одно и то же противорѣчіе между возрастающимъ благосостояніемъ и возрастающею бѣдностью, и что всѣ человѣческія усилія прекратить это послѣднее обстоятельство были до сихъ поръ тщетны, — онъ приходитъ наконецъ къ десятой эпохѣ, — къ вопросу о *народонаселеніи*. Между этою эпохою нѣтъ той связи съ предъидущими, какая была указана имъ на прежнихъ ступеняхъ экономического развитія. Нищета является здѣсь общимъ, громаднымъ результатомъ всѣхъ предъидущихъ противорѣчій. Прудонъ хочетъ доказать, что нужда не есть, какъ думаетъ Мальтусъ, послѣдствіе излишка населенія; напротивъ того, она происходитъ отъ вліянія недостатка общественной организаціи и составляетъ продуктъ всего предъидущаго развитія политической экономіи. Подобно тому, какъ въ дикомъ состояніи, т. е. когда человѣкъ единственно живетъ на счетъ естественныхъ произведеній почвы, также точно и въ просвѣщенномъ обществѣ, т. е. когда онъ живетъ своимъ трудомъ, бѣдность всегда предшествуетъ излишку населенія, и проявляется гораздо раньше истощенія существующихъ средствъ жизни.

(*) Особенная школа философіи, отвергающая одно общее начало, какъ основаніе всей системы.—В. Б.

Народонаселеніе стремится въ своемъ наращеніи въ геометрической прогрессіи, въ то время какъ богатство увеличивается вслѣдствіе раздѣленія занятій, машинъ, торговли и т. д. какъ квадратъ числа работниковъ, такъ что въ правильно организованномъ обществѣ никакъ нельзя было бы бояться зарожденія пауперизма. И такъ Прудонъ не обращаетъ вниманія на вопросъ о законѣ равновѣсія между количествомъ народонаселенія и пространствомъ земнаго шара. Но какъ по установленіи правильной, общественной организаціи, все-таки было бы невозможно, чтобы умноженіе населенія и богатства шло вѣчно съ одинаковою равномерностью, и какъ было бы достаточно нѣсколькихъ столѣтій для того, чтобы переполнить земную поверхность и населеніемъ, и произведеніями, то спрашивается — гдѣ же предѣлы стремленіямъ человѣчества постоянно увеличивать размѣры населенія и богатства? На этотъ вопросъ Прудонъ дѣлаетъ слѣдующій отвѣтъ:

Не только производительность труда возрастаетъ съ нарощеніемъ народонаселенія, съ машинами и проч. и съ раздѣленіемъ занятій, но съ возрастаніемъ рабочихъ силъ и его послѣдствіями происходитъ еще другое одновременное явленіе. вмѣстѣ съ своимъ усовершенствованіемъ, трудъ дѣлается напряженнѣе, тягостнѣе и губительнѣе для людей. Какъ время работы, такъ и внутреннее усиліе каждаго лица увеличиваются. Требования относительно воспитанія и продолжительности обученія ремеслу возрастаютъ. Способность пользоваться или потреблять, точно также какъ и способность производить, требуетъ познаній и упражненія; и чтобы стоять на уровнѣ своего времени, человѣкъ нуждается ежедневно въ болѣе обширномъ и въ болѣе строгомъ научномъ и эстетическомъ воспитаніи. Трудное дѣло цивилизаціи требуетъ непрерывнаго увеличенія физическаго и умственнаго развитія человѣчества. А чѣмъ труднѣе для человѣчества производство цѣнностей, тѣмъ болѣе ослабѣваютъ его дѣтородныя силы. Трудъ и сила возрожденія находятся другъ къ другу въ обратной пропорціи. Цѣломудріе есть спутникъ прилежанія, похотливость же есть спутница праздности. Нуждающіеся классы очень плодородны, потому что умственныя силы ихъ мало работаютъ; всѣ энергическіе мыслители и великіе работники вообще свободны отъ чувственныхъ страстей. Вслѣдствіе всего этого, для увеличенія какъ цѣнностей, такъ и населенія, ежедневно нужно болѣе времени, такъ что періоды, необходимые для учетверенія богатства и для удвоенія населенія, постоянно возрастаютъ до тѣхъ поръ, пока не дойдутъ до безконечности, т. е. пока общество сдѣлается неподвижнымъ въ своемъ преуспѣніи.

Такимъ образомъ разрѣшается задача народонаселенія, и призваніе

человѣчества къ преуспѣянію и къ постоянному одухотворенію жизни перестаетъ быть невозможностью. Но для того, чтобы возможность эта превратилась въ дѣйствительность, и чтобы общество избѣгло своего паденія, отъ бѣдствій пауперизма, необходимо, чтобы условія труда и задѣльной платы были преобразованы посредствомъ осуществленія истинной, *общественной цѣнности*. Какимъ образомъ совершится это преобразование и какимъ образомъ разрѣшится задача опредѣленія цѣнности, на основаніи труда, Прудонъ не даетъ намъ никакихъ объясненій, даже въ своей теоріи цѣнностей и въ своемъ обзорѣ кредита. Нижеслѣдующая критика наша разъяснитъ нашъ собственный взглядъ на этотъ вопросъ.

§ 64.

Критика экономической теоріи Прудона.

Нѣтъ никакой надобности доказывать людямъ, знакомымъ съ наукою, что созданный Прудономъ рядъ экономическихъ ступеней развитія общества нисколько не соотвѣтствуетъ дѣйствительной исторіи человѣчества. Не смотря на многіе талантливые и даже отчасти вѣрные выводы, ученіе Прудона въ цѣломъ представляетъ собою лишь произвольно построенную цѣпь весьма извѣстныхъ фактовъ, цѣпь, исключительно сплетенную на основаніи діалектической его методы и его теоріи цѣнности; такимъ образомъ отдѣльныя части цѣлаго, взятая изъ дѣйствительной жизни, связаны между собой на-перекорь всякой исторической истины, и можно было бы съ одинаковымъ правомъ поставить ихъ въ обратномъ порядкѣ, или же измѣнить его по произволу.

Подвергая критическому разбору теорію цѣнности, которой самъ Прудонъ придаетъ столь великое значеніе, мы должны прежде всего изслѣдовать: существуетъ ли, на самомъ дѣлѣ, въ понятіи цѣнности то противорѣчіе, которое онъ находитъ между полезною и мѣною цѣнностями.

Очевидно, что это противорѣчіе должно быть или логическое, или фактическое, т. е. или понятія *полезной* и *мѣновой цѣнности*, или тѣ въ дѣйствительности существующіе законы, которымъ подчинены эти оба рода цѣнностей, — должны другъ другу противорѣчить; при этомъ все равно: будемъ ли мы признавать или нѣтъ, вмѣстѣ съ Прудономъ, на основаніи Гегелевскаго начала, тождество между: *быть* и *думать*.

Въ понятіи цѣнности, полезная и мѣновая цѣнности такъ же мало представляютъ собою противорѣчія, — какъ и въ понятіи цвѣтовъ, красный и зеленый цвѣтъ, или какъ въ понятіи дерева — полезный и строевой

лѣсъ, или наконецъ какъ въ понятіи товаровъ: плоды и металлы, и т. д. Цѣнность есть ничто иное, какъ извѣстное отношеніе оцѣни- ваемаго предмета къ лицу, которое его цѣнить, будетъ ли это лицо отдѣльный человѣкъ, или цѣлое общество. При этомъ, цѣнность бываетъ на столько же разнообразна, на сколько существуетъ различ- ныхъ условій, руководящихъ оцѣнкою; такимъ образомъ полезная и мѣ- новая цѣнности суть только два различные вида, составляющіе собой одинъ общій родъ цѣнности. Если условіе, руководящее оцѣнкою, ле- житъ въ послѣдствіяхъ оцѣниваемаго предмета, значитъ въ его полезной способности удовлетворять человѣческимъ потребностямъ, а не въ при- чинѣ, т. е. не въ личныхъ наклонностяхъ лица оцѣнивающего, то, въ этомъ случаѣ, подобная цѣнность называется полезною цѣнностью или полезностью. Если же условіемъ оцѣнки служить, напротивъ того, оцѣнка другихъ лицъ, которыя также желаютъ обладать предметомъ, то такая цѣнность называется *мѣнною цѣнностію*. Вслѣдствіе всего этого, мѣновая цѣнность всегда основана на оцѣнкѣ третьихъ лицъ, и въ основаніи этой оцѣнки никогда не можетъ быть принята годность предмета, а напротивъ оцѣнка сама принимается за основаніе годности. Машина имѣетъ напр. полезную цѣнность для того, кто ее цѣнить и покупаетъ, потому что онъ въ ней нуждается; а мѣновую цѣнность имѣетъ она для того, который ее цѣнить и покупаетъ, лишь потому, что она нужна другимъ, а не ему. Сверхъ того, въ основаніе мѣновой и полезной цѣнностей можетъ быть даже принято одно и то же качество предмета; такимъ образомъ о логическомъ противорѣчій обоихъ понятій здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Еще менѣе существуетъ фактическаго противорѣчія между обѣими цѣнностями. Прудонъ чрезвычайно ошибается въ своемъ положеніи: что возрастаніе полезной цѣнности вещи уменьшаетъ ея мѣновую цѣнность; при чемъ ложный, связывающій третій членъ своихъ посылокъ, онъ молча выдаетъ за справедливый. Очевидно, чтобы имѣть право утвер- ждать найденное имъ противорѣчіе, онъ долженъ былъ бы сказать имен- но такъ: *чѣмъ болѣе увеличивается количество полезныхъ предме- товъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ ихъ полезная цѣнность и упадаетъ ихъ мѣновая цѣнность*. Первая посылка этого положенія фактически несправедлива; и гораздо болѣе вѣрно было бы противоположное по- ложеніе: *чѣмъ болѣе увеличивается количество какихъ нибудь полез- ныхъ предметовъ, тѣмъ болѣе упадаетъ, при неизмѣняющейся въ немъ потребности, полезная цѣнность каждой отдѣльной единицы пред- метовъ*. Какъ полезная цѣнность постоянно выражаетъ собой отноше- ніе предмета къ человѣку, то мѣриломъ этой цѣнности для каждого

рода предметовъ служить количество и постепенность человѣческихъ потребностей, которыя ими удовлетворяются; такимъ образомъ, гдѣ нѣтъ ни людей, ни потребностей, тамъ нѣтъ и никакой полезной цѣнности. Сумма полезной цѣнности, которой обладаетъ каждый родъ предметовъ, всегда остается неизмѣнною, если только не измѣняются человѣческія потребности; и она распредѣляется на всѣ виды этого предмета, сообразно ихъ числу. Чѣмъ болѣе число видовъ предмета, тѣмъ менѣе будетъ приходиться, на долю каждаго изъ видовъ, полезной цѣнности рода; и обратно, чѣмъ менѣе это число, тѣмъ болѣе будетъ доля каждаго вида въ полезной цѣнности рода. Предположимъ, что общая потребность народа составляетъ цифру 100; въ этомъ случаѣ, полезная цѣнность каждаго вида предметовъ будетъ выражаться различнымъ процентнымъ содержаніемъ; пусть напр. полезная цѣнность желѣза равна 5%, допустивъ, что надобность въ немъ будетъ оставаться неизмѣнною, а производство желѣза будетъ возрастать, и что потому 5% полезной цѣнности будутъ распредѣляться на отдѣльныя единицы производимаго количества желѣза. Въ то время, какъ изъ 500 пудовъ произведеннаго желѣза, каждый пудъ имѣетъ $\frac{1}{1000}$ общей полезной цѣнности желѣза,—при производствѣ 5,000, 50,000, 500,000 и т. д. пудовъ, полезная цѣнность каждаго пуда понизится на: 0,001, 0,0001, 0,00001 и т. д. процентовъ общей суммы національной, полезной цѣнности желѣза.

Но общая сумма народныхъ потребностей никогда не бываетъ одна и та же, напротивъ того она увеличивается, частью вмѣстѣ съ народонаселеніемъ, частью съ увеличеніемъ благосостоянія, и наконецъ частью, вмѣстѣ съ паденіемъ цѣнъ товаровъ, вслѣдствіе успѣховъ производства; тѣмъ не менѣе увеличеніе потребностей дѣйствуетъ одинаковымъ образомъ какъ на мѣновую, такъ и на полезную цѣнности.

Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, мы видимъ, что не только нѣтъ никакого фактическаго противорѣчія между полезною и мѣною цѣнностями, а, напротивъ того, между ними существуетъ наибольшая гармонія. Полезная и мѣновая цѣнности, упадая и возвышаясь вмѣстѣ, обѣ зависятъ отъ совокупности человѣческихъ потребностей, отъ отношенія отдѣльныхъ видовъ цѣнности къ суммѣ потребностей, и наконецъ отъ совокупности отдѣльныхъ условій цѣнности, которыми обладаетъ каждый видъ потребностей. Въ основаніи всего ученія Прудона, относительно полезной и мѣновой цѣнностей, лежитъ то ошибочное понятіе, что полезная цѣнность есть нѣчто объективное, исключительно принадлежащее предмету, тогда какъ полезная цѣнность зависитъ на оборотъ отъ людей и ихъ личныхъ потребностей.

§ 65.

Продолженіе.

Если мы примемъ, что указанное Прудонъ противорѣчіе въ понятіяхъ цѣнности вовсе не существуетъ, то этимъ самымъ мы уже произносили приговоръ и его попыткѣ разрѣшить противорѣчіе. Впрочемъ, независимо отъ примиряющей цѣли своей, положительная часть теоріи Прудона не заключаетъ въ себѣ никакой пользы для науки. Правда, что Прудонъ, подобно А. Мюллеру, справедливо полагаетъ, что истинная, народно-экономическая цѣнность всѣхъ произведеній состоитъ въ отношеніи ихъ къ общежитію людей или къ обществу; тѣмъ не менѣе, понятіе Прудона объ общежитіи весьма неопредѣленно. Подъ общежитіемъ или совокупностью общественныхъ интересовъ онъ разумѣетъ общественное богатство, которое опредѣляетъ весьма неясно изобиліемъ, разнообразіемъ и соразмѣрностью произведеній, вовсе не вводя въ свое понятіе общественной цѣнности, всѣхъ условій общественнаго быта и его потребностей, наконецъ необходимости поддержанія и развитія послѣднихъ. Вслѣдствіе подобной ошибки, Прудону можно сдѣлать то же самое возраженіе, которое было сдѣлано Мюллеромъ противъ ученія Смита о богатствѣ. Народъ, при большомъ изобиліи, разнообразіи и соразмѣрности земныхъ благъ можетъ бѣднѣть и падать, если только въ производствѣ и въ его послѣдствіяхъ не будутъ обезпечены продолжительность и дальнѣйшее развитіе общежитія и благосостоянія.

Ко всему этому можно присовокупить еще болѣе сильный доводъ, а именно тотъ, что Прудонъ смотритъ на трудъ, во всей его общности и неопредѣленности, какъ на силу, которая опредѣляетъ общественную цѣнность всѣхъ произведеній, и вовсе не указываетъ въ какой именно степени и при какихъ условіяхъ трудъ обладаетъ подобнымъ качествомъ.

Предположимъ, что народъ находится въ нормальномъ, экономическомъ положеніи, при которомъ трудъ его и потребности покрываютъ другъ друга, и примемъ также, что сумма потребностей и труда равны цифрѣ 100; въ этомъ случаѣ, если потребности и трудъ различны только количественно, — выйдетъ, что каждый видъ народной потребности будетъ соотвѣтствовать каждому виду народнаго труда, и первый изъ нихъ будетъ выражаться въ процентномъ содержаніи къ общей суммѣ народныхъ потребностей, а второй — въ процентномъ содержаніи къ суммѣ народнаго труда. Но совокупность разныхъ видовъ труда находится между собою въ иныхъ взаимныхъ отношеніяхъ, чѣмъ совокупность

разныхъ видовъ потребностей. Одна потребность, составляя напр. 5⁰/₀ общей совокупности потребностей, можетъ быть удовлетворена 2⁰/₀ народного труда; тогда какъ другая потребность, составляя собой 1⁰/₀ общей совокупности потребностей, можетъ быть удовлетворена 6⁰/₀ труда. Вслѣдствіе этого и происходитъ двойное отношеніе каждаго вида предметовъ ко всей совокупности ихъ; а именно: отношеніе ихъ къ совокупности потребностей, и отношеніе ихъ къ совокупности труда. Первое отношеніе выражаетъ собой, какъ мы уже видѣли, ихъ полезную цѣнность; второе же—цѣнность труда, а обѣ вмѣстѣ составляютъ дѣйствительную общественную цѣнность предметовъ. Общественная цѣнность каждаго произведенія опредѣляется не исключительно однимъ трудомъ, но также и отношеніемъ своимъ къ народнымъ потребностямъ; почему и трудъ можетъ имѣть очень разнообразное вліяніе на цѣнность отдѣльныхъ произведеній. Если потребность остается неизмѣнною, то, вслѣдствіе удвоенія числа работниковъ, посвятившихъ себя какой нибудь отрасли промышленности, общественная цѣнность производимыхъ ими предметовъ уменьшится въ той же самой степени, какъ и при открытіи какого нибудь новаго способа производства, требующаго для себя половины прежняго рабочаго времени, не смотря на то, что, въ первомъ случаѣ, производство стоило именно вдвое большей работы, чѣмъ во второмъ. Положимъ напр., что требуется 100 кусковъ полотна, изъ которыхъ на каждый нужно употребить 30 дней работы; но если, вслѣдствіе улучшенія способовъ производства, каждый кусокъ будетъ стоить 15 дней работы, тогда цѣнность каждаго куска понизится на половину.

Точно также упадетъ и общественная цѣнность каждаго куска на половину въ томъ случаѣ, если удвоится число производителей полотна, и вмѣсто 100 кусковъ будетъ произведено 200, изъ которыхъ половина сдѣлается излишнею. Въ первомъ случаѣ, усовершенствованіе производства уменьшаетъ трудъ; во второмъ же—удвоеніе труда, относительно потребности, уменьшаетъ цѣнность.

§ 66.

Продолженіе.

Изо всего предъидущаго само собой слѣдуетъ полная несостоятельность вывода, сдѣланнаго Прудонъ изъ того положенія, что трудъ опредѣляетъ собой общественную цѣнность, т. е. несостоятельность заключенія его о возможности опредѣлить постояннымъ образомъ задѣльную плату, чѣмъ могла бы осуществиться безусловная справедливость

въ обществѣ. Какъ трудъ можетъ произвести и общественную цѣнность, и общественное обезцѣненіе произведеній, то, взятый самъ по себѣ, онъ не можетъ служить мѣриломъ ни для вознагражденія производителя, ни для цѣнности товаровъ.

Даже въ томъ случаѣ, если каждое произведеніе имѣло мѣриломъ своей цѣнности трудъ, употребленный на его производство, а потребность не имѣла бы вліянія на опредѣленіе цѣнности; или, если бы всѣ производители могли постоянно знать взаимное отношеніе всѣхъ потребностей, такъ что число работниковъ, посвятившихъ себя известной отрасли производства, всегда соотвѣтствовало бы необходимому количеству потребностей,—то и при всемъ этомъ примѣненіе вышеуказаннаго мѣрила цѣнности, къ опредѣленію личнаго вознагражденія, было бы невозможно. Въ предполагаемомъ случаѣ, нужно было бы найти такое мѣрило труда, при которомъ различные роды работъ и личной дѣятельности могли бы быть приведены къ одной единицѣ, и могли бы быть между собой уравниваемы. Правда, что время, употребленное на производство, можетъ служить отчасти мѣриломъ для обыкновенной, механической работы чернорабочихъ; но оно не можетъ быть примѣнено къ безконечно разнообразнымъ, умственнымъ занятіямъ, посредствомъ которыхъ отдѣльныя лица принимаютъ участіе въ общественномъ производствѣ. Неразрѣшимый вопросъ, открыть абсолютное и непреложное мѣрило цѣнностей, былъ только превращенъ Прудономъ въ другой вопросъ, и именно: онъ хотѣлъ найти непреложное мѣрило для труда, и потому изслѣдованія его относительно опредѣленія цѣнности должны бы собственно начаться тамъ, гдѣ онъ ихъ оканчиваетъ.

§ 67.

Справедливая сторона теоріи Прудона.

Хотя на основаніи нашей критики и слѣдуетъ, что ученіе Прудона есть ничто иное какъ неудавшійся и неудопримѣнимый опытъ разрѣшить задачу безусловно справедливаго распредѣленія богатства, — тѣмъ не менѣе въ указанныхъ имъ моментахъ экономическаго развитія общества и ихъ противорѣчіяхъ лежатъ двѣ глубокія истины.

Прудону кажется, что разнообразныя стремленія и явленія промышленнаго міра не суть отдѣльныя проявленія однихъ и тѣхъ же непреложныхъ естественныхъ экономическихъ законовъ, измѣняющихся лишь случайными обстоятельствами; но что въ экономической жизни человѣчества господствуютъ известные законы непрерывнаго развитія, изслѣдованіе которыхъ и составляетъ сущность экономической науки. Если

попытка Прудона открыть ступени этого развитія, при его предрѣшеніи относительно двойственности или противорѣчія экономическихъ явленій, и при слабости его историческихъ свѣдѣній и вообще при его произвольныхъ построеніяхъ идей, если такая попытка должна быть признана совершенно неудачнымъ ученымъ предпріятіемъ; то по крайней мѣрѣ нельзя не признать заслуги Прудона въ томъ, что онъ внесъ въ экономическую сферу человѣческой жизни мысль о законѣ постепеннаго развитія общества. Другая истина лежитъ въ проведенной Прудономъ идеѣ о томъ, что каждое экономическое учрежденіе, каждая форма, въ которой развивается экономическая жизнь народовъ, имѣетъ только относительное достоинство и можетъ сопровождаться какъ вредными, такъ и благотворными послѣдствіями. Политика давно уже отстала отъ основныхъ началъ Руссо и Канта, и пріобрѣла убѣжденіе, что ни одинъ законъ, ни одно политическое учрежденіе, ни одна форма правительства не могутъ быть одинаково примѣнимы ко всѣмъ народамъ и на всѣхъ ступеняхъ развитія; но что, напротивъ того, каждая форма соответствуетъ извѣстному содержанію народнаго организма, въ которомъ она только и можетъ развиваться естественнымъ путемъ; между тѣмъ въ области политической экономіи до сихъ поръ еще держалась отвлеченная теорія, на основаніи которой за истинную признавалась лишь одна форма хозяйства и которую считалось возможнымъ давать на каждый вопросъ экономической жизни народовъ, одно безусловно вѣрное разрѣшеніе. Ученые спорятъ о пользѣ и о вредѣ крупной и мелкой поземельной собственности; мнѣнія ихъ раздѣлены относительно вопроса о покровительственныхъ пошлинахъ и о свободѣ торговли, также относительно цеховъ и свободы ремесль, и многихъ другихъ практическихъ вопросовъ народнаго хозяйства; но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ нихъ не только въ опредѣленныхъ и данныхъ фактахъ, но даже и въ общей теоріи, стоитъ безусловно за то или другое, считаетъ одно безусловно вѣрнымъ, другое безусловно ложнымъ; каждый приводитъ отвлеченныя правила, допуская только немногія изъ нихъ исключенія, и наконецъ никто не видитъ, что въ экономической жизни народовъ, гдѣ все образуется само собой, вслѣдствіе условій, данныхъ природою, каждое учрежденіе даже гораздо болѣе, чѣмъ въ чисто политической жизни, имѣетъ только относительныя достоинства, которыя никогда не могутъ быть отдѣлены отъ историческихъ условій и оцѣнены на основаніи однихъ началъ чистаго разума. Если, со времени Смита, существовала причина, препятствовавшая успѣхамъ экономической науки, то она заключается именно въ отсутствіи историческаго смысла въ стремленіяхъ различныхъ партій, которыя утвердили на континентѣ

отвлеченныя понятія и личные идеалы, признавъ ихъ за исключительное мѣрило достоинства всѣхъ экономическихъ формъ развитія общества.

Заслуга Прудона состоитъ въ томъ, что онъ былъ первымъ писателемъ, который указалъ на эту односторонность экономистовъ. Не смотря на то, что въ отдѣльныхъ частяхъ его сочиненія, многое на половину вѣрное перемѣшано съ дѣйствительно вѣрнымъ, не смотря на то, что онъ всюду весьма ошибочно принимаетъ понятія свѣта и тѣни за понятія другъ другу противорѣчащія, наконецъ, не смотря на то, что онъ не имѣетъ никакого понятія о глубокомъ историческомъ основаніи, на которомъ выросли указываемыя имъ противорѣчія, — не смотря на все это, онъ указалъ, посредствомъ своихъ экономическихъ противорѣчій, на дѣйствительное значеніе всѣхъ экономическихъ учрежденій и способствовалъ тому, что признана была наконецъ несостоятельность всякой отвлеченной теоріи и необходимость исторической методы экономической науки.

§ 68.

Общій очеркъ всѣхъ системъ политической экономіи.

Мы заключаемъ Прудономъ нашъ обзоръ разныхъ экономическихъ ученій, которыя раздѣляютъ между собою, въ настоящее время, область экономической науки. Историческое развитіе ихъ, какъ мы уже видимъ, находится въ тѣсной связи съ исторіею современнаго денежнаго хозяйства. Въ то время, когда наплывъ американскихъ драгоценныхъ металловъ изгналъ изъ употребленія неудобоподвижныя естественныя орудія мѣны и ввелъ въ государственное управленіе систему денежныхъ платежей, въ то время, когда римское право и его ученіе о неограниченной, частной собственности уничтожило ленный союзъ, а вновь образовавшаяся, государственная централизація стала уничтожать или угнетать старыя, самостоятельныя корпораціи и феодальныя имущества, короче говоря, въ то время, когда естественное хозяйство среднихъ вѣковъ начало уступать денежному хозяйству, — тогда возникли первыя, неполныя, экономическія ученія меркантилистовъ и физиократовъ. Когда денежное хозяйство окончательно восторжествовало, А. Смитъ первый создалъ полную науку народнаго хозяйства, въ которой однако мы видимъ только выраженіе системы денежнаго хозяйства.

Реакція, возбужденная ученіемъ Смита, представляетъ собой три другъ за другомъ слѣдующія группы. Первая изъ нихъ боролась за послѣдніе остатки стараго и побѣжденнаго естественнаго хозяйства среднихъ вѣковъ; она изображала темныя стороны господства новаго хозяйства

и съ увлеченіемъ идеализировала погибшее достояніе общества. За нею слѣдуетъ другая группа, которая довела до крайности плоды новаго ученія; эта группа превознесла фабричную дѣятельность, вызванную денежнымъ хозяйствомъ, какъ промышленность, исключительно способную осчастливить общество, и видѣла въ ученіи Смита только тотъ недостатокъ, что практическое ея примѣненіе монополизировать фабричную промышленность для одной Англіи. Наконецъ зло, одностороннимъ образомъ, развившагося денежнаго хозяйства, вызвало новыя экономическія теоріи, которыя стремятся противопоставить ученію Смита совершенно новыя формы общественной организаціи. Мы также мало убѣждены, чтобы эти разнообразныя попытки реакціи противъ ученія Смита могли быть приняты за основанія для будущаго зданія нашей науки; какъ и не можемъ оспаривать заслугъ каждой изъ нихъ въ томъ, что всѣ онѣ представили намъ, въ болѣе ясномъ свѣтѣ, недостатки и односторонности ученія Смита, и указали на необходимость перестройки въ наукѣ народнаго хозяйства.

Каждая отдѣльно взятая реакція вызвала собой нѣсколько истинъ, которыя послужатъ матерьяломъ для сложенія экономической науки въ будущемъ. А. Мюллеръ вывелъ народное хозяйство на нравственную почву государства и указалъ на необходимость смотрѣть на эту науку, какъ на существенную часть общей науки объ обществѣ. Въ томъ же самомъ направленіи дѣйствовали и соціалисты. Листъ, вмѣстѣ съ Мюллеромъ, придалъ значеніе началу народности и различнымъ ступенямъ народнаго развитія. Соціалисты раскрыли темныя стороны денежной экономической системы и доказали несостоятельность человѣческаго эгоизма, какъ единственнаго основанія народнаго хозяйства. Наконецъ, Прудонъ указалъ на относительныя достоинства всѣхъ экономическихъ учрежденій и противъ своей воли, доказалъ несостоятельность всякой отвлеченной теоріи. Для насъ конечно важны всѣ эти отдѣльные результаты, имѣющіе прочныя достоинства; но имъ недостаетъ одной общей точки опоры, при которой они могли бы быть выводами общаго начала, проникающаго собою всю науку народнаго хозяйства.

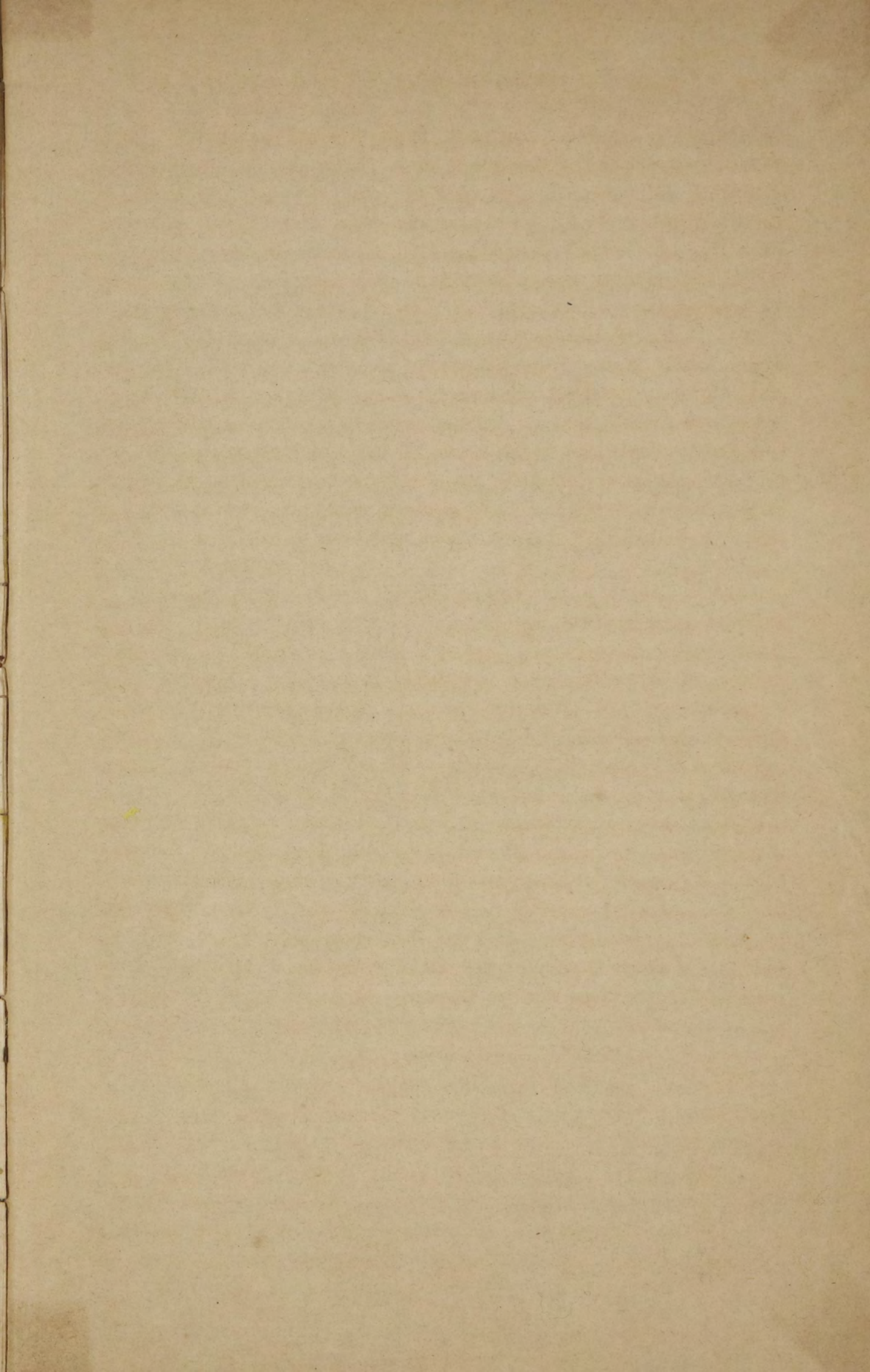
КОНЕЦЪ.

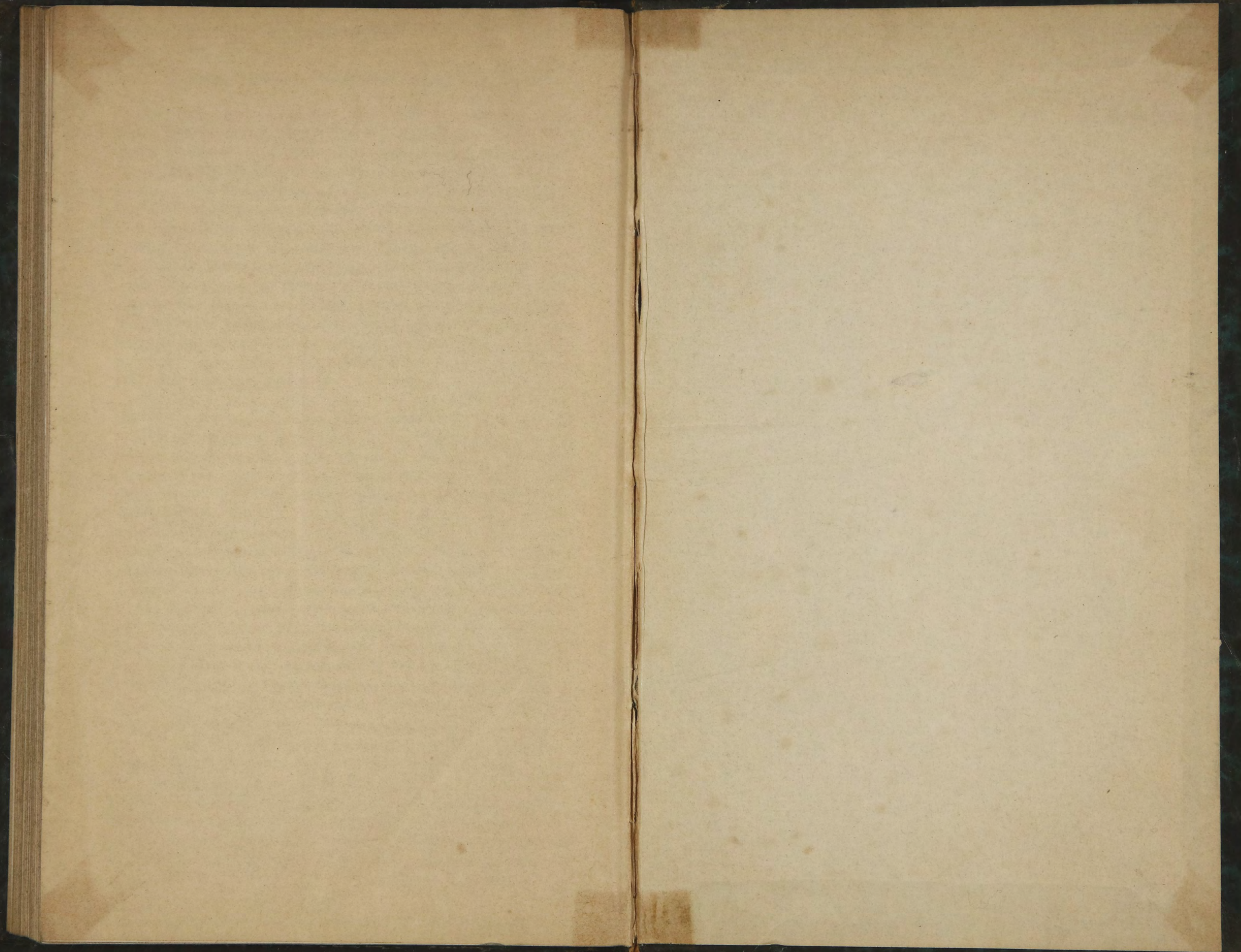
и с другой стороны, обязанность не является безусловной, а лишь относительно безусловной. Она зависит от наличия определенных условий, которые могут быть как исполнены, так и не исполнены. В этом смысле обязанность является относительной. Однако, если условия, необходимые для возникновения обязанности, выполнены, то обязанность становится безусловной. Таким образом, обязанность является относительной по своему происхождению, но безусловной по своему содержанию. Это означает, что обязанность возникает в силу определенных фактов, но ее исполнение не зависит от воли должника. Например, обязанность возместить вред, причиненный виновником, является безусловной, так как ее исполнение не зависит от воли виновника. В то же время, обязанность заключить брак, если он не заключен, является относительной, так как ее исполнение зависит от воли обеих сторон.

Каждая обязанность имеет своим содержанием определенное поведение, которое подлежит исполнению. Это поведение может быть как воздержанием от совершения определенных действий, так и совершением определенных действий. Например, обязанность не убивать является воздержанием от совершения определенных действий, а обязанность заключить брак является совершением определенных действий. Таким образом, содержание обязанности всегда конкретное и определенное. Кроме того, каждая обязанность имеет своего субъекта, то есть лицо, которому она возложена. Субъектом обязанности может быть как физическое, так и юридическое лицо. Например, обязанность родителей воспитывать своих детей возложена на физических лиц, а обязанность заключить брак возложена на юридические лица. Таким образом, субъект обязанности всегда определен. Наконец, каждая обязанность имеет своего субъекта права, то есть лицо, которому она возложена. Субъектом права может быть как физическое, так и юридическое лицо. Например, право родителей на воспитание своих детей принадлежит физическим лицам, а право заключить брак принадлежит юридическим лицам. Таким образом, субъект права всегда определен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, право и обязанность являются двумя сторонами одной медали. Право является основой обязанности, а обязанность является основой права. Без права не может возникнуть обязанность, а без обязанности не может возникнуть право. Таким образом, право и обязанность являются неразрывно связанными понятиями. Кроме того, право и обязанность являются относительными понятиями, так как их существование зависит от наличия определенных условий. Таким образом, право и обязанность являются относительными понятиями, которые существуют только в определенных условиях.

966

ГНЛЪДЕИ

НОДНТИИ

ЭКОНОМ

ЧЕСКИХ

СЕРВИСОВ

М. П.